

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

»

П О В Е С Т Ъ О Д Р А К У Л Е

ИССЛЕДОВАНИЕ
И ПОДГОТОВКА ТЕКСТОВ
Я. С. ЛУРЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · ЛЕНИНГРАД
1 9 6 4

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

чл.-корр. АН СССР *Д. С. ЛИХАЧЕВ*

ВВЕДЕНИЕ

Судьба сюжета «Повести о Дракуле» весьма своеобразна. Центральный персонаж повести — господарь Влад IV (II), правивший в Мунтении (Восточной Валахии, части нынешней Румынии) в 1456—1462 и 1477 гг., вошел в историю с двумя прозвищами — Цепеш, т. е. «Сажатель на кол», и Дракула. Происхождение второго из этих прозвищ довольно сложно. Первоначальный смысл его — «Дракон»; этим прозвищем именовался еще отец Влада Цепеша — Влад III (I), принадлежавший к рыцарскому ордену Дракона, основанному германским императором. От отца имя «Дракон» перешло к сыновьям, в том числе и к Владу Цепешу. Мрачная репутация «Сажателя на кол» привела к тому, что прозвище «Дракула» стало ассоциироваться с румынским словом «drag» и осмысляться как «дьявол».¹

Фигура Цепеша-Дракулы оставила заметный след в литературе позднего средневековья. Дракуле была посвящена русская повесть XV в., которая будет предметом настоящего исследования; писали о нем в тот же период в Германии и в Венгрии. Русская повесть о Дракуле, переписывавшаяся уже в конце XV в., была довольно популярна в рукописной традиции XVII—начала XVIII в., но русских писателей более позднего времени этот сюжет не привлекал. Он стал предметом исследований историков древней русской литературы.

На Западе, однако, образ Дракулы продолжал интересовать писателей и в XIX и в XX в. Не раз обращались к образу Влада Цепеша на его родине — в Румынии. Его вспоминали и классик румынской литературы М. Эминеску, и писатель-сказочник П. Испиреску,² и крупнейший писатель современной Румынии

¹ Ср.: J. Ch. Engel. Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten im Teutschland und England ausgefertigt, Th. 49, Bd. 4, Abth. 1. Halle, 1804, стр. 167. Последнее исследование о происхождении имени «Дракула»: G. Nandriș. A Philological Analysis of *Dracula* and Rumanian Place-names and Masculine Person Names in -a/-ea*. «The Slavonic and East European Review», 1959, June, стр. 373.

² П. Испиреску записывал предания о Цепеше (см. стр. 32—33 и 201—210) и готовил большую работу о нем, от которой сохранилась только вводная часть: P. Ispirescu. Viața și faptele lui Vlad Vodă Țepeș. Cernăuți, 1939.

М. Садовяну.³ М. Эминеску видел в Цепеше-Дракуле, несмотря на многие его отрицательные черты, символ героического прошлого румынского народа и противопоставлял эти героические традиции ничтожеству современной ему буржуазной Румынии. Вспоминая одно из самых мрачных деяний Дракулы, который созвал к себе на пир всех нищих страны, запер их и сжег, Эминеску призывал его поступить так же с недостойными потомками:

Гений — сущее несчастье! Совесть — вредная химера,
Только золото и праздность — ваши боги, ваша вера!
Так оставьте же хоть мертвых, пусть они лежат спокойно,
Вы не только славы предков, их презренья недостойны.

О приди, могучий Цепеш, и, тяжелый сон развевая,
Раздели их на две шайки — на безумцев и злодеев.
В две огромные темницы заточи их без раздумья
И сожги огнем священным и тюрьму и дом безумья!⁴

Судьба этих призывов Эминеску оказалась довольно своеобразной. Вопреки словам поэта, «могучему Цепешу» не пришлось «лежать спокойно» в могиле. Он был извлечен оттуда самым неожиданным образом. Встать из земли заставил Цепеша второстепенный английский романист конца XIX—начала XX в. Брем Стоукер. Он сделал Дракулу главным действующим лицом романа, действие которого относится к современности. В центре повествования — тот самый «воевода Дракула, который завоевал свою славу в борьбе с турками», но уже умерший или, скорее, притворившийся мертвым. Герои романа находят фамильный склеп Дракулы, но его гроб оказывается пустым. «Пустота могилы красноречиво доказывала мне то, что я знал», — многозначительно заявляет один из героев.⁵ Тайна пустой могилы Дракулы раскрывается, впрочем, достаточно банально: Брем Стоукер сделал Дракулу вампиром, пьющим кровь своих жертв.

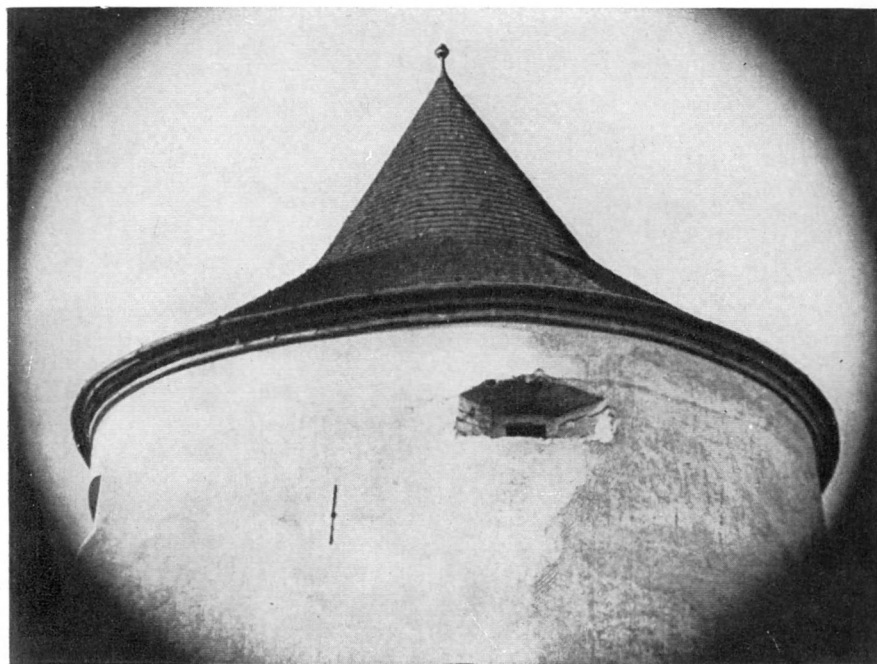
Несмотря на весьма сомнительные литературные качества, роман Б. Стоукера приобрел широкую популярность.⁶ Он был переведен на ряд иностранных языков — даже в Турции появилась

³ М. Садовяну. Жизнь Штефана Великого. Бухарест, 1957, стр. 91—101.

⁴ М. Эминеску. Стихи. М., 1958, стр. 210 (перевод И. Миримского). Ряд поэтических произведений, посвященных Владу Цепешу, приводится в книге: H. Ursu. Istoria României în creația literară, vol. I. București, 1957, стр. 54—62.

⁵ B. Stoker. Dracula. Westminster, 1904, стр. 246 и 382; русский перевод: Брем Стокер. Вампир (Граф Дракула), т. II. СПб., 1913 (Библиотека «Синего журнала»), стр. 253 и 388.

⁶ Роман этот произвел в свое время сильное впечатление на А. А. Блока. «Читал две ночи и боялся отчаянно. Потом понял еще и глубину этого, независимо от литературности и т. д.», — писал А. А. Блок одному из своих корреспондентов (Письма А. А. Блока к Е. П. Иванову. Ред. и предисл. Ц. Вольпе. Подготовка текста и комментарии Д. Космана. М.—Л., 1936, стр. 66).

Башня замка Дракулы (графа Орсога).
Кадр из фильма «Носферату».

Дракула вылезает из гроба.
Кадр из фильма «Дракула».

адаптация этого романа, в которой противник Дракулы из англичанина стал турком, а сцены в Лондоне были перенесены в Стамбул.⁷

За писателями последовали кинематографисты. В 20-х годах нашего века роман Стоукера был экранизирован известным немецким режиссером Мурнау, поставившим на его основе фильм «Носферату». С 30-х годов и до нашего времени в английской и американской кинематографии постоянно появляются третьесортные «фильмы ужасов», в которых фигурирует Дракула, — «Дракула», «Ужасы Дракулы», «Кровь Дракулы» и т. д. Исследователь древнерусской литературы, читая в газетах статьи о современной буржуазной кинематографии, с удивлением встречает в них знакомое имя главного персонажа русской повести XV в.

Что же представляла собой древнерусская повесть, использовавшая столь популярный сюжет? Дракула русской повести — не мертвец, не вурдалак; ничего сверхъестественного и потустороннего в этой фигуре нет. И тем не менее Дракула в трактовке XV в. — более значительная фигура, чем герой романа Стоукера и кинофильмов; его «воскрешение» было бы поэтому гораздо страшнее, чем похищения бутафорского вампира. История Дракулы, как ее понимал древнерусский автор XV в. (и другие авторы той же эпохи), — это история жестокого тирана, безжалостно расправляющегося со своими подданными; центральная проблема повести — проблема власти, опирающейся на террор.

Перескажем основные эпизоды русской «Повести о Дракуле».⁸

Повесть начинается с объяснения, что валашское имя «Дракула» на «нашем» языке значит дьявол — «был он жесток: каково имя, такова и жизнь». Далее рассказывается о войне Дракулы с турками, начавшейся после того, как турецкие послы, явившись к Дракуле, не сняли перед ним своих колпаков («кап»). Дракула спросил их, почему они так поступили. Они ответили: «Таков обычай нашей земли, государь!». «Я хочу утвердить («подтвердити») ваш закон, чтоб вы в нем крепко

⁷ Изложение этого романа (Ali Riza Seifi. Kazikli Voyvoda. Istanbul, 1928) в статье румынского автора Ф. Бринзеу (F. Brinzeu. Vlad l'empereur dans la litterature turque. «Revista istorica romana», 1946, v. XVI, f. 1, стр. 68—71) не оставляет сомнений в его тождестве с романом Стоукера. Не зная книги Стоукера, Ф. Бринзеу был озадачен явно европейскими реалиями в турецком романе и его совпадениями с американским фильмом «Дракула», шедшим в Стамбуле в 1945 г. Бринзеу справедливо предположил наличие «общего источника» для фильма и турецкого романа, но полагал, что это был венгерско-немецкий роман. «Общим источником» турецкого романа и англо-американских фильмов был, конечно, роман Стоукера, который экранизировали кинематографисты.

⁸ При пересказе мы используем (с небольшими сокращениями) перевод повести, сделанный Б. А. Лариным в книге «Русские повести XV—XVI вв.» (М.—Л., 1958, стр. 259—265).

стояли», — сказал Дракула и приказал прибить колпаки гвоздями к их головам. Султан разгневался; началась война. Во время войны Дракула опять обманул недогадливых турок — он передал султану, что хочет идти к нему на службу. Султан велел оказать почет идущему к нему Дракуле. Дракула, пройдя с войсками в глубь турецкой земли, внезапно стал пленить и убивать турок, сажал их на колья, рубил и жег, не жалея даже грудных младенцев. «Ступайте, расскажите царю вашему, что я послужил ему, сколько мог, — сказал Дракула приставам царя. — А коли угодна ему моя служба, я готов так же служить ему, пока хватит сил!».

Дракула беспощадно карал в своей земле всякое зло. Если кто совершит злое дело, воровство, или разбой, или какую-нибудь неправду, будь то боярин, или священник, или иннок, или простой человек, будь у него хоть какое богатство, то от смерти он не откупится ничем. Так грозен был воевода. В одном месте у колодца Дракула поставил золотую чашу без всякой охраны, и никто не смел взять эту чашу.

Однажды он созвал со всей страны к себе на пир нищих и странников; они пили, ели и веселились. «Чего вы еще хотите от меня? — спросил Дракула. — Хотите, избавлю вас от всех печалей и нужды на этом свете?». Они ждали от него великих милостей и сказали: «Хотим, государь!». Он приказал запереть дом и обложить его огнем; все они сгорели. Тогда Дракула сказал своим боярам: «Должны вы знать, зачем я сделал это. Прежде всего, чтобы они не обременяли людей и чтобы не было нищих в моей стране, а во-вторых, я избавил их на этом свете от страданий, нищеты и недугов».

Пришли к нему из Венгерской земли два католических монаха за милостыней. Он приказал их развести по разным местам, показал им множество казненных вокруг его дворца и спросил: «Хорошо ли я поступаю?». Первый монах ответил: «Нет, государь, ты творишь зло; подобает государю быть милостивым. Те, кого ты посадил на кол, — мученики». Второй монах сказал: «Ты, государь, поставлен богом, чтобы казнить злодеев, а добрых награждать. Они творили зло и наказаны по заслугам». Дракула сказал первому монаху: «Зачем ты покинул свою келью и монастырь, ходишь по дворам великих государей, если ничего не понимаешь? Ты сказал, что эти люди — мученики. Будь и ты с ними мучеником». И велел посадить его на кол. А другому сказал: «Ты — разумный человек», вознаградил его и отправил с почестями.

Раз прибыл богатый торговый гость из Венгрии в его город и по приказу Дракулы оставил воз с товарами на ночь на улице. Кто-то украл деньги с воза. Дракула успокоил кушча и приказал подложить ему на воз деньги, прибавив один лишний дукат. Купец нашел деньги и сказал Дракуле, что один золотой —

лишний. В это время нашли и вора с украденными деньгами. «Иди с миром! — сказал Дракула купцу. — Если бы ты не сказал про лишний золотой, то я бы и тебя с этим вором на кол посадил!».

Если какая-нибудь жена изменит мужу, он приказывал вырезать у нее грешное место и привязать ее нагую к столбу посреди базарной площади; такая же казнь девушкам, которые не сохранили невинность, и вдовам (за прелюбодеяния).

Однажды ехал он и увидел на некоем бедняке («сиромаше») изорванную ветхую рубашку и спросил его: «Есть ли у тебя жена?». Тот сказал: «Есть, государь!». — «Веди меня в свой дом». И увидел, что жена у бедняка молодая и здоровая. «Сеял ли ты лен?», — спросил Дракула. «Льна у меня много!», — ответил бедняк. «Что же ты ленишься и не заботишься о муже? — сказал воевода жене. — Он должен пахать, сеять и тебя охранять, а ты должна мужу своему чистые и нарядные одежды готовить. Ты виновата, а не муж твой; если бы он не сеял лен — тогда он был бы виноват». И приказал ей отсечь руки, а труп на кол посадить.

Он приказывал подавать себе обед среди трупов, посаженных на кол, словно бы ему так было слаще есть и пить. Один из слуг не смог стерпеть трупного смрада, заткнул нос и отвернулся. Дракула спросил его: «Ты что это?». «Не могу, государь, смрада этого выносить!», — ответил слуга. Дракула велел и его посадить на кол: «Кол тебя вознесет — и смрад до тебя не дойдет!».

Прибыл к нему посол венгерского короля Матьяша (Матвея Корвина), родовитый боярин, и Дракула посадил его обедать среди трупов и положил перед ним высокий позолоченный кол. «Скажи-ка, зачем я велел заготовить этот кол?» — спросил он посла. Посол испугался и сказал: «Думается мне, что согрешил перед тобою какой-нибудь великий человек и хочешь ты его казнить с почетом». «Правду ты молвил, — сказал Дракула. — Ты — посол великого государя, для тебя я и приготовил этот кол!». Посол ответил: «Государь! Если я сделаю что-нибудь достойное смертной казни, то делай что хочешь. Ты ведь праведный судья». Рассмеялся Дракула и сказал: «Если бы ты не так ответил, то воистину сидеть бы тебе на этом колу». Когда же к нему приходил неискусный посол, который не умел отвечать на его хитрости («козни»), то он сажал его на кол, говоря: «Не я виноват в твоей смерти, а государь твой или ты сам. Если государь твой, зная, что ты малоумен, послал тебя ко мне, великоумному государю, то он и убил тебя, а если ты сам вызвался, то сам себя убил».

По его приказу мастера изготовили ему железные бочки, наполнили их золотом и спустили в реку. А он приказал зако-

лоть этих мастеров — и никто не знал о его окаянстве, кроме его тезки-дьявола.

Последние эпизоды повести рассказывают о жизни Дракулы после того, как он был пленен и заточен венгерским королем. Убоявшись вечного заточения, Дракула согласился отступить от православной веры и перейти в католичество; за это король переселил его из тюрьмы в отдельный дом в Пеште (там Дракула отрубил голову приставу, гнавшемуся за беглым преступником и осмелившимся вторгнуться в «дом великого государя»), а впоследствии вернул ему Мутьянское воеводство и дал свою сестру в жены. Погиб Дракула во время битвы с турками, когда мутьянские воины приняли его за турка и закололи копьями.

Зачем древнерусский автор обратился к этому сюжету, что он хотел сказать своей повестью? Вопрос этот занимал еще Н. М. Карамзина. Упомянув о «Повести о Дракуле» (наряду с другим памятником — «Повестью о Басарге») как о русском «романе» того времени, «произведении остроумия и воображения», Карамзин удивлялся отсутствию в ней ясно выраженной морали. «Автор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, — писал он, — но не сделал того, оставляя читателям самим судить о философии Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертью!».⁹

Если историк (но вместе с тем и писатель!) Н. М. Карамзин подошел к «Повести о Дракуле» как к литературному памятнику, то последующие авторы (хотя и филологи по преимуществу) рассматривали ее с более узкой, чисто источниковедческой точки зрения, интересуясь происхождением повести (перевод или оригинальное сочинение), ее возможным автором, но мало задумываясь над идеологией и стремлениями этого автора.

Большую роль в дальнейшем изучении «Повести о Дракуле» сыграло одно наблюдение, сделанное А. Востоковым при описании сборника Румянцевской библиотеки, № 358 (конца XV—начала XVI в.), содержащего текст «Повести». Отметив утверждение автора повести (в заключительной части), что он и его товарищи видели («видехом») в Будине (Буде, нынешнем Будапеште) детей Дракулы, А. Востоков предположил, что этим автором мог быть дьяк Федор Курицын, ездивший в 1482 г. с посольством в Венгрию, или кто-либо из его спутников по этому путешествию.¹⁰

Гипотеза А. Востокова была принята далеко не всеми исследователями. Довольно скептически отнесся к ней А. Н. Пыпин: по его мнению, замеченные Востоковым слова о пребывании автора повести в Будине (которые читаются не во всех списках) могли

⁹ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. VII. СПб., 1892, стр. 140—142.

¹⁰ А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцева музея. СПб., 1842, стр. 511—512.

принадлежать не автору, а одному из читателей повести; сам же памятник А. Н. Пыпин склонен был считать не русским, а южно-славянским.¹¹ Ф. Буслаев обратил внимание на совпадения между несколькими эпизодами в русской «Повести о Дракуле» и в рассказе о том же князе, читающемся у немецкого хрониста XVI в. Себастьяна Мюнстера. Считая, что Себастьян Мюнстер «мог заимствовать свой рассказ из какой-нибудь венгерской хроники», Буслаев думал, что и русский рассказ представляет собой перевод неизвестного нам иностранного памятника.¹² Сходную точку зрения высказывал и П. А. Сырку, привлечший, помимо Мюнстера, также немецкие рассказы о Дракуле XV—XVI вв. (печатную брошюру и рукописный текст). Русская повесть (составленная в Западной Руси) восходила, по мнению П. А. Сырку, к некоей «промежуточной версии» — польской или немецкой.¹³ Переводом немецкого «летучего листка» считал «Повесть о Дракуле» А. И. Соболевский.¹⁴ Более осторожно сформулировал свой взгляд на этот памятник Е. Петухов. Допуская, что «Повесть о Дракуле» можно считать русским произведением, хотя «лишь предположительно», Е. Петухов настаивал на том, что автором ее никак не мог быть Федор Курицын, так как в этом произведении резко осуждается переход Дракулы из православия в католичество и прославляется «самовластие Дракулы»; такого рода воззрения, по мнению Е. Петухова, никак не подходили Ф. Курицыну — еретику и «видному участнику в среде жидовствующих».¹⁵

Взгляд на «Повесть о Дракуле» как на русское произведение, возникшее в результате поездки Курицына в Венгрию в 80-х годах XV в., был поддержан С. М. Соловьевым,¹⁶ румынским исследователем И. Богданом¹⁷ и А. И. Яцимирским.¹⁸ Вышедшая в 1896 г. работа И. Богдана представляет собой единственную в на-

¹¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 217. Ср.: А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 495.

¹² Ф. И. Буслаев. Для определения иностранных источников Повести о мутьянском воеводе Дракуле. «Летописи русской литературы и древности». М., 1863, отд. III, стр. 84—86.

¹³ Краткое изложение реферата П. А. Сырку см.: ЖМНП, 1891, № 10, Современная летопись, стр. 18.

¹⁴ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 233.

¹⁵ Е. В. Петухов. Русская литература. Исторический обзор главнейших литературных явлений древнего и нового периода. Древний период. Пгр., 1916, стр. 139—140.

¹⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. 1, т. I—V. Изд. «Общественная польза», слб. 1577—1578.

¹⁷ I. Bogdan. Vlad Țepeș și narațiunile germane și rusești asupra lui. București, 1896.

¹⁸ А. И. Яцимирский. 1) Повесть о мутьянском воеводе Дракуле в исследовании румынского ученого. СПб., 1897 (оттиск из ИОРЯС, т. II, кн. 4, 1897); 2) Сказание о молдавских господарях в Воскресенской летописи. ИОРЯС, т. VI, кн. 1, 1901.

учной литературе специальную монографию о Дракуле. И. Богдан издал русскую повесть о Дракуле по Румянцевскому списку и трем спискам («версиям») XVII в. Он опубликовал также два варианта немецких рассказов XV в. о Дракуле (по рукописи и старопечатному изданию); учел он и некоторые другие источники, посвященные Владу Цепешу. Именно сопоставление русской повести с другими материалами привело румынского исследователя к выводу, что русская повесть, более богатая по содержанию, чем известные нам немецкие рассказы XV в., представляла собой оригинальное сочинение, независимое от западного источника, что повесть эта написана русским, посетившим в 80-х годах Буду, и весьма вероятно — Федором Курицыным.¹⁹

Широкий материал, привлеченный И. Богданом к исследованию, придавал его выводу об оригинальном характере русской «Повести о Дракуле» и ее независимости от западного оригинала большую убедительность. Несмотря на возражения, которые высказываются против мнения И. Богдана некоторыми румынскими авторами,²⁰ взгляд на повесть как на русское произведение можно считать преобладающим в научной литературе. Но многое в построении И. Богдана все-таки оставалось неясным. Если русская повесть не была переводом немецкой, а немецкая не была переводом русской, то чем же объясняются совпадения между отдельными сюжетными мотивами этих памятников? Что представлял собой их общий источник? Чем отличается русская «Повесть о Дракуле» от других сочинений на эту тему? На эти вопросы И. Богдан не ответил и не пытался ответить — исследование русской «Повести о Дракуле» как литературного произведения вообще не входило в его задачу. Русская «Повесть о Дракуле» была привлечена румынским исследователем не как объект литературоведческого исследования, а как источник для определенных исторических построений. От внимания автора не укрылось сходство Цепеша-Дракулы со многими монархами-тиранами той эпохи, например с русским царем Иваном Грозным, но никакой исторической закономерности в деятельности этих монархов он не усмотрел. Идя за исследователями, которые искали объяснения политики Грозного не в истории, а в психиатрии, И. Богдан и поведение Цепеша объяснял только его психической ненормальностью и садизмом. Историческая концепция И. Богдана несомнительна — современная румынская историография совершенно иначе расценивает деятельность Влада Цепеша.²¹ Сводя весь вопрос к недостаткам личности Цепеша, И. Богдан подменял широкую проблему

¹⁹ I. Bogdan. Vlad Țepeș... , стр. 119—120.

²⁰ Имеем в виду работы Н. Смокина, П. Панаитеску и отчасти П. Олтану. См. стр. 36—40.

²¹ Ср.: История Румынии. Под ред. М. Роллера. М., 1950, стр. 83—84; Istoria României, II. Editura Academiei Republicii Populare Române. București, 1962, стр. 465—477.

тирании частным вопросом о характере тирана. Едва ли концепция И. Богдана может помочь и исследователю «Повести о Дракуле». Предположим даже, что Влад Цепеш действительно был садистом и этим исчерпывалось его значение в истории Румынии. Но зачем все-таки древнерусский автор, как и ряд его западных современников, обратился к истории этого государя, что именно привлекло его в биографии Дракулы? Даже если известия русской повести об искоренении «зла» Дракулой легендарны, все равно перед нами будет стоять вопрос о том, как возникли эти легенды и кому они могли понадобиться в XV в.

Вопрос об идеологии «Повести о Дракуле» был поставлен в более или менее широкой форме только советской историографией, но он едва ли может считаться разрешенным в нашей науке.

Наиболее серьезное в советской научной литературе исследование повести, выполненное А. Д. Седельниковым, имело в основном текстологический характер. А. Д. Седельников широко привлек рукописную традицию «Повести» (всего А. Д. Седельникову было известно 17 списков «Повести», на 5 списков меньше, чем мы знаем теперь), исследовал древнейший ее список (1490—1491 гг.)—ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088, упоминавшийся в научной литературе уже в XIX в., но не использованный И. Богданом. Исследователем были установлены две основных редакции повести (соответствующие Кирилловскому и Румянцевскому спискам), построена генеалогическая схема происхождения списков. Сопоставление двух древнейших списков повести, произведенное А. Д. Седельниковым, позволяет решительно отвергнуть предположение А. Н. Пыпина, что слова о пребывании в Будине могли быть припиской одного из читателей, — слова эти, читающиеся в обоих списках XV в., несомненно принадлежат автору. Но вопрос о личности этого автора А. Д. Седельников оставлял открытым. Отметив, что «затруднения со стороны идеологии», выставленные Е. В. Петуховым в качестве аргумента против авторства Курицына, «по существу несерьезны», А. Д. Седельников выдвинул против этого авторства иные аргументы: текст повести был, по словам переписчика Кирилловского списка Ефросина, впервые переписан им 13 февраля 1486 г. (в дошедшем до нас списке текст этот уже переписан «вдругое»), а к февралю 1486 г. Федор Курицын, по мнению А. Д. Седельникова, мог лишь только что вернуться из своего путешествия. Переписка повести в столь короткий срок представлялась А. Д. Седельникову невероятной.²²

Хронологические расчеты А. Д. Седельникова не были бесспорны, и вопрос об авторстве Курицына продолжал обсуждаться в науке и после его исследования.²³ Не решил А. Д. Седельников и ряда других, более общих вопросов, связанных с историей «По-

²² А. Д. С е д е л ь н и к о в. Литературная история повести о Дракуле. ИпоРЯС, т. II, кн. 2, 1929, стр. 637—638.

²³ См. стр. 42—43.

вести о Дракуле». Характеризуя повесть в целом, исследователь ограничился только беглыми, хотя и интересными замечаниями, что памятник этот представлял собой «один из старших образцов „сказок“-отписок, исходивших из посольской среды и раньше», и что «для великорусской беллетристики XV в. форма повести о Дракуле», разделяющейся на отдельные эпизоды-анекдоты, «не явилась чем-либо совершенно новым».²⁴ Но в чем все-таки заключался общий смысл этого «анекдотического» повествования? Одобрял ли автор «зломудрого» Дракулу, осуждал его или просто стремился развлечь читателя? Этих вопросов А. Д. Седелников в своей статье даже не ставил.

Естественно, что вопрос об идеологии повести, о смысле и цели ее написания должен был вызывать споры в науке. По мнению Л. В. Черепнина, смысл повести заключается в прославлении грозной и справедливой власти: «Правитель — гроза для своих подданных; строгий, но справедливый; искореняющий зло в своих владениях; казнящий злодеев и милующий добродетельных; карающий без различия вельмож и нищих, духовных лиц и мирян — таков Дракула по нарочитой характеристике рассматриваемой повести». По предположению Л. В. Черепнина, «Повесть о Дракуле» «была составлена по заданию московского правительства», поставившего перед Федором Курицыным задачу дать «публицистический очерк по вопросу организации суда»; московское правительство специально распространяло это произведение. «Политический смысл повести о Дракуле заключается в оправдании тех репрессий, которые применяло феодальное правительство в отношении всех подрывавших основы государства как органа господствующего класса, в особенности в отношении нарушителей прав феодальной собственности».²⁵

Высказывался в нашей литературе и прямо противоположный взгляд на «Повесть о Дракуле». Отмечая, что в повести «один вслед за другим перечисляются примеры такой извращенной жестокости Дракулы, которая подчас не оправдывается никакими практическими соображениями», Н. К. Гудзий считает характерной для этого памятника «осудительную» оценку Дракулы и предполагает, что повесть эту особенно популяризировали «враждебно настроенные к Ивану Грозному слои русского общества, главным образом, вероятно, бояре».²⁶ Сходную мысль высказывает и А. А. Зимин. Соглашаясь с тем, что автором повести был Федор

²⁴ А. Д. Седелников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 639.

²⁵ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV вв., ч. 2. М.—Л., 1951, стр. 310—312. Принимает эту точку зрения и В. А. Адрианова-Перетц (Крестьянская тема в литературе XVI в. ТОДРЛ, т. X, М.—Л., 1954, стр. 203).

²⁶ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. Изд. 6. М., 1956, стр. 256—262.

Курицын или кто-либо из его сподвижников, А. А. Зимин полагает, что этот автор усматривал в единовластии Дракулы «по преимуществу тиранию, противопоставляя любви мунтыанского воеводы к мучительству проповедь милосердия». «Понимая необходимость решительной борьбы с растущим социальным протестом народных масс, но осуждая мучительство Дракулы, автор Повести оказался не в состоянии наметить дальнейшие пути перестройки централизованного государственного аппарата», — заключает исследователь.²⁷

Перед нами, таким образом, две диаметрально противоположных трактовки «Повести о Дракуле»: повесть эта рассматривается либо как безусловная апология «зломудрого» князя, исходящая из официальных кругов, либо как памфлет против этого князя, вышедший из рядов феодальной оппозиции. Возможность более сложной идеологической и литературной позиции автора повести почему-то совсем не предполагалась исследователями.

Легко заметить, что споры об идеологической позиции автора «Повести о Дракуле», об его отношении к своему герою, в значительной степени упираются в вопрос, встававший еще в связи с работой И. Богдана: о происхождении сюжета повести. Чем отличается русская повесть от других современных ей произведений на эту тему? Что именно взял русский автор из известных ему преданий о Дракуле и что привнес от себя? Большинство современных исследователей «Повести о Дракуле» считает, что эта повесть была не переводом, а оригинальным произведением. Однако, создавая это оригинальное произведение, русский автор имел, очевидно, уже перед собой некий сложившийся образ Дракона и «Сажателя на кол» и не мог с этим образом не считаться. Спорить о том, почему Дракула в русской повести жесток, почти так же бесплодно, как спорить о том, почему авторы «Фаустов» делали своего героя ученым, а авторы «Дон-Жуанов» писали о многочисленных любовных приключениях главного действующего лица. Во всех «мировых сюжетах» (большого или меньшего значения) присутствует некая заданная общая характеристика героя; смысл и идея литературного произведения выражается прежде всего в том, как и н т е р п р е т и р у е т автор этот традиционный образ, что он вносит в него нового.

Для того чтобы понять, что хотел сказать древнерусский автор своим рассказом о «зломудром» Дракуле и как поняли этот рассказ его читатели, необходимо вновь обратиться к истории сюжета о Драконе и «Сажателе на кол» и проследить судьбу «Повести о Дракуле» в русской литературной традиции XV—XVII вв.

²⁷ А. А. З и м и н. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 414.

Глава I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЮЖЕТА «ПОВЕСТИ О ДРАКУЛЕ»

История сюжета «Повести о Дракуле» — тема, почти не разрабатывавшаяся в русской научной литературе. Текст «Повести» иногда сопоставлялся с иностранными рассказами на эту тему, но делалось это случайно и не систематично.

Уже Ф. Буслаев, как мы знаем, сравнил «Повесть о Дракуле» с «Космографией» Мюнстера и высказал догадку о том, что рассказ космографа XVI в. (как, по его мнению, и русская повесть) мог восходить к какой-то «венгерской хронике». Но следующий автор, занимавшийся вопросом об иностранных «источниках повести», П. А. Сырку, оставил Мюнстера и обратился к рассмотрению «двух других немецких источников повести» — рукописи и брошюр XV в.; остальные исследователи русской повести видели в немецких рассказах XV в. более «полные, сравнительно с „Космографией“, немецкие тексты».¹ Почему текст «Космографии» резко отличался от этих «более полных текстов» (и содержал эпизоды, совпадающие с русской повестью, но отсутствующие в немецких текстах XV в.), каковы были отношения между ними — на этот вопрос ни один из исследователей русской «Повести о Дракуле» не пытался ответить.

А между тем вопрос о происхождении рассказа о Дракуле в «Космографии» Мюнстера решается просто. Догадка Ф. Буслаева о «венгерской хронике» как об источнике Мюнстера была правильна.² Источником, откуда немецкий космограф заимствовал

¹ А. Д. Седелников. Литературная история повести о Дракуле. ИПОЯС, т. II, кн. 2, Л., 1929, стр. 623. П. А. Сырку отметил только сходство рассказа Мюнстера с рассказом о Дракуле в книге итальянского историка начала XIX в. Канту (ЖМНП, 1891, № 10, Современная летопись, стр. 18). Рассказ Канту, о котором говорит Сырку (С. C a n t u. Histoire Universelle, t. XII. Paris, 1847, стр. 109—110), основывается на двух источниках, с которыми мы познакомимся ниже — на рассказе (сходном с рассказом Мюнстера) хроники Бонфини (знакомство с которым засвидетельствовано у Канту, ср.: там же, стр. 348, прим. 1) и на немецких известиях о Дракуле (известных Канту, вероятно, через «Комментарии» Пия II или «Всемирную историю» Энгеля).

² Близо подошел к решению этого вопроса И. Богдан, писавший: «Мюнстер хорошо знал немецкое сказание (о „Dracole Wayda“); знал он

рассказ о Дракуле, была венгерская хроника, написанная Антонио Бонфини, итальянским гуманистом, приглашенным ко двору венгерского короля Матвея Корвина в 1485 г. Хроника Бонфини, начатая им по поручению Корвина, была завершена уже после смерти короля в 1490 г. и посвящена новому венгерскому королю Владиславу II Ягеллону; она может быть датирована, таким образом, 90-ми годами XV в.³

Рассказ о Дракуле помещен Бонфини в конце третьей «декады» (части) его хроники — в связи с описанием похода Матвея Корвина на Трансильванию (в 1462 г.), когда король захватил в плен и подверг десятилетнему заключению Дракулу (Влада Цепеша), посадив на валашский престол его брата Раду Красивого («другого Дракулу»).

Ввиду важности рассказа, приводим его полностью (с разбивкой на абзацы).

«Король перешел Альпы, как говорят, для того, чтобы освободить из рук турок Дракулу, которому он дал в жены

также и венгерских историков, например Бонфиния, у которого берет многое» (I. B o g d a n. Vlad Tepeş şi naraţiunile germane şi ruseşti asupra lui. Bucureşti, 1896, стр. 109; ср.: А. И. Я ц и м и р с к и й. Повесть о мутьянском воеводе Дракуле в исследовании румынского ученого. СПб., 1897, стр. 17). Если бы И. Богдан сравнил рассказ о Дракуле у Мюнстера с обоими этими источниками, то обнаружил бы, что Мюнстер в этом случае точно следовал Бонфини и никак не был связан с текстами «Dracula Wayda». Но И. Богдан не пользовался хроникой Бонфини непосредственно — всюду, где он упоминает о ней, он цитирует ее из вторых рук (на стр. 39, прим. 1, и 109 — ссылка на И. Энгеля; стр. 30, прим. 1 — ссылка на румынского историка Шинкаи). Первым и единственным исследователем, указавшим на зависимость Мюнстера от Бонфини в рассказе о Дракуле, был Г. Кондурату, не занимавшийся специально ни русской повестью, ни рассказом Бонфини — Мюнстера, но сделавший ряд тонких наблюдений над историей сказаний о Дракуле (G. C o n d u r a t u. Michael Beheims Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul. Mit historischen und kritischen Erläuterungen. Inauguraldissertation. . . Bukarest, 1903, стр. 23, прим. 1). К сожалению, работа Г. Кондурату осталась почти неизвестной исследователям, в том числе и его румынским коллегам. Не знает выводов этой работы и П. Олтяну, разбирающий рассказ Мюнстера по чешскому пересказу в «Космографии» Пухова (см. стр. 17, прим. 6) и упоминающий об использовании этого рассказа «в более поздних хрониках, например: Antonius Bonifacius. Historia Pannonica. Colonia, 1690, стр. 385» (P. O l t e a n u. Limba povestilor slave despre Vlad Tepeş. Bucureşti, 1961, стр. 20, прим. 1). Хроника Бонифациуса нам неизвестна; речь идет, очевидно, о кельнском издании «Historia Pannonica» Бонфини 1690 г., где как раз на стр. 385 читается рассказ о Дракуле (см. стр. 16, прим. 4).

³ Посвящение Владиславу читается в обеих редакциях хроники Бонфини: Antonii Bonfinii Rerum Ungaricarum decades tres. . . Basileae, 1543; Antonii Bonfinii Historia Pannonica sive Hungaricarum Rerum decades IV. . . Coloniae Agrippinae, 1690. О Бонфини см.: D. G. M o l l e r u s. Dissertatio de Antonio Bonfinio. Altorfii, 1698; L. T o t h, M. B a t t i s t r a d a. Antonio Bonfini, 1427—1927. Ascoli Piceno, 1928; G. A m a d i o. La vita e l'opera di Ant. Bonfini primo storico della nazione ungherese in generale e di Mattia Corvino in particolare. Montalto-Marche, 1930.

свою родственницу. Придя туда, он, не знаю по какой причине, ибо никто вполне этого не понял, захватил Дракулу в Трансильвании, другого же Дракулу, назначенного в эту провинцию турками, вопреки всеобщему ожиданию, утвердил; этого же привел в Буду пленником и держал десять лет в заточении.

Говорят, что этот Дракула был человеком неслыханной жестокости и справедливости. Говорят, что когда турецкие послы, придя к нему, отказались, по обычаю своих предков, снять фригийские колпаки, он, ради укрепления их обычая (*confirmandi moris gratia*), прибил их тремя гвоздями к головам, чтобы больше уже не могли снять.

Он сажал бесчисленное количество турок на колья и весело сидел с друзьями за столом.

Далее, он любезно пригласил на пир нищих, вставших в отчаянье, больных и несчастных, когда же они достаточно наелись, сжег их огнем.

Часто он сдирал у пленных турок кожу с ног и посыпал солью, а затем приводил коз, чтобы слизывать соль с подошв, что из-за шероховатости языка увеличивало боль.

Флорентийскому купцу, который просил тщательно сохранить его деньги, он приказал их оставить на середине улицы и, не пересчитывая оставленных на ночь денег, благополучно отпустил его.

В варварских местах он действовал с такой суровостью, что можно было чувствовать себя в безопасности посреди леса.

Потом Матиас восстановил его в прежнем достоинстве, но он был убит в войне с турками, и его голова была послана Магумету в подарок». ⁴

Сопоставление рассказа о Дракуле в «Космографии» Мюнстера с рассказом хроники Бонфини обнаруживает их полную идентичность. Не может быть сомнений в том, что космограф XVI в. полностью заимствовал этот рассказ из хроники XV в., следуя своему источнику и в тексте и в расположении отдельных эпизодов (в обоих случаях рассказ о Дракуле начинается с упоминания о его аресте в 1462 г. по приказу Матвея Корвина, что в хронике Бонфини, специально посвященной этому королю, несравненно более естественно, нежели в «Космографии» Мюнстера). ⁵ Из «Ко-

⁴ Antonii Bonfinii Rerum Ungaricarum decades tres. . . , стр. 533; Antonii Bonfinii Historia Pannonica sive Hungaricarum Rerum decades IV . . . , стр. 385; Ungerische Chronica. . . Erstlich durch den hochgelehrten Herrn Antonium Bonfinium in 45 Büchern in Latein beschrieben. . . Frankfurt am Mayn, 1581, л. 281 об.

⁵ Латинский текст рассказов о Дракуле у Бонфини и Мюнстера совпадает дословно (ср. латинское издание Мюнстера: *Cosmographiae universales lib. VI*. . . Basel, 1572, стр. 1073); только к рассказу о нищих у Мюнстера прибавлены слова: «senes et decrepitos, ad nihilum que utiles», отсутствующие в известном нам рассказе Бонфини.

смографии» Мюнстера рассказ о Дракуле был заимствован чешским космографом середины XVI в. Яном из Пухова.⁶

Более сложен вопрос о взаимоотношениях между хроникой Бонфини, исследуемой нами русской повестью и немецкими рассказами XV в. о Дракуле. В немецкой литературе XV в. существовало три типа повествований, специально посвященных Дракуле: не имеющий заголовка рассказ, сохранившийся только в рукописных списках, серия однотипных печатных брошюр «Об одном великом изверге, называемом Дракола Вайда», и, наконец, поэма известного мастерзингера того времени Михаила (Михеля) Бехайма «Об одном изверге, называемом Тракле (Тракель) Вайда из Валахии».

Наиболее ранним из трех немецких повествований о Дракуле является текст, сохранившийся в рукописной традиции. В одной из дошедших до нас рукописей (Ламбахского монастыря в Австрии)⁷ текст этот начинается словами: «В 1456 г. начал Дракула творить дурные дела»; в другой (Сен-Галленского монастыря в Швейцарии)⁸ нет этого введения, в остальном текст обеих рукописей (за исключением двух эпизодов) идентичен.

Рассказ о Дракуле начинается с краткого упоминания о свержении и гибели отца Дракулы, казненного по приказу «старого правителя» (Яноша Гуниади), об обращении Дракулы с братом в «христианство»,⁹ о его воцарении и казни его непосредственного

⁶ Kosmographia Czeská. To jest wypisanij o položenii krajín neb zemij y obyčiejich naroduow wsseho swieta... Přeložena od Jana (a Zikmunda) z Puchowa. W Praze, 1554, л. DXLIII.

⁷ Текст Ламбахской рукописи см. в публикации: Über den Walachischen Woiwoden Wlad IV. 1456—1462. «Archiv des Vereins für siebenbürgische Landeskunde», N. F., Bd. 27, H. 1, Hermannstadt, 1896, стр. 331—343. По данным издателей, рукопись имеет шифр: Lambach, Cod. 327; бумажная, XV в.

⁸ Текст Сен-Галленской рукописи опубликован И. Богданом (I. Bogdan p. Vlad Țepeș...), стр. 90—105) и Г. Кондурату (G. Conduratu. Michael Beheims Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul, стр. 101—105). По данным И. Богдана (I. Bogdan. Vlad Țepeș...), стр. 88), рукопись имеет шифр: St. Gall, № 806, XVI в.

⁹ В рассказе имеется в виду, очевидно, обращение в католичество, так как в латинском изложении того же рассказа, помещенном в хронике Эбendorфера (см. о ней на стр. 27, прим. 24), соответствующее место читается: «Dracol fidei ritum Romane... assumpsit» (Th. Ebendorfers chronica regum Romanorum. Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichtsforschung, III E. B., Innsbruck, 1890—1894, стр. 202); в одной из своих грамот 1456 г. Дракула также писал о своей принадлежности к католической вере (I. Bogdan p. Vlad Țepeș...), стр. 31, прим. 2). В рассказе о Дракуле, помещенном в печатных брошюрах, об «обращении» (крещении) Дракулы говорится еще раз (при описании его освобождения из заточения в 1475—1477 гг.). В связи с этим уже у Кондурату возникали сомнения относительно того, какое именно обращение Дракулы (в 1456 г.) имеется в виду в рукописном рассказе (G. Conduratu. Michael Beheims Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul, стр. 99—100); Ю. Штридтер считает, что в первом случае Дракула обратился в греко-православную, а во втором — в католическую веру (J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Dra-

предшественника Ласло Вайды. Далее следует подробный хроникальный (с датами, цифровыми данными, названиями географических пунктов) рассказ о зверствах Дракулы в областях Семиградья (Трансильвании), населенных немцами и венграми (одного из эпизодов этого рассказа, об убийстве купцов и ямщиков, нет в Ламбахской рукописи). Затем этот чисто хроникальный рассказ сменяется эпизодами анекдотического типа, но также весьма мрачного характера.

Мы перечислим эти эпизоды, приводя наиболее важные для нашей темы тексты в переводе.

Дракула сажал на кол многих людей «одних за другими, молодых и старых, мужчин и женщин», и шутил по этому поводу (этого эпизода нет в Ламбахской рукописи).

Он посадил на кол проворовавшегося цыгана и заставил других цыган есть своего товарища.

Некий «почтенный человек» пришел к Дракуле, когда тот сидел среди людей, посаженных на колья, как «в большом лесу», и спросил его, зачем он обедает «среди смрада». «Дракула спросил его, чувствует ли он смрад. Тот сказал: „Да“. Тогда он велел его тотчас же посадить на кол и поднять его наверх, чтобы он не чувствовал запаха».

Один священник проповедовал, что на несправедливость нельзя отвечать несправедливостью. Дракула пригласил его к себе и стал есть куски хлеба, не угощая священника. Священник взял себе кусок хлеба, предназначенный Дракуле. Ссылаясь на его проповедь, Дракула приказал казнить священника.

Дракула посадил на кол пятьсот дворян, не помнивших, «сколько воевод и государей правило этой страной».

Дракула приказал разрезать живот своей беременной любовнице «снизу до груди», чтобы посмотреть, есть ли там ребенок.

Дракула «точил» людей на точильном камне.

За этими эпизодами следует новая хроника зверств Дракулы в Семиградии и в Болгарии в 1460—1462 гг., внутрь которой вставлены два эпизода анекдотического характера: как Дракула обманул турецкого императора, обещав заплатить ему дань и перебив вместо этого население турецких земель, и как он убил людей, которые прятали его сокровища.

Далее опять приводятся отдельные эпизоды-анекдоты.

kula in der russischen und deutschen Überlieferung. «Zeitschrift für Slavische Philologie», Bd. XXIX, N. 2, 1961, стр. 411, прим. 37). Однако противоречие в тексте брошюр объясняется просто его вторичным характером: первое «обращение» было заимствовано из рукописного текста, второе — добавлено по устному рассказу.

Дракула обезглавливал некоторых старейшин своего народа и кормил раков их головами, а затем угощал этими раками друзей казненных; потом он посадил этих людей на кол.

Он встретил бедняка в короткой рубашке и спросил его: «Есть ли у тебя жена?». Тот сказал: «Да». Дракула сказал: «Приведи ее ко мне». Тогда он сказал ей: «Что ты делаешь?». Она сказала: «Я мою, пеку, пряду и прочее». Тогда он велел посадить ее на кол за то, что она не сделала своему мужу длинной рубахи. А ему он дал другую жену, сказав ей, чтобы она сделала мужу длинную рубаху, или он и ее посадит на кол.

Он приказал посадить на кол встреченного им монаха вместе с ослом, на котором тот ехал.

Дракула убил трех цыган и заставлял остальных цыган есть их. Он угрожал уничтожить их до последнего, если они не пойдут воевать с турками. Цыгане пошли против турок — и те и другие утонули в реке.

Он пригласил к себе в дом «весь бедный люд, который был в его стране», и после того, как те поели, велел сжечь их всех в сарае (Stadel), числом 200 человек.

Он заставлял матерей есть своих детей, отрезал им груди и кормил этими грудями их мужей.

К Дракуле явились послы «валов» («Wahlen» — итальянцы или французы).¹⁰ Они поклонились ему и сняли шляпы, но не сняли находившихся под ними беретов. Тогда он спросил, почему они не сняли этих беретов. Они сказали: «Государь, это наш обычай; мы не снимаем их даже перед императором». Он сказал: «Так вот я хочу подкрепить (bestetigen) ваш обычай». Они благодарили за эту милость. «Он взял хорошие, крепкие железные (yssid) гвозди и вбил их в головы и пригвоздил береты к голове, чтобы они не упали. Так подкрепил он их обычай».

Наряду с заголовком в рукописном рассказе о Дракуле отсутствует какое бы то ни было заключение и дата написания. Исследователи, писавшие об этом рассказе, датируют его по содержанию. Поскольку в рассказе уже говорится о походе Дракулы на Семиградье и Болгарию в 1462 г. и о произошедшем в начале этого года ухудшении в отношениях между Дракулой и турками, но не упоминается о пленении Дракулы королем Матвеем Корвином, можно думать, что этот рассказ был написан в 1462 г., до ноября месяца, когда Дракула был взят в плен и свергнут. В пользу ранней датировки рукописного рассказа говорит и воспроизведение его в двух латинских хрониках — в «Хронике римских королей» Т. Эбendorфера¹¹ и в «Комментариях» папы Пия II (Энея Сильвио

¹⁰ Значение слова «Wahlen» см.: J. Ch. A d e l u n g. Grammatisch-kritisches Wörterbuch der Hochdeutschen Mundart, Th. 4. Wien, 1811, стр. 1339, 1370.

¹¹ Th. Ebendorfers chronica regum Romanorum, стр. 202—204.

Пикколомини);¹² обе эти хроники были составлены не позже 1464 г.¹³

Брошюра «Об одном великом изверге, называемом Дракола Вайда» выдержала в конце XV—начале XVI в. множество изда-

Портрет Дракулы.

Раскрашенная гравюра из немецкой брошюры 1491 г.

ний — румынский библиограф К. Караджа знал 10 различных изданий этой брошюры,¹⁴ новейший немецкий исследователь Ю. Штридтер прибавил к этому списку 2 неизвестных ранее издания;¹⁵ нам известна еще одна брошюра (Лейпциг, 1493),¹⁶ не описанная в научной литературе; таким образом, мы можем говорить о тринадцати изданиях брошюры о Дракуле. Текст брошюр о Дракуле близок к описанному выше рукописному тексту (начинается он, как и в Ламбахской рукописи, фразой: «В 1456 г. начал Дракула творить удивительные дела», но два эпизода, отсутствовавшие в этой рукописи и сохраненные Сен-Галленской, здесь читаются). Однако имеются некоторые существенные отклонения от рукописного текста: порядок изложения эпизодов иногда иной (см. таблицу на стр. 25—26); текст отдельных эпизодов также излагается в ряде случаев по-другому и без некоторых де-

¹² Pii secundi pontificis max. Commentarii rerum memorabilium, quae temporibus suis contigerunt, a r. d. Joanne Gobellino vicario Bonnen. iamdiu compositi. . . Francforti, 1614, стр. 296—297.

¹³ Согласно рукописному источнику, использованному в книге И. Ашбаха «История Венского университета», Томас Эбендорфер (бывший профессор этого университета) умер 8 января 1464 г. (J. A s c h b a c h. Geschichte der Wiener Universität im ersten Jahrhunderte ihres Bestehens, Bd. I. Wien, 1865, стр. 509—510). «Комментарии» Пия II были завершены в июне 1464 г. (G. V o i g t. Enea Silvio de Piccolomini als Papst Pius der Zweite und seine Zeitalter, Bd. V. Berlin, 1862, стр. 339—340).

¹⁴ C. K a r a d j a. Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen. «Gutenberg Jahrbuch», 1934, стр. 127 и 135.

¹⁵ J. S t r i e d t e r. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Dracula. . . , стр. 401—403.

¹⁶ Ein wunderliche und erschrockenliche History von einem grossen wütherich genant Dracole Wayda Der do so gar unkristeliche marter hat angelegt de mäschen als mit spissen auch die leüt zu tod geschiffen re. . . Gedruckt zu leypßigk im LXXXIII. Текст этой брошюры см. на стр. 192—193.

талей (ср. в таблице эпизоды XIII, XV, XVI рукописного текста); при описании похода Дракулы в 1462 г. сделаны значительные пропуски — нет, в частности, эпизода о казнях людей, прятавших сокровища Дракулы. Но наиболее важные отличия имеет конец текста брошюр.¹⁷ Между двумя эпизодами, завершающими текст рукописного рассказа (эпизодами XXXII и XXXI рукописного текста — эпизодами 25 и 27 брошюр), в брошюрах читается еще анекдот об испытании двух монахов. Приводим его полностью.

«Пришли два монаха в его страну по его приглашению. Тогда он спросил одного из них, что хорошего о нем говорят. Этот монах очень испугался и сказал: «О вас говорят все хорошее, и вы действительно очень набожный человек, я говорю вам это». Он велел этого монаха задержать. К нему привели другого монаха, которого он спросил так же, как и первого. Тот монах подумал: «Пусть я умру, но я должен сказать правду». И он сказал: «Вы величайший изверг, которого можно найти на свете; ни один человек не говорит о вас ничего хорошего. Это вы доказали». Дракула сказал: «Ты мне сказал правду, и поэтому я хочу тебя оставить в живых». И отпустил его невредимым; и посылает снова за первым. И говорит, чтобы тот ему сказал правду. Но тот сказал, как прежде. Дракула велел его посадить на кол за то, что он говорил неправду».

Дракула пирует среди кольев.
Гравюра из немецкой брошюры 1500 г.

¹⁷ И. Богдан (I. Bogdan. Vlad Țepeș... стр. 88, прим. 2; ср.: А. И. Яцимирский. Повесть о мутьянском воеводе Дракуле в исследовании румынского ученого, стр. 15) ошибочно утверждал, что в рукописи в отличие от брошюры нет эпизода с сожжением бедняков — в действительности этот эпизод (XXX) читается там выше, чем в брошюре (см. таблицу на стр. 26).

В отличие от рукописного текста брошюры имеют также концовку, где говорится, что после пребывания в Венгрии в заточении Дракула крестился (хотя в начале брошюры, как и в рукописном рассказе, уже говорилось о его обращении в христианство), снова стал государем и начал «творить добрые дела».

Текст брошюр о Дракуле в основном идентичен; исключение составляют, насколько нам известно, только два относительно поздних издания — аугсбургское издание 1494 г. и страсбургское издание 1500 г. В аугсбургском издании 1494 г. после окончания всего текста и выходных данных (места издания, имени типографа и даты) прибавлен еще один эпизод — о том, как Дракула прятал свое сокровище и «приказал коварно убить» рабочих и ремесленников, которые ему помогали, дабы никто не нашел сокровища. Вторичный характер этого добавления несомненен — оно явно противоречит сообщению предшествующего текста, будто Дракула исправился после крещения. Под влиянием издания 1494 г., несомненно, находилось страсбургское издание 1500 г., где читается аналогичное (немного более расширенное) прибавление в конце текста. Но, кроме того, в издании 1500 г. сделана еще одна существенная по размерам вставка — перед рассказом о пленении Дракулы. Здесь рассказывается, что Дракула заставлял купцов по ночам оставлять лавки открытыми, а потом тайком забирал деньги из одних лавок и подкладывал в другие. Тех купцов, которые не сознавались в том, что у них оказались лишние деньги, он сажал на кол. Заканчивается эта вставка рассказом о расправе с купцами, которые пытались обмануть Дракулу, и о других казнях и расправах.¹⁸

Датировка текста «Об одном великом изверге» затрудняется тем, что не все дошедшие до нас издания имеют выходные данные. Составленный, во всяком случае, после 1477 г. (когда произошло вторичное воцарение Дракулы, о котором упоминается во всех брошюрах), известный нам текст брошюр несомненно восходит к более раннему рукописному рассказу;¹⁹ можно думать, что перво-

¹⁸ Текст страсбургского издания 1500 г. воспроизведен в статье: С. К а r a d j a. Incunabulele povestind despre cruzimile lui Vlad Țepeș. *Inchinare lui Nicolae Iorga*. Cluj, 1931, стр. 202—206. П. Олтяну считает, что в страсбургском издании наряду с германской отразилась и славянская версия повести (P. O l t e a n u. *Limba povestilor slave despre Vlad Țepeș*, стр. 18). Это мнение представляется нам необоснованным — рассказ о купцах в страсбургской брошюре резко отличается и по построению и по тенденциям от рассказа о купце в русской повести (как и у Бонфини—Мюнстера). См. об этом на стр. 32.

¹⁹ И. Богдан привел в своей книге известие из неопубликованной немецкой хроники Леонарда Геффта (Hefft), хранящейся в Мюнхенском архиве (№ 26632, f. 495), где говорится, что заточенный в 1462 г. венгерским королем Дракула «до сегодняшнего дня находится под надежной охраной» и что «изображения его лица», жестокого и свирепого, «были разосланы по всему миру для обозрения»; Богдан полагал поэтому, что еще до освобождения Дракулы (до 1475—1477 гг.) печатные брошюры о нем, где действительно

начально он был написан на верхненемецком языке (становившемся к XV в. общегерманским литературным языком), а затем уже где-то на севере Германии появился его недатированный нижненемецкий вариант.²⁰ Наиболее раннее датированное издание брошюры относится к 1488 г.

помещены его изображения, уже появились (I. B o g d a n. Vlad Tereş. . ., стр. 31, прим. 1). И. Богдан предполагал также, что рукописный рассказ о Дракуле мог быть скопирован с печатной брошюры (там же, стр. 89). Но не может быть сомнения, что дошедший до нас рукописный текст возник ранее известных нам брошюр — рукописный текст не знает еще ареста Дракулы; он был использован «Хроникой» Т. Эбendorфера и «Комментариями» Пия II до 1464 г.; брошюры составлены уже после вторичного воцарения Дракулы в 1477 г. Содержащееся в той же хронике Геффта (судя по цитатам у Богдана) сравнение Дракулы с Нероном и Диоклетианом совпадает как раз с рукописным текстом (в брошюрах его нет). Можно было бы предполагать, конечно, что, кроме известного нам текста брошюр, существовал другой, более ранний и не дошедший до нас печатный текст (близкий к рукописному). Но указание на «изображение лица» Дракулы вовсе не обязательно понимать, как указание на брошюры — это могли быть и изображения без текста (и не обязательно печатные).

²⁰ И. Х. Энгель, впервые введший в науку и переиздавший недатированную брошюру о Дракуле (J. Ch. E n g e l. Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie durch eine Gesellschaft von Gelehrten im Teutschland und England ausgefertigt, Th. 49, Bd. 4, Abth. 1. Halle, 1804, стр. 75—80; этот текст был перепечатан вместе с Ламбахской рукописью в «Archiv des Vereins für siebenbürgische Landeskunde» и в книге: I. B o g d a n. Vlad Tereş. . ., стр. 90—105), и венгерский библиограф Кертбени (K. M. K e r t b e n y. Ungarn betreffende deutsche Erstlings-Drucke 1454—1600. Budapest, 1880, стр. 10) считали, что эта брошюра написана на старосаксонском языке трансильванских немцев в тех самых местах, где совершались зверства Дракулы, и что она явилась источником для всех остальных брошюр. И. Богдан и К. Караджа пришли к выводу, что эта брошюра написана на нижненемецком диалекте и издана в Северной Германии (возможно, Бартоломеем Готаном в Любеке), но и К. Караджа продолжал считать нижненемецкую брошюру древнейшим изданием и архетипом всех остальных брошюр (I. B o g d a n. Vlad Tereş. . ., стр. 88; C. K a r a d j a. Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen, стр. 135; ср. также: H. R a a b. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. III, H. 2—4, Berlin, 1958, стр. 335). Последний по времени исследователь немецких рассказов о Дракуле Ю. Штридтер считает древнейшим изданием обнаруженное им нюрнбергское (верхненемецкое) издание 1488 г.; к этому изданию восходят, по его мнению, все остальные, в том числе и нижненемецкое (J. S t r i e d t e r. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula. . ., стр. 401—404). К сожалению, однако, генеалогическое построение Ю. Штридтера (как и построение К. Караджи) не имеет сколько-нибудь развернутого текстологического обоснования. В пользу предположения о первичности верхненемецкого издания говорит, на наш взгляд, то обстоятельство, что его текст ближе к рукописному тексту (написанному на аллеманском наречии, близком к верхненемецкому), нежели нижненемецкий; совпадая со всеми брошюрами в их общих отличиях от рукописного текста (порядок изложения, пропуски, рассказ о двух монахах, концовка), нижненемецкий текст имеет еще особые отличия: цыгане здесь названы татарами (Thattern), бедняки, сожженные Дракулой, — трубадурами или скоморохами (Trutzgelehrten) и т. д. (J. Ch. E n g e l. Fortsetzung der Allgemeinen Welthistorie. . ., стр. 77, 79, 80; о значении слова «Trütz-

История Дракулы получила отражение не только в немецкой прозе XV в., но и в поэзии. Мейстерзингер Михаил Бехайм, чрезвычайно плодовитый поэт, служивший чешско-венгерскому королю Владиславу и императору Фридриху III и неоднократно описывавший политические события своего времени, посвятил Дракуле довольно обширную (свыше 1000 строк) поэму. Эта поэма, сохранившаяся в рукописи в Гейдельбергской библиотеке, была опубликована и стала предметом исследования только в начале XX в.²¹ Сопоставление поэмы Бехайма с другими источниками прежде всего обнаруживает большую близость ее к рукописному рассказу о Дракуле: там, где рукописный рассказ расходится с брошюрами в порядке расположения эпизодов или в изложении текста внутри эпизодов, Бехайм всюду следует рукописному рассказу (ср. таблицу на стр. 25—26); сходно с рукописным текстом излагается у Бехайма рассказ о зверствах Дракулы в Семиградье в 1460—1462 гг. и рассказ о казни людей, которые прятали его сокровища. Некоторую мотивировку получила в изложении Бехайма и казнь дворян, спрошенных о числе правителей Валахии, — Дракула казнил их за то, что они так часто меняют своих правителей. Иные отклонения от текста рукописного рассказа в основной части поэмы объяснялись, видимо, в первую очередь версификаторскими задачами — необходимостью уложить текст в размер, требованиями рифмы. Лишь начиная с середины поэмы Бехайм существенно изменил и содержание своего рассказа. Так, значительно расширился рассказ про монаха, посаженного на кол вместе с ослом; вместо одного монаха у Бехайма фигурируют два монаха-бернардинца, причем вся история получает специфически анекдотический смысл: монахи хотели поскорее войти в царствие небесное — Дракула обещал им эту возможность, посадив их на кол; оставшийся без хозяев осел стал реветь — Дракула отправил и его вслед за ними. Большое место в изложении Бехайма занимает рассказ о разговоре Дракулы с монахами монастыря «Горион». Дракула просил монахов молиться за него, хвастаясь своим благочестием: никто на свете не сотворил столько святых, как он. Брат Михель обещал Дракуле милость божью, но настоятель брат Ганс смело обвинил Дракулу в злодействе и тирании. Рассказ этот напоминает аналогичный эпизод с испытанием монахов в брошюре, но у Бехайма он не только пространнее и конкретнее, но и по-иному кончается: Дракула посадил на кол

gelehrten» ср.: K. M. K e r t b e n y. Ungarn betreffende deutsche Erstlings-Drucke, стр. 331).

²¹ G. C o n d u r a t u. Michael Beheims Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul; J. B l e y e r. Ein Gedicht Michael Beheim's über Wlad IV, Woiwoden von der Walachei (1456—1462). «Archiv des Vereins für siebenbürgische Landeskunde», N. F., Bd. 32, H. 1, Hermannstadt, 1903, стр. 5—39. Публикация Кондурату сопровождается, как мы отметили выше, ценным исследованием. Публикации Блейера предшествует небольшая вводная статья.

Расположение эпизодов в немецких рассказах о Дракуле

Эпизоды		Рассказ, сохранившийся в рукописи	Брошюра «Об одном великом изверге» (лейпцигское издание 1493 г.)	Поэма М. Бехайма «Об одном изверге» (стихи)
Хроника зверств в Семиградье в 50-х годах	Убийство старого Дракулы; крещение Дракулы и его брата	I	1	19—30
	Воцарение Дракулы; убийство Ласло Вайды	II	}	31—50
	Разграбление деревень и замков	III		51—66
	Убийства женщин и детей	IV		67—73
	Приглашение купцов и ямщиков; они посажены на колья	V *	4 (a)	74—76
	Сожжение 400 мальчиков	VI	3	77—90
	Целое племя посажено на кол Дракула закапывал людей в землю и поджаривал на огне	VII	4 (b)	(подробнее) 91—100
	Арест и казнь молодого Дана	VIII	4 (c)	101—110
	Казни в присутствии послов	IX	5	111—120
		X	6	121—210
	Сожжение церкви св. Варфоломея	} XI {	}	(подробнее)
	Поход на деревню Зейдинг, казнь военачальника			211—220
	Казнь купцов из Бурценланды			221—236
	Дракула варил людей в котлах и сажал на колья	XII	9	237—243
		XIII	10 (упоминания о кольях нет)	244—260
	Нападение на Толмец (Колмец)	XIV	16	261—270
	Казни матерей с детьми; сравнение с Нероном и Диоклетианом	XV	11 (сравнения с Нероном и Диоклетианом нет)	327—350
	Массовые казни на кольях и шутки Дракулы по этому поводу	XVI *	12	271—276
	Дракула казнил цыгана и заставил других цыган есть его	XVII	13	(сравнение с Нероном и Диоклетианом).
	Пир между кольями; казнь брезгливого гостя	XVIII	14	351—365
	Казнь священника, проповедовавшего против несправедливости, но взявшего кусок хлеба со стола Дракулы	XIX	15	366—393
				394—413
				414—442

* Эпизодов нет в одной из двух рукописей (Ламбахской).

Эпизоды	Рассказ, сохранившийся в рукописи	Брошюра «Об одном великом изверге» (лейпцигское издание 1493 г.)	Поэма М. Бехайма «Об одном изверге» (стихи)
Казнь 500 дворян, не знавших числа правителей Валахии	XX	17	443—480 (подробнее)
Дракула приказывает разрезать живот своей любовнице, чтобы посмотреть, что там находится	XXI	19	481—493
Истязания людей на точильном камне		18	284
Хроника зверств в Семиградье и Болгарии в 1460—1462 гг.	Поход 1460 г. на Семиградье; зверства	XXII	—
	Поход 1462 г.; зверства. Приглашение турецких послов для выплаты долга и убийство их; разграбление Болгарии	XXIII	494—520
	Казни на кольях в Валахии	XXIV	521—570
	Казни; обезглавление людей, которые прятали сокровища Дракулы	XXV	577—586
	Дракула обезглавил дворян и скормил их головы ракам, а затем угощал этими раками друзей казненных . .	XXVI	571—576
Бедняк в короткой рубашке; казнь нерадивой жены	XXVII	—	587—616
Дракула посадил на кол осла и ехавшего на нем монаха	XXVIII	22	617—640
Дракула истязал цыган и заставлял их воевать против турок; и те и другие утонули	XXIX	24	641—680 (подробнее)
Приглашение бедняков на пир и сожжение их	XXX	23	821—860
Дракула заставил матерей есть своих детей, а мужей — своих жен	XXXI	28	861—870
Послы «валов» отказались снять береты; Дракула приказал прибить их к головам	XXXII	27	—
Испытание двух монахов; казнь льстеца	—	25	871—910
		26	681—820 (иной вариант — казнь обличителя)
Пленение Дракулы венгерским королем; крещение; восстановление на престоле	—	29	911—1070 (иной вариант; восстановления на престоле нет)

смелого настоятеля (судьба трусливого брата Михеля остается неясной), часть напуганных монахов разбежалась, и один из них, брат Яков, рассказал Бехайму весь этот эпизод. Имеет поэма о Дракуле у Бехайма и концовку — опять-таки совсем иную, чем в брошюрах. Осудив небывалую тиранию Дракулы, Бехайм рассказывает, что тот пытался обмануть и турецкого султана и венгерского короля, ведя переговоры с обоими, но стал сам жертвой своего коварства: венгерский король Матвей Корвин, узнав о двойной игре Дракулы, захватил его в плен и посадил в заточение.

Поэма Бехайма основывалась, таким образом, наряду с уже известным нам повествованием о Дракуле, на сообщениях каких-то дополнительных источников или рассказчиков — одним из таких рассказчиков мог быть упоминаемый поэтом монах Яков, если он не вымышленное лицо.²² Когда была написана поэма Бехайма? Бехайм, в отличие от автора прозаического рукописного рассказа, знал уже о низвержении Дракулы в конце 1462 г., но о его вторичном вступлении на престол в 1477 г. он, в отличие от составителя рассказа «Об одном великом изверге», не упоминал. Впрочем, есть основания думать, что позже 70-х годов XV в. Бехайм вообще писать не мог, так как, судя по «покаянному кресту», сохранившемуся в его родной деревне Жюльцбах (где Бехайм был под конец жизни сельским старостой), в 147. . . г. (последняя цифра на кресте стерта) он был убит при каких-то неизвестных для нас обстоятельствах.²³

Таковы основные варианты, в которых дошел до нас немецкий рассказ XV в. о Дракуле. Латинское переложение этого рассказа читается, как мы уже указывали, в «Хронике римских королей» Эбендорфера и в «Комментариях» папы Пия II. В обеих хрониках текст восходит к прозаическому рукописному рассказу о Дракуле, но отличается от него концовкой — и Эбендорфер и Пий II знали уже о свержении Дракулы и заточении его Матвеем Корвиным в 1462 г. Текст «Хроники» Эбендорфера в общем очень близок к рукописному рассказу, отличаясь от него лишь несколькими эпизодами.²⁴ В «Комментариях» рассказ значительно короче (исполь-

²² Ср.: G. Conduratu. Michael Beheims Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul, стр. 17—18, 20—21, 91—92. Блейер считает рассказ монаха Якова не только источником всего изложения Бехайма, но также общим источником рукописного рассказа, брошюр и латинского изложения Эбендорфера; Блейер не знал русской повести и хроники Бонфини, которые, следуя его совершенно невероятной гипотезе, также пришлось бы возводить к рассказу монаха Якова (J. Bleyer. Ein Gedicht Michael Beheim's über Wlad IV, Woiwoden von der Walachei, стр. 8—9).

²³ J. Caspart. Michael Beheims Lebensende. «Germania, Vierteljahrsschrift für deutsche Altertumskunde», 22 Jg., Wien, 1877, стр. 412—420.

²⁴ Вместо рассказа о казни «молодого Дана» (сына Владислава Дана, предшественника Цепеша-Дракулы) здесь приводится рассказ об убийстве «многих юношей» (Th. Ebendorfers chronica regum Romanorum, стр. 202;

зовано лишь несколько эпизодов).²⁵ Чисто хроникальные сообщения о Дракуле, посвященные его войне с турками в 1462 г. и не связанные с интересующими нас рассказами, содержатся также в греческой хронике Халкондилы²⁶ и в польских «Записках янычара»²⁷ (оба эти рассказа написаны в протурецком духе). Ни в этих сообщениях, ни в немногочисленных документальных материалах, сохранившихся от времени Влада Цепеша, нет ни одного из приведенных выше анекдотических эпизодов.²⁸ Имя Дракулы фигурирует еще в трех памятниках немецкой литературы XVI в. — в народной книге о Фортунатусе,²⁹ в «Ночной книжечке» В. Шуманна³⁰ и в «Травле блох» И. Фишарта³¹ — но это уже не более как упоминания, основанные на прочно сложившемся по письменным и устным рассказам представлении о «великом изверге».

Таким образом, существуют три рассказа о Дракуле: русская повесть, рассказ Бонфини—Мюнстера и немецкое сказание, дошедшее в нескольких вариантах, восходящих к одному источнику. Для решения вопроса о происхождении сюжета «Повести о Дракуле» эти три рассказа необходимо сопоставить между собой.³² При таком сопоставлении необходимо сразу же принять во внимание одно обстоятельство (отчасти отмеченное уже Ю. Штридте-

ср. в приведенной нами таблице эпизод IX), в эпизоде с котлами (там же, стр. 208; ср. в таблице эпизод XIII) не упоминается о сажании на кол, нет сравнения с Нероном и Диоклетианом (там же; ср. в таблице эпизод XV), истязания людей на точильном камне (там же, стр. 204; ср. в таблице эпизод XXI). Завершая рассказ о Дракуле, Эбendorfer объясняет, что знать про такую «жесточайшую жестокость» полезно, ибо с ней, может быть, придется еще встретиться при нападении на страну завоевателей (очевидно, турок).

²⁵ Pii secundi pontificis max. Commentarii... стр. 296—297.

²⁶ Laonici Chalkondilae Atheniensis Historiarum libri decem. Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Bonnae, 1843, стр. 516—517.

²⁷ Pamiętniki Janczara czyli Kronika Turecka Konstantego z Ostrowicy, Wyd. J. Los. Kraków, 1912 («Biblioteka pisarzy polskich», № 63), стр. 102—107 и 267—270.

²⁸ Ср.: Documente privind istoria României. Veacul XIII, XIV și XV. B. Târa Românească (1247—1500). București, 1953, стр. 128—132 (№№ 120—124). В одном из документов времени Влада Цепеша, опубликованном румынским историком Н. Иоргой (письмо римскому папе конца 1475—начала 1476 г.), содержится рассказ, напоминающий один из эпизодов русской «Повести о Дракуле» — там говорится, что Цепеш, находясь в заточении, ловил мышей и сажал их на деревянные палочки (N. Iorga. Lucruri puțin despre Vlad Țepeș. «Convorbiri literare», an. XXV, București, 1901, стр. 156—157).

²⁹ Fortunatus. Nach dem Ausburger Druck von 1509 herausgegeben von Hans Günther. Halle a. S., 1914, стр. 61 (здесь упоминается только о пребывании героя в Валахии, где царствовал «Tracole Wayda»).

³⁰ Valentin Schumanns Nachtbüchlein (1559), herausgegeben von J. Bolte. Tübingen, 1893, стр. 57—58 (некий изверг сравнивается с «Tracola Wayda»).

³¹ J. Bleyer. Zu Fischarts Flöhhaaz von 1341—1341. «Zeitschrift für deutsche Philologie», Bd. XXXIV, H. 1, Halle a. S., 1902, стр. 132—133 (при описании блохи, пьющей кровь пирующих, автор вспоминает Дракулу, пиравшего среди мертвых).

³² Пересказ русской повести см. на стр. 5—8; текст — на стр. 117 и след.

ром).³³ Рассказы XV в. о Дракуле соединяют в себе два элемента — историко-хроникальный и анекдотический. Ряд известий русской повести и немецких рассказов основывался на точных данных и был вполне исторически достоверен. Так, например, сообщение русской повести об успехах Дракулы в войне с турками, о его враждебности к боярам и о том, что Цепеш во время столкновения с венгерским королем в 1462 г. был «от своих издан по крамоле», находят подтверждение в других источниках.³⁴ Но наряду с этими историческими данными три рассказа XV в. содержат и типичные средневековые анекдоты (типа немецких «шванков») о жестоком правителе. Именно эти анекдоты (в русской повести и у Бонфини преобладающие, в немецких рассказах занимающие примерно половину текста) обнаруживают общность происхождения трех рассказов о Дракуле.

В русской «Повести о Дракуле» и у Бонфини сходны: эпизод с турецкими послами, которым Дракула приказал прибить колаки (в русской повести — «капы») к головам, эпизод с приглашением на пир и сожжением нищих, эпизод с купцом и золотом, оставленным на улице (у Бонфини, правда, золото просто остается в сохранности; в русской повести Дракула возмещает похищенное и подвергает испытанию самого купца); совпадает мотив пира между кольями (хотя, в отличие от русской повести, казни безразличного слуги у Бонфини нет); наконец, совпадает тема жестокости и справедливости Дракулы (в русской повести — с конкретной иллюстрацией: история с чашей) и истязания пленных.

Еще больше сходства можно обнаружить между русским и немецким рассказами о Дракуле. Сходными с русской повестью и с хроникой Бонфини оказываются в немецком рассказе (во всех его вариантах, включая рукописный) два эпизода: наказание иностранцев (в немецком сказании — не турок, а итальянцев или французов), не снявших беретов, и сожжение приглашенных на пир бедняков (нищих). Тема пира между кольями дана здесь, как и в русской повести, в развернутой форме — рассказывается о казни безразличного, только он оказывается не слугой, а почтенным гостем. Ряд эпизодов совпадает только с русской повестью. Это прежде всего история о бедняке в короткой рубашке и его жене (в немецких вариантах Дракула не только казнит жену бедняка, но дает ему новую жену). Упоминание о казни людей, прятавших сокровища Дракулы (в русской повести — мастера, изготовившие для него бочки с золотом), встречается в рукописном тексте не-

³³ J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Dracula..., стр. 407—408.

³⁴ Ср.: Barbu Cîmpina: 1) *Complotul boierilor și «rășcoala» din Țara Românească din iulie—noiembrie 1462. «Studii și referate privind istoria României»*, p. I, București, 1954, стр. 599—624; 2) Victoria oștii lui Țepeș asupra sultanului Mehmed al II-lea. «Studii. Revistă de istorie», 1962, № 3, стр. 533—556.

мецкого рассказа и исчезает в брошюрах (вновь появляясь только в аугсбургском издании 1494 г. и страсбургском издании 1500 г.). Напротив, испытание двух монахов отсутствует в первоначальном рукописном варианте немецкого рассказа и появляется в брошюрах; однако если в русской повести казненным оказывался дерзкий обличитель, то в немецкой брошюре Дракула казнит льстивого лжеца (вариант, представленный у Бехайма, в этом отношении ближе к русской повести). Известная близость обнаруживается еще между несколькими мотивами русского и немецкого рассказов: в русской повести Дракула, борясь с прелюбодеяниями, приказывает сдирать кожу у согрешивших девиц; в немецком повествовании рассказывается о забеременевшей любовнице Дракулы, которой Дракула приказал разрезать живот; в обоих рассказах упоминается (в разном контексте) о том, как Дракула обещал дань турецкому султану, а затем вероломно напал на самих турок.

Однако, несмотря на эти совпадения, ни один из разобранных рассказов не может рассматриваться как источник для двух других. Хроника Бонфини не могла быть источником русской повести и немецкого рассказа не только ввиду ее относительно позднего происхождения (90-е годы XV в.), но и потому, что в ней нет многих эпизодов, читающихся в этих рассказах. Немецкий рассказ, даже в своем наиболее раннем варианте (рукописный рассказ), также не мог быть источником русской повести и текста из хроники Бонфини, ибо в нем нет нескольких эпизодов, общих этим двум источникам (купец и его золото, искоренение злоупотреблений). Русская повесть в этом отношении наиболее богата — здесь читаются все эпизоды, о б щ и е для двух других рассказов. Но едва ли можно сомневаться и в том, что сочинение, написанное на почти неизвестном в Центральной Европе русском языке, не было источником ни для более раннего по времени рукописного немецкого рассказа (1462—1464 гг.), ни для поэмы Бехайма, ни даже для несколько более поздних немецких брошюр и хроники Бонфини. Для предположения о едином письменном источнике рассказов XV в. пришлось бы реконструировать некий не дошедший до нас памятник, соединяющий черты всех трех рассказов. Но едва ли было бы возможно это сделать. При явном сходстве сюжетов рассказы о Дракуле дают столь противоречивую трактовку многих из этих сюжетов, что их невозможно свести в какое-либо гипотетическое единство.

Общим источником русского, немецкого и венгерского рассказов о Дракуле был не письменный памятник и вообще не какое-либо единое произведение,³⁵ а ряд преданий или анекдотов, сло-

³⁵ Точка зрения Блейера, возводившего все известные ему тексты к рассказу одного лица — монаха Якова (см. прим. 22), представляется совершенно неубедительной.

жившихся еще при жизни «великого изверга» (частью до его пленения в 1462 г.), распространенных в Центральной Европе во второй половине XV в. и по-разному записанных и интерпретированных немецкими, русским и венгерско-итальянским авторами. К мысли об устном источнике русской повести о Дракуле приходили уже Богдан³⁶ и Седельников,³⁷ с полной определенностью мысль эта была высказана в современной литературе о Дракуле.³⁸

Предположение об устной основе трех рассказов XV в. о Дракуле объясняет очень большие различия, которые наблюдаются при сопоставлении даже сходных эпизодов: по-разному кончается в рассказах о Дракуле эпизод с испытанием двух монахов, по-разному рассказывается о пире между колями, о казни лиц, прятавших сокровища Дракулы, о купцах и их имуществе и т. д. Совпадения между отдельными эпизодами-анекдотами разных рассказов — это совпадения сюжетно-композиционные, а не текстуальные. Следуя анекдотам, составители русского и немецких рассказов охотно вводили в текст прямую речь персонажей (вопросы Дракулы и ответы его собеседников), однако самое содержание их реплик редко совпадает в разных рассказах. Единственное явное текстуальное совпадение трех рассказов — слова Дракулы о его желании «подкрепить обычай» иностранных послов («закон подтвердити», «confirmandi moris», «gewonhait bestetigenn»), но такое совпадение, естественно, объясняется значением этих слов как каламбура, на котором построен весь анекдот («подкрепление» гвоздями).

Тесная связь письменных рассказов о Дракуле с устными обнаруживается и в тех модификациях, которые наблюдаются в повествованиях, восходивших к одному немецкому рукописному тексту. Рассказ о двух бернардинцах и осле, читающийся у Бехайма, это не расширение эпизода с ослом и монахом из прозаического рукописного текста, а другой, более полный и художественно полноценный вариант анекдота, услышанный мейстерзингером. Как Бехайм, так и брошюра добавили рассказ об испытании двух монахов, отсутствовавший в первоначальном тексте, но текст этого рассказа резко различается в обоих памятниках и опять-таки восходит к двум независимым и различным по идее вариантам анекдота о Дракуле. И даже дополнения, сделанные в более поздних изданиях брошюр — аугсбургском издании 1494 г. и страсбургском издании 1500 г. — не могут объясняться новым обращением к письменным источникам. В изданиях 1494 и 1500 гг. есть рассказ об убийстве людей, прятавших сокровища Дракулы,

³⁶ I. Bogdan. Vlad Țepeș... стр. 119—120.

³⁷ А. Д. Се д е л ь н и к о в. Литературная история повести о Дракуле, стр. 636—637.

³⁸ Я. С. Л у р ь е. Повесть о мунтянском воеводе Дракуле. В книге: Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958, стр. 420—421; J. Striedter. Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula... стр. 411—412.

но рассказ этот не совпадает по тексту с аналогичным рукописным рассказом и является, очевидно, иной записью того же устного предания. Еще более явно отличается рассказ об обращении Дракулы с купцами в страсбургской брошюре 1500 г. от рассказа о венгерском купце в русской повести и о флорентийском купце у Бонфини—Мюнстера. В брошюре «великий изверг» сам нарочно похищает деньги у купцов и затем жестоко расправляется с ними; в русской повести и у Бонфини речь идет о справедливости Дракулы и его борьбе со злоупотреблениями.

Итак, в основе всех письменных рассказов о Дракуле лежал живой, непрерывно меняющийся источник — устная традиция. Можно думать, что традиция эта продолжала существовать в фольклоре румын и других соседних народов еще много веков после XV в.

Наибольшее сходство с рассказами о Дракуле XV в. обнаруживают «повести о Владе Цепеше», найденные в бумагах известного румынского фольклориста и автора многочисленных сказочных сборников для детей Петре Испиреску. После смерти Испиреску эти «повести» были обнаружены среди его бумаг и посмертно опубликованы.³⁹

Тексты Испиреску во многом сходны с анекдотами, записанными в XV в. Только один эпизод, имеющий в записях Испиреску заголовок «Крепость Поенары», не встречается в известных нам текстах XV в.⁴⁰ Все остальные сказания, записанные Испиреску, встречаются либо в немецком рассказе, либо в русской повести и у Бонфини. С немецким рассказом совпадает анекдот о казни духовного лица, проповедовавшего против несправедливости, но не удержавшегося от того, чтобы взять кусок хлеба со стола Цепеша — однако это духовное лицо оказывается не католическим священником (Pfaff), как в немецком рассказе, а греческим (православным) монахом. Сходен с немецким рассказом и анекдот о том, как Цепеш разрезал живот своей любовнице, чтобы узнать, есть ли там ребенок, — но анекдот этот лучше мотивирован: любовница солгала Цепешу, чтобы подольститься к нему, и он разоблачил

³⁹ Тексты П. Испиреску публиковались по частям: разделы I—III — в сборнике «Făt Frumos», Sernăuți, год IX, 1934, № 5—6, стр. 113—116; разделы IV—VII — там же, год X, 1935, № 1—2, стр. 83—87; разделы VIII—IX были опубликованы отдельной брошюрой: P. Ispirescu. Povestii despre Vlad Ţepeş. Sernăuți, 1936 (труды семинара по современному румынскому фольклору). Перевод этих сказаний на русский язык, сделанный И. Ф. Фихманом, см. на стр. 194—203.

⁴⁰ Рассказ о строительстве крепости Поенары читается в валахской хронике конца XVII в. — «Летописи Кантакузино» (Istoria Ţării Româneşti 1290—1690. Letopisul Cantacuzinesc. Ediţie critică întocmită de C. Grecescu şi D. Simonescu. Editura Academiei Republicii Populare Romîne, 1960, стр. 4—5 и 205). В летописи Цепеш посылает на работу только молодых людей, а старых сажает на кол. В другом варианте летописного рассказа бояре не осмеивают брата Цепеша, а убивают его — Цепеш заставляет их копать землю, чтобы найти труп брата.

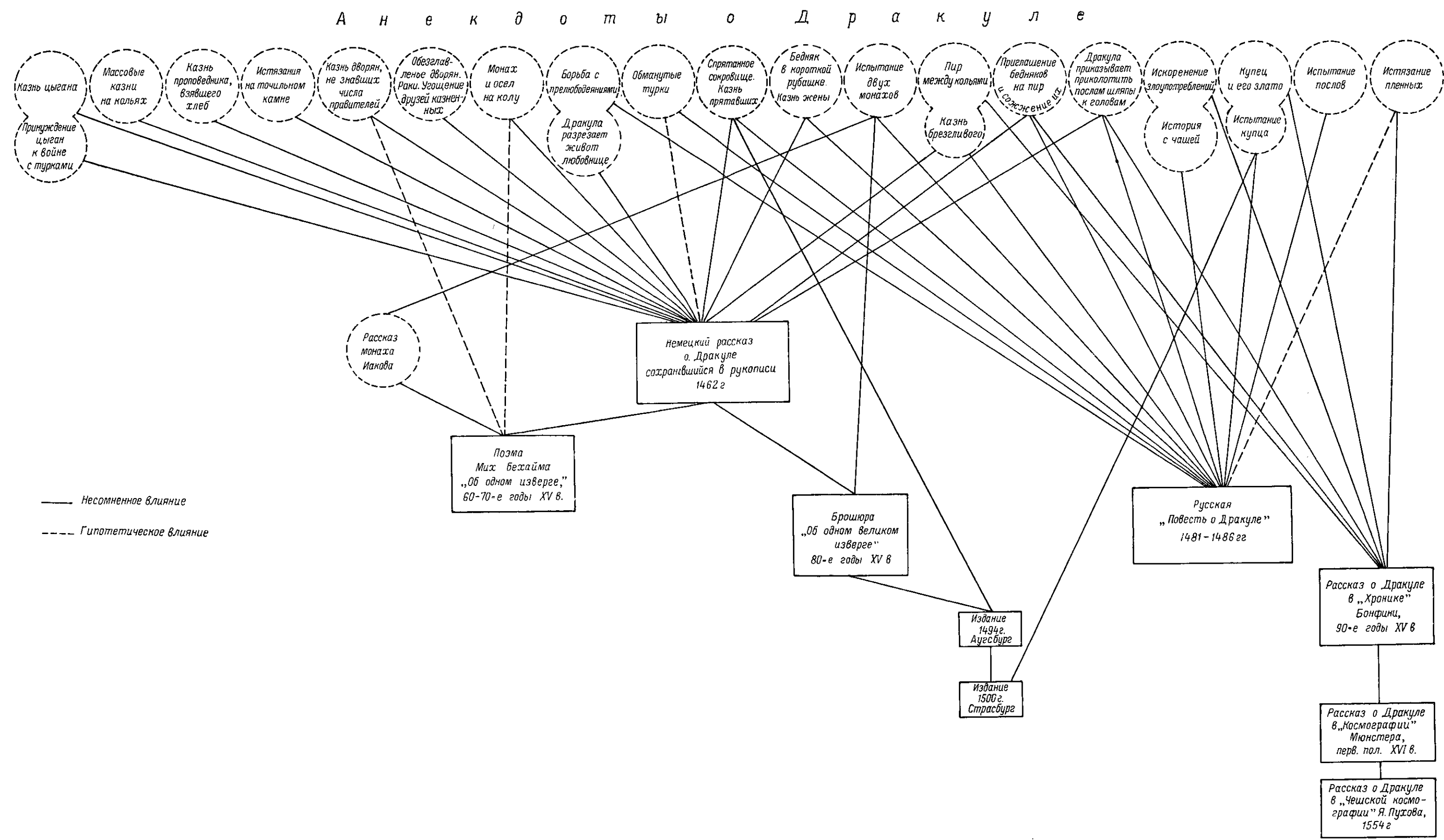

Схема происхождения сюжета «Повести о Дракуле» (в памятниках XV—XVI вв.).

ее обман. История с купцом, оставившим по приказу князя деньги на улице на ночь, рассказывается в записях Испиреску близко к варианту Бонфини: купец именуется флорентийским, и денег никто не крадет. История с пропажей денег стала в сказаниях отдельным сюжетом (помещенным Испиреску в конце его записей): некий иностранный купец потерял кошелек с деньгами и несправедливо обвинил человека, нашедшего эти деньги, в присвоении части найденного — Цепеш наказал лжеца, отдав кошелек обиженному. Казнь ленивой жены также ближе в записях к немецкому варианту, чем к русскому, — Цепеш дал крестьянину новую жену, и она работала без отдыха. Брезгливый человек, посаженный Цепешем на высокий кол, чтобы его не достиг запах трупов, оказывается здесь не почтенным гостем, как в немецком варианте, и не слугой, как в русской повести, а боярином. В эпизоде с испытанием двух духовных лиц — льстеца и хулителя — только один из них оказывается в записях монахом (греческим), а другой — сельским попом. Как и в немецкой брошюре, Цепеш казнит льстеца (монаха) и прощает правдивого (попа). Сожжение бедняков описывается сходно с рассказами XV в., но сказано, что нищими они стали от лени.

Сопоставление сказаний, сохранившихся в записях Испиреску, с письменными рассказами XV в. обнаруживает ряд интересных особенностей этих сказаний: последовательное сочувствие Цепешу (особенно заметное при сопоставлении с немецкими рассказами, сюжетно наиболее близкими к этим записям), большую логичность в изложении отдельных анекдотов (история с любовницей, с монахом и попом), отражение характерных черт румынского быта (вместо католических священников всюду выступают православные попы и т. д.). К сожалению, опубликованные посмертно записи Испиреску не содержат никаких указаний, где и от кого он их записал. Сам Испиреску был не столько исследователем-фольклористом, сколько писателем-сказочником, своего рода румынским Андерсеном. Мы не можем поэтому сказать с уверенностью, откуда произошли эти особенности его рассказов — из народной традиции или от литературной работы самого Испиреску (наивный «патриархальный» монархизм которого явно ощущается в этих рассказах). И все-таки предполагать, что записи Испиреску — его собственная композиция, целиком созданная по письменным источникам, было бы едва ли правильно. Против этого говорит прежде всего то обстоятельство, что бытование подобных сказаний о Цепеше отмечалось румынскими авторами и до Испиреску.⁴¹

⁴¹ П. Панаитеску полагает, что рассказ «Летописи Кантакузино» о строительстве крепости Поенары (см. стр. 32, прим. 40) восходит к устному источнику (P. P. Panaitescu. *Inceputurile istoriografiei în Țara Românească*. «Studii și materiale de istorie medie», vol. V, 1962, стр. 203). Какие-то устные рассказы о Цепеше использовал и румынский историк конца XIX в. Ксенопол — он рассказывает, как Цепеш посадил священ-

Дополнительными свидетельствами длительного существования «дракуловской темы» в преданиях Центральной Европы могут служить другие фольклорные материалы, не совпадающие по сюжету с известными нам легендами о Дракуле, но тоже посвященные этому князю. Это — предание о бегстве Цепеша от турок, записанное в уезде Арджеш (в предгорьях Карпат, северо-западнее Бухареста), южнославянские песни и какие-то легенды, использованные английским писателем Бремем Стоукером в романе «Дракула».

В предании, записанном в уезде Арджеш, рассказывается о том, как Влад Цепеш, разбитый превосходящими силами турок, укрылся в горной крепости. Турки осадили его и должны были захватить в плен, но племянник Цепеша, находившийся в турецком войске, бросил в крепость стрелу с запиской, в которой предупредил дядю об опасности. По совету местных крестьян, Цепеш с воинами покинул свое убежище, перековав коням подковы в обратную сторону, так что следы их, казалось, вели к крепости, а не от нее. В благодарность за совет Цепеш жалованной грамотой даровал крестьянам окрестные горы. Турки заняли крепость, но не смогли найти Цепеша, решив, что он провалился сквозь землю.⁴²

В сербских народных песнях о битве под Варной в 1444 г. отчество «Дракулович» или «Драгулович» присвоено их излюбленному герою — славонскому бану Секуле. Можно предполагать поэтому, что «Секула Дракулович» сербских народных песен — это контаминированный образ двух участников битвы при Варне — славонского бана Секулы и молодого Влада Цепеша (называвшегося «Дракуловичем», ибо прозвище Дракона (Дракулы) носил еще его отец Влад III).⁴³ Любопытно в связи с этим, что герой

ника, не сразу слезшего с коня, чтобы приветствовать князя, на кол вместе с конем (в аналогичном рассказе немецких текстов речь идет о монахе и осле); согласно приведенному им варианту анекдота, не Дракула, а трактирщик советует иностранному купцу оставить деньги на дороге и т. д. (A. D. Xenopol. *Istoria Romînilor din Dacia Traiană*, vol. II. Jassi, 1889, стр. 277—279; *Histoire des Roumains de la Dacie Trajane*, t. I. Paris, 1896, стр. 268).

⁴² C. Rădulescu-Codin. *Ingerul Românului. Povești și legende din popor*. Academia Română. Din viața poporului român. Culegeri și studii. XVII. București, 1913, стр. 83—86.

⁴³ В. Богишић. Народне пјесме из старијих највише приморских записа, књига прва (II одељење гласника српског ученог друштва, кн. X. Београд, 1878, № 18—21). Ср.: К. Висковатый. О «Секуле Дракуловиче (Драгуловиче)» югославянских народных песен. «Slavia», год. XIV, сеš. 1—2, Praha, 1935—1936, стр. 160—163. В битве при Варне отец Цепеша Влад III непосредственно не участвовал, но послал на помощь противотурецким силам 4000 валашских воинов под командой одного из своих сыновей, вероятно именно будущего Влада Цепеша (ср: *Johannis Dlugossi... Historiae Polonicae libri XII*. Francoforti, 1711, столб. 799—800; *Antonii Bonfinii Rerum Ungaricarum decades tres...*, стр. 462).

этих народных песен не только по имени «сын Дракона», но и сам как-то таинственно связан со змеей: стрела, пущенная в змею, летящую по воздуху, попадает в его сердце.⁴⁴

Брем Стоукер, как мы уже знаем, изобразил Дракулу не только в виде борца с турками, но и в виде вампира. Едва ли эта сюжетная линия (сделавшаяся в его романе основной) была только порождением фантазии романиста. Стоукер серьезно интересовался историей Дракулы; он обращался к помощи известного венгерского ученого Арминия Вамбери. Можно предполагать поэтому, что Стоукер использовал (прямо или через посредство письменного источника) какие-то предания, в которых Дракула выступал в роли вурдалака.⁴⁵ Легенды о вампирах-вурдалаках были популярны в фольклоре Центральной Европы — до Стоукера могли дойти западнославянские,⁴⁶ румынские⁴⁷ или цыганские⁴⁸ сказания такого характера. Дракула народных анекдотов, пировавший среди мертвецов (и уже ассоциировавшийся в немецкой литературе с блохой, пьющей кровь), вполне подходил для того, чтобы ему приписывали не только прижизненные, но и посмертные злодейства.

Как и западные рассказы о «великом изверге», русская повесть была написана на основе устных рассказов, услышанных автором в тех местах, где жила память о Дракуле. Но кто был этот автор? В научной литературе нынешнего столетия утвердился, как мы уже знаем, взгляд на повесть (особенно подробно обоснованный

⁴⁴ В. Б о г и ш и ъ. Народне пјесме. . . , № 19. Ср.: К. В и с к о в а т ы й. О «Секуле Дракуловиче». . . , стр. 163.

⁴⁵ Ср.: Н. L u d l a m. A Biography of Dracula: the Life Story of Bram Stoker. London, 1962, стр. 100. Сообщая о знакомстве Стоукера с Вамбери, Г. Ладлем утверждает также, что в одной из старинных рукописей, использованных Стоукером, Дракула именовался вампиром. К сожалению, однако, книга Ладлема не имеет научного характера и автор не ссылается на источник. О связи Стоукера с Вамбери писал также американский исследователь Б. Кёртли (B. K i r t l e y. Dracula, the Monastic Chronicles and Slavic Folklore. «Midwest Folklore», VI, 3, 1956, стр. 136), единственный известный нам автор, сопоставивший русскую повесть с романом Б. Стоукера.

⁴⁶ Со славянским фольклором связывает «Дракулу» Б. Стоукера Б. Кёртли (B. K i r t l e y. Dracula, the Monastic Chronicles and Slavic Folklore, стр. 133—139), отмечающий также сходные румынские поверья. Б. Кёртли обратил внимание и на сходство одного мотива русской повести (Дракула, сидя в тюрьме, ловит птиц и ошипывает их живьем) с аналогичным мотивом у Стоукера (заточенный в сумасшедшем доме безумец Ренфилд ловит птиц и ест их живьем). К сожалению, материал XV в. плохо известен Кёртли — он не знает ни немецких рассказов о Дракуле, ни хроники Бонфини; русскую повесть считает почему-то частью «монастырской хроники» из Кирилло-Белозерска, находящегося, по его мнению, «около финской границы» (!) и т. д.

⁴⁷ G. N a n d r i ş. Rumanian Folklore. «Aryan Path», April, 1954, Bombay, стр. 165.

⁴⁸ Zigeunermärchen. Unter Mitwirkung von M. Block und I. Ipsen herausgegeben von W. Aichell. Jena, 1926 (серия «Die Märchen der Weltliteratur»), стр. 56, № 13; стр. 83, № 20; стр. 87, № 21; M. B l o c k. Zigeuner. Ihr Leben und ihr Seele. Leipzig, 1936, стр. 142—143.

И. Богданом) как на произведение, написанное русским, побывавшим в конце XV в. в Венгрии и Молдавии. Однако некоторые румынские исследователи держатся иного взгляда. Уже в 1939 г. Н. Смокинэ высказал мнение, что повесть была написана трансильванским румыном и лишь затем переведена на русский язык;⁴⁹ к этому взгляду недавно присоединился и известный румынский медиевист П. Панаитеску. В пользу такого предположения говорят, по мнению исследователей, хорошая осведомленность автора о событиях в Венгрии и некоторые особенности языка повести. П. Панаитеску ссылается, например, на слова автора повести о судьбе потомства Дракулы: «Корол же сестру свою (жену Дракулы, — Я. Л.) взят, и со двема сынами, в Угорскую землю на Будин. Един при кралеве сыне живет, а другий был у Варадинского бискупа и при нас умре, а третьяго сына старейшаго Михаила тут же на Будину видехом». Переводя «тут же» как «здесь (aici)» П. Панаитеску делает вывод, что повесть написана в Будине—Будапеште. Что касается языка повести, то Панаитеску усматривает в нем ряд нерусских элементов (слова «боярин», «сиромах», «дукат», «поклисарь», «хранити» в смысле кормить и др.) и полагает, что повесть была написана на среднеболгарском языке (литературном и культовом языке Валахии и Молдавии) неким трансильванским румыном, жившим при дворе короля Матвея Корвина, а затем была сообщена русским послам в Венгрии и переведена на русский язык.⁵⁰

Все это построение представляется нам излишне сложным и недостаточно аргументированным. В конечном счете происхождение повести оказывается все-таки связанным с русским посольством в Венгрии; едва ли необходимо в таком случае предполагать, что у русских послов был не только у с т н ы й, но и п и с ь м е н ы й источник при ее написании. Слова «тут же на Будину видехом» не указывают на место написания повести; они просто означают, что автор видел третьего сына Дракулы в том же Буда-

⁴⁹ N. Smochină. Elemente românești în narațiunile slave asupra lui Vlad Tepeș. Iași, 1939.

⁵⁰ Cronicile slavo-române din sec. XV—XVI publicate de Ion Bogdan. Ediție revăzută și completată de P. P. Panaiteșcu. București, 1959, стр. 198—199. В своей недавно опубликованной рецензии на статью Ю. Штриллера («Revue roumaine d'histoire», 1963, t. II, № 1, стр. 253—259) П. Панаитеску привел еще некоторые аргументы против предположения о русском происхождении и фольклорных основах «Повести о Дракуле». Он указывает на историческую достоверность ряда сообщений повести (о борьбе Цепеша с боярами и т. д. — ср. стр. 29, прим. 34), а также на то, что сочувствие автора повести войне Дракулы против турок противоречит русской внешней политике XV в. Нам, однако, представляется непонятным, почему русский дипломат, побывавший в конце XV в. в Венгрии и Молдавии, не мог получить там некоторых вполне верных сведений о Владе Цепеше; враждебность к «бесерменам», обнаруживаемая в повести, была вполне обычна для русской литературы того периода (борьба с Большой Ордой; повести о Куликовской битве и о Тамир-Аксаке).

пеште, где и двух остальных его братьев. Автор повести, побывав в Венгрии и соседних землях, несомненно собрал там ряд интересных сведений из венгерской и «мутьянской» жизни — но сведения эти как раз обличают иностранца, пишущего для иностранцев, а не местного жителя. Отсюда и ряд пробелов в его познаниях: П. Панаитеску сам отмечает, например, что автор повести не знал названия столицы Дракулы — Тырговиште; он называл ее неопределенно — «его град».⁵¹ Такая неосведомленность была невозможна не только для молдаванина и валаха, но и для трансильванского румына.

Против трансильванского происхождения повести говорит и полное отсутствие в ней материалов, относящихся к самой Трансильвании, — пробел тем более удивительный, что немецкие рассказы как раз переполнены описаниями зверств, учиненных «великим извергом» в этих землях. Странно было бы автору повести (относительно не скрывавшему, как мы знаем, жестокостей Дракулы), если он действительно был трансильванцем, столь последовательно умалчивать о своей земле.

Своеобразие повести как памятника, посвященного иностранцем для русского читателя сюжетам, необходимо учитывать и при исследовании ее языка. Уже А. Д. Седельников отметил, что такие слова повести, как «дукат» и «миля» (в которых Ф. Буслаев видел элементы западнорусской лексики), «принадлежат прежде всего сюжету как бытовые реалии рассказываемого».⁵² И это совершенно справедливо: во всяком произведении из нерусской жизни неизбежен «иностранный колорит» — какие-то нерусские слова, связанные с местом действия; такие слова (например, туркизмы в сочинениях Пересветова — «алафа», «кадии», «шерт» и т. д.), конечно, не свидетельствуют об иностранном происхождении этих памятников. Именно для сюжета «Повести о Дракуле» нужны были автору такие слова, как «апоклисарь» (греческое — чужеземец, посол), «сиромах» (южнославянское — бедняк), «дукат», «бирев», «капы» и др. Когда автор писал, что имя Дракула «влашеским языком» значит то же, что «нашим дьявол», он как раз обнаруживал, что «влашеский язык» был для него и для его читателя непонятной экзотикой, а «нашим языком» был русский.

А между тем только этими сюжетными реалиями и исчерпываются «неруссизмы», обнаруженные исследователями в повести. Слово «боярин», как и некоторые другие слова, приведенные П. Панаитеску, были обычнейшими словами русского языка XV в. — отнесение их к «неруссизмам» является явным недора-

⁵¹ Характерно, что переписчики XVII в. заметили этот пробел в повести и создали фантастический город «Мутьян» как резиденцию Дракулы (см. стр. 158).

⁵² А. Д. С е д е л ь н и к о в. Литературная история повести о Дракуле, стр. 627.

зумением.⁵³ Что касается слова «хранити», то в древнерусском языке оно употреблялось обычно в смысле, близком к современному, — охранять, оберегать и т. д.⁵⁴ В таком смысле мы можем понимать это слово и в обращении Дракулы к ленивой жене бедняка в повести: «Он должен есть сеяти и орати и тебе хранити, а ты должна еси на мужа своего одежду светлу и лепу чинити». Но даже если слово «хранити» было употреблено здесь в том смысле, какой оно имеет в болгарском языке — «кормить», то и этот единственный болгаризм не свидетельствовал бы о нерусском происхождении повести: заимствования из южнославянских языков были, как известно, достаточно обычны в русском литературном языке XV в.⁵⁵

Возражения, высказанные против построения Н. Смокинэ и П. Панаитеску, в значительной степени могут быть отнесены и к недавно вышедшей работе П. Олтяну, посвященной языку повести о Дракуле. Концепция П. Олтяну несколько отличается, правда, от взглядов упомянутых авторов: П. Олтяну видит в дошедшем до нас тексте не перевод, а первоначальный, оригинальный текст повести. Но текст этот возник, по его мнению, не на территории Московской Руси, а в Северо-Западной Трансильвании, т. е. примерно на той же территории, к которой относят этот памятник Н. Смокинэ и П. Панаитеску,⁵⁶ и написан не по-русски,

⁵³ Помимо приведенных выше, П. Панаитеску приводит также слова: «trăpiați, grăvie, săda, smrăti». Транскрипция автора и ее соответствие кириллическому алфавиту (даже по его собственному изданию славянского текста) не совсем понятны; если П. Панаитеску имеет в виду слова «терпѣти», «первое» (или «право»), «сѣда», «смерти» (транскрибируемое в изданном им славянском тексте как «смрътъ» — стр. 201), то все эти слова были обычными в русском языке того времени (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., т. II, 1895, стлб. 1348—1349, 1762; т. III, СПб., 1903, стлб. 760—761, 889—891, 1088—1089). В своей рецензии на статью Ю. Штридтера («Revue roumaine d'histoire», 1963, t. II, № 1, стр. 256) П. Панаитеску причисляет к болгаризмам еще слова «пристав» и «витязь» — эти слова также были хорошо знакомы древнерусскому языку (И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1890, стлб. 265—266; т. II, стлб. 1458—1459); слово «пристав» встречается, в частности, в Судебнике 1497 г.

⁵⁴ И. И. Срезневский. Материалы. . . , т. III, стлб. 1401—1402.

⁵⁵ Ряд убедительных возражений П. Панаитеску высказан румынским историком Д. Богданом в его рецензии на книгу А. А. Зимина «И. С. Пересветов и его современники» («Analele romînosovietice», seria istorie, № 1, 1961, стр. 171, прим. 8). Ср. также замечания В. Стеникэ: «Studii. Revista de istorii», 1961, № 6, стр. 1572 (16).

⁵⁶ P. Olteanu. 1) Lexicul povestilor slave despre Vlad Țepeș. Revista Universității «C. I. Parhon». Seria științelor sociale. Filologie, № 2—3. București, 1955; 2) Limba povestilor slave despre Vlad Țepeș. По мнению П. Олтяну, автор повести «ничего не говорит о походах Цепеша против трансильванских саксов, вероятно потому, что не хотел ухудшать отношения между Валахией и Трансильванией» (P. Olteanu. Limba povestilor slave despre Vlad Țepeș, стр. 329). Но этот аргумент несостоятелен: если бы автор ставил перед собой подобные дипломатические цели, то он бы не говорил и о жестокости Дракулы по отношению к его собственным подданным,

а на карпатославянском языке. Речь идет, таким образом, уже не об отыскании отдельных «неруссизмов» в повести, а об общей характеристике ее языка. Естественно, что решающую роль в построении П. Олтяну приобретают аргументы лингвистического характера. Но аргументы эти трудно признать убедительными.⁵⁷ Для того чтобы доказать выдвинутый им тезис, П. Олтяну должен был не только найти некоторые слова и грамматические формы, встречающиеся в повести, в памятниках Закарпатской Украины, но и показать, что эти слова и формы (или хотя бы значительное их число, характеризующее лицо памятника), были чужды языку Северо-Восточной Руси и, напротив, типичны для языка Закарпатья. Но этого-то мы в его работе не обнаруживаем: отмеченные П. Олтяну лексические⁵⁸ и морфологиче-

о его войне с Венгрией и т. д. Автор повести вообще не был безусловным апологетом Дракулы и не стеснялся говорить об его отрицательных поступках.

⁵⁷ Отметим ряд серьезных неточностей в работе П. Олтяну: он объявляет себя последователем метода казанской лингвистической школы, называя в качестве ее представителей А. А. Шахматова и С. П. Обнорского (P. Olteanu. *Limba povestilor slave despre Vlad Ţepeş*, стр. 26, прим. 4) — между тем эти ученые никогда не принадлежали к казанской школе (И. А. Бодуэн де Куртене и др.); А. Д. Седельникову он приписывает взгляд на «Повесть о Дракуле» как на произведение, написанное «на южнорусском языке с западным влиянием» (там же, стр. 22 и 306), хотя А. Д. Седельников считал повесть памятником «великорусской беллетристики» и указывал, что западнорусские черты свойственны только ее Румянцевскому списку (А. Д. Се д е л ь н и к о в. Литературная история повести о Дракуле, стр. 627 и 639).

⁵⁸ Так, все существительные, которые П. Олтяну приводит как «характеризующие карпатославянский язык» (P. Olteanu. *Limba povestilor slave despre Vlad Ţepeş*, стр. 325; ср.: P. Olteanu. *Lexicul povestilor slave despre Vlad Ţepeş*, стр. 250), — «бочки, гость (в значении «купец»), девка, житие, злодей, кладяз, крамола, мних, недуг, плоть, полата, рожен, срачица, труп, храмина» — хорошо знакомы древнерусскому языку и приводятся в «Материалах» И. И. Срезневского (т. I, стлб. 201, 570, 781—782, 877, 1002—1003, 1212, 1313; т. II, стлб. 159, 378, 972—973, 1122—1124; т. III, стлб. 21—22, 145, 478—479, 1011, 1396—1397); так же обстоит дело с наречиями (и союзами), употребляющимися, по словам автора, «в местной карпатской речи» (P. Olteanu. *Limba povestilor slave despre Vlad Ţepeş*, стр. 326), — «внезапу, второе, довольно, коли, лихо, первое, прежде, также» и т. д. (И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы. . . , т. I, стлб. 388, 433, 687, 1250—1251; т. II, стлб. 27, 1348, 1646; т. III, стлб. 910—911). Полностью обнаруживаются в древнерусских памятниках и глаголы, относимые автором к категории слов, «которые по своей форме, смыслу и по распространению относятся к специфике этой области» (P. Olteanu. *Lexicul povestilor slave despre Vlad Ţepeş*, стр. 250); в своей второй работе П. Олтяну сам не дифференцирует глаголы повести, относя их к «карпатскому или восточнославянскому изводу» (P. Olteanu. *Limba povestilor slave despre Vlad Ţepeş*, стр. 326). Хорошо известны русскому языку и «союзы и частицы восточнокарпатского извода» (там же), включая «ни» в значении «нет» (И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы. . . , т. II, стлб. 444—445, значение 4). Любопытно, что сам П. Олтяну настолько мало различает карпатскую и русскую лексику, что в словуказателе к своей книге поме-

ские⁵⁹ особенности повести хорошо известны языку Киевской и Московской Руси; никаких специфических закарпатских черт повести автор не указывает.

Таким образом, мнение А. Востокова, И. Богдана и других исследователей представляется нам непоколебленным: автором русской «Повести о Дракуле» был вероятнее всего русский дипломат или путешественник XV в., посетивший Венгрию и близлежащие земли. Реалии, содержащиеся в повести, нисколько не противоречат этому заключению. Наоборот: именно русский автор, писавший для далекого русского читателя, мог сообщать расстояние от Будина (Будапешта) до близлежащего (4 мили) королевского замка Вышеград (Vizsegrad, нем. Plintenberg);⁶⁰ в устах жителя Будапешта, пишущего для своих земляков, такая справка звучала бы странно. Если автор, как полагают некоторые исследователи, был подданным Матвея Корвина и защитником его легитимных прав, то как мог он приписывать своему королю роль совратителя Дракулы, угрозами заставившего «мутьянского воеводу» отступить «от истины» и принять «латинскую прелесть»? Такая позиция, напротив, вполне естественна для русского дипломата, узнавшего историю Дракулы от венгерских подданных в соответствующем освещении, но не зависевшего от венгерского короля и не скрывавшего своей принадлежности к «православной нашей вере». Заметим, что в роли очевидцев автор и его товарищи выступают только один раз — когда речь идет о сыновьях Дракулы; собственными глазами они могли наблюдать весьма немного.

пает ее в единую рубрику («слова карпатские и русские»), в отличие от лексикой палеославянской, украинской и др.

⁵⁹ «Карпатославянский характер» повести автор доказывает также употреблением в ней некоторых форм родительного падежа множественного числа с мягким окончанием: «уби своих убиць» (P. Oltea n u. Limba povestilor slave despre Vlad Tereş, стр. 310). Ср., однако, аналогичные формы в «Повести временных лет» — «стада конь» (Повесть временных лет, ч. I, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 146) и в «Ефремовской Кормчей» — «блудник и прелюбодеиць. . . мучение ждет» (Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований. Изд. В. Н. Бенешевича. СПб., 1906, стр. 551). В русских памятниках постоянно встречаются именные (неченные) и стянутые прилагательные («волоскы», «разумен», «угорскы»), которые П. Олтяну (P. Oltea n u. Limba povestilor slave despre Vlad Tereş, стр. 327) считает заимствованными из «карпатского народного языка». Ср., например: «Перуна древяну, а главу его сребрену, а ус злат» (Повесть временных лет, ч. I, стр. 56); «Ио Чръны» из приписки Ивана Черного к «Еллинскому летописцу» (Н. А. К а з а к о в а и Я. С. Л у р ь е. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 280).

⁶⁰ Указание на расстояние между Вышеградом и Будином — «4 мили» — отсутствует в Древнейшем виде Кирилловской редакции (стр. 121), однако читается не только в Румянцевской редакции (стр. 144), но и в Забелинском виде Кирилловской редакции (стр. 134). Очевидно, в протографе эти слова читались и были просто пропущены в списке Ефросина.

Подчеркивая лишний раз ограниченность личного знакомства автора с описанными событиями, реалии повести помогают установить время ее написания. Рассказав о судьбе сыновей Дракулы, автор повести говорит далее о положении самой «Мунтянской земли»: «Стефан же молдавский з кралевы воли посади на Мунтянской земли некоего воеводского сына, Влада именем. Бысь бо той Влад от младенства инок, потом и священник и игумен в монастыри, потом ростригся и сел на воеводство и женился, понял воеводскую жену, иже после Дракулы мало побил и убил его Стефан волосьскы, того жену понял. И ныне воевода на Мунтянской земли Влад, иже бывы чернецъ и игумен». Влад Монах, о котором здесь идет речь, был сыном Дракулы (хотя автор повести этого явно не знал). Он вступил на престол (после краткого вторичного правления его дяди Раду Красивого и Лайоша Басараба) в 1481 г. Таким образом, «Повесть о Дракуле» была написана после 1481 г.⁶¹ и вместе с тем не ранее февраля 1486 г., когда, как мы уже указывали, была впервые переписана кирилло-белозерским писцом Ефросином.⁶²

При атрибуции «Повести о Дракуле» необходимо, таким образом, учитывать тесные хронологические рамки, в которые придется поместить дату написания повести. Именно эти хронологические рамки делают невозможным, например, предположение М. П. Алексеева о том, что «Повесть о Дракуле» мог привезти в Москву известный итальянский архитектор Аристотель Фиораванти, побывавший в Венгрии в 1467 г. и прибывший в Москву в 1475 г.⁶³ В 1467 г. Аристотель не мог узнать в Венгрии о событиях, произошедших позже этой даты, — вторичном воцарении и гибели Дракулы (1477 г.),⁶⁴ о воцарении Влада Монаха (1481 г.)

⁶¹ К 1481—1482 гг. относил написание повести уже И. Богдан, хотя он опирался при этом не на процитированный текст (из Кирилловского списка), а на испорченный текст Румянцевского списка, где слова «И ныне на Мунтянской земли воеводствуетъ» (см. стр. 145) по контексту должны быть отнесены к Стефану Молдавскому. Конкретно, однако, И. Богдан имел в виду тот же период, так как Стефан III «воеводствовал» в Валахии не непосредственно, а через своего ставленника Влада Монаха (I. B o g d a n. Vlad Tereş. . . , стр. 118—119; ср.: А. И. Я ц и м и р с к и й. Повесть о мунтянском воеводе Дракуле. . . , стр. 21—22). А. Д. Седелъников, отметивший год воцарения Влада Монаха (1481 г.) как «отправную дату» написания повести, указал еще на то, что ориентирующей датой могла быть дата смерти одного из сыновей Дракулы, произошедшая во время пребывания автора повести и его товарищей в Варадине (А. Д. С е д е л ь н и к о в. Литературная история повести о Дракуле, стр. 639, прим. 1), но эта дата, к сожалению, нам неизвестна.

⁶² См. стр. 11 и 122.

⁶³ М. П. А л е к с е е в. К истории гуманизма в Венгрии (рецензия на книгу венгерского исследователя Т. Кардоша). «Вестник ЛГУ», № 14, серия языка и литературы, вып. 3, 1959, стр. 134.

⁶⁴ М. П. Алексеев указывает, что «повесть о Дракуле основана на историческом событии, внесенном в венгерские хроники» (М. П. А л е к с е е в. К истории гуманизма в Венгрии, стр. 134), и ссылается на книгу Салаи,

и, главное, не мог видеть сыновей Дракулы, бежавших к Матвею Корвину лишь после гибели отца.

Поиски автора русской повести ограничиваются, таким образом, довольно узким кругом лиц: автором ее должен был быть русский, побывавший в Венгрии (Будин, Варадин) и других соседних с Валахией областях в начале 80-х годов XV в., и не один, а с какими-то спутниками («при нас», «видехом»). И такое лицо в России конца XV в. действительно существовало: уже А. Х. Востоков высказал, как мы знаем, догадку, что автором «Повести о Дракуле» был дьяк Федор Курицын, ездивший в Венгрию при Матвее Корвине. Иван III отпустил «посла своего Федора Курицына к Угорскому королю Матиасу о братстве и о любви» как раз в 1482 г.⁶⁵ Как и подобает послу, Курицын ездил не один, а «с своими товарищи»; он был в Бюде (Будине), где мог в эти годы видеть сыновей Дракулы, а на обратном пути, в 1484 г., посетил и Стефана III Молдавского, второго государя, упоминаемого в «Повести о Дракуле».⁶⁶

Мог ли, однако, Курицын успеть написать эту повесть, впервые переписанную, как мы знаем, кирилло-белозерским книжником Ефросином в феврале 1486 г.? Существенные сомнения по этому вопросу были высказаны А. Д. Седельниковым. Возвращаясь в Россию из Молдавии, Курицын был в 1484 г. задержан турками в Белгороде Днестровском (Аккермане); в марте 1486 г. Иван III благодарил крымского хана Менгли-Гирея за помощь в освобождении Курицына.⁶⁷ По мнению А. Д. Седельникова, к февралю 1486 г. Курицын мог разве что привезти в Москву «Повесть о Дракуле»; переписка ее кирилло-белозерским писцом за столь короткое время представлялась исследователю невозможной.⁶⁸ Нам уже приходилось возражать против этого хронологического расчета. Если Иван III в марте 1486 г. благодарил Менгли-Гирея за помощь в освобождении Курицына, то из этого не следует, что тот был освобожден только в начале этого года: сношения с Крымом были несистематичными и часто прерывались на значительный срок; Иван III в июле 1485 г. как раз жаловался хану на невозможность послать «доброго человека» в Крым,

в свою очередь указывающего на венгерскую хронику Бонфини (Ladislau von Szalay. Geschichte Ungarns, Bd. III, Abth. 1. Budapest, 1874, стр. 235 и 236, прим. 1; помимо Бонфини, Салаи ссылается на византийско-турецкие источники). Но хроника Бонфини (составленная, как мы знаем, в 90-х годах XV в. — позже русской повести) не знает подробностей о судьбе Дракулы после 1462 г. и никак не могла быть источником для автора русской «Повести о Дракуле» или Аристотеля Фиораванти.

⁶⁵ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 269—270; т. XXV, стр. 329.

⁶⁶ Сб. РИО, т. 41, СПб., 1884, стр. 41—44 и 47 (упоминание о «товарищах»).

⁶⁷ Там же, № 13 (стр. 47).

⁶⁸ А. Д. С е д е л ь н и к о в. Литературная история повести о Дракуле, стр. 637—639.

ибо «промеж нас ходят наши недруги».⁶⁹ Немецкий исследователь Ю. Штридтер, соглашаясь с этими соображениями, отметил, что Ф. Курицын мог приехать и ранее 1485 г.: умолчание Ивана III о возвращении Курицына при отравлении в Крым своего гонца в июле 1485 г. ни о чем не свидетельствует, так как Иван III не посылал с этим гонцом своей грамоты, а лишь давал ему инструкции, о чем «говорит» хану.⁷⁰

Итак, Курицын вполне м о г приехать за год-два до 1486 г.⁷¹ Больше того. Ознакомление с материалами русско-венгерских переговоров конца XV в. позволяет п о л о ж и т е л ь н о у т в е р ж д а т ь, что Курицын возвратился в Москву до августа 1485 г. Отвечая послу венгерского короля «Ивану диаку» относительно выполнения русской стороной союзного договора, заключенного Курицыным в Венгрии, Иван III заявлял (в 1487 г.): «Как до нас дошел наш посол Федор и грамоту твою утвержденную до нас донесл. . . и мы, видев твою, брата своего, грамоту утвержденную, тогда ж с божьею волею почали есмя дело делати и наступили есмя на твоего и на своего недруга на Казимира на короля на полского». В чем же выразился этот «почин и наступ» на «вопчего недруга», предпринятый после возвращения Курицына и получения привезенной им «утверженной грамоты»? Иван III подготовил ответ и на этот вопрос: «Князь великий Михайло Тверский с Казимиром с королем был в братстве и в любви и в докончание. . . и государь наш князь великий божьей милостью землю его Тферскую всю под ним взял».⁷² Первым актом русско-венгерского союза против Казимира, осуществленным после возвращения Курицына с «утверженной грамотой», было, таким образом, завоевание Твери, произошедшее 21 августа 1485 г.⁷³ Мы не задаемся в данном случае вопросом, насколько искренен был Иван III в своем ответе венгерским послам и было ли завоевание Твери действительно осуществлением тех обяза-

⁶⁹ Сб. РИО, т. 41, стр. 44. Ср.: Н. А. К а з а к о в а и Я. С. Л у р ь е. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века, стр. 181; Я. С. Л у р ь е. Повесть о мунтыянском воеводе Дракуле, стр. 422.

⁷⁰ Сб. РИО, т. 41, стр. 44—45. Ср.: J. S t r i e d t e r. Die Erzählung vom walachischen Vojewoden Drakula. . ., 417—418.

⁷¹ Совершенно необоснованным является утверждение К. В. Базилевича, что Ф. Курицын «вернулся в Москву в конце 1486 г. или в начале 1487 г.» (К. В. Б а з и л е в и ч. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, стр. 250, прим. 3). К. В. Базилевич полагал, очевидно (никак не мотивируя этого), что Иван III благодарил Менгли-Гирея в 1486 г. до возвращения Курицына в Москву.

⁷² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, ч. 1. СПб., 1851, стлб. 161, 166, 169. На эти сообщения как на основание для датировки возвращения Ф. Курицына обратил внимание английский исследователь Дж. Феннел в своей книге об Иване III (J. L. I. F e n n e l. Ivan the Great of Moscow. London, 1961, стр. 113—114).

⁷³ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 271.

тельств, которые Курицын дал Матвею Корвину. Нам важно только то, что заявление Ивана III имеет датирующее значение: поход на Тверь произошел после того, как «посол Федор... до нас дошел», и мог поэтому изображаться как акт выполнения союзного договора.

Основной аргумент, мешавший связывать написание русской повести о Дракуле с миссией Курицына в 1482—1484 гг., таким образом, отпадает. Русский посол, приехавший до августа 1485 г., имел полную физическую возможность написать это произведение на основе устных рассказов, услышанных во время пребывания в Будине, Варадине и Молдавии. Задержанный в 1484 г. в Белгороде, посол получил и вынужденный досуг для письменных занятий. Учтем при этом, что сам Курицын был весьма подходящим человеком для такого письменного творчества: он был не только дипломатом, но и мыслителем, «начальником» еретиков (по словам обличителя еретиков Геннадия Новгородского), составителем научно-философского «Лаодикийского послания»; из Венгрии он вывез одного из участников еретического кружка, «угрянина Мартынку».⁷⁴ Что касается кирилло-белозерского писца Ефросина, уже в 1486 г. переписавшего этот рассказ, то на его разнообразных литературных связях и широком интересе к памятникам светской письменности мы еще остановимся.

Итак, мы приходим к выводу, что «Повесть о Дракуле» возникла в результате ознакомления русского слушателя, весьма вероятно Федора Курицына, со сказаниями о Владе Цепеше, ходившими в 80-х годах XV в. в придунайских областях Центральной Европы. Сопоставление русской повести с другими рассказами о Дракуле позволяет не только установить, что все они восходили к общему устному источнику. Оно дает возможность выяснить идеологическое своеобразие повести, ее отличие от других сочинений о Владе Цепеше и помогает ответить на вопрос, зачем русский писатель конца XV в. обратился к этому сюжету.

⁷⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века, стр. 381.

Глава II

ИДЕОЛОГИЯ «ПОВЕСТИ О ДРАКУЛЕ»

Сопоставление русской «Повести о Дракуле» с другими сочинениями о нем позволяет прежде всего установить, что тема жестокости Дракулы отнюдь не была специфична для русской повести. Жестокость была присуща «великому извергу» во всех письменных и, очевидно, во всех устных рассказах о нем. Различия между рассказами выражались как раз в том, что они по-разному оценивали смысл и значение этой жестокости.

Наиболее прямолинеен в оценке Дракулы был немецкий рассказ, дошедший до нас в рукописном виде. Можно думать даже, что первоначальный немецкий рассказ, написанный до выступления венгерского короля против Дракулы, в ноябре 1462 г., имел конкретную политическую цель — настроить Матвея Корвина против его валашского вассала и вызвать разрыв между ними.¹ Автор рукописного рассказа (вероятнее всего трансильванский немец, резко враждебный Цепешу) подходил к анекдотам о Дракуле с сугубо деловой точки зрения: наряду с чисто хроникальными известиями о зверствах мутьянского воеводы в Трансильвании эти анекдоты были ему нужны как обвинительный материал против «великого изверга». Этим определялось и его безразличие к художественной стороне повествования: пересказывая анекдоты, автор рукописного рассказа то и дело забывал или просто опускал их логическую и сюжетную основу (история с монахом и ослом, казнь дворян, не знавших числа правителей, и т. д.), нисколько не смущаясь нелепостью рассказанных им историй. В поэме Бехайма и в печатных брошюрах, написанных после свержения Цепеша, появились уже некоторые беллетристические элементы — авторы стремились не только возмутить, но и заинтересовать читателя своим повествованием. К первоначальному тексту были добавлены новые анекдоты о Дракуле — например, анекдот об испытании двух мона-

¹ Это предположение высказал Г. Кондурату (G. Conduratu. Michael Beheims Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul. Mit historischen und kritischen Erläuterungen. Inauguraldissertation. . . Bukarest, 1903, стр. 20).

хов, окончившемся, согласно брошюрам, наказанием льстеца, хвалившего Дракулу, и прощением дерзкого обличителя, ругавшего тирана. Едва ли можно видеть в этой вставке выражение сочувствия Дракуле — его неожиданный поступок здесь никак не мотивирован и не подготовлен остальными эпизодами (у Бехайма, как мы знаем, соответствующий эпизод кончается казнью обличителя). Анекдот этот (как и анекдот о двух бернардинцах и осле у Бехайма) привлек скорее составителей брошюры своей занимательностью и неожиданностью развязки. Общая оценка Дракулы во всех немецких текстах остается резко отрицательной. С достаточной последовательностью проводится эта оценка в поэме Бехайма, который не ограничился описанием зверств Дракулы; он задумался и над вопросом, к чему приводит такая тирания, и высказывал по этому поводу довольно интересные мысли:

... При нем грубели нравы

И не в чести бывала честь,
Худого было же не счесть —
Так попиралось право!

Был каждый из придворных жив
Тем, что неверен был и лжив,
Все лгали как попало.

Другому верить, видит бог,
Тогда никто ни в чем не мог
И общности не стало...²

В рассказе Бонфини образ Дракулы оказался сложным и противоречивым: Дракула, по словам итальянского хрониста, «был человеком неслыханной жестокости и справедливости», его суровость давала подданным возможность «чувствовать себя в безопасности посреди леса»; раскрывая это положение, Бонфини приводил наряду с рассказами о жестокостях Дракулы рассказ о флорентийском купце, оставившем на ночь деньги на улице.

Двойственная оценка Дракулы еще определеннее выражена в русской повести.³ Русская повесть содержит значительно меньше рассказов о бессмысленных жестокостях Дракулы, чем немецкие рассказы (здесь нет таких немотивированных зверств, как убийство матерей с детьми, истязание на точильном камне, принуждение к людоедству и т. д.), и больше эпизодов, где поведение Дракулы мотивировано, и иногда даже вызывает одобрение. Начинается повесть с описания борьбы Дракулы с турками — борьбы героической и несомненно способной привлечь сочувствие читателя. Искоренение зла Дракулой показано в двух эпизодах —

² G. Conduratu. Michael Beheims Gedicht über den Woiwoden Wlad II. Drakul, стр. 52, стихи 927—940 (цитируем по неопубликованному стихотворному переводу, любезно предоставленному нам П. М. Карпом).

³ Пересказ русской повести см. на стр. 5—8; в дальнейшем все цитаты даем по Древнейшему виду Кирилловской редакции, стр. 117—122.

в истории с золотой чашей, которую никто не смел украсть, и в истории с купцом, которому Дракула вернул пропавшие деньги (в русской повести поведение Дракулы вполне осмыслено — в отличие от рассказа поздней немецкой брошюры, где и этот анекдот демонстрирует жестокость и самодурство «великого изверга»). Эпизод с монахами кончается, в отличие от рассказа немецкой брошюры, наказанием хулителя; если в немецком рассказе наказание любовницы Дракулы говорило только о его жестокости (ибо виновником ее беременности был он сам), то в русской повести речь идет о борьбе с прелюбодеяниями. В рассказах о приеме послов и о поведении Дракулы в Будине настойчиво подчеркивается стремление Дракулы поддержать высокий авторитет государственной власти. Конечно, у нас нет оснований утверждать, что эти эпизоды или их отдельные сюжетные элементы (мотивировка поступков Дракулы, развязка и т. д.) были выдуманы русским автором. В фольклоре XV в., по всей видимости, существовали рассказы, в которых злодей Дракула обнаруживал остроумие и некоторое уважение к справедливости (именно эти черты Влада Цепеша подчеркиваются в рассказах, записанных Испиреску). Но характерно, что если в немецких рассказах эта тема не отразилась (или отразилась в качестве смутно намеченного и противоречащего всему изложению мотива), то в русской повести она заняла важное место.

Об идеологическом своеобразии русской повести свидетельствует не только подбор включенных в нее эпизодов. «Повесть о Дракуле» состоит не из одних анекдотов; здесь мы встречаем и рассуждения — как действующих лиц, так и самого автора. Эти рассуждения имеют уже не фольклорный, а явно письменный, литературный характер. Отправляясь на войну с турками, Дракула говорит: «Кто хочет смерть помышляти, той не ходи со мною, остани зде». Речь в повести произносит и монах, одобряющий действия Дракулы: «Ты, государь, от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти (казненные, — Я. Л.) лихо творили, по своим делом въсприали». Осуждая монаха-хулителя, Дракула вопрошает: «Да почто ты из монастыря и ис келии своея ходиши по великим государем, не зная ничто же?..». Явно литературный характер (как мы увидим ниже) имеет и обращение Дракулы к послу, приговоренному к казни за собственное «малоумие». Даже один из самых мрачных поступков Дракулы, когда он созвал к себе на пир нищих и сжег их, получает объяснение ⁴ в речи Дракулы: «Да весте, что учиних тако: первое, да не стужают людем и никто же да не будет нищъ в моей земли, но вси богати; второе, свободих их, да не страждут никто же от них на сем свете от нищеты или от недуга».

⁴ В немецком рукописном рассказе сожжение нищих Дракулой никак не мотивировано; в брошюрах Дракула «сказал, что они объедают людей безвозмездно (sy essen den leuten das iz umb sunst) и не заработали этого».

И, наконец, наряду с речами, вложенными в уста Дракулы и других действующих лиц повести, мы читаем здесь и прямое рассуждение автора об искоренении «зла» Дракулой, предваряющее рассказ о золотой чаше, которую никто не смел украсть. Рассуждение это неоднократно цитировалось в литературе, и оно, действительно, важно для понимания идеологии «Повести о Дракуле».

Идеология повести, как мы уже знаем, вызвала серьезные споры в научной литературе: в «Повести о Дракуле» видели и официальный публицистический очерк в защиту мероприятий феодального государства и, напротив, памфлет против тирании и в защиту милосердия.

Едва ли, конечно, можно рассматривать «Повесть о Дракуле» как апофеоз «мутьянского воеводы». Образ «великого изверга», «Дракона» и «Сажателя на кол» уже настолько определенно сложился в фольклорных источниках повести, что выставлять этого князя в качестве образца, которому должны следовать правители, было бы трудно. В двух случаях автор повести даже прямо высказал свое осуждение Дракулы. По поводу перехода «мутьянского воеводы» в католичество он заметил, что Дракула «возлюбил паче временнаго света сладость, нежели вечнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свет, и приа тму»; рассказывая, как Дракула убил мастеров, изготовивших бочки для его золота, автор повести пояснил: «да никто же уесть съделаннаго им окаанства, токмо тезоимениты ему диавол».

Однако еще более ошибочно видеть основной смысл повести в осуждении Дракулы, в своеобразном «доказательстве от противного» идеи милосердия правителей. Сравнение русской повести о Дракуле с иностранными рассказами на эту тему показывает, что русская повесть как раз наиболее снисходительна к «мутьянскому» князю, содержит больше выгодных для его репутации эпизодов, чем все остальные рассказы. Когда автор повести выступает с рассуждениями, он рассуждает не о милосердии, а о казни «лихо творящих», о «грозной», суровой и нелицеприятной власти. В этом отношении наиболее характерно для идеологии «Повести о Дракуле» уже упомянутое нами (и свойственное только русской повести) рассуждение об искоренении «зла» Дракулой: «И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может испкупитись от смерти, и толико грозен бысь».

В чем же все-таки заключалась общая идея автора повести — для какой цели он представил нам столь противоречивый образ «мутьянского воеводы»? Сопоставление русской повести с аналогичными иностранными памятниками может помочь в решении этого вопроса. Заслуживают внимания в этом отношении не только

отличия русской повести от немецких рассказов, но и сходство ее с рассказом Бонфини. Прямой генетической связи между рассказом Бонфини и русской повестью, как мы уже знаем, установить нельзя: Бонфини приехал в Венгрию в 1485 г.; русское посольство в том же году уже вернулось в Москву, и никто из членов этого посольства не мог даже видеть итальянского хрониста. Но с идеями, популярными при дворе Матвея Корвина, русский автор вполне мог познакомиться. Венгерский хронист и автор русской повести сошлись в двойственной оценке Дракулы — естественно предположить, что в основе этой оценки лежали сходные взгляды на государственную власть. Рассказ Бонфини о Дракуле сам по себе лаконичнее русской повести, но зато об общих воззрениях его автора мы знаем несравненно больше: хроника Бонфини — обширное произведение, где автор не раз имел возможность изложить свои взгляды. Эти взгляды вполне объясняют и данную им оценку «жестокого и справедливого» Дракулы.

Итальянец Бонфини, ставший придворным хронистом венгерских королей, не был одинокой фигурой в Венгрии конца XV в. Царствование Матвея Корвина (1458—1490) было временем политического и культурного расцвета Венгерского государства. При дворе Корвина складывается целое гуманистическое направление, в центре которого стояли такие писатели, как Янус Панноnius, Янош Турочи и единоплеменники Бонфини, приехавшие в Венгрию еще раньше него, итальянцы Филипп Буонакорси Каллимах (впоследствии переселившийся в Польшу), Марцио Галеотто и Ронсано. В своем труде о гуманизме в Венгрии в XV—XVI вв. современный венгерский исследователь Тибор Кардош отмечает ряд общих черт, присущих гуманистической литературе времен Матвея Корвина. Он указывает, что литература эта, возникавшая под покровительством короля, не была тем не менее просто придворной литературой. В центре внимания венгерских гуманистов находилась проблема, волновавшая многих писателей эпохи Возрождения, — проблема сильной власти, устанавливающей единство и порядок в государстве. Проблему эту венгерские гуманисты решали прежде всего вполне светским путем: Галеотто и Каллимах были вольнодумцами в вопросах религии, Бонфини не заходил так далеко, но и в его хронике «божье провидение также отнесено на второй план». Создавая образ идеального властителя эпохи Возрождения, гуманисты основной его чертой считали принцип «справедливости» королевской власти — ее беспристрастия и нелицеприятия. Идеальный король, воспеваемый гуманистической литературой (и «народными йокуляторами» — мастерзингерами), «равным образом высоко ставит умственный фортель, бойкость, храбрость и прямоту».⁵

⁵ K a r d o s Tibor. A magyarországi humanizmus kora (книга имеет ре-
зюме на русском и итальянском языках). Budapest, 1955, стр. 420—424.

Принцип «справедливости» государя является главной теоретической посылкой для Бонфини; ставя на первое место благо государства (а не принципы христианской нравственности), итальянский хронист считал, что «справедливость» эта может совмещаться с чертами, явно отрицательными с моральной точки зрения, например с жестокостью. «Жестокость и справедливость» присущи в его хронике не только Дракуле. Еще ярче выражены обе черты в одной из центральных фигур хроники — в гуннском вожде Аттиле. Личность Аттилы вообще привлекала внимание венгерских гуманистов: в гуманистической историографии позднего средневековья гунны считались предками венгров; история Венгерского государства начиналась с походов Аттилы. Биографию Аттилы писал Каллимах; важное место уделял Аттиле и венгерский историк Янош Туроци. В изображении Бонфини Аттила — отнюдь не идеальная фигура. Бонфини неоднократно говорит о «жестоким и надменном нраве» Аттилы, о его ярости и свирепости, обрушивавшейся на целые народы; упоминает он и о коварстве Аттилы, «превосходившем коварство финикиян» (*perfidia plus quam Punica*).⁶ Рассердившись на своего брата Буду, самовольно давшего имя будущей венгерской столице, Аттила в гневе убил его собственными руками. Но тут же Бонфини в излюбленной манере гуманистической историографии влагает в уста Аттиле большую речь, в которой вождь гуннов обосновывает и оправдывает свой поступок. Аттила говорит, что он убил брата «ради справедливости и беспристрастия, ради соблюдения закона и для того, чтобы показать, с каким старанием следует исполнять предписания и приказы». Неожиданно обнаруживая ученость, Аттила вспоминает «божественного пастуха» Ромула, который тоже убил брата, ибо «хорошо знал, что нельзя ни управлять царством, ни расширять его, если не все будут подчиняться законам и царю». Так, по словам Аттилы, должны поступать и «все, кто начальствуют, если они хотят решения наилучшего для своего и общего блага (*rei publici*)».⁷

Таким образом, жестокость Дракулы не противоречила у Бонфини его оценке как справедливого государя — напротив, жестокость и ярость (как и «финикийское коварство») представлялись итальянскому гуманисту в некоторых случаях необходимыми свойствами правителей. И здесь нам на память неизбежно приходит единомышленник и младший современник Бонфини — флорентинец Никколо Макиавелли. Знаменитый «Князь» Макиавелли был написан лет через двадцать—двадцать пять после хроники Бонфини, но идеология макиавеллизма складывалась, конечно,

⁶ Antonii Bonfinii Rerum Ungaricarum decades tres... Basileae, 1543, стр. 48 и 57.

⁷ Там же, стр. 52—53. В приложенном к хронике Бонфини сочинении Каллимаха об Аттиле истории с братом Будой нет (там же, стр. dd).

постепенно, ⁸ и в рассуждениях Бонфини мы находим некоторые явные ее черты. «Новый князь (т. е. князь, только что захвативший власть или создавший новое государство — а такими и были у Бонфини Атила и Дракула, — *Я. Л.*) не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так как он часто вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии», — писал Макиавелли. ⁹ Важнейшим политическим средством для такого князя являются «хорошо примененные жестокости»; ¹⁰ он также должен быть «великим притворщиком и лицемером», соединяя в себе черты льва и лисицы. ¹¹

Для чего же служат все эти жестокости и коварства? Ответ Макиавелли достаточно ясен: речь идет об объединении страны «на благо всему ее населению»; ¹² «родину, — писал Макиавелли в другом сочинении, — надо защищать средствами славными или позорными, лишь бы защищать ее хорошо». ¹³ Именно в этом исторический смысл теорий «жестокого и справедливого» князя, возникших в период уничтожения феодальной раздробленности и образования национальных государств в Европе. Недаром идеалом Макиавелли в его «Князе» был Фердинанд Католик — объединитель Испании; заканчивался «Князь» пламенным «воззванием об овладении Италии и освобождении ее от рук варваров»: «Так, словно покинутая жизнью, ждет Италия, кто же сможет исцелить ее раны, положить конец разграблению Ломбардии, поборам в Неаполе и Тоскане, излечить давно загноившиеся язвы. Посмотрите. . . , как она вся готова стать под чье-нибудь знамя, лишь бы нашла человека, который ее поднимет». ¹⁴

Выступая против средневекового мира феодальной раздробленности, политические идеологи Возрождения отвергали и средневековую феодально-религиозную идеологию. Сильное и «справедливое» светское государство, а не «град божий» блаженного Августина, было для них конечным смыслом и целью политической деятельности «новых князей». Одна из глав «Князя» была направлена против тех, которые «держатся мнения, будто дела мира так направляются судьбой и богом, что люди, с их умом, ничего изменить в этом не могут»; ¹⁵ «новому князю» разрешалось и даже рекомендовалось в некоторых случаях выступать против предпи-

⁸ Ср., например: F. Meineske. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte. München—Berlin, 1925, стр. 33—36.

⁹ Никколо Макиавелли, Сочинения, т. 1, М.—Л., 1934, стр. 288.

¹⁰ Там же, стр. 250.

¹¹ Там же, стр. 287—288.

¹² Там же, стр. 324.

¹³ Там же, стр. 349; ср.: Н. Макиавелли. Государь и Рассуждения на первые три книги Тита Ливия. Перевод под ред. Н. Курочкина. СПб., 1869, стр. 490.

¹⁴ Никколо Макиавелли, Сочинения, т. 1, стр. 325.

¹⁵ Там же, стр. 320.

саний религии. Именно Макиавелли, по словам Маркса, первый стал «рассматривать государство человеческими глазами и выводить его естественные законы из разума и опыта, а не из теологии». ¹⁶ В этом — г у м а н и с т и ч е с к и й характер макиавеллизма, отнюдь не противоречащий, конечно, тому, что сторонники этого учения мало заботились о гуманности в нашем смысле этого слова.

Возникшие в борьбе с феодальной раздробленностью и феодальным произволом, теории «жестокого и справедливого» князя не могут, однако, рассматриваться как официальная идеология централизованных государств, начавших складываться с конца XV в. При всем своем суровом цинизме сторонники «хорошо примененных жестокостей» видели в этих жестокостях лишь средство для установления идеального общества; жестокая диктатура была в их глазах в р е м е н н ы м этапом, предшествующим будущей республике — царству справедливости.

В этом-то и сказался идеализм и утопизм макиавеллистов. Государственная власть в европейских государствах XVI—XVIII вв. не раз получала «известную самостоятельность» по отношению к борющимся классам феодального общества, ¹⁷ возникали сильные государства, но это были отнюдь не царства справедливости. Напротив, неограниченная личная власть монарха в значительной степени содействовала злоупотреблениям управителей и угнетению управляемых.

Бехайм гораздо проникательнее Бонфини понял неизбежные последствия такой неограниченной власти:

Другому верить, видит бог,
Тогда никто ни в чем не мог,
И общности не стало. . .

В этом историческая трагедия макиавеллизма. Ненависть к многочисленным «драконам» феодального мира побуждала мыслителей эпохи Возрождения мечтать о едином и сильном «драконе», который устрасит всех остальных, и создавать «мрачные утопии» о жестокой, но справедливой власти. Однако подлинное лицо этой власти им увидеть не довелось: ни Бонфини, живший во время недолгого расцвета Венгерского королевства, ни Макиавелли, так и не увидевший свою Италию избавленной «от рук варваров», настоящего абсолютизма не знали. Монархи XVI—XVIII вв. многому научились в школе Макиавелли, но именно потому, что власть их отнюдь не служила «благу всего населения», они очень не любили вспоминать цинично-откровенные проповеди флорентийского гуманиста (и даже прямо осуждали их), ¹⁸ предпочитая

¹⁶ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Сочинения, изд. 2, т. 1, стр. 111.

¹⁷ Там же, т. 21, стр. 172.

¹⁸ Автором специального трактата, направленного против Макиавелли, был Фридрих II Прусский; резко осуждал Макиавелли идеолог француз-

более благообразные теории «божественного права королей» и «просвещенного абсолютизма».

В России уничтожение феодальной раздробленности и образование централизованного государства произошло примерно в то же время, как и во многих западноевропейских странах — в конце XV в. Процесс этот имел ряд своеобразных черт — города были значительно менее развиты на Руси, чем в западноевропейских странах, здесь не сформировалась еще буржуазия и не было элементов капиталистического уклада. В образовании централизованного государства важную роль сыграли, по-видимому, внешнеполитические факторы. Но государственная власть достигла и здесь значительного могущества (особенно в XVI в.), обрела «известную самостоятельность» по отношению к отдельным группам господствующего класса. Русский «Дракула» Иван IV мог экспроприировать владения крупных феодалов, многие представители господствующего класса были уничтожены в результате опричного террора, но «полновластие» Грозного не становилось от этого ни «демократическим», ни «всеуравняющим» (как именовали его В. О. Ключевский и С. Ф. Платонов).¹⁹ Самое существо общественного строя не изменилось; царством справедливости, служащим «благу всего населения», государство Ивана Грозного было не в большей степени, чем абсолютные монархии Запада. Разорение основных производителей — крестьян достигло при Иване IV таких размеров, каких не достигало и во времена феодальной раздробленности. Уже вскоре после смерти Грозного прозорливый наблюдатель мог предсказать неизбежный «гражданский пожар (civil flame)»²⁰ в России, действительно разразившийся в начале XVII в.

Но реальные черты и последствия русской «грозной» власти стали очевидны лишь к концу XVI в.; в период складывания централизованного государства эти черты были еще едва различимы. Могла ли в России XV в. сложиться «мрачная утопия» в духе Бонфини, мог ли русский автор повести о Дракуле вдохновляться теми же идеями, что и венгерский хронист?

Как мы уже говорили, русская «Повесть о Дракуле» была написана в 1481—1486 гг., по всей вероятности, Федором Курицыным или близким к нему лицом. Противоречит ли это обстоятельство идеологии повести? Как отметил еще А. Д. Седелников, аргументы, которые выставлял Е. Петухов против написания этой повести еретиком Курицыным, «по существу не серьезные». Вопреки существовавшему прежде в историографии, но не основанному на

ского абсолютизма Боден (ср.: F. Meinecke. Die Idee der Staatsräson in der neueren Geschichte, стр. 70—80, 340—424).

¹⁹ В. О. Ключевский. Боярская дума. Пб., 1919, стр. 346; С. Ф. Платонов. Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. СПб., 1910, стр. 118.

²⁰ E. Bond. Russia at the close of the XVI century. London, 1856, стр. 34; Дж. Флетчер. О государстве Русском. СПб., 1909, стр. 32.

источниках мнению, еретики никогда не были противниками великокняжеской власти; особенно близко стояли к ней именно московские еретики, «начальником» которых был Курицын.²¹ Федор Курицын в течение многих лет был ближайшим сподвижником Ивана III: «Того бо державный во всем послушае», — писал о Курицыне его злейший враг Иосиф Волоцкий.²²

Выступление «начальника» московских еретиков в защиту «грозной» власти «великих государей» было в конце XV в. тем более естественным, что его враги — «обличители ереси» во главе с Иосифом Волоцким — занимали в этот период прямо противоположную позицию. Планы секуляризации монастырских земель, существовавшие в те годы у Ивана III, репрессии против крупных церковных иерархов и князей — покровителей церкви, наконец, прямые связи между «державным» и еретиками — все это вызвало в среде крупных духовных феодалов резко оппозиционные настроения по отношению к великокняжеской власти. Как и русские книжники предшествующих веков, «воинствующие церковники» конца XV в. считали «злыми царями» тех государей, которые нарушают божественный «закон». Но если прежде в литературе не ставился вопрос о том, как поступать с такими «злыми царями»,²³ то теперь Иосиф Волоцкий и его сподвижники прямо высказали мысль о необходимости сопротивления «царской власти», не соблюдающей «заповедей господних». «Аще ли же есть царь, над человеки царствуя, над собою же имат царствующа страсти и грехи, сребролюбие и гнев, лукавство и неправду, гордость и ярость, злейши же всех — неверие и хулу, таковой царь не божий слуга, но диаволь, и не царь, но мучитель», — писал Иосиф Волоцкий. «И ты убо такового царя или князя да не послушаеши, на нечестие и лукавство приводяща тя, аще мучит, аще смертию претить!».²⁴ К сопротивлению «царям» и «мирским властителям», не соблюдающим церковного благочестия, призывали в те годы и другие «обличители ереси».

Идеология «Повести о Дракуле» в первую очередь резко противоречит именно этой иосифлянской политической доктрине. Как и Бонфини, автор «Повести о Дракуле» никак не ставил свою оценку Дракулы в зависимость от соблюдения им «заповедей господних». Дракуле в повести были присущи и «лукавство», и «неправда», и «гордость, и ярость», и даже величайший грех «неверия» — отступничество от православия. Нарушал Дракула и

²¹ Ср.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 127 и 164—169.

²² Там же, стр. 155.

²³ Ср.: В. Вальденберг. Понятие о тирании в древнерусской литературе по сравнению с западной. ИпоРЯС, т. II, кн. 1, 1929, стр. 215—216.

²⁴ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века, стр. 346.

другую обязанность, предписанную доброму христианину в «словах» Иосифа Волоцкого, — «нищелюбие». «Беседуя нищему, да не оскрѣбиши его: обесчестивая бо нищаго раздражаетъ сътворшаго и», — писал Иосиф Волоцкий. «Алчнаго накрѣми, жаднаго напои, яко же сам господь повеле, нагаго одежди, странна введи, болнаго посети, к темници доиди, и виждь беду их и, аще что требуют, подаждь им, и поскорби, и въздохни, и прослезися с ними».²⁵ Автор «Повести о Дракуле», видимо, отнюдь не сочувствовал этому традиционному монашескому «нищелюбию» иосифлян (служившему одним из обоснований необходимости существования монастырей и вызывавшему резкий протест у радикальнейшего из русских еретиков — Феодосия Косого).²⁶ Поведение Дракулы в повести выглядит как злая пародия на этот совет Иосифа: Дракула и «накормил» и «напоил» «нищих и странных», но избавил их «от нищеты и от недуга» несколько своеобразным способом. Более определенно осуждал автор последний грех Дракулы — переход в латинство: к «латинству», во многом вдохновлявшему русских «воинствующих церковников», русские еретики были резко враждебны. Но при всех этих грехах и преступлениях Дракула не переставал в глазах автора повести оставаться государем, способным искоренять зло в своем государстве.

Взгляды Иосифа Волоцкого и его единомышленников отвергались в повести не только косвенно, но и прямо. «Да почто ты из монастыря и ис келии своя ходиши по великим государем, не зная ничто ж?», — вопрошает Дракула монаха, державшего учить его, великого государя, как надо управлять государством. В этих словах, перекликающихся с выступлениями публицистов XVI в. против иноков, которые «в мире бродят и скитаются», считая себя «разумнее всех человек в мире» и вмешиваясь в государственное управление,²⁷ обнаруживается явная враждебность повести к «воинствующим церковникам».²⁸

Но московские еретики, «начальником» которых был Курицын, были не только противниками феодальной церкви и религиозными реформаторами — их несомненно интересовали и социальные вопросы. Написанное Федором Курицыным «Лаодикийское послание» начиналось с декларативного заявления о «самовластии души»; судя по утверждению их противников, еретики, по-видимому, даже выступали против неравенства в человеческом обществе — «чело веки овы милуемы, овы мучимы, овы веселящася в богатстве

²⁵ Там же, стр. 358.

²⁶ Послание многословное. Сочинение инокa Зиновия. М., 1880 (оттиск из ЧОИДР, кн. II), стр. 143.

²⁷ Г. Н. Моисеева. Валаамская беседа — памятник русской публицистики середины XVI века. М.—Л., 1958, стр. 164—165, 167, 173.

²⁸ Ср.: J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula in der russischen und deutschen Überlieferung. «Zeitschrift für Slavische Philologie». Bd. XXIX, H. 2, 1961, стр. 415.

инныя же в нищете стражуша». ²⁹ Чем же мог привлечь этих реформаторов «диавол» на троне, «зломудрый» Дракула?

Заметим еще раз: мы отнюдь не считаем «Повесть о Дракуле» официальным произведением, цель которого заключалась в изображении идеального государя. Ни одна власть в мире не признала бы своего тождества с «диаволом», пировавшим среди кольев, на которых разлагались трупы казненных им людей. «Повесть о Дракуле» — не инструкция для государей и судей, а литературное произведение, автор которого *р а с с у ж д а е т* о жестокости монархов и различных последствиях этой жестокости, так же как это делал Бонфини в своей хронике (на примерах Аттилы и того же Дракулы) или Макиавелли в «Князе» и «Рассуждениях на первые три книги Тита Ливия». Любопытно, что и судьба этих рассуждений оказывалась в историографии сходной: если некоторые исследователи Макиавелли утверждали, что Макиавелли в действительности вовсе не был «макиавеллистом», что он не прославлял тиранов, а, напротив, предостерегал против «дьявольского превращения» государства в тиранию, ³⁰ то и исследователи «Повести о Дракуле» видели в ней прикрытую проповедь милосердия.

Ни автор «Повести о Дракуле», ни его далекие западные собратья не были «тираноборцами». Но не были они и прислужниками тирании, угодливыми «слугами Дракона», прославляющими его неограниченные достоинства и не видящими пороков. Пафос «Дракулы», как и пафос макиавеллизма, — не в утверждении еще не сложившегося централизованного государства, а в отрицании предшествующего ему феодального самовластия. Автор «Повести о Дракуле» вовсе не скрывал дьявольского «окаянства» «мутьянского воеводы», но главными злодеями были в его глазах все-таки те «великие бояре», те владельцы «великого богатства», которые в окружавшей его реальной действительности могли «искупиться от смерти» за любой поступок. И здесь автор повести сходилися во взглядах — и в заблуждениях — с широчайшими слоями населения русских земель XV в. «Русская земля да будет богом хранима! — писал Афанасий Никитин в своем «Хождении за три моря». — Боже сохрани! Боже сохрани! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя вельможи (бояре) Русской земли несправедливы (недобры). Да станет Русская земля благоустроенной, и да будет в ней справедливость». ³¹ Такую же ненависть к крупным феодалам — и духовным и светским — и неопределенную, но настоя-

²⁹ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века, стр. 408.

³⁰ L. von Muralt. Machiavellis Staatsgedanke. Basel, 1945. Такой взгляд на Макиавелли высказывал еще Руссо (М. Ковалевский. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламентаризму, т. 1. М., 1906, стр. 376—377).

³¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. 2. М.—Л., 1958 (серия «Литературные памятники»), стр. 25 и 85.

чивую веру в «великого князя» как своего защитника обнаруживали и крестьяне в судебных списках и правых грамотах XV в.³²

Для понимания идеологических позиций автора «Повести о Дракуле» весьма плодотворным представляется сопоставление повести с публицистическими произведениями XVI в. — «Сказанием о Магмете салтانه» и «Большой челобитной» Ивана Пересветова. В отделении своей политической доктрины от заповедей религиозного «закона» Пересветов пошел дальше автора повести — «правда», под которой Пересветов понимал справедливое государственное устройство, возможное даже в мусульманской Турции, прямо противопоставлялась им «вере»: «Бог не веру любит — правду».³³ Подробно описывая «правду» Магмета-султана, Пересветов, как и автор «Повести о Дракуле», вовсе не склонен был безусловно одобрять своего героя: Магмет у него тоже «кровопиец», кроме того, он еще и нехрист (хотя Пересветов и приписывал ему неосуществившееся намерение перейти в христианство). Но «без таковой грозы немочно в царство правды ввести», — считал Пересветов.³⁴ Эту же мысль, очевидно, разделял и автор «Повести о Дракуле».

Подобно своим западным собратьям, русские противники крупных феодалов согласны были принять даже «грозную» и «зломудрую» власть, лишь бы она установила «правду» в государстве. И подобно западным сторонникам «жестокости и справедливости» князя, они должны были горько разочароваться в своих надеждах. Грозная власть, которую они призывали, оказалась весьма далекой от их идеалов и не проявила ни малейшей благодарности к своим провозвестникам.

Об этом достаточно красноречиво говорит судьба человека, в котором мы с наибольшим основанием можем видеть автора (или одного из авторов) «Повести о Дракуле». Ближайший сподвижник «державного» Федор Васильевич Курицын был свидетелем многих «окаянств» Ивана III, этого «великого макиавеллиста» в политической практике.³⁵ Грубо попирая договоры, неоднократно нарушая собственные клятвы, Иван III подчинял себе соседние земли — Новгород и Тверь; за присоединением этих земель следовали массовые казни. Своего брата, удельного князя Андрея Углиц-

³² Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, стр. 263—275.

³³ Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, стр. 181; ср. стр. 153, 161, 176—177. Ср.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 396—400. Не соглашаясь с А. А. Зиминим в его оценке идейного смысла «Повести о Дракуле», мы считаем вполне обоснованным сближение этой «Повести» с сочинениями Пересветова (ср. также: J. S t r i e d t e r. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula. . . , стр. 414).

³⁴ Сочинения И. Пересветова, стр. 153.

³⁵ «Великим макиавеллистом» назвал Ивана III К. Маркс в «Хронологических выписках» (Архив Маркса и Энгельса. М., 1946, стр. 159).

кого, «державный» вероломно заманил в западню, а затем приказал умертвить. Незнатного дьяка мало беспокоили все эти «окаянства» — речь шла ведь о людях вчерашнего дня, о «столпах» ненавистного удельного строя, которых оплакивал его враг Иосиф Волоцкий. Труднее, вероятно, Федору Васильевичу было примириться с расправой над новгородскими иконоборцами в 1490 г. — многие из них были его друзьями. Но все искупалось во имя великой цели — создания нового царства «Москвы и всей Русской земли и иных новых земель», государства, где не будет монастырей и тунеядцев-иноков, где ни «великий боярин», ни священник, ни инок, ни владелец «великого богатства» не смогут «искупиться от смерти» за преступления. Ради этого можно было примириться и с убийствами и с ложью.

Но наступили первые годы XVI в. «Державный» объединил под своей властью всю Северо-Восточную Русь и одержал блистательные победы над своими западными соседями. Нужны ли ему были теперь те трудные и во многом опасные реформы, которых хотел Курицын? Не лучше ли было порвать с дерзкими мечтателями, рассуждавшими о том, «яже бог не повелел»? Церковь давно была готова к сближению с «державным» — Иосиф Волоцкий охотно соглашался прославлять вчерашнего «злого царя», требуя от него только одного: казни вольнодумцев. Иван III уступил: по решению великого князя и церковного собора на костер был отправлен брат и сподвижник Федора Курицына Иван-Волк и другие еретики. Судьба самого Федора Васильевича остается неясной. Может быть, он был умерщвлен, но не так всенародно, как его брат, а тайком; может быть, сам предпочел уйти из жизни. А может быть, «державный» оказал своему бывшему любимцу последнюю милость — заточил его в далекий монастырь, где опальный дипломат, еретик и писатель получил достаточно досуга, чтобы подумать над достоинствами и недостатками «грозной власти».

Судьба вероятного автора «Повести о Дракуле» во многом объясняет и судьбу его произведения.

Глава III

«ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ» И ДРЕВНЕРУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Идеология «Повести о Дракуле» была достаточно сложной — она не сводилась ни к осуждению, ни к безусловному одобрению «мутьянского воеводы». Это обстоятельство сказалось и на построении повести.

Древнейшие списки повести, известные нам, — это Кирилловский список 1490—1491 гг. и Румянцевский список 1499—1502 гг.¹ Полностью сохранившие (в отличие от более поздних списков) текст памятника, включая концовку, Кирилловский и Румянцевский списки по-разному располагают текст, образуя, таким образом, две различные редакции повести (сохранившиеся и в дальнейшей традиции). В обоих списках текст начинается с рассказа о борьбе Дракулы с турками — борьбе героической и вызывающей сочувствие читателя; далее следуют отдельные анекдоты о «зломудром» воеводе, расположенные в Кирилловской и Румянцевской редакциях по-разному. Кирилловская версия явно первоначальнее Румянцевской — об этом неоднократно свидетельствует текст этой версии, лучше сохранившей иностранные реалии оригинала и лишенной явных ляпсусов Румянцевского списка;² об этом же свидетельствует и композиция повести, более ясная и последовательная в Кирилловской редакции. За эпизодом, посвященным искоренению «зла» Дракулой, здесь следуют другие эпизоды, связанные с его государственной деятельностью: уничтожение нищих для искоренения бедности в стране, утверждение неограниченной власти государя (испытание монахов), борьба с воровством (история с купцом), борьба с прелюбодейством и леностью. Лишь после этого следуют рассказы о «кознях» «мутьянского воеводы»: пир среди трупов, испытание посла, расправа с «неизящными» послами и убийство мастеров, притавших сокровища Дракулы, — единственный эпизод, где прямо высказано осуждение его дьявольского

¹ См. стр. 117—122 и 140—145.

² Ср.: А. Д. С е д е л ь н и к о в. Литературная история повести о Дракуле. ИпоРЯС, т. II, кн. 2, 1929, стр. 627—636. Ср. стр. 41, прим. 61 и стр. 99.

«окаанства». Таким образом, эпизоды как бы располагаются по степени их государственной важности (в убывающем порядке). В Румянцевской версии эта последовательная композиция — сознательно или случайно — изменена и эпизоды, рисующие самодурство Дракулы (казнь брезгливого слуги, разговор с послом), вклиниваются между эпизодами более серьезного государственного значения (об искоренении «зла», об угорском купце). Однако в обеих редакциях образ Дракулы остается двойственным — государственная мудрость сочетается в мутьянском воеводе с «окаанством».

Такая двойственность при изображении центрального персонажа не была обычным явлением в древнерусской литературе. Говоря о художественном своеобразии древнерусской литературы, исследователи часто обращают внимание именно на присущее ей однозначное, «черное» или «белое», изображение человеческой личности. Для большинства литературных произведений древней Руси человек, по замечанию Д. С. Лихачева, был лишь «отвлеченным объектом дидактических размышлений»; человеческий характер со всей его сложностью и противоречивостью был «открыт», по мнению исследователя, только в литературе XVII в.³

Еще решительнее подчеркивает своеобразие древнерусской литературы И. П. Еремин. Важнейшей особенностью этой литературы он считает ее прямолинейный «воинствующий дидактизм»: «Если писатель нового времени, изображая жизнь, обычно представляет читателю самому сконструировать идеал, и часто от обратного, то писатель древнерусский выражал идеал не косвенно, а прямо и непосредственно, все подчиняя этой задаче и ничего не оставляя на долю догадок и интуиции читателя».⁴ «Вокруг этого идеала, — читаем мы в той же статье И. П. Еремина, — автор всеми доступными ему средствами стремился создать атмосферу приподнятости, необыкновенной, почти благоговейной серьезности. Смех здесь был бы неуместен, да он здесь никогда и не звучал».⁵ Придавая изображению «идеала» в древнерусской литературе важнейшее значение, И. П. Еремин полагает, что именно оно открывало этой литературе выход «на широкие просторы искусства»; изображение действительности, жизни «как она есть» имело в древнерусской литературе «не художественное, а только познавательное значение».⁶ Вот почему древнерусская литература, по мнению И. П. Еремина, принципиально несопоставима с литературой нового времени. «Древнерусская литература, — настаивает он, — литература средневековая; она имела свое собственное художественное содержание, не разложимое ни на какие „элементы“ или „тенденции“

³ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 9, 15.

⁴ И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы. «Русская литература», 1958, № 1, стр. 79 и 82.

⁵ Там же, стр. 78.

⁶ Там же, стр. 81.

иных художественных систем; она исходила из своих собственных эстетических принципов и в своем художественном „ключе“ создавала произведения не менее значительные и художественно убедительные, чем литература нового времени».⁷

Насколько отмеченный И. П. Ереминым «воинствующий дидактизм» диктовался эстетическими принципами древнерусских писателей, мы здесь решать не будем. Сложность вопроса заключается в том, что представители агиографической и церковно-учительной литературы, которую в первую очередь имеет в виду исследователь, сами не подходили к своему писательскому труду с эстетической точки зрения: для них этот труд имел не столько художественное, сколько деловое (религиозно-ритуальное или нравственно-воспитательное) значение. Согласимся во всяком случае с тем, что перечисленные свойства — прямолинейный дидактизм, торжественность, «благотворительная серьезность» — свойственны многим, пожалуй даже большинству известных нам памятников древнерусской литературы.⁸ Но был ли этот стиль единственным художественным стилем древнерусской литературы, господствовал ли он в ней безраздельно?

Говоря в своей книге о стилистических системах древней Руси (до XVII в.), Д. С. Лихачев в основном рассматривает эти системы как единые и преобладающие для каждого отдельного периода. Такие стилистические системы, как «экспрессивно-эмоциональный стиль» и «психологическая умиротворенность» XIV—XV вв., «идеализирующий биографизм» XVI в. и др., согласно его концепции, сменяют друг друга во времени, но не противостоят друг другу. Ни одна из этих систем не знает человеческого характера: индивидуальность человека здесь ограничена прямолинейным отношением его к одной из двух категорий — добрых или злых, положительных или отрицательных;⁹ вплоть до конца XVI в. в литературе господствуют «средневековые принципы идеализации человека, нормативного идеала».¹⁰ Лишь для наиболее раннего периода русской литературы Д. С. Лихачев делает — с полным основанием — исключение. В литературе XI—XIII вв. «монументальный историзм», «подтягивавший» реальных людей к идеалам, созданным феодальной идеологией, знавший «только две краски — черную и белую», сосуществовал, по мнению Д. С. Лихачева,

⁷ И. П. Еремин. К спорам о реализме древнерусской литературы. «Русская литература», 1959, № 4, стр. 8.

⁸ О значении «религиозно-дидактической» темы в древнерусской литературе писала в «Истории русской литературы» В. П. Адрианова-Перетц, но она называла рядом с ней и другую, «национально-историческую» тему этой литературы, считая общей чертой древнерусской литературы «учительство», унаследованное, хотя и не в столь дидактической форме, русской литературой нового времени (История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948, стр. 428—439).

⁹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 81 и 86.

¹⁰ Там же, стр. 113.

с иным, «эпическим стилем».¹¹ «Эпический стиль», теснейшим образом связанный с устным народным творчеством, отразился в «Повести временных лет», отчасти в «Слове о полку Игореве» и в некоторых других памятниках. Ряд персонажей этих литературных памятников действительно совершенно не подчиняется нормам описанной выше «черно-белой» литературы «нормативного идеала». Что представлял собой, например, вещий Олег, мудрый князь-язычник, хитростью взявший христианский Царьград, или не менее хитрая Ольга, обманувшая глупых древлян и жестоко отомстившая им за смерть мужа?¹² Ни один из этих «эпических» персонажей не подходит к роли «положительных» героев дидактической литературы: они хитры, иногда коварны, неизменно ловки и остроумны — Ольга ухитрилась «переключать» византийского императора даже в момент крещения, — но отнюдь не добродетельны с христианской точки зрения.

Считая, что «эпический стиль в изображении людей стадiallyно предшествует монументальному, как предшествует устное творчество народа письменности», Д. С. Лихачев полагает, однако, что с появлением письменности не исчезает «воздействие на литературу этого эпического стиля в изображении героев».¹³ Но характерные черты «эпического стиля» в изображении людей исследователь обнаруживает только в памятниках XI—XIII вв.; далее в литературе как бы безраздельно устанавливается (вплоть до XVII в.) господство «нормативного идеала».

Так ли это? Своеобразие и яркую индивидуальность литературных героев Д. С. Лихачев объясняет прежде всего воздействием фольклора. Но устное народное творчество не исчезло в XIII в. и влияние его носителей на литературу не прекратилось. А наряду с непосредственным влиянием «бахарей и скоморохов» в русской письменности существовали и продолжали существовать и иные источники литературного творчества, противостоявшие канонам христианской дидактики. К числу таких источников относились, например, библейские эпические сказания — герои этих сказаний, могучий Самсон, обманутый коварной Далилой, хитрый Давид, победивший Голиафа, мудрый Соломон, «побеждаемый похотью женскою», отнюдь не отличались одноплановой добродетельностью церковно-учительной литературы. Библейский эпос во многом оказывался близким древнерусскому эпосу: недаром Самсон наряду с русскими богатырями попал в русские былины и стал одним из участников борьбы с татарами. Фольклорно-эпические традиции проникали в русскую письменность и из некоторых переводных византийских памятников (хроника Малалы и др.).

Вопрос о литературных явлениях древней Руси, противостоявших агиографической и церковно-учительной литературе, несом-

¹¹ Там же, стр. 32.

¹² Там же, стр. 71.

¹³ Там же, стр. 73.

ненно заслуживает специальной разработки. Если основная особенность литературы «нормативного идеала» может быть определена как «прямолинейный дидактизм», то противоположную тенденцию мы бы определили как художественную косвенность, нарождавшуюся в древнерусской литературе. Наряду со своеобразной «антиэстетической эстетикой» дидактической литературы, ничего не оставлявшей для догадок и интуиции читателя, навязывавшей ему готовый идеал, в древнерусской литературе несомненно существовала (пусть в подспудной и неразработанной форме) и иная эстетика, несравненно более близкая и понятная нам, дававшая возможность читателю самому продумать, понять и оценить показанные ему образы. Лишенные одноплановых трафаретных добродетелей, «эпические» герои летописи и других памятников были ближе к «характерным» образам новой литературы, чем к носителям идеалов средневековой агиографии. Наряду с дидактической литературой, соблюдавшей благоговейно-церковную серьезность изложения («смех здесь был бы неуместен, да он здесь никогда и не звучал»), в русской литературе со времен «Повести временных лет» существовала и традиция смеха, юмора, сатиры.

Элементы художественной косвенности обнаруживаются даже в летописных рассказах, не связанных с народным эпосом, и в памятниках житийной литературы. Об этом с большой убедительностью свидетельствуют примеры, приведенные В. П. Адриановой-Перетц из летописей жития Феодосия, Киево-Печерского патерика и других памятников. «Умелый подбор сильных деталей» в этих рассказах должен был «сделать изображение воздействующим и на сознание и на эмоции читателя, способствующим усвоению им авторской оценки».¹⁴ Описывая убийства князей, борьбу Феодосия с его властной матерью или искушение Моисея Угрина красавицей вдовой, авторы рассказов стремились «передать свое отношение к изображаемому не только прямыми высказываниями своих оценок, но и самым способом изложения».¹⁵ Эти эпизоды, как указывает В. П. Адрианова-Перетц, убедительно опровергают мнение И. П. Еремина, будто искусством древнерусская литература была лишь тогда, когда рисовала идеальные образы, а изображение действительности носило только документально-практический характер. Древнерусский писатель не переставал быть художником и тогда, когда описывал действительно происходившие события: он умел подбирать наиболее выразительные подробности этих событий и домысливать неизвестные факты, которые подсказывало ему его художественное воображение, — все это с целью как можно сильнее воздействовать на эмоции читателя, заставить его самого прийти к авторской оценке события.

¹⁴ В. П. Адрианова-Перетц. О реалистических тенденциях в древнерусской литературе (XI—XIV вв.). ТОДРЛ, т. XVI, М.—Л., 1960, стр. 9—10.

¹⁵ Там же, стр. 17.

Особенно резко противостояли канонам агиографической и церковно-учительной письменности памятники древнерусской беллетристики. Памятники такого жанра появлялись на Руси уже в XII—XIII вв. К этому периоду относятся, по мнению исследователей, переводы на русский язык греческого эпоса о Дигенисе Акрите («Девгениево деяние»), романа Псевдокаллисфена об Александре Македонском (хронографическая «Александрия»), легендарного рассказа-послания индийского царя-священника Иоанна («Сказание об Индийском царстве»), возможно также повести об Акире Премудром. К XIV в. предположительно относят появление на русской почве апокрифических рассказов о царе Соломоне, и, в частности, «басен и кощюнов» о Соломоне и Китоврасе, упоминавшихся в болгарских индексах запрещенных книг. «Басни» эти были введены в состав Толковой Палей — памятника, созданного первоначально для целей противоиудейской полемики, но получившего затем характер свода повествовательной библейско-апокрифической литературы.¹⁶ В XV в. на Руси появилась (и вытеснила более сухую хронографическую «Александрию») так называемая сербская «Александрия» — яркий образец средневекового рыцарского романа — и одновременно с ней близкие к ней по характеру романы троянского цикла — «Троянская притча» и «Троянская история». Наконец, в XV в. на Руси получает распространение и цикл басен-повествований о животных — «Стефанит и Ихнилат» (византийская переработка индо-арабского эпоса «Калила и Димна»).

XV век может рассматриваться как время значительного распространения беллетристики на Руси. Именно к этому времени относятся первые памятники русской беллетристики — «Сказание о Вавилоне», «Повесть о Басарге» и исследуемая нами «Повесть о Дракуле».

Связь «Повести о Дракуле» с другими памятниками русской беллетристики того времени отмечалась в научной литературе, хотя и весьма бегло. Мы уже приводили слова А. Д. Седельникова о том, что «для великорусской беллетристики XV в. форма повести о Дракуле не явилась чем-либо совершенно новым»; исследователь вспоминал при этом сказания о Соломоне и Китоврасе, «где также сюжет делится на эпизоды, имеющие каждый самодовлеющее анекдотическое значение».¹⁷ Сходство «Повести о Дракуле» с «Соломоном и Китоврасом» глубже, чем это отмечал А. Д. Седельников. Сходна не только композиция обоих повествований, распадаю-

¹⁶ Легенды о Соломоне и Китоврасе были введены в состав второй (или хронографической, как назвал ее В. Истрин) редакции Толковой Палей, созданной во второй половине XV в., но они читаются также в добавлениях к некоторым спискам первой редакции, в том числе и к списку конца XIV — начала XV века: ГИМ, Барс. 619.

¹⁷ А. Д. С е д е л ь н и к о в. Литературная история повести о Дракуле, стр. 639.

О нѣже шѣ пѣзделіи комоу нѣсю скоро
 лемѣ магііа сомѣ доко
 члани брѣтѣ
 спѣо на нѣ

бо

пѣ

...

7

Посольство Ф. Курицына в Венгрию и Молдавию
в 1482—1484 гг.

Миниатюра из Лицевого свода XVI в.

Създание Посольства Гвдрю 10-мъ Васильевъ
 Кавъ Принадѣлб Ономъ Послу шляпу фелдъный
 Гвдъемъ Ковладъ приплотить дмѣо неп
 иорностъ иеоростъ шпо негично Пусолстмалъ

Wreedheid van den Groot-vorst in Moscovien.

Иван Грозный приказывает прибить послу шляпу гвоздем.

Голландская гравюра 1700 г., вклеенная в «Двинскую летопись»

щихся на отдельные новеллы-эпизоды. Сходно и отношение авторов к изображаемым лицам: в «Соломоне и Китоврасе», как и в «Повести о Дракуле», они не могут быть просто разделены на «белых» и «черных» — положительных и отрицательных. Кто такой «дивный зверь» Китоврас: воплощение ли божественной мудрости или исчадие ада, доброе это или злое существо? Он помогает Соломону строить иерусалимский храм, дает ему полезные наставления, и он же забрасывает царя на край вселенной, откуда Соломона увлекают мудрецы и книжники. С христианско-назидательной точки зрения образ Китовраса, как во многом и образ его собеседника Соломона, был мало полезен — недаром «басни и кощюны» о нем включались в церковные индексы. Но образ этот зато отличался другими чертами, несомненно привлекавшими древнерусских читателей — занимательностью, остроумием; подобно летописной Ольге, Китоврас умеет «переклюкать» своего мудрого собеседника.

То же самое можно сказать и о других героях беллетристических памятников того времени. Звери-рассказчики из «Стефанита и Ихнилата» — «оба разумна, обаче вкупе и мудроумна зело»; один из них, Ихнилат, правда, отличается лукавством, но главное в них (как и в Китоврасе) — именно мудрость, способность рассказать остроумную притчу, а не положительные или отрицательные свойства. Александр Македонский сербской «Александрии» мог, конечно, рассматриваться как герой (ему даже были приданы некоторые христианские черты), но привлекал он читателя не своими весьма сомнительными добродетелями (как и «Александр Париж» «Троянских притч»), а ловкостью, предприимчивостью, храбростью, занимательностью своих приключений. Так же мало подходил к роли «идеального» героя и победитель злого царя в русской «Повести о Басарге» — семилетний «малыш»¹⁸ Борзосмысл, типичный простак-мудрец из народных сказок, своей сообразительностью побеждающий злого царя. Герои беллетристики XV в. не отличались ни торжественностью, ни благоговейной серьезностью «нормативных героев» — зато все они были великими мастерами «переклюканья».

Как и другие памятники средневековой беллетристики, «Повесть о Дракуле» была теснейшим образом связана с фольклором. Анекдоты о Владе Цепеше, услышанные русским автором в Венгрии и Молдавии, перекликались с многими «бродячими сюжетами» мирового фольклора; многие из них были знакомы и русскому народному творчеству. К числу таких «бродячих сюжетов» принадлежала и история об убийстве тираном мастеров для сокрытия сделанного ими дела (перекликающаяся с легендой XVII в. о строителях церкви Василия Блаженного и другими аналогичными

¹⁸ Выражение из перевода «Повести о Басарге», сделанного Б. А. Лариним: Русские повести XV—XVI вв. М.—Л., 1958, стр. 244—250 (оригинальный текст — там же, стр. 79—84).

сказаниями),¹⁹ и рассказ об иностранном после, которому прибили шляпу гвоздями,²⁰ и весьма популярная легенда о жестоком феодале, пригласившем к себе и приказавшем сжечь нищих, чтобы избавить их от нужды, а страну от голода (на Западе эта легенда связывалась обычно с майнцкими епископами Х в. Гаттоном I и Гаттоном II; в XVII в. она послужила источником для Симеона Полоцкого, а в XIX в. — для Р. Саути и В. А. Жуковского).²¹

¹⁹ Ср.: Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введение, перевод, примечания и указатели А. М. Ловягина. СПб., 1906, стр. 153. Эта тема широко распространена в мировом фольклоре, см.: A. Wesselski. Versuch einer Theorie des Märchens. Reichenberg, 1931 («Prager deutsche Studien», H. 45), стр. 15.

²⁰ Уже в начале XVII в. анекдот этот, действие которого было перенесено на русскую почву, рассказывался иностранными путешественниками про Ивана Грозного. Голландский путешественник И. Данкерт, бывший в России в 1609—1611 гг. (Ф. Адельунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России. Перевод А. С. Клеванова. ЧОИДР, М., 1864, кн. I, отд. IV, стр. 175—176, № 53), связывал эту историю с итальянским послом (I. Dancskert. Beschryvinge van Moscovien ofte Ruslant. . . Amsterdam, 1615, стр. 24); английский путешественник С. Коллинз (был в России в 1659—1667 гг.) уверял, что Грозный приказал прибить шляпу французскому послу, а с английским послом Баусом (тоже не снявшим шляпу) не решился так поступить (ЧОИДР, М., 1846, № 1, отд. III, стр. 15). В 1700 г. рассказ Данкерта об итальянском после был воспроизведен в сборнике «*Zeer gedenkwaardige en naaukeurige historische Reis-beschrijvinge door Vrankrijk, Spangie, Italien, Duitsland, Engeland, Holland en Moscovien*» (Leiden, 1700, стр. 643). Вырезанная из этого сборника гравюра, изображающая расправу с послом, была вклеена в рукопись начала XVIII в., содержащую Двинскую летопись (ГПБ, собр. Титова, № 4682, л. 4; ср. воспроизведение на стр. 65) и описанную А. А. Титовым (А. А. Титов. Летопись Двинская. М., 1889, стр. III). Ни А. А. Титов, ни последующие авторы (ср.: А. Д. Седелников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 643—644, прим. 1) не знали, однако, откуда взят этот рисунок. Трудно сказать, восходила ли легенда, популярная среди иностранцев, путешествовавших по России в XVII в., к «Повести о Дракуле» (так думал, например, Д. А. Ровинский: Русские народные картинки. СПб. 1881, т. V, стр. 15), или же перед нами «бродячий сюжет», связывавшийся с различными персонажами.

²¹ Легенда о епископе Гаттоне, сжегшем нищих (и оправдывавшем этот поступок примерно теми же аргументами, какие приписывались Дракуле), излагается уже в немецких хрониках XV—XVI вв. (Rerum Germanicarum scriptores. . . editione tertia curante B. G. Struvio. . . Ratisbonae, MDCCXXVI, стр. 1088; Johannis Trithemio Spanheimensis. . . secundae partis Chronica insignia duo. . . Francoforti, MDCI, стр. 35); пересказывалась она и немецким поэтом XVI в. Г. Ролленхагеном (G. Rollehagen. Froschmeuser. Deutsche Dichter des XVI. Jahrhunderts, herausgegeben von K. Goedeke und J. Tittmann, Bd. IX, Th. 2. Leipzig, 1876, стр. 184). Ср. также: J. Fr. Böhm. Regesta episcoporum Maguntensium. Innsbruck, 1877, стр. XXIX—XXXI. Аналогичные сказания существовали и о других жестоких феодалах средних веков («Zeitschrift für deutsche Mythologie und Sittenkunde», begr. von J. W. Wolf, herausgegeben von W. Mannhardt, Bd. III, Göttingen, 1855, стр. 307—308; M. Behaim-Schwartzbach. Die Mäusturmsage von Popiel und Hatto. Posen, 1888). Литературные переложения: Симеон Полоцкий, Избранные сочинения, ред. И. П. Еремина, М.—Л., 1953 (серия «Литературные памятники»), стр. 51; R. Southey. The Poetical

Наибольшее значение для построения «Повести о Дракуле» имел один мотив — также фольклорного происхождения. Сопоставляя между собой отдельные эпизоды о Дракуле, мы замечаем, что почти во всех этих эпизодах «зломудрый» воевода не просто казнит и истязает попавших ему в руки людей — он и с п ы т ы в а е т их. Испытанию подвергаются послы и купцы, монахи и нищие и даже сам турецкий царь. Испытывается мудрость собеседника, и «неизящные» люди, не умеющие «противу кознем его отвечать», трагически расплачиваются за свое «неизящество». Чаще всего средством испытания служит загадка, заданная собеседнику. Загадки Дракулы похожи одна на другую: все они имеют второй — метафорический смысл. Дракула обещает турецкому царю «прийти к нему на службу»; царь понимает эти слова буквально и радуется; Дракула приходит с войной и разоряет владения царя. Он спрашивает нищих: «Хотите ли, да сотворю вас беспечалны на сем свете, и ничим же нужни будете?». Глупые нищие, не поняв второго, зловещего смысла его слов, соглашаются, и Дракула «освобождает» их «от нищеты и от недуга», сжигая в запертой «храмине». И даже первый эпизод повести — разговор Дракулы с послами — строится на двусмысленности. Дракула говорит послам, не снявшим по своему обычаю шапок: «. . .хошу вашего закона подтвердить, да крепко стоите». Само по себе это обещание еще не заключало в себе ничего страшного; послы могли даже радоваться такому уважению к их «закону». Но далее Дракула «подтверждает» этот закон, прибив послам шапки гвоздями.

Как и самый образ хитрого Дракулы, этот прием тесно связывает повесть с «эпическими» традициями древнерусской литературы. Такие же загадки, такая же «игра с возможностью провести несколько параллелей»,²² встречается нам и в других памятниках. Целиком на загадках, на втором их метафорическом смысле, недоступном глупому собеседнику, строится месть Ольги древлянам в «Повести временных лет». Разговор Ольги с древлянскими послами — это, как убедительно показал Д. С. Лихачев, серия загадок с одной, достаточно мрачной разгадкой. Ольга предлагает послам «почтить» их и советует им для пущего «величания» сесть в «лодья». «Почтить» — значит «предать погребению», в «лодьях» хоронили покойников. Глупые послы не понимают метафорического смысла слов княгини и выполняют ее совет; Ольга оказывает им «честь», погребая их в яме вместе с лодьями. Вторая загадка Ольги — «пир», третья — «баня»; все это — распространенные в древнерусском фольклоре иносказания смерти, не понятые древ-

Works, vol. VI. Boston, 1875, стр. 60—64; В. А. Жуковский. Стихотворения. «Библиотека поэта» (большая серия, изд. 2). Л., 1956, стр. 428—431.

²² В. Шкловский. О теории прозы. М., 1929, стр. 143.

лянами.²³ На таких же загадках-иносказаниях мудрой девы построена начальная часть «Повести о Петре и Февронье» — памятника, формально относящегося к житийному жанру, но глубоко и органически связанного с фольклором.²⁴ Важнейшую роль играют загадки в «Повести об Акире Премудром» и особенно в «Повести о Басарге». «Повесть о Басарге» представляет собой один из вариантов популярнейшего сказочного сюжета о трех загадках (известного современному читателю по «Королю и пастуху» Маршака).²⁵

Некоторые мотивы «Повести о Дракуле» имели более «литературный», связанный с письменной традицией характер. Совсем неожиданно для «зломудрого» Дракулы звучит его речь войску перед сражением с турками: «Кто хочет смерть помышляти, той не ходи со мною, остави зде». Это — рыцарская, но не вполне христианская декларация; христианину следовало бы «помышлять смерть» в любое время и надеяться на небесное воздаяние за борьбу с неверными. «Аще ли убо ты, о крепкы царю и храбрый, и иже о тебе христолюбивое воинство до крове и до смерти постраждут за православную христову веру. . . , — писал в 1480 г. архиепископ Вассиан Ивану III перед сражением с татарами, — блажени бо и преблажени будут в вечном наслаждении. . . восприимут от всесодетеля бога венцы нетленные и радость неизреченную».²⁶ Трудно назвать какой-либо определенный источник речи Дракулы, но источник этот во всяком случае был далек от христианско-учительной литературы.

Более ясны литературные истоки другого заявления Дракулы: заявление это почти дословно соответствует словам беллетристического героя, несравненно более привлекательного, чем мутьянский воевода, — Александра Македонского из сербской «Александрии». Сажая непочтительных послов на кол, Дракула объяснял им: «Не аз повинен твоей смерти — иль государь твой, иль ты сам. На мене ничто же рди зла. Аще государь твой, ведая тебе малоумна и не научена, послал тя есть ко мне, к великоумну государю, то государь твой убил тя есть». Почти то же и в такой же ситуации говорил Александр послам Дария, обозвавшего македонского царя «разбойником и гусаром». Решив убить послов, он заявил им: «Не зазирайте мне о том, но царю своему ругайтесь. Аз бо царя его имам, а он мене разбойником нарече, то и сам вам главы по-

²³ Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, стр. 132—137; ср.: Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 43—46.

²⁴ А. Н. Веселовский. Новые отношения муромской легенды о Петре и Февронии и саги о Рагнаре Лодброкке. ЖМНП, 1871, ч. CLIV, стр. 95—142; М. О. Скрипиль. Повесть о Петре и Февронии муромских в ее отношении к русской сказке. ТОДРЛ, т. VII, М.—Л., 1949, стр. 148—160.

²⁵ В. Андерсон. Император и аббат. История одного народного анекдота, т. 1. Казань, 1916.

²⁶ ПСРЛ, т. XXVI, стр. 270.

секл есть». ²⁷ И в этих случаях мы остаемся в русле той же беллетристической и «эпической» литературы.

О том, что «Повесть о Дракуле» осознавалась в XV в. как памятник беллетристического жанра, связанный с другими памятниками того же типа, свидетельствует и рукописная традиция повести. Древнейшие списки повести — Кирилловский и Румянцевский — имели немало общего между собой: оба они происходили не из Москвы, а из северных областей Русского государства (Кирилло-Белозерский монастырь и Псков), оба носили в значительной степени светский характер. В обоих рукописях содержатся любопытные статьи естественно-научного содержания («О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах» и т. д.), а также апокрифические легенды. Но наиболее интересен по своему составу, конечно, список 1490—1491 гг., принадлежащий выдающемуся кирилло-белозерскому книгописцу конца XV в. Ефросину. Фигура Ефросина во многих отношениях заслуживает внимания историков древнерусской литературы. Большой знаток фольклора и светской письменности (в том числе и такой, которую нельзя было «читать в сборе» и «являть многим»), Ефросин переписал и включил в свои сборники такие памятники древнерусской литературы, как «Задонщина» (древнейший известный нам список), «Слово о хмеле», апокрифический стих-«старину» «Плач Адама» и вместе с тем — тексты из Плутарха и Гиппократ. Сборник ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088, содержащий «Повесть о Дракуле», — это, пожалуй, самый интересный среди «ефросиновских сборников». В составе этого сборника — несколько текстов, неизвестных по другим источникам, например рассказ о блаженной стране рахманов (увиденной Александром Македонским), где нет «ни царя, ни купли, ни продажи, ни свару, ни боя, ни зависти, ни вельможь, ни татбы, ни разбоя», или столь же уникальный рассказ о Китоврасе, где «дивный зверь» объясняет царю, что «всего есть лучши своя воля», и вырывается «на свою волю». Но особенно заслуживает внимания общее окружение «Повести о Дракуле» в этом сборнике. Здесь содержатся — древнейший русский список сербской «Александрии», «Сказание об Индийском царстве», особая редакция Палея, где резко сокращен церковно-полемиический материал, но полностью приведены легенды о Соломоне и Китоврасе, апокрифическая «Епистолия о неделе» и уже упомянутый неизвестный прежде отдельный рассказ о Китоврасе. ²⁸

Таким образом, уже в древнейшем списке «Повесть о Дракуле» выступает не изолированно, а в окружении близких к ней по ха-

²⁷ ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088, л. 70 об.; Ст. Новаковић. Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. II одељење гласника српског ученог друштва, кн. IX. Београд, 1878, стр. 44.

²⁸ Подробнее об Ефросине и его сборниках см. в нашей статье «Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в.» (ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 130—168).

рактору беллетристических памятников, рядом с «Александрией» и «Соломоном и Китоврасом». Дальнейшая ее судьба, как мы увидим, также была связана с судьбами русской беллетристики.

Какова же была роль беллетристического жанра XV в. в истории русской литературы? Для того чтобы понять эту роль, полезно сопоставить историю возникновения русской беллетристики на Руси с историей беллетристики в Западной Европе. Западноевропейская беллетристика позднего средневековья и Возрождения в значительной степени восходила к памятникам средневековой литературы, известным и на Руси. Наряду с романами об Александре Македонском и Трое важную роль в развитии западноевропейской художественной прозы сыграли такие памятники, как «Калила и Димна» — иной вариант знакомого Руси «Стефанита и Ихнилата», и рассказы о Соломоне и простаке-мудреце Морольфе (Моркольфе, Мархольте), аналогичные русскому «Соломону и Китоврасу». Еще более тесной была зависимость западной новеллистики от памятников фольклора — фавстий, шванков, анекдотов. Гораздо решительней, чем беллетристика русского средневековья, западная беллетристика порывала с традициями средневековой дидактики — излюбленными героями ее, в противовес религиозно-назидательной литературе, были люди ловкие и остроумные, весьма свободно относившиеся к библейским заповедям. Но явный отход от норм средневекового дидактизма вовсе не означал, что нарождавшаяся литература Возрождения представляла собой, как думал Л. Н. Толстой, «искусство ничтожное, имеющее целью только наслаждение людей».²⁹ Дело было не в безыдейности литературы позднего средневековья, а в том, что идеи ее, часто опасные и недопустимые с точки зрения церкви, излагались не прямо, а косвенно. Это особенно ясно видно при чтении памятника, в котором позднесредневековая новеллистика получила свое завершение, — «Декамерона» Боккаччо. Старые античные и средневековые анекдоты получали у Боккаччо в ряде случаев новый, иногда совершенно неожиданный смысл, так что читатель начинал сочувствовать грешникам и презирать носителей старой морали.³⁰ При этом, что особенно важно, новый гуманистический идеал не декларировался и не навязывался автором — он вытекал из характеристики персонажей и ощущался читателем как его собственный вывод.

«Повесть о Дракуле», как и вообще русская беллетристика XV в., — это, конечно, далеко не «Декамерон». Косвенность изложения здесь еще только намечается, отдельные неожиданные

²⁹ Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений, т. 30, М., 1951, стр. 154—155.

³⁰ Об этом переосмыслении старого материала анекдотов у Боккаччо (не всегда доведенном в «Декамероне» до конца) ср. интереснейшие наблюдения В. Б. Шкловского в книге: В. Шкловский. Художественная проза. Размышления и разборы. М., 1961, стр. 149—214.

черты центрального персонажа не складываются в единый образ. Наиболее яркой особенностью «великоумного» Дракулы оказывается его мрачная и неожиданная шутливость — именно она, в соединении с жестокостью, придает его образу индивидуальность и известную объемность. Но другие черты Дракулы просто выпадают из его характеристики, не вяжутся с ней: так, не соответствует, например, его образу рыцарский призыв к воинам «не помышлять» о смерти; совсем неожиданно звучат lamentации по поводу перехода «зломудрого» воеводы в католичество или прямое осуждение его дьявольского «окаанства» в связи с убийством мастеров, прятавших золото Дракулы.

Можно, пожалуй, согласиться с Д. С. Лихачевым, что противоречивость образа Дракулы, как и других персонажей русской литературы до XVII в., не приводила еще к осознанию сложности человеческого характера и ее отражению в литературе.³¹ Но самое появление в памятниках XV в. таких сложных человеческих фигур — это все-таки новое явление, отличающее беллетристику XV в. от «нормативной» литературы того времени. В самом деле, что общего имела эта литература с «психологической умиротворенностью», наблюдаемой Д. С. Лихачевым в памятниках XV в.? Еще труднее было бы усмотреть в описании «зломудрого» Дракулы черты «идеализирующего биографизма» XVI в. Отсутствие в «Повести о Дракуле» «прекрасного правоучения», казавшееся странным даже сентименталисту XIX в. Карамзину, было не недостатком повести, а чертой новой поэтики, еще только намечавшейся в беллетристике XV в. Сопоставление с западной беллетристикой позднего средневековья позволяет утверждать, что эта поэтика могла иметь богатое будущее.

Но на пути развития русской беллетристики в XVI в. встало серьезное препятствие. «Грозная» власть, о которой мечтали переломные мыслители XV в., обманула их ожидания во многих отношениях, и в частности в области идеологической политики. С начала XVI в. великий князь всея Руси, как мы уже знаем, порвал свои связи с религиозными вольнодумцами и приблизил «воинствующих церковников». Централизованное феодальное государство нуждалось в ясной, определенной и не допускающей излишних «умствований» феодально-религиозной идеологии.

Это обстоятельство не могло не сказаться на литературе. Чем чаще нарушала «грозная» власть нравственные принципы на практике, тем решительнее она отстаивала нормы «идеала» в искусстве. Реальный Дракула не терпел Дракулы литературного.

³¹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси, стр. 15.

Глава IV

СУДЬБЫ «ПОВЕСТИ О ДРАКУЛЕ» В XVI—XVII вв.

Судьба «Повести о Дракуле» в рукописной традиции почти так же мало привлекала внимание исследователей, как и история ее сюжета. Большинство авторов, решая вопрос о времени распространения повести, исходило не из наблюдений над рукописями, а из общих соображений: в повести усматривались намеки (сочувственные или враждебные) на Ивана Грозного — следовательно, она должна была распространяться главным образом при Грозном. «Особый интерес сказание приобрело в эпоху Ивана Грозного», — писал В. А. Келтуяла.¹ Такое же утверждение встречаем мы и у филолога совершенно иного направления — Д. Чижевского. «Переведенная с западноевропейского рассказа», повесть, по его словам, распространялась во время террора, «главным образом, при Иване Грозном».²

Вопрос о судьбе повести в рукописной традиции был поставлен по-настоящему только одним автором — А. Д. Седельниковым. Наблюдения над рукописями привели исследователя к выводу, прямо противоположному приведенному выше мнению литературоведов и на первый взгляд довольно неожиданному. «По-видимому, с самого начала повесть была наделена задатками, обещающими литературный успех. Доказательством интереса к ней служит прежде всего то, что в результате редактирования она скоро разделилась на две свои основные версии. . . , — писал А. Д. Седельников. — Тем удивительнее, что вслед за таким, казалось бы, многообещающим началом идет многолетний, чуть ли не на целое столетие пробел, делающий судьбу памятника неясной».³ Пробел в рукописной традиции, о котором говорил А. Д. Седельников, относится как раз ко времени Ивана Грозного — к XVI в.

¹ В. А. Келтуяла. Курс истории русской литературы, ч. I. История древней русской литературы, кн. II. СПб., 1911, стр. 367.

² D. Čiževskij. History of Russian Literature from the XI century to the end of the Baroque. s' Gravenhage, 1960, стр. 160.

³ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле. ИлоРЯС, т. II, кн. 2, Л., 1929, стр. 640.

Наблюдения А. Д. Седельникова над рукописями «Повести о Дракуле» станут особенно интересными, если сопоставить судьбу этой повести с судьбой ряда других аналогичных памятников. «Повесть о Дракуле» — не единственное произведение беллетристического жанра, «исчезнувшее» из рукописной традиции в XVI в. «Повести о Дракуле» предшествовали в сборнике Ефросина два произведения — сербская «Александрия» и «Сказание об Индийском царстве». Оба эти памятника появляются в рукописной традиции в конце XV в., оба широко представлены в рукописях XVII—XVIII вв. Но ни одной рукописи сербской «Александрии» и «Сказания об Индийском царстве» XVI в. неизвестно.⁴ Аналогичной была судьба и еще одного беллетристического памятника — «Стефанита и Ихнилата»: памятник этот известен в двух списках XV в. и в ряде списков XVII в., но отсутствует в традиции XVI в.⁵

Пробел этот трудно считать случайным. Беллетристика явно была не в чести в XVI в.: памятники, известные уже в XV в., «исчезают» из рукописной традиции; не появляется в XVI в. ни одного нового памятника беллетристики. В XV в. репертуар беллетристических памятников у восточных и западных славян во многом совпадал; XVI век характеризуется блестящим расцветом оригинальной и переводной беллетристики в Польше и Чехии и почти полным отсутствием памятников этого жанра в России.⁶

О причинах этого явления мы отчасти сказали уже в предшествующих главах. Враждебная или по крайней мере безразличная к нормам господствующей религиозной морали беллетристика, черпавшая свои художественные приемы из народных анекдотов, не раз вызывала протесты феодальных идеологов Европы. Осуждали беллетристику и славянские церковники. Против чтения «неполезных повестей» выступал, в частности, Иосиф Волоцкий. Но если в Западной Европе (в том числе и у западных славян) протесты против чтения и распространения беллетристических памятников были бесплодны и становились почти смешными в эпоху Возрождения, то в России церковникам действительно удалось на время прекратить развитие «неполезной» литературы.

Централизованное государство, вступившее в начале XVI в. в союз с церковниками-иосифлянами, имело достаточно сил для проведения твердой идеологической политики. Политика эта заключалась не только в устранении идеологически неприемлемых

⁴ Отсутствие списков XVI в. «Сказания об Индийском царстве» отмечено М. Н. Сперанским в статье «Сказание об Индийском царстве» (ИпоРЯС, т. III, кн. 2, 1930, стр. 369—370). Аналогичный пробел в традиции сербской «Александрии», особенно бросающийся в глаза благодаря обилию списков XVII в., установлен нами (ср.: Я. С. Л у р ь е. О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв. ТОДРЛ, т. XIX, М.—Л., 1963, стр. 283—284).

⁵ Я. С. Л у р ь е. О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв., стр. 284.

⁶ Там же, стр. 280—282.

памятников литературы, но и в написании и распространении памятников противоположного характера. «Великие Минеи Четьи», созданные при дворе новгородского архиепископа, а впоследствии митрополита всея Руси Макария, играли роль своеобразного кодекса всей рекомендованной к чтению литературы; в те же годы возникали аналогичные кодексы исторического характера — Степенная книга, Лицевой свод и др. Но зато всякая литература, вызывавшая подозрения в еретичестве (дважды разгромленном в XVI в. — в начале века, когда сошел со сцены Федор Курицын и был сожжен его брат Иван-Волк, и вновь в середине века) или свободомыслии, подлежала решительному устранению. Особенно строго проверялась литература, шедшая с Запада, охваченного в XVI в. реформационными и гуманистическими движениями. «Царство Русское» было «затворено», по известному выражению Курбского, как «в адовой твердыне».⁷

«Повесть о Дракуле» имела двойное основание для того, чтобы стать жертвой цензуры XVI в.: неприемлема была и идеология повести, не скрывавшей неизбежных «окаянств» «грозной» власти, и ее необычная, «антидидактическая» форма.

Сама по себе идея «грозной» власти не была чужда общественной мысли XVI в.⁸ Мы уже говорили о несомненной близости идеологии «Повести о Дракуле» к воззрениям писателя XVI в. Ивана Пересветова: «без таковыя грозы немочно в царство правды ввести». Кое в чем сочинения Пересветова несомненно отличались от «Повести о Дракуле»: Пересветов был публицистом, а не беллетристом, свои взгляды он выражал прямее и яснее, чем автор повести, делая главное ударение на «правде» Махмета (а не на «грозе»), и не впадал в опасную двусмысленность, позволяющую читателям самим доводить до конца оценку главного героя. Но в целом взгляды и общественная позиция автора повести и Ивана Пересветова были, очевидно, сходны. Сходной оказалась и судьба их произведений. Несмотря на сочувствие обоих авторов «грозной» власти (позволявшее исследователям Пересветова видеть в нем прямого сподвижника и даже литературный псевдоним Грозного),⁹ сочинения их оказались вне рукописной традиции XVI в. Какое-то количество списков челобитных и «Сказания о Махмете» Пере-

⁷ Переписка князя А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. СПб., 1914 (оттиск из РИБ, т. XXXI), стлб. 135.

⁸ В своей монографии о Пересветове А. А. Зимин отметил одну любопытную особенность русской общественной мысли XVI в.: «становление нового, светского миропонимания» (характерное для гуманистической мысли этого периода) происходило здесь «в форме противопоставления духовной диктатуре церкви не человека вообще, а политического человека, т. е. светского суверенного государства» (А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958, стр. 404—405).

⁹ И. И. Полосин. О челобитных Пересветова. «Ученые записки Московского гос. педагогического института им. В. И. Ленина», т. XXXV, кафедра истории СССР, вып. 2, 1946, стр. 25—55.

светова несомненно существовало в XVI столетии — об этом позаботился сам Пересветов, живший на Руси в 30—40-х годах XVI в. Но рукописи эти до нас не дошли, а упоминаемый в «Описи царского архива XVI в.» «черный список Ивашка Пересветова да Петра Губастого» — скорее следственное дело о Пересветове, нежели список его сочинений.¹⁰ Смелое противопоставление «правды» «вере» в сочинениях Пересветова, его заявление об отсутствии «правды» в Московском государстве — все это делало его сочинения одиозными в глазах официальных идеологов XVI в.; как и «Повесть о Дракуле», его сочинения «воскресли» только в XVII в.

Идея «грозной» власти нашла в XVI в. отражение и в литературе иного, более официозного характера. Если в конце XV в. автору «Повести о Дракуле» приходилось спорить с церковниками, призывавшими сопротивляться «царю-мучителю», то в XVI в., после отказа великокняжеской власти от идей секуляризации, сами церковники заговорили о государственной власти по-другому. В своих сочинениях, написанных после расправы над московскими еретиками (и вошедших в «Просветитель» в качестве последних «слов»), Иосиф Волоцкий впервые заявил о величии и божественности царской власти. Именно в этих сочинениях впервые прозвучала цитата из византийского писателя VI в. Агапита, получившая затем широкую популярность в публицистике XVI в.: «Царь убо естеством подобен есть всем человеку, а властью же подобен есть вышнему богу».¹¹

Свое официальное выражение, не подлежавшее ни цензуре, ни критике, идея «грозной» власти получила в творчестве человека, сочетавшего в себе теоретика и живого представителя самодержавия. Неизвестно, знал ли Иван Васильевич Грозный «Повесть о Дракуле» и сочинения Пересветова, но некоторые места из этих сочинений ему несомненно были созвучны. «И всегда убо царем подобает обзрительным быти, овогда кратчайшим, овогда же ярым; ко благим убо милость и кротость, к злым же ярость и мучение. Аще ли сего не имея, то несть царь. „Царь бо несть боязнь делом благим, но злым. Хочещи ли бо не бояться власти? Благое твори. Аще ли же злое твориши, бойся — не туне бо меч носит, в месть убо злодею, в похвалу же добродеему“»¹² — эти слова Ивана Грозного невольно приводят на память рассуждения второго монаха из «Повести о Дракуле»: «Ты, государь, от бога поставлен

¹⁰ Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 317. Ср.: Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, стр. 298—299; А. А. З и м и н. И. С. Пересветов и его современники, стр. 336—338.

¹¹ Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л., 1959, стр. 184; ср.: там же, стр. 89—93.

¹² Послания Ивана Грозного, М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 20.

еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихо творили, по своим делом въсприали». ¹³

Но не менее разительными были и различия между взглядами Грозного и провозвестников «грозной» власти в XV в. Свое «православное истинное христианское самодержавство» царь вовсе не соглашался считать тиранией — никакого «окаянства» в нем он не видел и видеть не рекомендовал. Он не проливал «крови во церквах божиих», не умышлял ни на кого «мук и гонений, и смертей многообразных»; никого даже не «прогонял» из своего царства, и если учинял кому-нибудь «наказание малое», то «еще с милостью». ¹⁴ В самом крайнем случае Иван Васильевич соглашался признать за собой «малое согрешение, но сие от вашего же соблазна и измены, паче же человек есми: несть бо человека без греха», ¹⁵ не забывая при этом указать, что за границей в этом отношении дело обстоит гораздо хуже: «А в ьных землях сам узриши, елика содеваетца злым злая — тамо не по здешнему». ¹⁶ И, кроме того, все эти репрессии уже в прошлом: «Ныне же убо всем, иже и в вашем согласии бывшим, всякого блага и свободы наслаждающимся и богатеющим». ¹⁷ Если мы учтем, что эта идиллия была нарисована за несколько месяцев до учреждения опричнины, то согласимся, что русский «Дракула» XVI в. отступал в своих декларациях от действительности гораздо сильнее, чем его утопический прототип XV в. Тем более неприятны и ненужны были ему всякие рассказы об этом прототипе.

Когда именно наступили в Русском государстве те важные перемены, которые позволили возродиться беллетристическим памятникам, и в их числе — «Повести о Дракуле»?

Некоторые изменения в сфере политической идеологии стали обнаруживаться уже после смерти русского «Дракулы» в 1584 г. В 1590 г. был объявлен мучеником митрополит Филипп — жертва царя и опричников; «окаянство» недавно умершего грозного самодержца было признано открыто и всенародно. Но более широкие вопросы о подлинной сущности «православного истинного христианского самодержавства» еще не ставились; не было серьезного перелома и в русской литературе.

Перелом этот наступил тогда, когда начался «гражданский пожар», предсказанный наиболее прозорливыми современниками вскоре после смерти Грозного. Крестьянская война начала XVII в.

¹³ Возможно, что оба эти текста восходят к одному источнику. У Ивана Грозного часть приведенного текста (взятая в цитате во внутренние кавычки) восходит к Посланию ап. Павла римлянам, XIII, 3—4; перефразировкой этого текста могли быть и слова второго монаха в «Повести о Дракуле».

¹⁴ Послания Ивана Грозного, стр. 30, 31, 49, 54.

¹⁵ Там же, стр. 14.

¹⁶ Там же, стр. 31.

¹⁷ Там же, стр. 42.

сломала «адову твердыню» Русского царства. Широким потоком начали проникать в Москву памятники светской литературы; вновь возродилась беллетристика. Уже в первые годы Крестьянской войны были переведены на русский язык басни Эзопа — памятник, сыгравший важную роль в развитии европейской беллетристики. В XVII в. на Руси появляются многочисленные рыцарские романы и новеллистические своды — «Семь мудрецов», «Великое зеркало», «фацеции». Вновь возрождаются и переписываются сербская «Александрия», «Стефанит и Ихнилат», «Сказание об Индийском царстве», отдельные (не входившие в состав Толковой Палей) сказания о Соломоне и Китоврасе.

Вместе с этими памятниками вновь появляется и «Повесть о Дракуле». Окружение этой повести в рукописях XVII—XVIII вв. не менее характерно, чем ее окружение в сборнике Ефросина (Кир.-Бел. 11/1088). Одна из этих рукописей (Кирилловский музей, № 2967) прямо воскрешала ефросиновскую традицию; в середине XVII в. в Кирилло-Белозерском монастыре какой-то переписчик обнаружил в монастырской библиотеке один или несколько ефросиновских сборников и переписал оттуда сербскую «Александрию», «Сказание об Индийском царстве», апокрифы о Соломоне и среди них — «Повесть о Дракуле» с завершавшей ее в 1490 г. записью Ефросина. Не менее интересный состав имел и другой сборник XVII в., сохранившийся в собрании Ундольского (ГБЛ, Унд. 632). Вместе с «Повестью о Дракуле» здесь читалась «Задонщина» (правда, не в таком виде, как в сборниках Ефросина, а в иной, пространной редакции), «Сказание об Индийском царстве», «Сказание о снах Шахаиши (о Мамере)», апокрифы о Давиде и Соломоне, «Повесть о Басарге», «Повесть о Царьграде», «Повесть об Акире Премудром» и повесть XVII в. об Азовском взятии. В аналогичном окружении выступает «Повесть о Дракуле» и в остальных сборниках — почти все они имеют ясно выраженный светский и чаще всего беллетристический характер. Рядом с «Повестью о Дракуле» помещаются апокрифы (обычно апокрифы о Соломоне), сербская «Александрия», с которой повесть была связана с самого начала своего существования, «Троянская история», «Повесть о Царьграде», «Повесть о двух посольствах» XVII в., отразившая влияние сочинений Пересветова, «Семь мудрецов», «Стефанит и Ихнилат» и др.

В глазах книжников XVII—XVIII вв. «Повесть о Дракуле» оставалась такой же мало «полезной», светской, беллетристической повестью, как и в глазах их предшественников. Этим объяснялось и своеобразное отношение переписчиков к тексту повести — отношение, совершенно невозможное при переписке церковных или даже летописных памятников, но становившееся широко распространенным при воспроизведении памятников этого жанра. Заведомая «неполезность» повести избавляла писца от вечного страха «переписать» или «недописать» и тем самым «растлить»

священный текст; здесь он чувствовал себя не скромным переписчиком, а пересказчиком, почти соавтором. В результате два десятка поздних списков повести, дошедших до нас, представляют не менее девяти различных видов текста, и даже те списки, которые могут быть причислены к одному виду, отличаются друг от друга множеством отдельных (часто важных в смысловом отношении) разночтений.

По своему композиционному построению (расположение эпизодов 5—11, 14—16)¹⁸ поздние списки могут быть причислены к одной из двух образовавшихся еще в XV в. редакций — Кирилловской или Румянцевской; исключение составляет только один список второй половины XVII в. (ЦГАДА, ф. 181, № 613/1121), содержащий особую, Сводную редакцию повести (построенную на основе одного вида Кирилловской и двух видов Румянцевской редакции).¹⁹ Но, восходя к традиции XV в., поздние списки обеих редакций обнаружили сходные тенденции в обработке своих протографов. Все они (кроме упомянутого выше кирилло-белозерского списка) сократили, хотя и по-разному, концовку повести, ту самую, где автор (или авторы) раскрывал свое лицо, говоря, что второй сын Дракулы «при нас умре, а третьяго сына, старейшаго, Михаила тут же на Будину видехом». Трудно сказать, чем объяснялось это сокращение: подозревали ли переписчики XVII в., что человек, ездивший в конце XV в. в Будин и видевший детей Дракулы, был одним из трех главных еретиков, многократно заклеянных в «Просветителе» Иосифа Волоцкого, или им просто показались ненужными эти подробности. Независимо друг от друга составители нескольких видов обеих редакций дали заголовки эпизодам повести — заголовки эти естественно подсказывались бросающимся в глаза членением повести на отдельные анекдоты о «мутьянском воеводе». Так же независимо друг от друга отдельные писцы стали именовать этого воеводу «царем» — непременно в глазах людей XVII в. титулом государя, да еще «грозного».

В чем же выразились тенденции переписчиков-редакторов XVII в. при передаче «Повести о Дракуле»? Для понимания этих тенденций интересно сопоставить повесть с другим памятником, близким ей по идеологии и также обретшим «вторую жизнь» в XVII в., — с сочинениями Пересветова. Наряду с текстами, отражающими, по-видимому, первоначальную пересветовскую традицию, до нас дошла обработка его «Большой челобитной», сделанная в XVII в., — «Сказание о Петре волоском воеводе». Составитель «Сказания» не случайно обратился к Пересветову — многие идеи этого публициста были ему несомненно близки. Он сохранил резкие высказывания Пересветова против «вельмож»

¹⁸ См. стр. 87 и 110—112.

¹⁹ См. стр. 107—112.

(особенно подчеркнув их возмутительную склонность держать «людей» за счет города), ввел прямые выпады против местничества, вслед за Пересветовым осудил «порабощение» бедных богатыми. Но кое-что он должен был изменить: считая недопустимым снисходительное и даже сочувственное отношение Пересветова к «бесерменам», он резко подчеркнул свою враждебность к туркам и «бахметевой вере», удалив еретическую мысль о превосходстве «правды» над «верой».²⁰ Сходные тенденции мы наблюдаем и при передаче в списках XVII в. «Хождения за три моря» Афанасия Никитина: и в этом случае из авторского текста были удалены опасные идеи равенства вер и дружественные замечания о мусульманах.²¹

«Повесть о Дракуле», на взгляд переписчиков XVII в., не вызывала таких опасений, как сочинения Пересветова и «Хождение за три моря». Если в конце XV в. идея «грозной» власти, оцениваемой независимо от ее религиозного благочестия, звучала прямым вызовом «воинствующим церковникам», то к XVII в. идея эта, как мы уже знаем, получила достаточно официальное выражение.

Противников «вельмож» «Повесть о Дракуле» могла привлекать не менее, чем сочинения Пересветова. Наиболее живым и актуальным местом в повести оставалось для читателей XVII в. рассуждение о нелицеприятном и неумолимом наказании любого преступника, независимо от его знатности и богатства. Ни один редактор, ни один переписчик повести не переписывал это рассуждение равнодушно; каждый старался что-нибудь разъяснить, подчеркнуть или изменить. «Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупиться от смерти, и толико грозен бысть», — так звучало это рассуждение в первоначальном варианте. Почти все переписчики XVII в. (как и составитель Румянцевской редакции) выпускали из этого перечня «инока», видимо считая его заведомо неспособным на «зло, татбу, разбой или кую лжу и неправду» (или отводя такую возможность как излишне «соблазнительную» для «мирских» читателей).²² «Священник» заменился более привычным «попом». Зато появлялись новые категории. «Или диякон» — дописывал один писец, имевший какие-то серьезные подозрения против этой общественной прослойки.²³ У другого писца в числе возможных злодеев появлялся таинственный «тысячник» — старинный термин, которым именовались в литературе библей-

²⁰ Сочинения И. Пересветова, стр. 350—359; ср.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 292—299.

²¹ Хождение за три моря Афанасия Никитина. Изд. 2. М.—Л., 1958, стр. 178.

²² Упоминание об иноке отсутствует во всех видах Румянцевской редакции и во всех видах Кирилловской редакции, кроме Древнейшего.

²³ Тихонравовский вид Кирилловской редакции (стр. 124).

ские, татарские или новгородские военачальники.²⁴ «Или кой князь», — решительно добавляли некоторые храбрецы. Другие, напротив, выпускали пона и боярина, предпочитая наиболее широкую и безопасную формулу — «какова человека нибудь уличат коим злом, простова или властелина».²⁵

Тема неограниченности царской власти, права царя по своей воле отделять «лихо творящих» от «добро творящих», не только полностью сохранилась, но даже усилилась во многих списках XVII в. К словам второго монаха, признавшего, что Дракула «от господа государем поставлен», в одном из списков было прибавлено: «власть бог дает, ему же хочет».²⁶ В другом списке даже строптивый первый монах соглашался признать справедливость Дракулы и только вздыхал по поводу излишней его суровости: «Добро твориши, но зело без милости казниши».²⁷ Утверждение, что Дракула «от бога поставлен» вкладывалось в уста не только монаху, но и угорскому послу.²⁸

Как и поздние редакции сочинений Пересветова и Никитина, поздние списки «Повести о Дракуле» усиливали антитурецкую направленность памятника. Неизменным успехом у переписчиков пользовалось то место, где рассказывалось, что после похода Дракулы турецкий царь «ничто же ему не може учинить, но срамом побежен бысть». Одни прибавляли еще, что царь, «растерза ризы своя на себе, плакася горько»,²⁹ другие заставляли самого турецкого царя произносить речь о своем позоре: «Никто же ми зла учинил, яко же Дракул, срамом от него побежден бых».³⁰

Эта сторона деятельности Дракулы, таким образом, вполне устраивала переписчиков XVII в. Затрудняло их иное: общая характеристика «мутьянского царя», необходимость как-то свести концы с концами при его оценке. Правда, идея сложного человеческого характера не была для читателей XVII в. такой новостью, как для читателей XV в.: противоречивость и сложность многих исторических личностей особо отмечались в ряде памятников того времени (характеристики Ивана Грозного и Бориса Годунова во второй редакции Хронографа, «Временнике» Ивана Тимофеева,

²⁴ Сводная редакция (стр. 180). Ср.: И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб., 1903, столб. 1076; Материалы для терминологического словаря древней России. Сост. Г. Е. Кочин. М.—Л., 1937, стр. 368.

²⁵ См. стр. 129, разночтение III, 6, стр. 180 и стр. 165, разночтение II, 85—86.

²⁶ Тихонравовский вид Кирилловской редакции (стр. 125).

²⁷ Хохловский вид Румянцевской редакции (стр. 176).

²⁸ Библиотечный и Распространенный виды Румянцевской редакции (стр. 147 и 153).

²⁹ Распространенный вид Румянцевской редакции (стр. 152).

³⁰ Хохловский вид Румянцевской редакции (стр. 174; ср. Уваровский вид, стр. 165, разночтение 75).

«Повести» Катыева-Ростовского и др.).³¹ Но, признавая человека существом сложным, не могущим претендовать на «беспорочность», писатели XVII в. отнюдь не отказывались от прямой авторской оценки и охотно прибегали к «прекрасным правоучениям» по этому поводу. Русский «Дракула», Иван Васильевич Грозный, окончательно лишился ореола непогрешимости в XVII в., но оценка его оставалась достаточно определенной: авторы XVII в. (следуя А. М. Курбскому) точно объясняли, что до определенного момента (до 1560 г. — смерти Анастасии Романовой) царь был «добр», а после этого «превратился многомудренный его ум на прав яр». ³² Такое же определенное разграничение проводит Иван Тимофеев и в характеристике Бориса Годунова: до вступления на престол он был «сладок, кроток, тих», затем же «всем жесток и тяжек обретется». ³³ В некоторых литературных персонажах XVII в. доброе и плохое могло сосуществовать одновременно, но и в этом случае было ясно, что именно следует считать хорошим, что — плохим и откуда это плохое берется. Источник всего плохого — сатана, дьявол. «Но убо да никто же похвалится чист быти от сети неприяньственаго злокозньствия врага», ³⁴ — писал автор Хронографа. Такая постановка вопроса вносила некоторые усложнения в систему средневекового дидактизма, но отнюдь этой системы не отменяла.

«Повесть о Дракуле» должна была казаться странной даже читателям, воспитанным на Хронографе второй редакции и «Временнике» Ивана Тимофеева. Она начиналась с ошеломляющего утверждения, что имя Дракула означает «дьявол», что сам он был «зломудр» и что «житие» его вполне соответствовало имени. Но затем этот «дьявол» дрался с турками, покрывал их «срамом», искоренял «зло» в своем государстве, вообще вел себя так, как подобало положительному герою литературы того времени. Однако героем Дракула так и не становился — дальше автор снова напоминал нам о его «окаянстве» и сходстве с «тезоименитым дияволом» и рассказывал о наихудшем грехе Дракулы — отступлении от православия. Но смерть Дракулы оказывалась все-таки не вполне злодейской — он погибал во время новой войны с турками.

Такая неясность и двусмысленность в оценке центрального персонажа явно не удовлетворяла редакторов XVII в. — в целом ряде видов и отдельных списков мы встречаемся с попытками «исправить» характеристику Дракулы, сделать ее более определенной. Охотнее всего удалялось упоминание о «дьяволе» — оно

³¹ Ср.: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 15—20.

³² Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А. Попов. М., 1869, стр. 182—183.

³³ Временник Ивана Тимофеева. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 80—81.

³⁴ Изборник славянских и русских сочинений и статей. . . , стр. 189.

звучало слишком уж зловеще и закрывало для книжников XVII в. возможность сколько-нибудь положительной оценки Дракулы;³⁵ да и самая необходимость написания этого страшного слова смущала суеверных писцов.³⁶ В некоторых видах повести были опущены и иные одиозные черты Дракулы. Вполне положительной фигурой стал, например, Дракула в Тихонравовском виде Кирилловской редакции.³⁷ Аналогичным изменениям подверглась повесть и в некоторых других списках,³⁸ в частности и в Сводной редакции. И в этой редакции нет упоминания «дьявола»; нет конца, где рассказывается об отступничестве Дракулы; повесть кончается триумфом второго монаха: «И повеле его с честью отпустить в свою землю и на колеснице проводить его до Угорской земли. Аминь».³⁹

Некоторые книжники XVII в. пошли в «исправлении» повести по иному пути, более соответствующему новому взгляду на литературных героев, предложенному второй редакцией Хронографа и «Временником» Ивана Тимофеева. Борьба Дракулы со «злом» естественно вытекала, по их представлению, из его положения православного «царя»; но затем Дракула стал отступником и тем самым настоящим злодеем — поэтому его смерть от рук своих же воинов во время схватки с турками можно было воспринять как божью кару. Именно так толкуется его гибель в нескольких видах: Дракула «зле скончася лютою смертию».⁴⁰ Наиболее развернуто дана эта двухчастная характеристика Дракулы в Распространенном виде Румянцевской редакции — одном из самых интересных и богатых авторскими добавлениями вариантов повести, созданных в XVII в.⁴¹ Жестокости Дракулы до «отвержения веры христианские» не вызывают здесь осуждения составителя: даже о казни мастеров, спрятавших сокровище Дракулы, говорится без упоминания о «дьяволе» и «окаянстве».⁴² Отношение к Дракуле радикально меняется лишь после его отступничества: «дни своя он проводя зле, забыл святую христианскую веру». И тогда-то

³⁵ Упоминание о дьяволе опущено в Тихонравовском (стр. 123) и Западно-русском (стр. 135) видах Кирилловской редакции, в Барсовском (стр. 159), Уваровском (стр. 162) и Хохловском (стр. 172) видах Румянцевской редакции, а также в Сводной редакции (стр. 179).

³⁶ Ср., например, зашифровку слова «дьявол» (с помощью так называемой «простой литорей» — «цьяшос») в Ермолинской летописи (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 157—158). Ср. ту же зашифровку на стр. 97.

³⁷ Ср. стр. 123—125.

³⁸ Опущен конец в Погодинском списке Забелинского вида Кирилловской редакции, где Дракула с самого начала не «зломудр», а только «безмилосерд» (стр. 125, разночтение 12).

³⁹ См. стр. 181.

⁴⁰ Барсовский (стр. 162), Уваровский (стр. 172) и Хохловский (стр. 178) виды Румянцевской редакции.

⁴¹ См. стр. 150—159.

⁴² Стр. 156 (ср. стр. 149); в Распространенном виде нет также казни нерадивой жены (стр. 156).

«содеяся дело божие: изволивый бог отмсти окаянному Дракулы за православную веру христианскую, попустил господь на него свой праведный гнев». Напавшие на «Мутьянскую землю» турки, как и подобает неверным в войне с христианами, принуждены были бежать, «никим же гоними бысть», но сам Дракула напрасно радовался этой победе, «не ведая над собою дела божия, смертного часа не опасеся». «Дело божие» над Дракулой осуществляется некой таинственной личностью, специально введенной для этого составителем Распространенного вида. «Неподалеку стоя некто Дракулин человек исторгнувся от полка его, и подивися тому человеку Дракула, видением турчанин, тотарин стоит; внезапно взем своим копием той человек и ударил Дракулу тем копием созади, проиде сквозь тое копие. . . И тако Дракула скончался ту зле; живот свой препроводи в прелести, лютаго жития своего конец восприят. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком, аминь».⁴³

«Исправления» и «выпрямления» сюжета «Повести о Дракуле» в поздних видах с несомненностью свидетельствуют о том, что повесть эта в ее первоначальном виде оставалась непонятной и чуждой тем, кто ее читал и переписывал. Об этом же свидетельствуют и иные данные. Выйдя из забвения, повесть эта получила в XVII—XVIII вв. некоторое распространение, но оно было довольно скромным. «Повесть о Дракуле» была несравненно беднее представлена в поздней традиции, чем, например, сербская «Александрия», судьба которой была в остальном довольно сходна с судьбой «Повести о Дракуле». Александр Македонский, «воскреснув» в XVII в., быстро приобрел широчайшую популярность у читателей; похождения его распространялись в сотнях списков — в том числе богато иллюстрированных; рядом с ним появились новые, еще более популярные персонажи — Бова-корольевич, Еруслан Лазаревич, Петр Златы Ключи, прекрасная королева Магилена. Никакой конкуренции с этими блестящими героями «мутьянский царь» не выдерживал: повесть о нем дошла до нас в относительно немногих, по большей части бедных и провинциальных рукописях. «Повесть о Дракуле» в XVII в. заметно фольклоризировалась, еще сильнее сблизилась по стилю и языку с народным творчеством, с которым она была связана и в момент своего создания, но памятником общенародного значения, важным явлением в русской литературе она не стала.

Чем это объяснялось? «Выпрямления» сюжета повести в списках XVII в. дают, как будто, основания полагать, что и для этого периода оставались чуждыми те тенденции косвенности, неполного раскрытия авторского «идеала», которые мы отмечали в «Повести о Дракуле».

Однако это не совсем так. Обратившись к памятникам русской литературы XVII в., в особенности к бытовой и сатирической

⁴³ Стр. 159.

повести, мы можем убедиться в том, что эта литература значительно отошла от традиций средневекового прямолинейного дидактизма. Важное место в русской литературе XVII в. занимает *плутовская повесть* — один из наиболее острых и боевых жанров литературы Возрождения, героями которого были люди, заведомо враждебные нормам феодальной морали. Не высказывая прямо своего авторского идеала, представители «плутовского» жанра высмеивали «сильных» феодального мира — вельмож, чиновников, священников — и показывали, что их герой — нищий бродяга и жулик — лучше, умнее и справедливее этих людей. Сходны со своими западными собратьями были и герои русской «плутовской» повести — «убогий» (бедняк) в «Повести о Шемякином суде», Ерш Щетинников в «Повести о Ерше», бражник, посрамивший святых и попавший в рай в «Повести о бражнике», и в особенности Фрол Скобеев. Характеристики действующих лиц в «Повести о Фроле Скобееве» — блестящий образец косвенности авторского изложения. Автор не чуждается прямых характеристик некоторых персонажей, но о самых важных чертах своих героев — о слабости и бесхарактерности вельможи Ордина-Нащокина, о торжестве над ним «плута Фролки» — он нигде не говорит прямо. Читатель понимает все это из разговоров Ордина-Нащокина, Фрола Скобеева, Ловчикова — разговоров, удивительно индивидуальных и «настоящих». Беспомощно бранясь, Ордин-Нащокин уступает «плуту» и похищенную дочь, и вотчину, и деньги. «Государь-батюшко, уж тому как бог судил!» — издевательски-покорно отвечает «гольца» (бедняк) Скобеев.

Черты новой поэтики, наметившиеся в памятниках беллетристики XV в., получили, таким образом, дальнейшее и весьма плодотворное развитие в литературе XVII в. Почему же «Повесть о Дракуле» оказалась столь одинокой в новой литературной традиции? Почему она не оказала заметного влияния на литературу и даже, по-видимому, не была понята читателями XVII в.?

Объясняется это в первую очередь идеологией повести. С конца XV в., когда была создана «Повесть о Дракуле», многое изменилось в русской и мировой общественной мысли. Автор повести, русский дипломат, побывавший в Центральной Европе, стоял на уровне наиболее передовых людей своей эпохи: недаром он так близко сошелся во взглядах на «жестокого, но справедливого» Дракулу с итальянцем-гуманистом Бонфини и едва ли не предвосхитил идеи другого итальянца — Макиавелли. Люди эпохи Возрождения были убеждены, что время на стороне грядущей грозной власти, которая установит на земле справедливость; они верили, что время всегда право. Но эта грозная власть пришла и не принесла в мир справедливости; система угнетения народных масс по существу не изменилась; «хорошо примененные жестокости» обернулись инквизиционными процессами, Варфоломеевской ночью, массовыми расправами над людьми. Народы

ответили «драконам» Европы в XVI в. революцией в Нидерландах, а в XVII в. — Великой Английской революцией. Требования времени, которые казались столь ясными Макиавелли и его предшественникам, изменились — «время вышло из колеи».

Конечно, тирания — явление, свойственное не только позднему феодализму, но и многим другим эпохам классового общества; идея «благотворительной тирании» не умерла с эпохой Возрождения. Заманчивая мысль — завести собственного «дракона», чтобы избавиться от всех остальных — возникала в истории человечества и позже, в период кризиса капитализма. Но в условиях феодальной Западной Европы эта идея начала терять первоначальную привлекательность и обнаруживать свои отрицательные стороны уже в XVI—XVIII вв. На смену ей приходили идеи народного суверенитета и естественных прав человека.

В России самодержавная власть еще имела в XVII в. большое будущее — впереди были петровские реформы. Но и враги этой власти тоже смотрели не в прошлое: «царю всея Руси» противостояли уже не только «воинствующие церковники» и Курбский, а Болотников и Разин, не боярские республики, а восстания городской бедноты. Восстания эти не выдвинули еще своей развернутой идеологии, но и противостоящая им идея сильной царской власти не казалась уже столь воодушевляющей и бесспорной: после Ивана Грозного даже сторонники самодержавия старались отграничить «совершенное самовладство» от «крутого владения» и «людодержства». Во всяком случае, для защиты идеи «грозной власти» не нужно было теперь ни смелости, ни оригинальности. Изложение этой казенной идеи могло обходиться без всякой литературной «косвенности». «Повесть о Дракуле» читали и переписывали в XVII в. почтенные (хотя иногда и недолюбливавшие «вельмож») консерваторы. Они устранили из этой повести непонятные им противоречия и придавали ей вполне гладкий и достаточно неинтересный характер.

Последние списки «Повести о Дракуле» относятся уже к XVIII в. В позднейшем списке повести рядом с историей «мутьянского царя» помещен рассказ о восстании Степана Разина и описание гвардейского переворота, приведшего к власти Елизавету Петровну. Прошло не более десятка лет после написания этого списка, и под пером молодого Радищева появились слова: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние».

Мрачный призрак, вызванный московскими правдоискателями из далекой «Мутьянской земли» и обратившийся против тех, кто его вызвал, утратил свою власть над человеческими умами. Идее Дракулы предстояла неизбежная «лютая смерть». Вместе с нею должна была скончаться и повесть.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ ВВЕДЕНИЕ

«Повесть о Дракуле» издавалась неоднократно, но ни в одном из ее изданий богатая рукописная традиция памятника не привлекалась с достаточной полнотой. Для большинства изданий использовался один список — первоначально Румянцевский список конца XV—начала XVI в. (ГБЛ, Рум. 358), раньше всех остальных введенный в научный оборот.¹ В 1896 г. И. Богдан сопроводил свою монографию о Владе Цепеше изданием русской «Повести о Дракуле» по нескольким спискам; это издание может считаться наиболее полным из существовавших до сих пор изданий повести. И. Богдан издал следующие четыре «версии» повести (все по спискам, находящимся ныне в ГБЛ): А) Румянцевскую, В) текст рукописи собрания Ундольского, № 632 (варианты по рукописи собрания Тихонравова, № 379), С) собрания Тихонравова, № 283 и D) Общества истории и древностей российских, № 286.² Важнейшим недостатком издания Богдана было неиспользование уже известного в то время древнейшего списка повести конца XV в. — ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088.

Представления о рукописной традиции «Повести о Дракуле» были значительно расширены А. Д. Седельниковым. Всего А. Д. Седельникову было известно 17 списков повести. Однако он не предпринял полного издания «Повести о Дракуле», ограничившись только воспроизведением текста древнейшего списка (Кир.-Бел. 11/1088)³ с несколькими случайными разночтениями по спискам разных редакций.

¹ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 346—349 (текст с пропусками); Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. Составлена Ф. Буслаевым. М., 1861, стлб. 700—707 (текст с пропусками); переиздавался в других изданиях хрестоматии Буслаева); Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Г. Кушелевым-Безбородко, под ред. Н. Костомарова, вып. 2. СПб., 1860, стр. 399—402.

² Vlad Țepeș și narațiunile germane și rusești asupra lui. Studiu critic de Ioan Bogdan. București, 1896.

³ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле. ИпОРЯС, т. II, кн. 2, 1929, стр. 652—659. Этот же текст неоднократно переиздавался в изданиях «Хрестоматии по древней русской литературе (XI—XVII вв.)» Н. К. Гудзия (М., 1935, стр. 152—157 и последующие издания), в сборнике «Русские повести XV—XVI вв.» (М.—Л., 1958, стр. 92—

Хотя А. Д. Седельников не довел свою текстологическую работу до конца (не подготовив текста по всем спискам, он не произвел и полного сличения списков), целый ряд фактов истории текста повести был установлен им с полной несомненностью. А. Д. Седельников обратил внимание на любопытное (хотя, как мы теперь знаем, не исключительное⁴) явление в истории рукописной традиции «Повести о Дракуле»: повесть эта дошла до нас в двух списках конца XV—начала XVI в. и далее в ряде списков XVII—XVIII вв.; XVI век никак не отражен в рукописной традиции памятника. Из двух списков XV в. Кирилловский список, как убедительно показал А. Д. Седельников, ближе к оригиналу повести, нежели Румянцевский список; Румянцевский список отличается от Кирилловского иным расположением эпизодов (эпизоды 5—11 и 14—16 — см. таблицу на стр. 110—112) и некоторыми сокращениями текста. Композиционные отличия между двумя древнейшими списками (расположение эпизодов) оказались определяющими для всей дальнейшей рукописной традиции повести: списки XVII—XVIII вв. следуют по своей композиции либо Кирилловскому, либо Румянцевскому списку. Мы можем поэтому говорить о двух основных композиционно-стилистических редакциях повести — Кирилловской и Румянцевской; Сводная редакция, соединяющая элементы композиции обеих редакций (но состоящая только из 7 эпизодов — см. таблицу на стр. 110—111), представлена единственным списком — ЦГАДА, ф. 181, № 613/1121. Но в одном отношении древнейшие тексты обеих редакций оказываются сходными не с более поздними текстами соответствующих редакций, а между собой: в этих древнейших текстах сохранилась концовка повести, говорящая о судьбах Мутьянской земли после смерти Дракулы и о детях воеводы, виденных автором и его товарищами; поздние списки, хотя и по-разному, сократили последнюю часть повести.⁵

Наиболее сомнительным из текстологических построений А. Д. Седельникова представляется нам его мнение, будто раз-

97), а также в румынских изданиях: N. Smochină. Elemente românești în parațiunile slave asupra lui Vlad Tepeș. Iași, 1939; Cronicile slavo-române din sec. XV—XVI publicate de Ion Bogdan. Ediție revăzută și completată de P. P. Panaitescu. București, 1959, стр. 200—207; P. Olteanu. Limba povestilor slave despre Vlad Tepeș. București, 1961, стр. 355—365. У П. Панаитеску к тексту Кир.-Бел. 11/1088 даны разночтения (по-видимому, на основе издания И. Богдана) по списку Рум. 358, Унд. 632 и Тихонр. 283. Использование списков иной редакции (Рум. 358 и Тихонр. 283) для подведения вариантов и даже для добавлений в текст, как это сделано у Панаитеску (из Тихонравовского списка вставлено количество войска Дракулы), представляется нам недопустимым.

⁴ См. стр. 73.

⁵ Ср.: А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 624—634, 640—645. Сейчас нам известен один список XVII в. — Кирилловский историко-художественный музей, № 2967, — сохранивший концовку повести.

метка заголовками эпизодов, свойственная некоторым видам повести, была произведена уже на ранней стадии развития текста — еще до возникновения Румянцевской редакции; в этом отношении поздние списки Кирилловской редакции (где эпизоды озаглавлены), по мнению А. Д. Седельникова, лучше передают протограф, чем Румянцевский список.⁶ Приходя к такому выводу, А. Д. Седельников основывался на двух обстоятельствах: на том, что заголовки эпизодов встречаются в различных видах обеих редакций, и на том, что два эпизода озаглавлены и в Румянцевском списке. Однако сопоставление между собой этих заголовков показывает, что в разных редакциях они различны (см. таблицу на стр. 110—112) и если совпадают в нескольких случаях, то лишь там, где заголовки очень кратки и естественно вытекают из содержания эпизода («О нищих», «О купце», «О женах»). Такой же характер имеют два заголовка Румянцевского списка («О жоне», «О послех»), помещенные вдобавок не в начале соответствующих эпизодов, а на полях, как своеобразные глоссы (см. стр. 141, прим. в и г). Композиция повести, состоявшей из самодовлеющих эпизодов-анекдотов, делала, на наш взгляд, возможным независимое возникновение заголовков в обеих редакциях.

Нам представляется, таким образом, что две редакции «Повести о Дракуле», возникшие уже в конце XV—начале XVI в., развивались далее самостоятельно, хотя в некоторых отношениях и сходно между собой (сокращение эпилога, разметка заголовками, именование Дракулы «царем»); единственный случай сближения между ними — уже отмеченная Сводная редакция (ср. схему на стр. 112—113).

В настоящее время нам известно 22 списка «Повести о Дракуле». Перечислим эти списки по редакциям и видам.⁷

КИРИЛЛОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Древнейший вид

1) ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088; 8°; конец XV в.; 502 лл. (Е). Полное, но не аннотированное описание сборника см.: Н. В. Рузский. Сведения о рукописях, содержащих в себе Хождение в св. землю русского игумена Даниила в нач. XII в. ЧОИДР, 1891, кн. III, стр. 24—28. О составе и литературном значении этого сборника, написанного известным книгописцем Ефросином, см. на стр. 69. Текст «Повести о Дракуле» (лл. 204—217) имеет в Е точную дату — он переписан Ефросином

⁶ А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 642 и 651—652 (генеалогическая схема).

⁷ Списки, не известные А. Д. Седельникову и не привлекавшиеся до сих пор к исследованию «Повести о Дракуле», отмечены звездочкой.

ѿмлада естѣ дѣнокъ. по
 тамъ и сѣмни кѣ и
 гоуменъ въ мѡнѣ стѣри.
 потомъ рѡстригъ и сѣ
 лѣнѣ ѡбѣ спѣо и жени
 лѣа. по мѣлѣ ѡбѣ сѣоу
 южѣноу. иже послѣдѣ
 коулы мѣло побилъ. и оу
 билъ еро стѣдѣнѣ ѡло
 сѣ сѣвѣ, тогда же ^{поу} нѣлѣ
 и нѣ ѡбѣ ѡдѣна моу
 нѣ ѡнѣскоу земли ѡдѣ
 дѣ, иже бы ѡвѣ рѣнѣцѣ и
 и гоуменъ: ѡлѣ. ѡч. ѡдѣ.
 ѡѣ. тѣ. прѣписѣ. тѣ. ѡлѣ. ѡч.
 ѡч. ѡнѣ. тѣ. ки. ѡдѣ ѡуѣ прѣпи
 сѣ 428 грѣшнѣ еѣросинъ.

«Повесть о Дракуле» — заключительная запись Ефросина.
 Л. 217 из списка ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088.

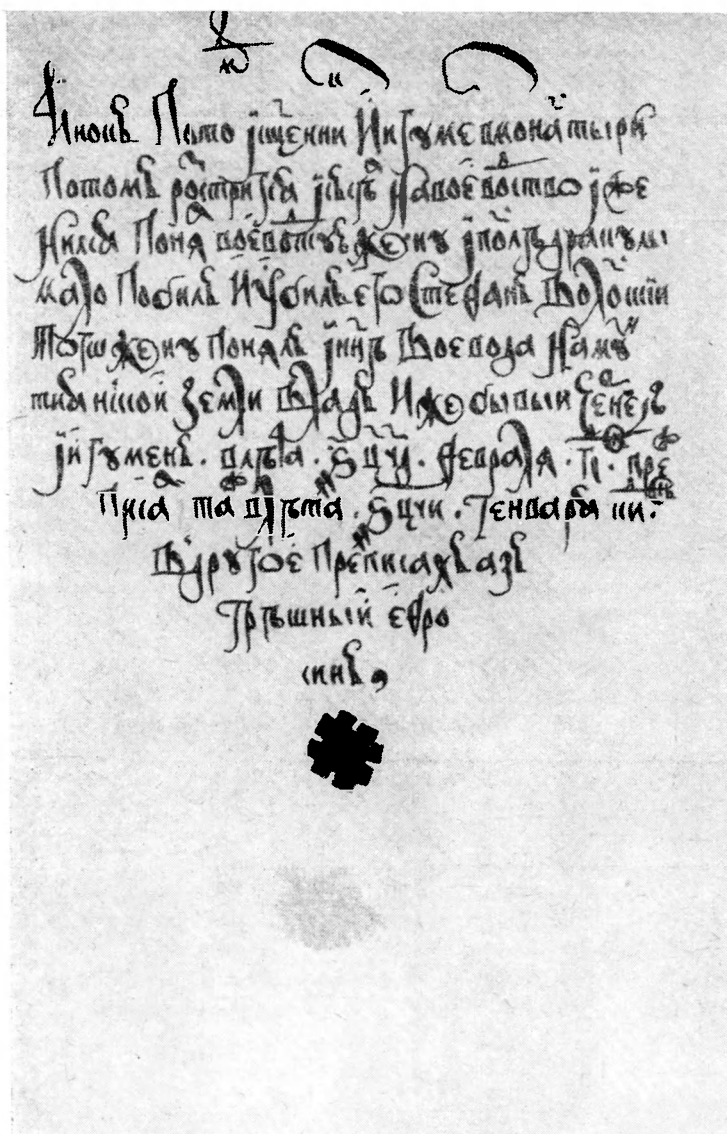
28 января 6998 (1490) г.; встречается в *Е* и другая точная дата (на тексте «Александрии») — 20 октября 7000 (1491) г. (*Е*, л. 19).

*2) Кирилловский историко-художественный музей (г. Кириллов Вологодской обл.), № 2967; 4°; середина XVII в. (водяной знак — шут с картушем); 144 л. (*К*). Рукопись не описана. В составе сборника: л. 1 — «Александрия», без начала (начинается со слов: «... Авис же близ Александра приеха»), совпадающая по тексту с «Александрией» в сборнике *Е* (лл. 20—194 об.); л. 95 — «Об испытании высоте небесне»; л. 95 об. — «О глубине мор[с]тей»; л. 96 — «О древе райском и о лбе Адамле» (тот же текст в *Е*, лл. 196—197 об.); лл. 98—108 — «Сказание о Дракуле воеводе»; л. 108 об. — «Сказание о пути Иерусалимском» («Хожение игумена Даниила») (*Е*, лл. 218—221 об.); л. 110 об. — «От Палеи о трех друзех» (*Е*, л. 230—230 об.), л. 111 — «Се от Соломона суда мало вкратце» (*Е*, лл. 268 об.—271); далее другим почерком: л. 114 — «Книга, глаголемая Козмография, сложена от древних философов, переведена с римьскаго языка...»; л. 144 об. — «Слово о двух соседу швецу» (текст зачеркнут).

Сопоставление сборника *К* со сборником *Е* в целом обнаруживает теснейшую связь между ними: кирилло-белозерский писец XVII в. несомненно имел перед собой и переписывал ефросиновский сборник (Кир.-Бел. 11/1088) — статьи сборника *К*, написанные основным почерком (до л. 114), повторяют (за двумя исключениями, о которых мы скажем ниже) статьи сборника *Е* и даже помещены в таком же порядке, как и в *Е*. Текст «Повести о Дракуле» в *К* также повторяет текст *Е*, в том числе и заключительную ефросиновскую приписку к повести. Специфические чтения *Е*, включая даже явные описки, в основном тоже переданы в *К*: вместо «чиниши» здесь также читается «чиниша» (*Е*, л. 208 об.), вместо «неси» — «веси» (*Е*, л. 210), вместо «здрава сущи» (нерадивая жена бедняка) — «здраву сущу» (*Е*, л. 210 об.). Список *К*, таким образом, непосредственно восходит к списку *Е*.

Это обстоятельство, однако, не дает, на наш взгляд, достаточных оснований, чтобы игнорировать список *К* при подготовке текста «Повести о Дракуле». Список *К* относится к середине XVII в. — среди рукописной традиции повести он может считаться относительно ранним. Писец сборника *К* пользовался сборником *Е*, но в его распоряжении были и какие-то другие рукописи. Из этих рукописей в сборник *К* заимствованы те две статьи, которых нет в сборнике *Е* и во всех остальных известных нам сборниках Ефросина, — «Об испытании высоте небесне» и «О глубине морстей». Статьи эти несомненно соответствовали интересам Ефросина (они посвящены Александру Македонскому, любимому герою Ефросина).⁸ Не исключена поэтому возможность, что писец

⁸ Статьи «Об испытании высоте небесне» и «О глубине морстей» (*К*, л. 95—95 об.) читаются во второй редакции хронографической «Александрии»

«Повесть о Дракуле» — копия с заключительной записи
Ефросина.

Л. 108 из списка Кирилловского музея, № 2967.

XVII в. знал рукописи Ефросина (переписывавшего «Повесть о Дракуле», как видно из приписки к этой повести, два раза) лучше, чем знаем мы их сейчас. В нескольких случаях писец *К* исправил явные описки *Е* (например, чтение «Друкаула» — *Е*, л. 212). Мы сочли поэтому возможным привлечь список *К* для подведения разночтений к списку *Е*.

Второй список, используемый нами для подведения разночтений к списку *Е*, может быть из-за его дефектности отнесен к древнейшему виду Кирилловской редакции лишь условно.

*3) ГБЛ, Музейное собр., № 8779; 4°; сборная рукопись XVII—XVIII вв.; 80 лл. (*М*). Описание рукописи см.: Л. Н. П у к а р е в. Новый список «Сказания о киевских богатырях». ТОДРЛ, т. IX, М.—Л., 1953, стр. 361—365. «Сказание о Дракуле воеводе» (лл. 79—80 об.; текст обрывается) читается в составе 4-й тетради, где помещены также апокриф «О древе райском и главе Адамли» (лл. 67—68 об.), «Сказание о пути Иерусалимском» (лл. 68 об.—71) и «Сказание о русских богатырях и о цареградцких» (лл. 71—79).

В списке *М* сохранилось только самое начало повести (до начала 3-го эпизода), что весьма затрудняет классификацию текста этого списка. Однако даже по сохранившемуся тексту мы можем установить, что он не относится к Румянцевской редакции (в *М* мы читаем: «Дракула влашеским языком» — текст, отсутствующий во всех видах Румянцевской редакции, кроме Библиотечного и Распространенного, к которым этот список также не может быть отнесен) и не имеет специфических чтений известных нам вторичных видов Кирилловской редакции — Тихонравовского (в *М*, в отличие от Тихонравовского вида, сохранилось пояснение к имени Дракулы: «а нашим диавол», нет замены «кап» «колпаками», сохранилась фраза Дракулы: «Ты еси не муж, но жена»), Забелинского и Западнорусского (в *М* нет заголовка, нет пояснения к словам «нашим языком» — «русским», сохранилось указание, что Дракула приказал прибить капы «гвоздем малым», что он сажал на кол «проходом», нет многочисленных инверсий Забелинского вида — «войска великого», «к нему посла», «дань дает» и т. д.). Отсутствие сколько-нибудь существенных отклонений от Древнейшего вида делает возможным привлечение списка *М* для подведения разночтений к этому виду.

(В. М. И с т р и н. Александрия русских хронографов. М., 1893, Приложение, стр. 203). В известных нам сборниках Ефросина содержится сербская «Александрия», хронографическая «Александрия» первой редакции и еще ряд отдельных статей об Александре Македонском (ср.: Я. С. Л у р ь е. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. ТОДРЛ, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 161—164). Вполне вероятно поэтому, что в не дошедших до нас сборниках Ефросина читались и эти весьма близкие к его интересам статьи.

Тихонравовский вид

4) ГБЛ, собр. Тихонравова (ф. 299), № 379; 8°; конец XVII в.; 211 лл. Описание рукописи см.: Г. Г е о р г и е в с к и й. Собрание Н. С. Тихонравова. I. Рукописи. М., 1913, стр. 69 (№ 379). В составе сборника: л. 1 — «Повесть о двух посольствах» (без начала) (ср.: М. Д. К а г а н. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение нач. XVII в. ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 243, № 43); л. 13 об. — «Хождение Трифона Коробейникова»; лл. 85 об.—94 — «Сказание о Дракуле воеводе»; л. 94 об. — «Сказание о Даниле, како седел на Беле-озере от великаго князя Владимира»; л. 103 — «Сказание о снах Иосифа Прекрасного»; л. 110 — «Повесть о граде Иерусалиме»; л. 193 — «Суды Соломона», и др. В настоящее время сборник не имеет ни начала, ни конца, но первоначально все его статьи были перенумерованы как «главы»: «Хождение Трифона Коробейникова» означено здесь поэтому как «глава 8», «Повесть о Дракуле» — как «глава 9» и т. д.

Тихонравовский вид представлен единственным списком и включает лишь 1—6-й эпизоды повести (текст не прерывается, а именно заканчивается 6-м эпизодом — никакого механического обрыва в дошедшем до нас списке нет); последний эпизод (испытание двух монахов) рассматривался составителем сборника как некое самостоятельное повествование, что видно из его заголовка (единственного внутреннего заголовка в этом виде повести): «Иная повесть».

Заключительные эпизоды повести, рисующие Дракулу в наиболее отрицательном виде (эпизод с убийством мастеров, веротушничество Дракулы), отсутствуют; нет в начале расшифровки имени Дракулы как «дьявола», вместо «зломудр» о нем говорится «зело мудр». Краткость текста в Тихонравовском виде (и отсутствие других списков этого вида) затрудняет решение вопроса о происхождении этого текста.

Многочисленные отклонения от текста Древнейшего вида и добавления к нему позволяют, во всяком случае, рассматривать Тихонравовский список как особый вид Кирилловской редакции. В нескольких случаях Тихонравовский вид совпадает с другими списками XVII в. той же редакции — например, со списком Ундольского Забелинского вида (см. стр. 125, разн. 9—10, 126, разн. 21 и 41), где также опущены слова «а нашим диавол» (объяснение имени Дракулы) и «капы» послов заменены «колпаками»; однако совпадения эти не настолько значительны, чтобы можно было говорить об общности их происхождения. Замена редкого слова «капы» более понятным словом «колпаки» и удаление неприятного упоминания о дьяволе⁹ могли произойти в одном из этих списков независимо от другого.

⁹ См. стр. 81—82.

Забелинский вид

5) ГИМ, собр. Забелина, № 451; 1°; конец XVII в.; 858 лл. (З). Печатного описания рукописи нет (есть рукописное описание в ГИМ). В составе сборника: л. 1 — Хронограф (третьей редакцией); л. 787 об. — «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека»; л. 795 — «Хождение Авраамия Суздальского на осмый собор»; л. 801 — ряд исторических отрывков (из «Летописи о многих мятежах»); л. 807 — «Послание архиепископа Василия епископу Феодору о земном рае»; л. 810 — походы царя Алексея Михайловича на Польшу (1653—1654 гг.); л. 834 — «Сказание Симеона Суздальца»; л. 845 — «Третье пришествие Тита на Иерусалим» (из Хронографа); л. 853 — «Сказание о Дракуле воеводе Мутиянских земли» (последняя статья сборника).

*6) ГПБ, собр. Титова, № 2796; 1°; XVIII в.; 415 лл. (Т). Описание сборника см.: Описание славяно-русских рукописей, находящихся в собрании А. А. Титова, т. V. Описано собирателем А. Титовым. М., 1906, стр. 88—89, № 1519 (2796). Это описание А. Титова неполно и неточно — в рукописи содержится не только Хронограф и «Сказание о Дракуле», как там указано, но и ряд других статей. По своему составу сборник Т очень близок к сборнику З; здесь также вслед за Хронографом помещен ряд отдельных памятников, в том числе: «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека» (лл. 356—360 об.); «Хождение Авраамия Суздальского на осмый собор» (лл. 360 об.—363); отрывки из «Летописи о многих мятежах» (лл. 363 об.—366 об.); походы Алексея Михайловича на Польшу (лл. 369 об.—382 об.; лл. 383—385 об. — ряд документов времени Федора Алексеевича); «Сказание Симеона Суздальца» (лл. 397—405 об.); «Третье пришествие Титова на Иерусалим» (лл. 405 об.—411 об.) и в конце (лл. 411 об.—415) — «Сказание о Дракуле воеводе Мутиянских земли».

*7) ГПБ, собр. ОЛДП, Ф. СХСВ; 1°; вторая половина XVIII в., 350 лл. (О). Рукопись не описана. В составе сборника: л. 1 — «Суды Соломона» (без начала); л. 6 об. — «О Китоврасе»; лл. 11—16 — «Слово о Дракуле воеводе Мутианских земли»; л. 16 об. — «История Максимилиана кесаря римского короля»; л. 21 — «Сказание о взятии Астрахани»; л. 28 об. — «История об Астраханском взятии вором Стенкою Разиным»; л. 53 — «О зачатии и рождении великого государя императора Петра Первого»; л. 424 об. — о восшествии на престол Елизаветы, и др.

*8) Архив Географического общества СССР, Р. 114, оп. 1, № 17 (тетрадь № 6); 4°; XVIII в.; 15 лл. (Г). Краткое описание рукописи см.: Н. Ф. Дробленкова, Л. С. Шепелева. Описание рукописного собрания Архива Географического общества СССР. ТОДРЛ, т. XIII, М.—Л., 1957, стр. 565—566. В составе рукописи (тетради): л. 1 — «Горе блудником»; л. 1 об. — «Повесть о видении некоему мужу духовну» протопопа Терентия; л. 6 —

«Повесть о Динаре»; л. 11 об. — вступление к чину венчания Ивана IV (начало); л. 12 — отрывок индекса ложных книг; лл. 13 об.—15 об. — «О Дракуле воеводе Мунтиянской земли» (текст обрывается).

9) ГПБ, собр. Погодина, № 1606; 4°; сборная рукопись XVII в.; 342 лл. (II). Описание рукописи см.: Описание церковнославянских и русских рукописных сборников Публичной библиотеки. Составлено А. Ф. Бычковым, ч. I. СПб., 1882, стр. 336—348 (сборник LXVII). Рукопись состоит из 11 тетрадей; в составе 11-й тетради: л. 200 — Космография (см.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. Собрал и издал А. Попов. М., 1869, стр. 459—476); лл. 229—233 об. — «О царе Дракуле воеводе Греческия земли» (заканчивается 11-м эпизодом, но обрыва текста нет); л. 234 — «Повесть зело страшна о некоем юноше, облеченном во иноческий образ и паки поверже»; л. 236 — «О Давиде царе» (апокриф); л. 238 — «О премудрости Соломоне и жене его» (апокриф); л. 251 — «Путешествие Симеона Суздальца» (в рукописи озаглавлено неверно); л. 206 — «Сказание о пути Иеросалимстем», и др.

10) ГБЛ, собр. Ундольского (ф. 310), № 632; 12°; середина XVII в.; 341 лл. (У). Краткое описание сборника см. в предисловии И. Беляева к первому изданию «Задонщины» (Временник ОИДР, кн. 14, М., 1852, «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его Владимире Андреевиче, яко победили супостата своего царя Мамаю», стр. III—IV, примечание); еще более краткое описание — в «Очерке собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе», приложение к «Каталогу славяно-русских рукописей В. М. Ундольского» (М., 1870, стр. 47). В составе сборника: л. 1 — «О взятии Царьграда» (без начала); л. 100 — «Повесть о Дмитрии Басарге»; л. 118 — «Повесть об Акире Премудром»; л. 143 — апокрифы о Давиде и Соломоне; л. 169 — «Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче» («Задонщина»); л. 215 — «Сказание о Вавилонском царстве»; л. 233 — «Об Азовском взятии» (так называемая «историческая» повесть о взятии Азова); лл. 263—276 — «Слово о Дракуле воеводе Мутьянские земли»; л. 276 — «Повесть о некоем царе дворянском и населнике, спиречь о крестьянине»; л. 288 — «Сказание об Индийском царстве»; л. 299 — «О двенадцати снах Мамера царя» («Сны Шахайши»); л. 320 — «Послание в Царьград к восточному царю салтану».¹⁰

Характерной особенностью Забелинского вида Кирилловской редакции повести является разметка эпизодов заглавиями, в своей

¹⁰ Список XIX в. — ГБЛ, собр. Беляева (ф. 29), № 1574 (А. В и к т о р о в. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 64—66, № 65) — мы не привлекаем к изданию, ибо, как отметил уже А. Д. Седельников, он является копией со списка Унд. 632, передающей все характерные черты этого списка (состав эпизодов, отдельные чтения и т. д.).

основе несомненно восходящая к одному источнику (ср., например, такие достаточно индивидуальные заголовки, как «Брань царева с Дракулою», «О ленивой жене», «О слуге», «Еще же о злом его обычае», которым в списках Румянцевской редакции соответствуют иные заглавия: «О приходе турецкого царя», «О женах», «О трапезе Дракулине» и неозаглавленный эпизод о пребывании Дракулы в тюрьме). Кроме того, во всех списках Забелинского вида отсутствует, наряду с концовкой повести, также и 16-й эпизод — о пребывании Дракулы в Будине и убийстве пристава, осмелившегося искать на дворе Дракулы беглого «злодея» (этого эпизода нет не только в *T*, близком к *З*, но также в *O* и даже в наиболее удаленном от *З* списке *У*).

Вместе с тем списки Забелинского вида обнаруживают ряд существенных различий между собой, образующих как бы несколько подвидов внутри этого вида. Наиболее близок к *З* сборник *T*, в котором «Повесть о Дракуле» имеет даже почти такое же окружение, как в *З* (исторические материалы, доведенные до XVII в., «Сказание Симеона Суздальца» и другие статьи, рассматривавшиеся, очевидно, составителем, наряду с «Повестью о Дракуле», как составные части единой хронографической компиляции). В *ЗТ*, помимо концовки и 16-го эпизода, отсутствуют также 12-й эпизод (о бочках с золотом, спрятанных Дракулой) и 17-й (гибель Дракулы), и заканчивается «Повесть» 15-м эпизодом «Еще же о злом его обычае» (Дракулы): «. . . мыши ловя и птици на торгу покуная и тако казня их, ову на кол посажаше, с ыныя перье ощипахе и пускахе, тем в темнице веселяся». Такое же окончание имеет и список *O*, однако в отличие от *ЗТ* 12-й эпизод («О бочках») там читается. К списку *O* особенно близок по отдельным чтениям список *Г*, но судить о его составе мы не можем, так как он обрывается на середине 5-го эпизода. Неполный состав имеет и список *И*, заканчивающийся 11-м эпизодом («О после»). И, наконец, наиболее своеобразен по композиции (сравнительно с *З*) список *У* — здесь представлены местами 9-й эпизод («О ленивей жене») и 8-й («О блудивых»), нет 10-го эпизода (о брезгливом слуге) и первой части 11-го эпизода («О после», есть лишь общее описание обращения Дракулы с послами). 12-й эпизод здесь, как и в *З*, отсутствует, нет, как и во всех списках этого вида, 16-го эпизода, но 17-й эпизод читается, и повесть заканчивается смертью Дракулы — «Его же мнози копы избодоша, и тако скончашася».

Все списки Забелинского вида восходят несомненно к одному источнику, но взаимоотношения между списками этого вида установить по имеющимся у нас данным едва ли возможно. Некоторые особенности списков *ЗТ* по сравнению с *O* позволяют как будто считать, что эти списки дальше отстоят от протографа: об этом свидетельствует не только отсутствие в *ЗТ* 12-го эпизода, но и некоторые ошибочные чтения *ЗТ* — пропуск слова «земли» после «Мунтьянския» (разночтение *I*, 6), превращение (встречающееся

и в некоторых других видах) имени короля «Матеашя» в имя посла «Матеашь» (V, 76; в *ОП* этого чтения нет) и т. д. Но, с другой стороны, и *О* имеет ряд признаков вторичности текста. Вместо заголовка 4-го эпизода здесь читается (ср. III, 1) любопытный, но явно добавленный писцом XVIII в. (или его ближайшим протографом) текст: «О Владе воеводе, а Дракула и бес, и диавол, и сотано, и черны, и Цматуса, и щил, и щаясос, и локопа, и гомны» (прозвища Дракулы написаны сперва обычным письмом, а начиная со слова «Цматуса» те же прозвища зашифрованы так называемой «простой литореей»). Явно вторичны в *О* чтения: «да весте, что у них» вместо «да весте, что учинил» (III, 76), «вси глаголати» вместо «вси богати» (III, 82), «на кол ударити» вместо «на кол посадити» (V, 72), пропуск слов «он же отвечаав» (IV, 12—13) и т. д. Ряд признаков вторичности имеет и не завершенный (эпизоды 1—11) текст списка *П*: здесь явно распространена (по сравнению с древнейшим видом и всеми списками Забелинского вида) речь брезгливого слуги (V, 70), в нескольких местах в имени Дракулы добавлен титул «царь» (заголовок, разночтения, I, 62; III, 74) и т. д. Сложны и взаимоотношения списка *У* с остальными списками. Сохранение заключительного 17-го эпизода повести (гибель Дракулы), так же как ряд отдельных чтений (например, при перечислении жертв Дракулы слова «мышь. . . и птиць» вместо бессмысленного: «мышь. . . и шпеницу» в *ЗТО* — ср. VI, 98), может служить доказательством того, что *У* восходит к общему протографу Забелинского вида независимо от других известных нам списков этого вида, но вместе с тем список обнаруживает и ряд явных признаков вторичности по сравнению с остальными списками вида: пропуск 10-го и части 11-го эпизодов, перестановка 8-го и 9-го эпизодов, бессмысленные чтения «коннии» вместо «кои» (I, 51), «того да ли» вместо «тогда, коли» (I, 84—85) и др.

Западнорусский вид

11) ГИМ, собр. Барсова, № 604; 4°; вторая половина XVII в.; 96 лл. Печатного описания рукописи нет. В составе сборника: л. 1 — «Книга, глаголемая Лусидырион, сиречь Златый бисер» (после этого заглавия — оглавление ко всей книге); л. 65 — Космография; л. 89 — «Повесть о двух посольствах»; л. 91 — «Сказание о Дракуле князе Мутьянские земли» (без конца; текст обрывается на л. 96 об.).

Западнорусский вид Кирилловской редакции, представленный единственным списком (Барс. 604), тесно связан с Забелинским видом и восходит к общему с ним источнику. Об этом свидетельствуют прежде всего заголовки текста, почти полностью совпадающие с заголовками в Забелинском и близких к нему списках (в Барсовском списке нет только заголовка «О послех» в 1-м эпизоде, 4-й эпизод имеет иное, чем в Забелинском виде, название: «И о вла-

дении Дракули князя Мутьянского», а заголовок 2-го эпизода — «О брани турскаго салтана з Дракулою» — близок к заголовку в списке *О*). Близость Западнорусского вида к списку *О* Забелинского вида обнаруживается также в отсутствии ошибочных чтений *ЗТ* (нет пропуска слова «земли» после слова «Мутьянския» — Забелинский вид, разночтение I, 6; нет чтения «Матияш поклизарь» вместо «Матияша поклизарь» — V, 76) и в совпадении одной явной описки: как и в *О*, вместо «весте, что учиних» (III, 76) здесь читается «весте, что у них» (но других описок *О*: «вси глаголати» — III, 82, «на кол ударити» — V, 72 и т. д. — здесь нет). Сохранился в Западнорусском виде, как и в *О* (в отличие от *ЗТ*), и 12-й эпизод («О бочках»), вернее, его начало. На середине 12-го эпизода текст Западнорусского вида обрывается. Наиболее важной особенностью этого текста, дающей основание выделить его в особый вид, является его фонетика, получившая отражение в орфографии и имеющая явно выраженный западнорусский (украинский и белорусский) характер: «бист», «обичай», «прибиты», «терпеть», «мае», «государу», «цар», «сотворат», «творящие» и т. д. Перед нами, в сущности, особый извод повести, хотя и образовавшийся на основе одного из видов Кирилловской редакции.

РУМЯНЦЕВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Древнейший вид

12) ГБЛ, собр. Румянцева (ф. 256), № 358; 4°; конец XV — начало XVI в.; 412 лл. (*Р*). Описание сборника см.: Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842, стр. 508—513 (№ CCCLVIII). О составе и литературном значении сборника см. на стр. 169. «Повесть о Дракуле» помещена в сборнике на лл. 356 об.—363 об. Уже А. Х. Востоков (стр. 509) указал основания для довольно точной датировки сборника: сын Ивана III Василий именуется в помещенном здесь родословии «Василием Новгородским» (л. 208) — весьма необычный титул, который мог быть ему дан только после его назначения «великим князем Новгорода и Пскова» в 1499 г. и до его назначения «великим князем всея Руси» и соправителем отца в 1502 г.

Сборник *Р* — псковского происхождения; об этом свидетельствует ряд записей в сборнике (л. 203 об. — «Начало Рускыя земля Псковскыя и Новгородскыя и Московскыя»; л. 218 — записи об Ольге с указанием «сени Ольгины стоат в Пскове» и т. д.). А. В. Марков (Памятники старой русской литературы, вып. 1. Тифлис, 1914, стр. 5—6) обратил внимание на любопытную запись в сборнике: после ряда текстов из Кормчей книги (под заголовком «Въпрос священнической вмаде, каковы суть места опитимьям

рекше запрещением») в сборнике (на л. 399) приведено пояснение: «Мне же и неволею написавшю сия вся, но ради разньствия сего и мятежа, бывшего от несмысленех оных мужей, а еже написах не от себе. . . нудим есть ово на утверждение христоименитых людей, ово же на соединение божии церкви, а на обращение заблужших». Комментируя это место, А. В. Марков отметил ряд конфликтов из-за вопросов канонической практики, возникавших в те годы в Пскове, но затем сделал почему-то заключение, что «несмысленные», с которыми спорит составитель сборника, это «жидовствующие» (новгородско-московские еретики). Этот последний вывод представляется нам совершенно неубедительным — тексты, к которым сделана приведенная приписка, никак не касаются сюжетов, связанных с еретиками и их учением; речь в них идет именно о канонических вопросах, которые, очевидно, и вызывали «разньствия и мятежи».

Отражая несомненно древнейший вид Румянцевской редакции повести (наибольшая близость к древнейшему Кирилловскому списку, сохранение концовки, утраченной в поздних списках, и т. д.), Румянцевский список вместе с тем не был непосредственным протографом ни одного из остальных списков Румянцевской редакции. Специфические, явно вторичные чтения Румянцевского списка (пропуск текста о приставах, сопровождавших Дракулу в его походе на Турецкую землю, — *P*, л. 362—362 об.) не отразились на более поздних списках Румянцевской редакции (текст о приставах читается во всех более поздних видах этой редакции; упоминания о биреве, пропущенные здесь — стр. 144 — см. в Уваровском виде — стр. 171).¹¹ Других списков Древнейшего вида Румянцевской редакции не сохранилось.

Библиотечный вид

13) ГПБ, Q. XVII. 169; 4°; XVII в.; 372 лл. (*Би*). Описание рукописи см.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1882 г. СПб., 1884, стр. 62—63 (№ 17). В составе сборника: л. 1 — «Книга о семи мудрецах» (без начала); л. 98 — «Повесть и сказание самодержца великия Македония. . .» (сербская «Александрия»); лл. 234—242 об. — «Сказание о Дракуле мутьяньском воеводе. . .»; л. 242 об. — «Слово о царе Давиде и о Соломане и о жене его» (апокриф); л. 248 — «Сказание о Троянском царствии и о витязех»; л. 321 об. — «Повесть о создании и разорении Царьграда»; л. 353 — «Сказание о Мамаевом побоище» (другим почерком; без конца). На рукописи сохранился ряд владельческих записей: дьяконова сына Климентовского Колбежского погоста Якова Андреева (л. 232 об.), князя Саввы Федоровича Мышецкого (л. 355 об.) и

¹¹ Ср.: А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 631.

о покупке книги князем С. Ф. Мышецким у Грила (!) Крекшина (?) (л. 352 об.).

14) ГИМ, Музейское собр., № 3860; 8°; XVII в.; 389 лл. (М). Печатного описания рукописи нет. Сборник имеет общее название (перед оглавлением): «Витицариводник». В составе сборника: л. 7 — «О седмицах жития человеческого. . .»; л. 14 — «Сказание от древних книг, писание о вере христианстой и жидовьстей», и др. (литературных памятников светского характера нет). «Повесть о Дракуле» помещена в особой тетради, на лл. 28—41 об. (без начала и конца).

Отличительной особенностью Библиотечного вида Румянцевской редакции является разметка эпизодов заглавиями, не совпадающая с разметкой эпизодов в Забелинском виде Кирилловской редакции (см. таблицу на стр. 111—112). Текст заканчивается 17-м эпизодом (описание гибели Дракулы) и напоминает окончание списка У Забелинского вида Кирилловской редакции, но в отличие от этого списка и всех вообще видов Кирилловской редакции, кроме Древнейшего, Библиотечный вид не имеет композиционных пропусков и содержит все эпизоды от 1-го до 17-го (нет только концовки). Едва ли следует объяснять влиянием Забелинского вида (или обратным влиянием Библиотечного вида на Забелинский вид) и одно совпадающее с ним чтение Библиотечного вида (отсутствующее в других видах Румянцевской редакции): посол-«лях» стал здесь «влахом» (Би, л. 237); при достаточной близости слов заменить «ляха» более экзотическим (и более подходящим для роли иностранного посла) «влахом» было нетрудно для различных переписчиков. Специфичны для Библиотечного вида (и зависимого от него Распространенного вида, о котором мы будем говорить дальше) также заявление посла-«влада» Дракуле, что тот, как судья, «от бога поставлен» (Би, л. 237 об.), сумма вознаграждения монаху, признавшему неограниченную власть Дракулы, — восемь дукатов (Би, л. 239) вместо 50 дукатов в остальных видах этой редакции, а также указание, что Дракула «учинил» для приглашенных им на пир нищих «храмины велии» (вместо одной «храмины») (Би, л. 238—238 об.).

В двух случаях Библиотечный вид Румянцевской редакции совпадает с Кирилловской редакцией. «Дракула» толкуется здесь как имя «влажским языком» (Би, л. 234), в то время как в Древнейшем виде Румянцевской редакции в соответствующем месте читается «латынским языком», а остальные виды этой редакции не дают никакой этимологии имени Дракулы. В сцене с приставом и спасенным Дракулой «злодеем» Дракула говорит, что если бы пристав не прибежал к нему, он бы «злодея» «от смерти п р о с и л» (Би, л. 241 об.) — так же, как читается в Древнейшем виде Кирилловской редакции (Е, л. 216). Возможно, что эти чтения отражают первоначальный текст Румянцевской редакции, искаженный уже в Румянцевском списке конца XV—начала XVI в.

Распространенный вид

15) ГБЛ, собр. ОИДР (ф. 205), № 286; 1°; конец XVII в.; 651 л. Описание рукописи (принадлежащее П. Строеву) см.: Библиотека имп. Общества истории и древностей российских. М., 1845, стр. 128—129 (№ 286). В составе сборника: л. 1 — общий заголовок книги: «Книга Кромник сииречь летописец вкратце о начале света божия» и пространное оглавление (включающее, по-видимому, и недошедший второй том рукописи); л. 40 — Палея толковая; л. 213 — выписка из Хронографа; л. 266 — «Повесть велми полезна и дивна и преизящна о Троянском царстве. . .»; л. 321 — «Житие и сказание изряднейшаго самодержьца, царя Александра великия Македония. . .»; л. 403 — Космография; л. 418 — «О начале Римского царства» (из Хронографа); л. 607 — «О зачале и о взятии Царьграда»; л. 638 — «Повесть о Динаре»; л. 641 — «Повесть о Козарине»; л. 643 — «О богоспасаемом граде Могилеве» и др. отрывки (определенные П. Строевым как «отрывки бестолковые»); лл. 645—651 об. — «Сказание о Дракуле Мутьянские земли воеводе греческие веры. . .».

Наиболее характерной особенностью Распространенного вида Румянцевской редакции (дошедшего до нас в единственном списке собрания ОИДР) следует считать чрезвычайно свободное отношение к тексту своего оригинала: перед нами не столько переписанный, сколько заново пересказанный в устной манере текст (такое отношение к тексту характерно и для других видов XVII в., но в данном случае оно выражено с наибольшей яркостью). Свободно излагая и толкуя текст повести, переписчик в XVII в. создавал «на ходу» даже некоторые новые сюжетные мотивы: так, второй монах, признавший справедливость Дракулы, делает это здесь не столько из сочувствия идее единовластия, сколько из хитрости — «второй мних догадлив был» (л. 648); история с приставом, убитым Дракулой, заканчивается утверждением, что после этого случая «король Дракулу начал велми жаловать, а пристава обвинил — смерть ему случися от себя, а злодея по упрошению Дракулину от смерти свободил, а только поучение градское дал» (л. 650); убийцей Дракулы оказывается некий таинственный «Дракулин человек» — «видением турчанин, тотарин стоит» (в. 651 об.) и т. д. (см. об этом на стр. 83). Эти особенности Распространенного вида дают даже некоторые основания для выделения его в особую стилистическую редакцию повести;¹² однако по своему композиционному построению Распространенный вид точно следует Румянцевской редакции и восходит ко вполне определенному ее виду — Библиотечному. В обоих видах совпадают не только разбивка на эпизоды, но в основном и их заглавия (см. таблицу на стр. 110—112): более краткие

¹² Ср.: А. Д. Седелников. Литературная история повести о Дракуле, стр. 646—649.

в Библиотечном виде, более развернутые в Распространенном; лишь в немногих случаях расширение текста внутри эпизода сказалось на заголовке (например: «О голеньком человеки в разодранней одежде» в Распространенном виде вместо «О сирохании» в Библиотечном виде). Распространенный вид следует за Библиотечным и в отдельных чтениях. Здесь тоже посол-«лях» превратился во «влаха» (и при этом «горского» посла), посол этот признает, что Дракула в качестве судьи «от бога поставлен»; имя короля «Матияше» стало именем этого посла (л. 647); Дракула дает угодившему ему монаху «осм дукат» (л. 648 об.), и т. д.

В нескольких случаях такая зависимость от Библиотечного вида приводила даже к недоразумениям. Так, в Библиотечном виде поучение Дракулы казнимой им ленивой жене было выражено (в отличие от других видов) в обобщенной форме, адресованной ко всем женщинам: «вы должны мужем своим одежду светлу и лепу имети и чинити» (л. 240). Составитель Распространенного вида не понял этого оборота и написал бессмысленное: «ты должни с мужем своим одежду светлу и лепу имети и чинити» (л. 649). В обоих видах при описании злодейств Дракулы в тюрьме читается: «мыши ловяше и спици обостривая» (вместо «мыши и птицы» в других видах), но Распространенный вид дал к этому еще достаточно невразумительное объяснение: «спици обостривавше, сииречь перье щипая» (л. 649 об.). Желая примирить версию Библиотечного вида о том, что Дракула поместил приглашенных им на пир нищих в нескольких «храминах», с тем обстоятельством, что он сжег их всех одновременно, Распространенный вид объясняет, что Дракула «повеле едину храмину сотворити велику на три перестрела» (л. 648). Слова Дракулы в Библиотечном виде о турецком царе: «Он навьк от вас срамоту терпети, а мы не навькохом» (л. 234) превратились в Распространенном виде в нелепое: «Он, Дракула, навьк от вас, царей турецких, срамоту терпети, а мы не навькохом» (л. 645).

Пропуск 2-го эпизода (первое столкновение с турками и смотр войска Дракулой) и начала 3-го эпизода (приход турецкого посла и коварное предложение Дракулы новым турецким послам идти к царю на службу) привело к еще одному ляпсусу в Распространенном виде — после возвращения послов, которым Дракула прибил шапки к головам, царь «вельми радостен был» (л. 645).

Барсовский вид

16) ГИМ, собр. Барсова, № 1521; 4°; вторая половина XVII в.; 430 лл. Печатного описания рукописи нет (есть рукописное описание в ГИМ). В составе сборника: два летописца и летописные отрывки (ср.: М. Н. Т и х о м и р о в. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962, стр. 80—81, № 75); л. 138 — «Александрия» (сербская); лл. 265—

271 об. — «Сказание о Дракуле и о житии его, како воеводствовал на Мутьянской земли»; л. 285 — «Сказание о Мамаевом побоище»; л. 324 — «Повесть о приходе Стефана Батория на Псков» (ср.: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статьи В. И. Малышева. М.—Л., 1952, стр. 121, № 12); л. 384 — «Сказание о Мамаевом побоище» (вторично; ср.: Повести о Куликовской битве. Издание подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев, М., 1959, «Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище», стр. 483); л. 412 — «Троянская история». На лл. 115 и 430 заметки с датами (1651 и 1669 гг.).

Барсовский вид (представленный единственным дефектным списком с вырванным текстом в середине) во многом близок к Уваровскому и Хохловскому видам Румянцевской редакции, которые мы будем характеризовать ниже. Текст во всех этих видах не имеет внутренних заголовков; смысл имени Дракулы в начале повести не расшифровывается — говорится только, что его звали «Дракула, яко житием злосерд вельми» (л. 265); наказание неверных жен дополнено наказанием мужей, которые «от своих жен такожде ходят прелюбы творити, у тех уды отрезаваше, а иных на колесех мучаше, а инех в пяты гвоздие бияше, а иных на кол сажаше» (л. 266 об.). Середина повести (эпизоды 6—14) не сохранилась в дошедшем до нас списке. Эпизод с бегством «злодея» во двор Дракулы кончается словами: «Король же нача дивитися деянию его» — вместо «сердцю его» в Древнейших видах обеих редакций. Заканчивается повесть гибелью Дракулы: «... и зле скончася лютою смертию».

В целом Барсовский вид ближе к протографу Румянцевской редакции, чем Уваровский и Хохловский виды (см. стр. 104 и 106).

Уваровский вид

17) ГИМ, собр. Уварова, № 848; 4°; первая четверть XVII в.; 480 лл. (У). Описание рукописи см.: Систематическое описание славяно-русских рукописей гр. А. С. Уварова, составлено архимандритом Леонидом, ч. IV. М., 1894, стр. 269—272, № 1894. В составе сборника: л. 1 — «Казанская история»; л. 72 — «Хождение Трифона Коробейникова»; л. 131 — «Св. Геннадия о дуде небесной»; л. 146 — «Повесть о белом клобуке»; л. 159 об. — отрывки из Хронографа и из Палеи; лл. 203 об.—213 об. — «О великом царе Дракуле Мутьянские земли»; л. 217 — «Повесть о приходе Стефана Батория на Псков» (ср.: Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков. Подготовка текста и статьи В. И. Малышева. М.—Л., 1952, стр. 119—120, № 2); л. 298 — «От притчи Соломона»; л. 424 — «Послание Василия Феодору о земном рае»; л. 464 об. — «Сказание Мефодия Патарского об Александре Македонском и о будущих царях». Рукопись принадлежала Ефиму Федо-

ровичу Мышецкому (по-видимому, брату Саввы Федоровича Мышецкого, владельца другого списка «Дракулы» — см. стр. 99), государственному деятелю и дипломату первой половины XVII в.,¹³ предку известных старообрядческих деятелей Денисовых-Мышецких.

18) ГИМ, собр. Уварова, № 152; 8°; первая половина XVII в.; 139 лл. (Ув). Описание рукописи см.: Систематическое описание славяно-русских рукописей гр. А. С. Уварова, составлено архимандритом Леонидом, ч. IV, стр. 294—295, № 1910. В составе сборника: лл. 1—14 — «Сказание о великом царе Дракуле Мытьянские земли»; л. 14 — «Повесть о людях града Медиолана»; л. 20 об. — «О Соломоновом царстве»; л. 21 об. — «Суд Соломона»; л. 25 — «Философия о осми частях речи»; ч. 41 — «Стефанит и Ихнилат».

19) ГБЛ, собр. Беляева (ф. 29), № 1529; 4°; XVIII в.; 341 лл. (Бе). Описание рукописи см.: А. В и к т о р о в. Собрание рукописей И. Д. Беляева. М., 1881, стр. 14—16, № 23 (1529). В составе сборника: л. 1 — выписки из Хронографа; л. 173 — «Повесть о взятии Царьграда»; л. 177 — «Повесть о двух посольствах»; л. 215 — «Послание Филофея Мисюрю Мунехину»; л. 236 — «Повесть о Динаре»; лл. 239 об.—244 — «Сказание о великом царе Дракуле Мытьянские земли»; л. 244 — «Сказание об Индийском царстве»; л. 262 — «Летописец о зачале Российской земли».

20) ГИМ, собр. Барсова, № 2134; 4°; вторая половина XVII в.; 304 лл. (Б). Печатного описания рукописи нет (есть рукописное описание в ГИМ). В составе сборника: л. 1 — «Проблемата»; л. 142 — Космография; лл. 187—203 об. — «Повесть о Дракуле» (без заголовка); л. 204 — «Повесть о Динаре»; л. 234 — «О великой земле Вавилонской»; л. 263 — легендарная переписка султана с чигиринскими казаками и с польским королем.

Уваровскому виду Румянцевской редакции присущи все характерные особенности Барсовского вида («житием злосердит вельми», наказание мужей за прелюбодейство, «нача дивитися деянию его», «зле скончася»), но сверх того — еще ряд специфических особенностей. Особенно значительным изменениям подверглись начальные эпизоды повести. Вместо нескольких послов, как в Древнейших и большинстве последующих видов обеих редакций, здесь к Дракуле является один «посол иноземець»; диалог его с Дракулой ведется в единственном числе. Явная вторичность этого варианта обнаруживается из дальнейшего текста, где говорится, что «повеле Дракул и м прибавати шапки... и отпусти и х» (л. 204). В заголовке и начале повести Дракула именуется «царем» (в дальнейшем это титулование последовательно проводится только в одном списке Б).

¹³ Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. 1640—1643. Изд. М. Подиевктова. Тифлис, 1928. Ср.: П. Д о л г о р у к о в. Российская родословная книга, ч. III. СПб., 1856, стр. 32.

Отстоя дальше от протографа Румянцевской редакции, чем Барсовский вид, Уваровский вид, однако, не восходит непосредственно к Барсовскому. Об этом свидетельствует, например, то место, где говорится о ловле «злодея» на дворе Дракулы. Место это, по-видимому, подверглось искажению уже в Древнейшем виде Румянцевской редакции — Румянцевском списке. Если в Кирилловском списке говорилось, что после того, как Дракула убил пристава и отпустил «злодея», «прочии же бежаша и приидоша к биреву и поведаша ему бывшее; бирев же со всеми посадники иде ко кралю» (л. 215 об.), то в Румянцевском вместо этого читалось только: «прочии же бежаша и пришедше к кралю» (л. 362); бирев неожиданно упоминался дальше в явно искаженной форме «кобирев» (л. 362 об.). В Барсовском виде этот текст ближе к Кирилловской редакции, но «бирев» не упоминается: «прочии же побержаша от него. И пришед к королю поведаша ему бывшее. Людие же со всеми посадники пришед х королю жаловатися» (л. 268). В Уваровском виде текст оказывается наиболее близким к Кирилловской редакции: «прочии же бежаша. И приидоша кралеву и поведаше ему бывшее. Бирева же со всеми посадники идет х кралеву» (л. 212).

Как и другие списки XVII—XVIII вв., списки Уваровского вида имеют значительные расхождения между собой. Наиболее близок к Древнейшему виду Румянцевской редакции список У (самый ранний список вида); остальные списки часто дополняют и видоизменяют его текст. Так, к рассказу о ловле «злодея» на дворе Дракулы в списках Ув, Бе, Б сделано характерное добавление, подчеркивающее уважение Дракулы к королевским правам Матвея Корвина, — Дракула объясняет, что убитый им пристав плохо выполнял свои обязанности: «на что по твоему приказу злодея не берет?» (разночтение VII, 10—11). Говоря о нелюбви Дракулы, список У (как и Барсовский вид) называет три категории возможных правонарушителей: «аще ли поп, или боярин, или простой человек» (лл. 205 об. — 206). В списках Ув, Бе, Б «поп» совсем выпал из числа преступников, даже потенциальных; наименования «боярин» тоже нет; формула приобрела явно более абстрактный характер: «простова или властелина» (разночтение II, 85—86). Не сохранили списки Ув, Бе, Б очень интересного и индивидуального чтения списка У (в других видах его не было) при описании места заточения Дракулы: «на Вышегород на Дунаю выше Будина 4 статина 12 лакот» (л. 211 об.).

Наиболее значительно отступает от текста У список Б. Здесь Дракула последовательно и настойчиво именуется царем; текст значительно распространен, особенно в начале: «царь велел его пред себя поставити» (посла, не снявшего шляпы) (разночтение I, 8); послы (после того, как им прибили шляпы к головам!) «пришедше в свою землю, известиша государю своему, еже что сотворил над ними царь Дракул» (I, 50—51); в типично фольклорной

манере «поклисарь» снова пересказывает турецкому царю приведенные раньше слова Дракулы о приходе к царю «на службу» (II, 19); после вероломного нападения Дракулы турецкий царь восклицает («рече»): «Колико грозен бысть царь Дракул!» (II, 75, 76, 77 — начало следующего эпизода осмысливается как речь турецкого царя), и т. д.

Хохловский вид

21) ГБЛ, собр. Тихонравова (ф. 299), № 283; 4°; XVII в.; 514 лл. Описание рукописи см.: Г. Г е о р г и е в с к и й. Собрание Н. С. Тихонравова. I. Рукописи. М., 1913, стр. 50, № 283. В составе сборника: л. 1 — Космография; л. 55 — «Сказание о Казанском взятии»; л. 269 — «Сказание о Вавилоне»; л. 279 — «Троянская история»; лл. 412—425 об. — «О цари Дракуле и о смерти его»; л. 426 — «О пленении Иерусалима Титом»; л. 455 — «Сказание о Батые»; л. 477 — «Повесть о семи мудрецах». На многих листах (в том числе и на тексте «Дракулы» — на л. 412 и след.) читается скрепа: «Книга, глаголемая Романа Васильевича Хохлова».

Хохловский вид Румянцевской редакции (как мы условно называем его по единственному известному нам списку), совпадая с многими чтениями Барсовского и Уваровского видов (один посол, отказывающийся снять шляпу, наказание мужчин наряду с женщинами за прелюбодейство, «краль же нача дивитися деянию его», «зле скончася тако житие Дракулино»), обладает, кроме того, рядом особенностей, еще сильнее отдаляющих его от протографа Румянцевской редакции. Новым дополнениям подверглись здесь начальные эпизоды повести; вводная характеристика Дракулы звучит так: «Бысть некий царь именем Дракул Мутьянской, житие зло имея и яр и не милостив и не пощади ни х кому, казнитель злы и скор к смерти» (л. 412). Размеры войска Дракулы (при походе на турок) определены неожиданным числом 30 900. Вероломный поход Дракулы на турок описывается следующим образом: «И как поиде царь Дракул в землю турскаго царя и как будет в земли Турской, и сретиша его многие турци и поклонишася ему на колену. Приставы же турскаго царя, сидяще с ним и честь воздаяху ему» (л. 414—414 об.). Обманутый Дракулой «турский» царь восклицает: «Никто же ми зла учинил, яко же Дракул, срамом от него побежден бых» (л. 415). В сцене пира Дракулы между кольями брезгливость обнаруживает не слуга, а приезжие послы; «Дракула же повеле в той час послов на колье восторгнути» (л. 418). Любопытной модификации подвергся и эпизод с испытанием двух монахов — даже первый монах здесь не полностью осуждает Дракулу, а лишь призывает его к большей снисходительности: «Добро твориши, но зело без милости казниши; подобает ти, государю, милостиву быти к тем, иже в темници суть»;

Дракула же, по-видимому, не казнит этого монаха, а лишь сажает его в темницу (лл. 420 об. — 421). Значительному распространению подверглись также эпизоды, в которых Дракула расправляется с нищими, находится в темнице и др. В эпизоде бегства злодея во двор Дракулы вместо «бирева же со всеми посадники» (в Уваровском виде) здесь читается «и собрашася вси посадники» (л. 424), но текст не совпадает и с Барсовским видом.

Некоторыми чертами Хохловский вид напоминает древнейший список Уваровского вида (У) — например, здесь говорится о Выпеграде, где был заточен Дракула: «вышина его будет 12 лакот» (л. 423); но другие особенности сближают его с более поздними списками того же вида — так, Дракула здесь последовательно именуется царем (хотя и не в тех же местах, что в списке В); после того как Дракула прибил им шляпы к головам, «послы же пришед от Дракула царя в землю свою и сказаша царю своему» (л. 412 об.; текст опять не совпадает буквально с текстом списка В — ср. разночтение к Уваровскому виду, I, 50—51). Среди людей, способных учинить «зло», как и в поздних списках Уваровского вида, не назван поп, но называется «боярин или простой человек» (л. 415 об.). Несомненно восходя к Уваровскому виду, Хохловский вид не может быть связан с каким-либо конкретным его списком.

СВОДНАЯ РЕДАКЦИЯ

Только один известный нам список «Повести о Дракуле» по своему композиционному построению не может быть отнесен ни к Кирилловской, ни к Румянцевской редакции и должен быть, по-видимому, выделен в особую, Сводную редакцию повести.

22) ЦГАДА, ф. 181 (собрание Архива Министерства иностранных дел), № 613/1121; 4°; вторая половина XVII в.; 86 лл. Печатного описания рукописи нет.¹⁴ В составе сборника: л. 1 — Космография; лл. 28 об.—33 об. — «Повесть о некоем царе Дракуле земли Мутьянския, о житии и о царстве его»; л. 31 об. — «Повесть-сказание о прении живота со смертью»; л. 37 — «Духовные приклады и душеспасительные повести новопреведенные от Великаго Зеркала в честь богу и душеполезную пользу»; л. 46 — Апокалипсис; л. 78 — «Плач Еремиев» (Иеремии); л. 85 — «О чудном Викентии».

Расположение эпизодов в этом списке отличается от их расположения во всех известных списках. Первый эпизод (наказание посла-«иноземца», не снявшего шляпы) не имеет заголовка, далее следуют эпизоды «О приходе турецкого посла в свою землю»,

¹⁴ Кратко упоминается данный сборник как содержащий повести «о молдавском (I) воеводе Дракуле» и о «прении живота со смертью» в «Обзоре документальных материалов Центрального государственного архива древних актов по истории СССР периода феодализма XI—XVI вв.» (М., 1954, стр. 48).

«О после турецкого царя ко царю Дракулу дани прошат у царя Дракула», «О правде», «О нищих», «О блуде», «О мнисех латынских» — на этом текст повести заканчивается.

Текст первых двух эпизодов повести обнаруживает черты особой близости к Хохловскому виду Румянцевской редакции. Почти буквально совпадает с текстом Хохловского вида начало повести: «Бенекий цар, греческие веры христиан, именем Дракул, житием злосерд, и яр, и не милостив и не пощадлив ни х кому ж, казнитель злы, скор к смерти. Ибо некогда пришед к нему посол иноземец турский. И повеле ему царь Дракул быти у себя на посольстве, и прииде тот посол к нему скоро, и вшед пред царя, не сняв шапок своих по своей вере, и поклонися царю Дракулу» (л. 29). Сходно и начало следующего эпизода: «Послы же, пришедше от Дракула царя в свою землю и сказа царю своему» (л. 29 об.). Следует полагать, что в этом случае Хохловский вид был источником разбираемого текста, а не наоборот. Дело в том, что в списке ЦГАДА совпадают с Хохловским видом не только приведенные фразы, но и самый сюжетный мотив: здесь фигурирует один посол-«иноземец», не снявший шляпы. А этот мотив, как мы знаем, в Хохловском виде восходит к Уваровскому виду Румянцевской редакции. Считать же разбираемый текст источником и Уваровского и Хохловского видов мы не имеем оснований, так как никаких черт близости с Уваровским видом в остальных частях он не обнаруживает.

Дальнейший текст списка ЦГАДА оказывается несходным не только с Хохловским видом, но и со всей Румянцевской редакцией. После эпизода «О правде» здесь следует эпизод «О нищих» — как в списках Кирилловской редакции, а заголовки («О правде», «О нищих», «О блуде») указывают на близость к определенному виду этой редакции — Забелинскому. Близость к Забелинскому виду обнаруживается и из отдельных чтений списка ЦГАДА. Ср., например: описание осмотра войска, вернувшегося с боя — «которой ранен спереди, тому даде великую чест и витязем его учиняше, а которые в тыл ранены, и тех на колье сажаше и глагола им: „Вы естя не мужики, но жены“» (л. 29 об.; ср. в Забелинском виде — З, л. 853 об.); «Царь турский. . . поиде прочь с великою срамотою и безчисленно погуби войска своего» (л. 30; ср. З, л. 854); речь Дракулы приставам: «Шед поведайте царю своему турскому, яко видесте вы» (л. 31; ср. З, л. 854 об.) и т. д. Совпадают с Забелинским видом Кирилловской редакции (и расходятся со всеми видами Румянцевской редакции) эпизод «О правде», начало и конец эпизода «О нищих», эпизод «О блуде». Отдельные чтения списка ЦГАДА позволяют даже говорить об особой близости его к одному из списков Забелинского вида — II. С этим списком совпадают заголовки «О правде» (в З заголовок этого эпизода пропущен) и «О блуде» (в З — «О женах») и некоторые специфические чтения: «аще ли великой боярин, или князь, или

простый кой человек» (л. 31 об.; ср. Забелинский вид, разночтение III, 6); ляпеус «третье, свободных» (л. 32, 2—2; в II «свободни» — Забелинский вид, разночтения III, 83, 84); «та же казн. . . рожны разжены железны. . . или птицами разторгана будет» (л. 32 об.; Забелинский вид, разночтения IV, 100, V, 3—4 и 13—14).

В заключительной части текст списка ЦГАДА расходится и с Забелинским видом Кирилловской редакции. После 5-го эпизода — «О нищих» здесь следует не эпизод «О мнисех», как во всех видах Кирилловской редакции, а эпизод «О блуде» (8-й эпизод Кирилловской редакции), и, наконец, в качестве заключительного раздела — эпизод «О мнисех латынских». Уже заголовок этого эпизода ведет нас к новому варианту «Повести о Дракуле» — к Библиотечному виду Румянцевской редакции; сходным с Библиотечным видом оказывается и текст данного эпизода. Как и в Библиотечном виде, Дракула здесь спрашивает монаха: «Добро ли аз сотворил се?» (л. 33; в Кирилловской редакции Дракула спрашивал еще: «. . . и како ти суть иже на коллии?»), только с Библиотечным (и сходным с ним Распространенным) видом совпадает цифра вознаграждения второму старцу — 8 дукатов злата (л. 33 об.; во всех остальных видах — 50 дукатов).

Выше мы уже указывали, что текст списка ЦГАДА не может рассматриваться как источник Хохловского вида; не был этот текст источником и для Забелинского и Библиотечного видов. Фрагментарность текста в списке ЦГАДА (хотя и не имеющего никаких прямых дефектов), его наибольшая удаленность от Древнейших видов обеих редакций — все это дает основание видеть в нем позднюю компиляцию, основанную на Забелинском виде Кирилловской редакции и Библиотечном и Хохловском видах Румянцевской редакции. Но компиляция эта не была механическим соединением трех кусков разных текстов — составитель ее несомненно имел перед собой на каком-то протяжении параллельные тексты, сличал их между собой и создавал в ряде случаев комбинированные варианты. Так, например, 2-й эпизод повести, близкий по тексту к Забелинскому виду, получил у него заголовок из Библиотечного и Распространенного видов — «О приходе турского посла в свою землю». Такое соединение двух вариантов наблюдается и в последнем эпизоде. «. . . выходиш по великим государем, а не зня ничего и не умея говорить», — говорит здесь Дракула первому старцу (л. 33). «Не зная ничто же» — это вариант Забелинского вида (л. 855 об.); «не умея с ними говорити» — из Библиотечного вида (л. 239); текст ЦГАДА дал объединенный вариант.

Перед нами, таким образом, не механическое соединение оказавшихся под рукой различных кусков текста, а сознательное (хотя, возможно, и не квалифицированное и достаточно наивное) сведение, редактирование разных вариантов. Именно по-

Расположение эпизодов и их заголовки в трех редакциях повести

Кирилловская редакция	Румянцевская редакция	Сводная редакция
<p>1. О послех З¹ (нет П). <i>Нет Зр.</i>²</p> <p>2. Брань царева с Дракулою З (Брань турецкаго царя з Дракулою О; Брань царева ГУ; нет П). О брани турецкаго салтана з Дракулою Зр.</p> <p>3. О послех ЗЗр (О вторых послех О; О после ГПУ).</p> <p>4. О правде ПУ (нет З); <i>внутри эпизода: О источнице З (нет ПУ). И о владении Дракули князя Мутьянского; внутри эпизода: О источнице и о чаре златой Зр.</i></p>	<p>1. О посольстве турецкаго царя Би<i>Распр.</i>³</p> <p>2. О приходе турецкаго царя Би (О приходе турецкаго царя войною на Дракулу М). В <i>Распр. этого эпизода нет.</i></p> <p>3. О после царя турецкаго; <i>внутри эпизода: О приходе Дракулине. О пленении Турьской земли. О приставах царевых Би. О походе турецкаго посла от Дракулы во свою землю; внутри эпизода: О походе Дракулине с войском своим в Турскую землю служить. О пленении Турьской земли от Дракулы и о походе в свою землю. Об одпуске от Дракулы турским провожатым Распр.</i></p> <p>4. О укреплении и о грозе Дракулине; <i>внутри эпизода: О кладязи Би. О грозы и о укреплении Дракулине во своей земли; внутри эпизода: О кладязи в Мутьянской земли на некоем пусте месте Распр.</i></p>	<p>1. Заголовка нет.</p> <p>2. О приходе турецкого посла в свою землю.</p> <p>3. О после турецкого царя ко царю Дракулу дани прошат у царя у Дракула.</p> <p>4. О правде.</p>

¹ Для списков Забелинского вида приводятся заголовки основного Забелинского списка (З) и лишь при расхождении с этим списком остальных списков того же вида — Общества любителей древней письменности (О), Географического общества (Г), Погодинского (П) и списка Ундольского (У)— в скобках приводятся соответствующие заголовки. Отсутствие заголовка отмечаем только для тех видов, которые в остальных случаях имеют заголовки.

² Зр — единственный список Западнорусского вида (ГИМ, Барс. 604).

³ Для списков Библиотечного вида приводятся заголовки основного Библиотечного списка (Би); заголовки Музейского списка (М) приводятся в скобках в случае расхождения с основным списком. *Распр.* — единственный список Распространенного вида (ГБЛ, собр. ОИДР, № 286).

Кирилловская редакция	Румянцевская редакция	Сводная редакция
5. О нищих 33r (О мни- сех Г; О странных У).	5. О жоне Р ⁴ (на поле). О женах Би. О укреп- лении в Мутьянской земли, о женах, и о вдовах, и о девицах Распр.	5. О нищих.
6. О мнисех 33r.	6. О послех Р (на поле). О злонравии; <i>внутри</i> <i>эпизода</i> : О королевском после Би. О злонравии Дракулине и о замыс- ле его; <i>внутри эпизо-</i> <i>да</i> : О Дракулине и о горском после и о тра- пезе Распр.	6. О блуде.
7. О купце 33r.	7. О трапезе Дракулине Би. О собрании гостей Дракулиных, и о стол- нике его, и о смерти столника Распр.	7. О мнисех латынских.
8. О женах 33r (О блу- де П; О блудивых У; нет О).	8. О нищих Би. О ни- щих указ Дракулин, единою пусти свое по- велеие по всей земли Мутьянские Распр.	
9. О ленивей жене 33r (О человеце и о лени- вой жене О; О чело- вече и о жене лени- вой П).	9. О мнисех латынских Би. О мнисех и о вопро- сах старцов Распр.	
10. О слуге 33r (в У этого эпизода нет).	10. О купцы; <i>внутри</i> <i>эпизода</i> : О тати Би. О некоем приезже купцы югорском в Мутьянские земли и о погублении злата; <i>внутри эпизода</i> : о та- ти и о кражи злата Распр.	
11. О после 33r (О после угорском О; нет У); <i>внутри эпизода</i> : О пос- лех 33r (Об общих послех О).	11. О сирокании Би. О голеньком человеки в разодранной одежди ходяща по улицы и о жоне его и о смерти жены Распр.	
12. О бочках О (в З и других списках этого эпизода нет). О боч- ках Зr.	12. О мастерах Би. О бочечных мастерах Распр.	

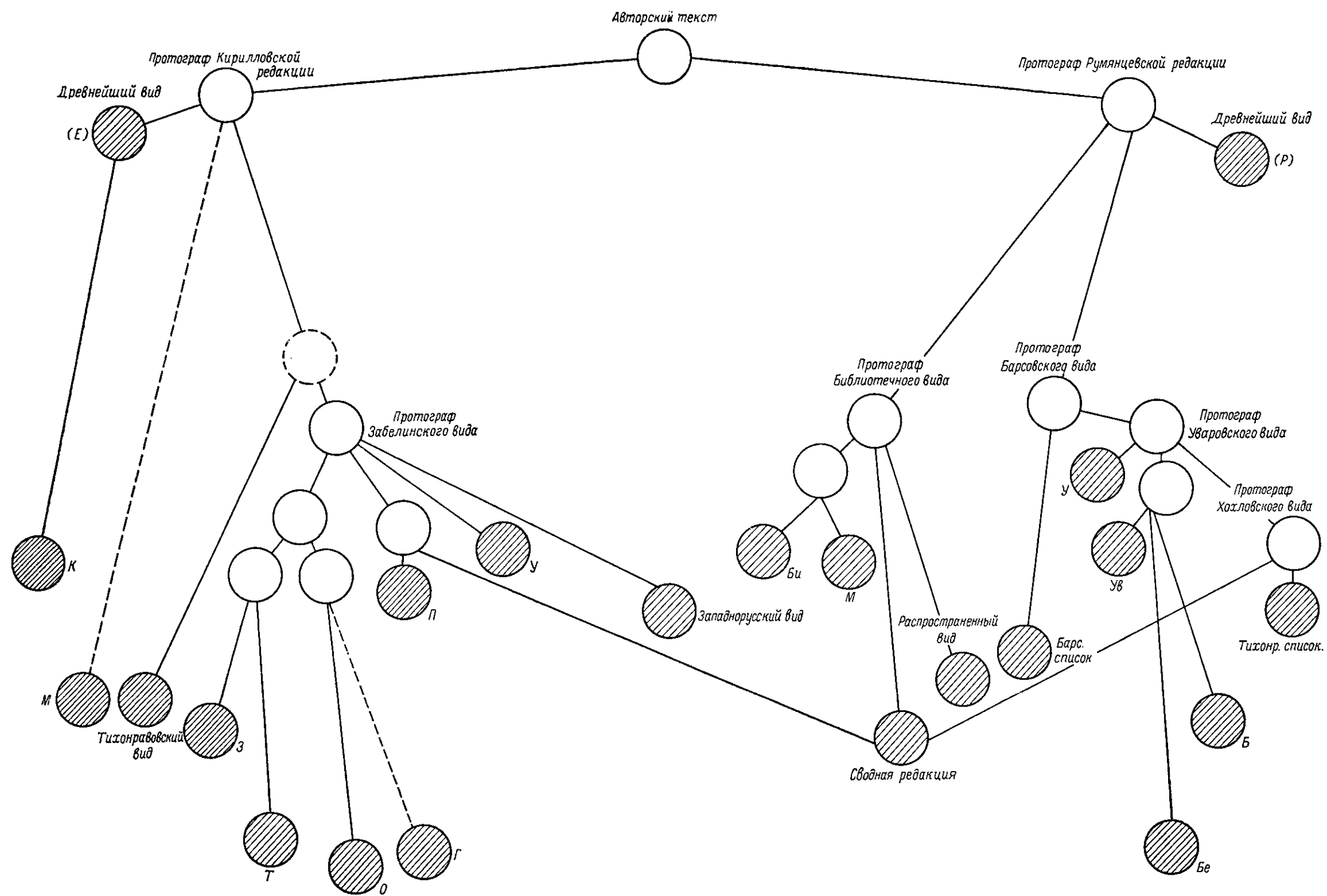
⁴ Р — единственный список Древнейшего вида Румянцевской редак-
ции (ГБЛ Рум. 358).

Кирилловская редакция	Румянцевская редакция	Сводная редакция
13. О войне З (О войне с королем Угорским О).	13. О войне югорьского краля Би. О приходе югорского короля на Дракулу и о взятии его в полон Распр.	
14. (Отступничество Дракулы). Заголовка нет З.	14. (Дракула в тюрьме). Заголовка нет Би Распр.	
15. Еще же о злом его обычае З (О злом его обычае ОУ).	15. О отпущении из темницы Би. Заголовка нет Распр.	
16. (Дракула в Будине). Эпизод отсутствует во всех видах, кроме Древнейшего.	16. О умертвии мутьянского воеводе Би. О послании от короля Дракулы на воеводство Мутьянское, и о отвержении веры христианские, и о рождении дву сынов его, и о победе турецких воев Распр.	
17. О скончании У (в З и других списках этого эпизода нет).	17. Осмерти Би (О смерти Дракулине М). О смерти Дракулы мутьянского воеводы в нечестивые веры, от своих воин убиен бысть Распр.	
(Концовка). Отсутствует во всех видах, кроме Древнейшего.	(Концовка). Отсутствует во всех видах, кроме Древнейшего.	

этому мы можем рассматривать текст ЦГАДА как третью, Сводную редакцию «Повести о Дракуле».

При передаче текста «Повести о Дракуле» мы руководствовались правилами, принятыми для серии монографических исследований-изданий, выпускаемых Сектором древнерусской литературы.¹⁵ Буква *ѣ* передается через *e* во всех видах повести (включая и Древнейшие виды обеих редакций, представленные списками конца XV—начала XVI в.); однако в Западнорусском виде по-

¹⁵ Ср.: Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований-изданий памятников древнерусской литературы. ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 491—499.

Генеалогическая схема списков «Повести о Дракуле».

вести (ГИМ, Барс. 604) буква $\frac{t}{s}$ сохранена, так как там эта буква служит для обозначения особой фонемы.

В подготовке настоящего издания автору помогали В. П. Адрианова-Перетц, А. А. Зимин и И. Ф. Фихман (оказавший помощь в переводе румынских текстов), а также ученые Румынской Народной Республики Д. Богдан и В. Стеникэ (доставивший автору ряд редких румынских изданий) и английские исследователи Дж. Симмонс и Н. Андреев; пользуюсь случаем выразить им свою глубокую благодарность.

Т Е К С Т Ы

КИРИЛЛОВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

ДРЕВНЕЙШИЙ ВИД

Основной текст: ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088 — *Е*
Разночтения: Кирилловский историко-художественный музей,
№ 2967 — *К*
ГБЛ, Музейное собр., № 8779 — *М*

Сказание о Дракуле воеводе

л. 204

Бысь в Мунтянской земли греческыя веры христианин воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим диавол.¹ Толико зломудр, яко же по имени его, || тако и житие его. л. 204 об.

Приидоша к нему некогда от турьскаго поклисарие и, егда внидоша к нему и поклонишась по своему обычаю, а кап своих з глав не сняша, он же вопросы их: «Что ради тако учинисте, ко государю велику² приидосте и такову срамоту ми³ учинисте?». Они же отвечааша: «Таков обычай наш, государь, и земля наша⁴ имеет». ⁵ Он же глагола им: «И аз хочу вашего закона подтвердить, да крепко стоите». И повеле им гвоздем малым железным ко главам прибити капы и отпусти их, рек им: «Шедше скажите государю вашему: он навек от вас ту срамоту терпети, мы⁶ же не навыхом, да не посылает своего обычая || ко иным государем, кои не хотят его имети, но у себе л. 205 его да держит».

Царь же велми разсердити⁷ себе⁸ о том и поиде воинством⁹ на него¹⁰ и прииде на него¹¹ со многими силами. Он же, собрав елико имевше у себе войска, и удари на турков нощию, и множество изби их. И не возможе противу великого войска малыми людьми¹² и възратися.¹³ И кой с ним¹⁴ з бою того приидоша, и начат их сам смотрити; кой ранен спреди, тому честь велику подаваше и витязем его учиняше, коих¹⁵ же сзади,¹⁶ того на кол повеле всажати проходом, глаголя: «Ты еси не муж,

¹ Выскреблено *К*. ² великому *КМ*. ³ Нет *КМ*. ⁴ Нет *М*.
⁵ имеет тако *М*. ⁶ и мы *К*. ⁷ разсердись *М*. ⁸ Нет *М*.
⁹ войском *М*. ¹⁰⁻¹¹ Нет *М*. ¹² людьми битися *М*. ¹³⁻¹⁴ с войском *М*.
¹⁵ кои *М*. ¹⁶ сзади ранен *М*.

но жена». А тогда,¹⁷ коли поиде на туркы, тако глагола всему войску своему: «Кто хочет смерть¹⁸ помышляти, той¹⁹ не
л. 206 об. ходи || со мною, остани zde». Царь же, слышав то, поиде прочь с великою срамотою, безчислено изгуби войска, не сме²⁰ на него поити.

Царь же поклисаря посла к нему, да ему дась дань. Дракула же велми почести²¹ поклисаря оного, и показа ему все свое имяне, и рече ему: «Аз не токмо хочу дань давати царю, но со всем своим воинством и со всею казною хощу к нему ити на службу, да како ми повелит, тако ему служу.²² И ты возвести царю, как поиду к нему, да не велить царь по своей земли никоего зла учинити мне и моим людем, а яз скоро хощу
л. 206 по тебе ко царю ити, и дань принесу и сам к нему || прииду». Царь же, услышав то от посла своего, что Дракула хочет прийти к нему на службу, и посла его почести²³ и одари много. И велми рад бысь, бе бо тогда ратуясь со восточными. И посла скоро по всем градом и по земли, да когда Дракула поидет, никоего ж зла никто дабы Дракуле не учинил, но еще и честь ему воздавали. Дракула же поиде, събрався с всем воинством, и приставове царстии с ним и велию честь ему воздаваху. Он же преиде по земли его яко 5 дни, и внезапно вернуса, и начат пленити градове и села, и множество много поплени и изсече, овых на
т. 206 об. колие сажаху турков, а иных || на полы пресекая и жжигая, и до ссущих²⁴ младенецъ. Ничто ж остави, всю землю ту пусту учини, прочих же, иже суть християне, на свою землю прегна и насели. И множество много користи взем, возвратись, приставов тех почтив, отпусти, рек: «Шедше повесте царю вашему, яко же видесте; сколко могох, толико есмь ему послужил. И будет ему угодна моя служба, и аз еще хощу ему тако служити, какова ми есть сила». Царь же ничто ж ему не може учинити, но срамом побежен бысь.

И толико ненавида во своей земли зла, яко хто учинит кое²⁵
л. 207 зло, татбу, или разбой, или кую || лжу, или неправду, той никак не будет жив. Аще ль велики болярин, иль священник, иль инок, или просты, аще и велико богатство имел бы кто, не может искупитись от смерти, и толико грозен бысь. Источник его и кладязь на едином месте, и к тому кладязу и источнику пришли путие мнози от многих стран, и приходядаху людие мнозии, пияху²⁶ от кладязя и источника воду, студена бо бе и сладка. Он же, у того кладязя на пустом месте постави чару велию и дивну злату; и хто хотяще воду пити, да тою чарою пьет, на том месте да поставит, и, елико оно время пребысь, никто ж смеаше ту чару взяти.

¹⁷ когда М. ¹⁸ смерти М. ¹⁹ тот М. ²⁰ смев К. ²¹ почти КМ.
²² На этом кончается список М. ²³ почти К. ²⁴ сущих К.
²⁵ какое К. ²⁶ и пияху К.

Единою же пусти по всей земли свое веление, да кто стар, л. 207 об.
иль немощен, иль чим вреден, иль нищ, вси да приидут к нему.
И собращася бесчисленное множество нищих и странных
к нему, чающе от него великия милости. Он же повеле собрати
всех во едину храмину велику, на то устроену, и повеле дати
им ясти и пити довольно; они ж ядше и возвеселишася. Он же
сам приде к ним и глагола им: «Что еще требуете?». Они же
вси отвеща: «Ведает, государю,²⁷ бог и твое величество, как
тя бог вразумит». Он же глагола к ним: «Хотите ли, да сотворю
вас беспечалны на сем свете, и ничим же нужни будете?». л. 208
Они же чающе от него велико нечто и глаголаша || вси: «Хотем,
государю». Он же повеле заперети храм и зажещи огнем, и вси
ту изгореша. И глаголаше к бояром своим: «Да весте, что
учиних тако: первое, да не стужают людям и никто ж да не
будеть нищ в моей земли, но вси богати; второе, свободих
их, да не стражут никто ж от них на сем свете от нищеты иль
от недуга».

Единою ж приидоша к нему от Угорския земли два латинска
мниха милостыни ради. Он же повеле их развести разнo, и призва
к себе единого от них, и показа ему округ двора множество
бесчисленное людей на колех и на колесех, и вопроси его:
«Добро ли тако сътворих, и како ти суть, иже на колиих?». л. 208 об.
|| Он же глагола: «Ни, государю, зло чиниши,²⁸ без милости
казниши; подобает государю милостиву быти. А ти же на колых
мученици суть». Призвав же и другаго и вопроси его тако же.
Он же отвеща: «Ты, государь, от бога поставлен еси лихoтворя-
щих казнити, а добро творящих жаловати. А ти лихoтворяли,
по своим делом въсприали». Он же призвав перваго и глагола
к нему: «Да почто ты из монастыря и ис келии своея ходиши по
великим государем, не зная ничто ж? А ныне сам еси глагола-
л, яко ти мученици суть. Аз и тебе хочу мученика учинити, да и
ты с ними будещи мученик». И повеле его на кол посадити
про||ходом, а другому повеле дати 50 дукат злата, глаголя: л. 209
«Ты еси разумен муж». И повеле его на возе с почестием отвести
и до Угорския земли.

Некогда ж прииде купец гость некы от Угорския земли
в его град. И по его заповеди остави воз свой на улици града
пред полатоу и товар свой на возе, а сам спаше в полате. И
пришед некто, украде с воза 160 дукат злата. Купец же иде
к Дракуле, поведа ему изгубление злата. Дракула же глагола
ему: «Поиди, в сию ночь обрящещи злато». И повеле по всему
граду искати татя, глаголя: «Аще не обрящется тать, то ве||сь л. 209 об.
град погублю». И повеле свое злато, нес, положити на возе
в ноци и приложи един златой. Купец же въстав, и обрете
злато, и прочет единою и дващи, обреташесь един лишний зла-

²⁷ государ К. ²⁸ Испр.; чиниша ЕК.

той, и шед к Дракуле, глагола: «Государю, обретох злато, и се есть един златой не мой, лишний». Тогда же приведоша и татя оного и с златом. И глагола купцю: «Иди с миром; аще бы ми еси не поведал злато, готов бых и тебе с сим татем на кол посадити».

л. 210 Аще жена кая от мужа прелюбы сътворит, он же веляше срам ей вырезати, и кожу содрати, и привязати ея нагу, и ко^лжу ту на столпе среди града и торга повесити, и девицам, кои девьства не сохранят, и вдовам також, а иным сосца отрезаху, овым же кожу содравше со срама ея, и, рожен железен разжегши, вонзаху в срам ей, и усты исхожаше. И тако привязана стояше у столпа нага, дондеже плоть и кости ей распадутся иль птицам в снедь будет.

Единою же яздышу ему путем и узре на некоем сиромaxe срачицю издрану худу и въпроси его: «Имаши ли жену?». Он же отвеща: «Имам, государю». Он же глагола: «Веди мя в дом твой; да вижду». И узре жену его младу сущу и здраву и л. 210 об. глагола мужу ея: «Неси²⁹ ли лен || сеял?». Он же отвеща: «Господи, много имам лну». И показа ему много лну. И глагола жене его: «Да почто ты леность имеши к мужу своему? Он должен есть сеяти и орати и тебе хранить, а ты должна еси на мужа своего одежду светлу и лепу чинити, а ты и срачици не хочещи ему учинити, а ³⁰здрави сущи³¹ телом. Ты еси повинна, а не мужь твой: аще ль бы муж не сеял лну, то бы муж твой повинен был». И повеле ей руце отсеци и труп ея на кол всадити.

Некогда ж обедоваше под трупием мертвых человек, иже л. 211 || на колии сажених, множество бо округ стола его; он же среди их ядыше и тем услажашесь. Слуга ж его, иже пред ним ясти ставляше, смраду оного не моги терпети и заткну нос и на страну главу свою склонил. Он же вопроши его: «Что ради тако чинишь?». Он же отвеща: «Государю, не могу смрада сего терпети». Дракула же ту и повеле его на кол всадити, глаголя: «Тамо ти есть высоко жити, смрад³² не можеть тебе дойти».

Иногда ж прииде от угорскаго короля Маттеаша апоклисарь до него, человек не мал болярин, в лясех родом. И повеле л. 211 об. ему сести с собою на обеде среди || трупия того. И пред ним лежаше один кол велми дебел и высок, весь позлащен, и вопроши апоклисаря Дракула: «Что ради учиних сей кол тако? Повежи ми». Посол же той велми убояся и глагола: «Государю, мнит ся тако: неки великий человек пред тобою согреши, и хочещи ему почтену смерть учинити паче иных». Дракула же глагола: «Право рекл еси; ты еси велика государя посол кралевьскы, тебе учиних сей кол». Он же отвеща: «Государю, аще достойное смерти соделал буду, твори еже хочещи. Праведный л. 212 бо еси судия; не ты повинен моей смерти, но аз || сам». Дра-

²⁹ Испр.; веси ЕК. ³⁰⁻³¹ Испр.; здраву сущу ЕК. ³² срам К.

кула ж расмися и рече: «Аще бы ми еси не тако отвещал, во- истину бы был еси на сем коле». И почти его велми и, одарив, отпусти, глаголя: «Ты в правду ходи на поклисарство от вели- ких государей к великим государем,³³ научен бо еси с госу- дарьми великими говорити, прочии же да не дерзнуть, но пер- вое учими будутъ, как им с государьми великими беседовати». Таков обычай имеаше Дракула:³⁴ отколе к нему приходждаше посол от царя или от короля неизящен и не умеаше против кознем кто отвещати, то на кол его всажаше, глаголя: «Не аз повинен твоей смерти — иль государь твой, иль ты^а || сам. л. 213 На мене ничто же рци зла. Аще государь твой, ведая тебе ма- лоумна и не научена, послал тя есть ко мне,³⁵ к великоумну³⁵ государю, то государь твой убил тя есть; аще ль сам дерзнул еси, не научився, то сам убил еси себя». Тако поклисарю учи- няше кол высок и позлащен весь, и на него всаждаше, и госу- дарю его те речи отписоваше с прочими, да не шлет к велико- умну государю малоумна и ненаучена мужа в посоль- ство.

Учиниша же ему мастера бочки железны; он же насыпа их злата, в реку положи. А мастеров тех посети повеле, да никто ж. увести съдела^б||ннаго им окаанства, токмо тезоимениты ему л. 214 диавол.

Некогда же поиде на него воинством король угорскы Мат- теашъ; он же поиде против ему, и сретеса с ним, и ударишасъ обои, и ухватиша Дракулу жива, от своих издан по крамоле. И приведен бысь Дракула ко кралю, и повеле его метнути в темницу. И седе в Вышеграде на Дунай выше Будина 12 лет. А на Мунтянской земли посади иного воеводу.

Умершу же тому воеводе, и краль пусти к нему³⁶ в темницу,³⁶ да аще восхоцет быти воевода на Мунтианской земли, яко же и первие, то да латинь||скую веру прииметь, аще ль же ни, то л. 214 об. умрети в темници хоцеть. Дракула же возлюби паче времен- наго света сладость, нежели вечнаго и бесконечнаго, и отпаде православия, и отступи от истинны, и остави свет, и приа тму. Увы, не возможе темничныя временныя тяготы понести, и уготоваса на бесконечное мучение, и остави православную нашу веру, и приат латыньскую прелесть. Краль же не токмо дасть ему воеводство на Мунтянской земли, но и сестру л. 215 || свою родную дасть ему в жену, от нея же роди два сына. По- жив же мало яко 10 лет, и тако скончася в той прельсти.

Глаголют же о немъ, яко, и в темници седа, не оставя своего злаго обычая, но мыши ловя и птицы на торгу покупая, и тако

^а л. 212 об. чистый.

^б л. 213 об. чистый.

³³ Испр. по К; о государем Е.

³⁴ Испр. по К; Друкаула Е.

³⁵⁻³⁵ Испр. по К; в келикоумну Е. ³⁶⁻³⁶ Нет К.

казняше их, ову на кол посажаше, а иной главу отсекаше, а со инья перие опципав, пускаше. И научися шити и тем в темници кормляшесь.

л. 215 об. Егда ж краль изведе его ис темници, и приведе его на Будин, и дасть ему дом в Пещи противу Будина, и еще у кралья не был, случися некоему злодею уйти на его двор и съхра^лнися. Гонящии же приидоша и начаша искати и найдоша его. Дракула же востав, взем мечь свой, и скочи с полаты, и отсече главу приставу оному, держащему злодея, а злодея отпусти; прочии же бежаша и приидоша к биреву³⁷ и поведаша³⁸ ему бывшее. Бирев же с всеми посадники иде ко кралю, жалуюся на Дракулу. Корол же посла к нему, вопрошая: «Что ради таково зло учини?»³⁹ Он же тако отвеща: «Зло никое⁴⁰ ж учиних, но он сам себе убил; находя разбойнически на великаго государя дом, всяк так погибнет. Аще ли то || ко мне пришел бы явил, и аз во своем дому⁴¹ нашел бы того злодея, или бы выдал, или просил его от смерти». Кралю же поведаша. Корол же нача смеятися и дивитись его сердцю.

л. 216 об. Конец же его сице: живяше на Мунтианской земли, и приидоша на землю его турци, начаша пленити. Он же удари на них, и побегоша турци. Дракулино же войско без милости начаша их сеци и гнаша их. Дракула же от радости възгнав на гору, да видить, како секуть турков, и отторгься от войска; ближний⁴² его, мнящись яко турчин, и удари его един копием. Он же виде, яко от своих || убиваем, и ту уби своих убийць мечем своим 5, его же многими копии сбодоша, и тако убиен бысть.

л. 217 Корол же сестру свою взят, и со двема сынми, в Угорскую землю на Будин. Един при кралеве сыне живет, а другой был у Варадинского⁴³ бископа и при нас умре, а третьяго сына, старейшаго, Михаила тут же на Будину видехом, от царя турскаго прибег ко кралю; еще не женився, прижил его Дракула с единою девкою. Стефан же молдовский з кралевы воли посади на Мунтянской земли некоего воеводскаго сына, Влада именем. Бысь бо той Влад || от младенства инок, потом и священник и игумен в монастыри, потом ростригся и сел на воеводство и женился, понял воеводскую жену, иже⁴⁴ после Дракулы мало побил и убил его Стефан волосьскы, того жену понял. И ныне воевода на Мунтянской земли Влад, иже бывы чернецъ и игумен.

В лето 6994 февраля⁴⁵ 13 прежь писал, та же в лето 6998 генваря⁴⁶ 28 вдругье преписах, аз грешны Ефросин.

³⁷⁻³⁸ исповедаша К. ³⁹ учиних К. ⁴⁰ никоего К. ⁴¹ думу К. ⁴² ближний ж К. ⁴³ Варадийсково К. ⁴⁴ и К. ⁴⁵ Сокращение раскрыто по К; фев Е. ⁴⁶ Сокращение раскрыто по К; ген Е.

ТИХОНРАВОВСКИЙ ВИД

Публикуется по рукописи: ГБЛ, собр. Тихонравова (ф. 299), № 379

Сказание о Дракуле воеводе. Глава 9. л. 85 об.

Бысть в Мутьянской земли воевода, верою греченин, именем Дракула влашенским языком. Точию зело || мудр, яко же л. 86
по имени его, тако и жития его.

Некогда же приидоша к нему от турскаго царя посланники. Егда приидоша и поклонишася ему по своему обычаю, колпаков своих з глав не сняше, Дракула же вопроси их: «Чесо ради таков учинисте ответ: к таковому великому государю приидосте и такову мне срамоту учинисте?». Они же ему отвечахше: «Таков обычай || у государя нашего, и земля имеет таков обычай». л. 86 об.
Дракула же рече им: «Аз хочу закона вашего подтвердить, да крепко стоите». И повелев им гвоздием железным на главах их колпаки пришивати, и отпусти их, и рече им: «Шедше скажите государю вашему: навык де он от вас срамоту терпети, мы же не навыкохом, да не посылает своего обычая ко иным государем, кои || не хотят его имети, у себя той обычай держит». л. 87

Пришедше же от них, поведаша царю. Царь же турский възъярися велми и поиде на Дракула с великою ратию. Дракула же, собра елико имеяше у себя войска, и урядив их на турскаго царя, и множество у него изби силы. И не возможно ему против великаго войска малыми людьми стояти и возвратися вспять. И кои с собою и с ним пришли, нача их смотрити; || которой ранен спереди, тому велику честь воздаде и витязем л. 87 об.
его учинил, а которой в тыл ранен, тех повеле на кол сажати и глагола: «Те не ложно билися верно, которой спереди ранен». И глагола всему войску своему: «Когда поиду на турскаго, кто хочет смерть свою помышлять со страхом, и той со мною на войну не ходи, останься zde». Турской же, слышав, и поиде прочь с великою, срамотою, || бесчисленно войска своего изгубил. л. 88

Царь же поклисаря посла к нему, да ему дать дань. Дракула же велми почти посла царева, и показа ему все имение свое, и рече ему: «Не токмо аз^а хочу давати дань царю вашему, но и со всем своим войском и со всею казною своею хочу к нему итти на службу. И ты шед возвести царю своему, когда поиду к нему аз, дабы меня царь не велел бы, || когда поиду по земли л. 88 об.
его, никто бы зла ми учинити, ни моим людем, аз хочу к тебе, царю, на службу итти и дань тебе принесу сам». Царь же сия слышав от посла своего, что Дракула хочет притти к нему на службу, и посла своего почти и одари. И рад бысть вельми, бе бо тогда ратуюся с восточными странами. И посла скоро по всем градом своим и по землям: || «Да когда Дракула поидет л. 89

^а В ркп. аз дважды.

по^б моей земли, ни единого зла сотворите Дракуле, но и честь еще ему воздавайте». Дракула же поиде, собрався с войском своим, и царь приставов постави в царстве своем, чтоб Дракуле честь велику воздавали. Дракула же поиде по земли царя турскаго, яко же елико дней, и возвратися назад с войском своим, и нача пленити грады и села, и много множество || поплени, и множество изсече, овы на колия сажашу, а овых на полы пре-сецаху, иже и ссущих младенец поби. Ничто же остави, всю землю пусту сотвори, прочих же, христиан, тех на свою землю преведе и всели. И много множество корысти получи, и возвратися вспять, приставов же тех почти, и одари, и отпусти их, и рече им: «Шедше поведите царю своему, яко же || видите; елико могох, толико и послужих ему. Аще годна будет моя ему служба, аз ему хочу и впредь тако же служить, елика ми сила сяжет». Царь же се слышав, что ему Дракула учинил, и срамотою^в побежден бысть.

Дракула же возненавиде толико по своей земли, яко же кто учинит зло, татьбу, или разбой, или кою иную неправду, той человек || никакo может быть жив. Аще ли и великий боярин, или священник, или диякон, или простой человек, аще бы кто имел и богатство велие, никакo же может искупитися от смерти, царь бо вельми грозен и свереп добре. Источник же и кладезь на некоем пусте месте, бе бо в том кладези и источнице вода сладка, и многия пути пришли от многих стран ко кла||дезю тому, и пияху из него воду. Дракула же у того кладезя постави чашу злату дивно зело и подписа ю: аще кто хочет пити воду, сею чашею да пьет, и паки на том же месте поставит ю. Елико же время оно ту чаша пребысть, никто же может взяти ю, не смеяху бо от Дракулина страха.

Во единое же время пусти по земли своей слово сицево, аще || кто стар или немощен, да приидут ко мне вси. И собращася безчисленно много нищих и странных к царю Дракуле, чающе от него милости. Он же повеле их собрати во едину хramину великую, на то устроено, и повеле им дати ясти и пити довольно; они же ядоша и пивше и возвеселишася. Дракула же прииде к ним и глагола: «Что хотите от мене?». Они же отвечахше || тихим гласом: «Тебе, царю, воля есть, бог ведает, да и ты, царю, да твое величество, како тебя бог вразумит, тако и сотвориши». Он же глагола им: «Хотите ли, сотворю вы безпечалны на сем свете, и ничем не нужны будите?». Они же вси, от него чающе милости прияти, и глаголаше: «Хощем, государь царь». Он же повеле затворити их во хramине и зажже их огнем, и ту вси изгореша. || Дракула же глагола боярлом своим: «Весте ли вы, что се учиних тако: первые, не стужают людем, да никто же будет нищъ во всей земли моей, но все

^б В ркп. по приписано.

^в Испр.; в ркп. ссрамотою.

богати, второе, свободи их, да не страждет никто же от них на сем свете от нищеты их или от недуга их».

Иная повесть. Единою же приидоша к нему от Угорския земли два мниха латинския веры, милости ради. Дракула же повеле их || разнo розвести, и призва единого л. 93 к себе от них, и показа ему окрест двора своего множество безчисленно людей на колиях и на колесех, и вопроси Дракула старца: «Добро ли тако сотвориш, и каковы тии на колесех и на колиях?». Старец же глагола царю: «Несть добро тако творити, но зло чиниши; подобает государю быти милостиву, а ты без милости казниши. Яко же на колиях, тии суть || мученики». л. 93 об. И призва второго мниха и вопроси его такожде. Он же отвеча к нему: «Ты, царь, от господа государем поставлен, и власть бог дает, ему же хочет; зло тебе творящих, тех смертию казниши, а добро творящих, тех жалуети. Которыя тебе зло сотворили, те по делом своим смерть прияша от тебя, государя». Дракула же призва к себе первого старца и глагола ему: «Почто ты из монастыря || и ис келии идеш по великим л. 94 государем, не знаеш, чем ответу дати мудрым людям? А ныне сам еси глагола, яко тии суть мученики, кои на колиях. И аз тебя хощу мучеником сотворити, да и ты с ними мученик будеши». И повеле его на кол посадити, а другому повеле дати 50 туган злата, и рече ему: «Ты еси муж мудр и разумен велми». И повеле его на возу с великою честию отвести до Угорския земли.

ЗАБЕЛИНСКИЙ ВИД

Основной текст: ГИМ, собр. Забелина, № 451	— 3
Разночтения: ГПБ, собр. Титова, № 2796	— Т
ГПБ, собр. ОЛДЦ, Ф. СХСВ	— О
Архив Географического общества СССР, Р. 114, оп. 1, № 17 (тетрадь № 6)	— Г
ГПБ, собр. Погодина, № 1606	— П
ГБЛ, собр. Ундольского (ф. 310), № 632	— У

Сказание^{1,4} о² Дракуле воеводе Мутьян- л. 853
ски я³ земли

Бысть⁴ в Мутьянския⁵ земли⁶ греческия веры христианин⁷ воевода именем Дракула влашьским⁸ языком, ⁹а нашим руским диявол.¹⁰ Толико¹¹ зломудр,¹² яко же по¹³ имени его,¹⁴ тако и житие его.¹⁵

1, 1 Слово ОУ; нет ГП. 2 о царе П. 3 Мунтиянской Г; Греческия П. 4 власт Г. 5 Мотьянской П. 6 Испр. по ОГПУ; нет ЗТ. 7 христианин и П. 8 влазьским О. 9-10 а руским нашим языком дьявол П; нет У. 11 Испр. по ГУ; только З; только ТО; только бе П. 12 zelo мудр О; безмилосерд П. 13 бо П. 13-14 имени Г; и не поменути его П. 15 Нет Г.

О п о с л о х.¹⁶ Поидоша¹⁷ к нему некогда от турскаго¹⁸ поклицарие¹⁹ и, егда внидоша²⁰ к нему и поклонилися по своему обычаю, кап²¹ своих з²² глав не сняша. || Он же рече:²³ «Что²⁴ ради тако учинисте,²⁵ к²⁶ великому государю²⁷ приидосте²⁸ и такому²⁹ срамоту ми³⁰ учинисте?». Они же отвечае: ³¹ «Таков³² наш обычай³³ земля³⁴ имеет». ³⁵ Он же глагола им: ³⁶ «И³⁷ аз³⁸ вашего обычая не раздрушаю, но³⁹ хощу вашего закона наипаче⁴⁰ подтвердить, да крепко стоите». И повеле гвоздием⁴¹ железным⁴² ко главам их⁴³ прибити⁴⁴ капы их⁴⁵ и отпусти их, рек⁴⁶ им: «Шедше скажите⁴⁷ государю вашему,⁴⁸ он навек от вас тоя⁴⁹ срамоты⁵⁰ терпети, мы же не навыходем, да не посылает своего обычая ко иным государем, кои⁵¹ не хотят⁵² его держати, но свой обычай кождо у себе и держит». ⁵³

⁵⁴ Б р а н ь ц а р е в а с Д р а к у л о ю.⁵⁵ Царь же⁵⁶ велми розсердився⁵⁷ о том и⁵⁸ поиде войском⁵⁹ на него ⁶⁰ и прииде на него⁶¹ многими силами. ⁶² Он⁶³ же, собрав ⁶⁴ великое имяше у себя войска,⁶⁵ и устремися⁶⁶ на турки⁶⁷ ноцию, и множество изби их,⁶⁸ и не возможе противу их⁶⁹ войска великаго⁷⁰ малыми людьми стояти, и возвратися. И⁷¹ кои с ним з бою того приидоша, и нача их⁷² сам смотрити, ⁷³ и который спереди ранен,⁷⁴ тому ⁷⁵ честь велику подаваше⁷⁶ и витезем его учиниша,⁷⁷

¹⁵⁻¹⁶ Заголовок нет П; О послох У. ¹⁷ приидоша ОГПУ. ¹⁸ турка О. ¹⁹ царя послы (послы переправлено из поий?) П; поклицарства, на поле послове У. ¹⁹⁻²⁰ царь да вьнидоша (вьнидоша переправлено из неднидоша) П. ²¹ колпаков У. ²¹⁻²² с своих О; з У. ²³ вопроси их ГПУ. ²⁴ чего ТО. ²⁵ учиниша ОП. ²⁶⁻²⁷ государю великому ГП; государю к великому У. ²⁸ предали П; приидоста У. ²⁹⁻³⁰ ми срамоту Г; срамоту и П. ³¹ отвечае Г; отвеча сие ему П. ³²⁻³³ наш обычай, государь О; обычай наш, государь ГУ; обычай, государь, наш П. ³⁴ и земля наша ГПУ. ³⁵ тако держит и П. ³⁶ Нет ПУ. ³⁷ а О; нет У. ³⁸⁻³⁹ Нет ГПУ; еще О. ⁴⁰ Нет ОГПУ. ⁴¹ гвоздими Г; им гвоздием П; на главах их колпаки гвоздием У. ⁴²⁻⁴³ ко главам ОГ; ко главам капы П; нет У. ⁴⁴⁻⁴⁵ капы ОГ; нет ПУ. ⁴⁵⁻⁴⁶ и рече П. ⁴⁷⁻⁴⁸ своему государю П. ⁴⁹ ту ОП; такую У. ⁵⁰ срамоту ОГПУ. ⁵¹ по Г; коннии У. ⁵² хотя Г. ⁵²⁻⁵³ его имети, но у себя держит О; его имети, но у себя да держат Г; его имети и себя держати П; сего обычая имети У. ⁵⁴⁻⁵⁵ Брань турецкаго царя з Дракулою О; Брань царева ГУ; о приходе посла того слышав же П. ⁵⁶ Нет П. ⁵⁷ разсерди себя Г. ⁵⁸ Нет О; но П. ⁵⁸⁻⁶² иде с великою силою и войском на Дракула царя П. ⁵⁹ войским О; с войским ГУ. ⁶⁰⁻⁶¹ со У. ⁶¹ него со Г. ⁶² Дракула П. ⁶³⁻⁶⁸ все свое великое войско, имяше войска Дракурина (!) много, турков же ноцию множество побива П. ⁶⁵ Испр. по ОГ; нет ЗТ; войска своего У. ⁶⁶ удари ОГ; ударишася У. ⁶⁷ турков ГУ. ⁶⁹ Нет ГПУ. ⁶⁹⁻⁷⁰ великого войска ПУ. ⁷⁰ великого с О. ⁷¹ Нет ОГПУ. ⁷¹⁻⁷² с бою того, и по пришествии нача их О; с бою того, и придоша начат П. ⁷² их Дракула У. ⁷³⁻⁷⁴ кои ранены спереди ОГ; своего войска, которые спереди ранены П; кои ранены спереди У. ⁷⁵⁻⁷⁶ честь велику подаваше О; честь велику подаваше Г; честь велику подаша П; великую честь подаваше У. ⁷⁶⁻⁷⁷ витези их учиниша П; нет У. ⁷⁷ учиниша Г.

а который создади ранен,⁷⁸ того повеле⁷⁹ на кол сажати⁸⁰ глаголя: «Еси⁸¹ не муж,⁸² но жена».⁸³ А тогда,⁸⁴ когда⁸⁵ поиде на турки, || л. 854 так глагола⁸⁶ всему войску⁸⁷ своему:⁸⁸ «Хто хочет смерть помышляти, тот⁸⁹ не ходи⁹⁰ со мною⁹¹ на бой,⁹² остани⁹³ zde». Царь же, слышав⁹⁴ то, поиде прочь с великою срамотою,⁹⁵ безчисленно изгубив войска своего,⁹⁶ не смея⁹⁷ на нь⁹⁸ поити.⁹⁹

О п о с л е х.¹⁰⁰ Царь же^{II},¹ поклизаря к нему посла,² да ему³ дань даст.⁴ Дракула же велми почти поклизаря⁵ оног⁶ и показа ему все⁷ свое имение⁸ и рече ему: «Аз не токмо хочу⁹ дань давати царю,¹⁰ но и¹¹ со всем своим¹² войском¹³ и всею казною хочу к нему итти¹⁴ на службу, да како¹⁵ ми повелит,¹⁶ так¹⁷ ему и служу.¹⁸ И то¹⁹ возвести царю, как поиду²⁰ к нему, да²¹ не велит²² царь во²³ своей земли²⁴ никоего зла учинити мне²⁵ и²⁶ моим людем, аз²⁷ хочу скоро по тебе итти,²⁸ и²⁹ дань принесу и сам³⁰ прииду к нему на службу».³¹ И посла почти³² и одари³³ его много.³⁴ Вельми³⁵ рад бысть царь,³⁶ бе бо тогда ратяся³⁷ с восточными пари.³⁸ Посла³⁹ скоро по всем градом⁴⁰ и по всей земли своей,⁴¹ да когда Дракула князь⁴² поидет,

77-78 а кой их создаду ранен Г; а коих создади ранены П; а кой сзиди ранен У. 78-79 и тех П. 79 Нет ГУ. 79-80 на колье сажаша их П. 80 повеле сажати ГУ. 80-81 и глагола им, вы есте П. 81 ты еси ОГУ. 82 мужи П. 83 жены П. 84 когда Т; того У; нет П. 85 коли Г; да ли У. 86 глагола к О; глаголеть П; глаголя У. 87 своему П. 88 войску П. 89 и тот О; той Г; тот бы П. 90 ходил П. 91-92 Нет ОГПУ. 93 оставися ГПУ. 94 видево Т. 95-98 безчисленно (?) о погибели войска своего П; войска своего безчисленно много изгуби У. 96 Нет ОГ. 97 смея более О. 98 Нет Г. 100 вторых послех О; после ГПУ.

II, 1-2 поклизаря посла к нему Г; турский посла посла к нему Дракуле П; посла к нему поклизаря своего У. 2 паки посла О. 2-4 Дракуле дати дань П. 3 чтобы ему У. 3-4 царь даст дань О; даст дань Г; дал дань У. 5 посла П. 6 Нет О. 7-8 имение свое ПУ. 9-10 царю дань давати У. 10 вашему царю П. 11 Нет ГУ. 12 войском П. 13 воинством Г; своим П. 13-14 хочу к нему ехати и со всею казною У. 14 сам итти П. 15 что У. 15-16 велит ми П. 17 Нет Г. 17-18 и я пойду к нему на службу Г; и служу ему П; и служу У. 18 ты ОГПУ. 20 велит У. 21 так к нему и иду, да У. 22 велит ми Г; велел бы П. 22-24 мне в сей земле своей П. 23 по О; во всей У. 25 Нет П. 26 ни П. 27 дати (?) аз Г; а аз П; и аз У. 28 к царю итти ГУ; имети ко царю П. 28 Нет П. 30-31 прииду к нему, царь же услышав то от послов своих, что Дракула хочет прийти к нему на службу О; к нему прииду, царь же услышав то от посла своего, что Дракула хочет прийти к нему на службу ГП; к нему придучи, царь же услышав то слово от посла своего, что Дракула хочет прийти к нему на службу У. 32 своего почти ГУ; своего почти П. 33 одарив П. 33-34 его многими Т; много ОГ; нет П; много его У. 35 и вельми и Т; и вельми Г; и У. 36 Нет ОГПУ. 36-38 с восточными землями П. 37 царь воевая У. 38 Нет ГУ. 39 и после П; и посла У. 40-41 и по земли Г; по своей земле П; своим У. 42 Нет ОГПУ.

никогого⁴³ зла⁴⁴ никто⁴⁵ же да не учинит Дракуле и людем его, но еще и⁴⁶ честь ему⁴⁷ воздавали. Дракула⁴⁸ ж поиде,⁴⁹ собрався со всем⁵⁰ войском своим,⁵¹ и приставици⁵² царевы⁵³ с ним, велию⁵⁴ честь воздаваше.⁵⁵ Он же преиде⁵⁶ по⁵⁷ земли его яко пять⁵⁸ дний, и внезапно вернуса,⁵⁹ и нача⁶⁰ пленити грады⁶¹ и села и⁶² множество много⁶³ поплени,⁶⁴ овых изсече, а⁶⁵ овых на колия сажакх турков, и⁶⁶ иных на полы пресекая⁶⁷ и жжигая⁶⁸ и до сущих⁶⁹ младенцов, и⁷⁰ ничтоже остави, всю землю л. 854 об. ⁷¹пусту учини, и⁷² протчих же, иже⁷³ христиане,⁷⁴ на свою || землю прогна⁷⁵ и насели. И⁷⁶ множество много⁷⁷ корысти в земли той обрете,⁷⁸ возвратися,⁷⁹ приставов тех⁸⁰ почтив,⁸¹ отпустил их, рекше: «Шед повежьте⁸² царю, яко же⁸³ видесте;⁸⁴ сколько могу,⁸⁵ толико ему⁸⁶ и служу.⁸⁷ И будет⁸⁸ ему моя⁸⁹ служба угодна,⁹⁰ и я⁹¹ ему еще⁹² хошу⁹³ послужити такожде,⁹⁴ какова ми⁹⁵ есть сила». ⁹⁶Царь⁹⁷ же⁹⁸ ничто же ему учини,⁹⁹ срамом побежден.¹⁰⁰

III. ¹И толико ненавидя² во своей земли зла, яко кто учинит³ татьбу, или разбой, или кую лъжу, или⁴ неправду, той никако

⁴³ некоего же Г; никогого бы П; никогого же бы У. ⁴⁴зла Дракуле ПУ. ⁴⁵Нет П. ⁴⁵⁻⁴⁶да бы не учинил О; же да Дракуле не учинил, но еще Г; не учинити, но еще бы ему П; не учинил, но еще и У. ⁴⁶⁻⁴⁷честь П. ⁴⁷бы ему ГУ. ⁴⁸и Дракула О. ⁴⁹Нет ОУ. ⁵⁰Нет П. ⁵⁰⁻⁵¹войском своим поиде О; войским Г; своим войском и поиде У. ⁵²приставы ОПУ; приставове Г. ⁵³царский ОГПУ. ⁵⁴и везде велию О; и велию Г; и велию ему П; и везде ему велию У. ⁵⁵воздаваше ему О; ему воздаваше Г; воздавали П. ⁵⁶поиде П; приде У. ⁵⁷до У. ⁵⁸за пять У. ⁵⁹верну вся Г; вринуса П. ⁶⁰начат П. ⁶¹градове ОГПУ. ⁶²⁻⁶³множество и много Г; много множество П; множество У. ⁶⁴плени ГП; нет У. ⁶⁴⁻⁶⁵и изсече ОГ; иссече ПУ. ⁶⁶а ПУ. ⁶⁷пресекая О; пересекал П; пересекая У. ⁶⁸жизая Г; иде же П; ждися У. ⁶⁹сущих Г. ⁶⁹⁻⁷⁰младенец ОГПУ. ⁷¹⁻⁷²учини пусту, а О; ту пусту учини Г; пусту остави П; ту плени У. ⁷³Нет П; человецы суть У; суть Г. ⁷⁴крестьян П; крестьяне У. ⁷⁵приведе Г; и на села прогна П; прогна на села У. ⁷⁵⁻⁷⁶и насели ОГ; нет ПУ. ⁷⁷⁻⁷⁸корысти взя и О; корысти взем ГП; и У. ⁷⁹возвратися П; возвратившись назад У. ⁸⁰же царских О; же тех Г. ⁸¹⁻⁸²отпусти рек: шедше поведайте ОГ; отпусти и рече: шед поведайте П; и отпусти: повеждьте У. ⁸³Нет У. ⁸⁴видите У. ⁸⁵и много же П; мог У. ⁸⁶есм ему О; нет ГПУ. ⁸⁷служил ОУ; послужил П. ⁸⁷⁻⁸⁸буде впредь П. ⁸⁸буде О. ⁸⁸⁻⁸⁹угодна ему моя П. ⁸⁹моя угодна О; угодна моя ГУ. ⁹⁰Нет ОГПУ. ⁹¹яз Г; аз У. ⁹¹⁻⁹²еще ему О; еще ПГ; ему и еще У. ⁹³⁻⁹⁴ему так служити Г; ему такоже служити П; так служити У. ⁹⁵моя П. ⁹⁵⁻⁹⁶служба П. ⁹⁷преж Г. ⁹⁸Нет ОГ. ⁹⁹не учинил П; не учини У. ¹⁰⁰побежден бысть П.

III. ¹Перед этим заголовок О правде ПУ; перед этим пробел для заголовка и далее скорописью О Владе воеводе, а Дракула и бес, и диавол, и сотано, и черны, и Цматуса, и щил, и щаясос, и локопа, и гомпы (?) О. ²ненавидев У; в списке Г лист 15 об. слева заклеен полоской бумаги, прикрывающей начальные буквы строк. ³учинит кое О; учинит кое (?) зло Г; учинит кое зло ПУ. ⁴и У.

же будет жив. Аще и⁵ великий боярин, или священник,⁶ не токмо простой человек, но никого щадя,⁷ толико⁸ бысть грозен.⁹ О и с т о ч н и к е.¹⁰ Источник есть и кладезь на едином месте, и к тому кладезю¹¹ пришли ¹²мнози путие¹³ и от многих стран прихожаку людие мнозии,¹⁴ и пияху¹⁵ от источника и¹⁶ кладезя того,¹⁷ вода¹⁸ бо студена¹⁹ бе и сладка.²⁰ Он же у того кладезя на пустом месте постави чашу²¹ велию ²²и дивну злату,²³ и хто хотяше воду пити, да тою чарою ²⁴воду пьет²⁵ и на том же²⁶ месте поставит ю,²⁷ и, елико бяше²⁸ он время пребыв,²⁹ никто же смеяше ³⁰нару ту³¹ взяти ³²страха его ради.³³

О н и щ и х.³⁴ Единою³⁵ пусти по всей³⁶ земли своей³⁷ веление,³⁸ || да кто стар, или немощен, или ³⁹вреден чем,⁴⁰ или нищ,⁴¹ вси да⁴² приидут к нему. И собращася⁴³ безчисленно⁴⁴ нищих множество⁴⁵ и странных⁴⁶ к нему, чающих⁴⁷ от него великия милости.⁴⁸ Он же повеле ⁴⁹собрати их⁵⁰ всех во едину хramину великую,⁵¹ на то устроену, и повеле ⁵²дати им⁵³ ясти и пити довольно; они же ядше и пивше⁵⁴ возвеселишася. Он же прииде ⁵⁵к ним и глагола им: «Что еще требуете?» Они же вси⁵⁶ отвещаша глаголаху:⁵⁷ «Ведает ⁵⁸государю княже,⁵⁹ бог и⁶⁰ твое величество,⁶¹ как ⁶²тя о нас⁶³ бог вразумит». Он же глагола к ним: «Хощете ли, да сотворю вас безпечалны на сем свете,⁶⁴ и ничим же нужни⁶⁵ будете?». Они же чающе ⁶⁶от него велико нечто⁶⁷ и глаголаше вси:⁶⁸ «Хощем, государю». Он же повеле ⁶⁹заперети хramину ту⁷⁰ и зажещи⁷¹ огнем, и вси ту

л. 855

⁵ ли ОГПУ. ⁶ кой князь П; поп У. ⁶⁻⁷ или просты человек, аще велико богатство имать, и никто не может искупиться от смерти и ОГ; или поп или простой аще сы, и великое богатство имел и тот не может откупиться от его смерти П; или просты человек, аще и велико богатство имел бы кто, то не может искупиться от смерти и У. ⁸ толь П. ⁸⁻⁹ грозен бысть ГУ; грозен П. ⁹⁻¹⁰ Заголовка нет У. ⁹⁻³³ Нет П. ¹⁰ источнице ТОГ. ¹¹ кладезю источнику О. ¹²⁻¹³ путие мнози ОГ. ¹³⁻¹⁴ Нет Г. ¹⁵⁻¹⁶ от ГУ. ¹⁷ Нет О; источника Г. ¹⁸ воду ОГУ. ¹⁸⁻¹⁹ понеже студена О; студена Г. ¹⁹⁻²⁰ Нет У. ²⁰ Далее заголовок О чаре ОГ. ²¹ чару ОУ. ²²⁻²³ и дивну и злату О; злату дивну У. ²⁴⁻²⁵ пьет воду Т; пьет ОУ. ²⁶ Нет ОГУ. ²⁷ да поставит ю ОГ; поставит У. ²⁸ Нет ОУ. ²⁸⁻²⁹ время он пребысть Г. ²⁹ пребысть У. ³⁰⁻³¹ ту чару ОГУ. ³²⁻³³ от страха ОГ; нет У. ³⁴ мнисех Г; странных У. ³⁵ въ едино же время О; единою же ГПУ. ³⁶ своей П. ³⁷ Нет П. ³⁸ Нет П; кличь велий У. ³⁸⁻⁴¹ да кто стар или нищ или чем вреден У. ³⁹⁻⁴⁰ чим вреден ОГП. ⁴¹ Испр. по ТОП; нищ З; нищи Г. ⁴¹⁻⁴² да вси П. ⁴³ собрася ОГУ. ⁴⁴ Нет П. ⁴⁴⁻⁴⁵ множество нищих ОГ; много нищих У. ⁴⁶ странные Т; странных и убогих П. ⁴⁷ чающе ОГУ; чаючи П. ⁴⁸ На этом кончается список Г. ⁴⁹⁻⁵⁰ собрати П; их собрати У. ⁵¹ велию ОП; нет У. ⁵²⁻⁵³ им дати У. ⁵⁴ Нет ОПУ. ⁵⁵ сам прииде ОУ; сам прииде П. ⁵⁶ Нет У. ⁵⁷ Нет ОПУ. ⁵⁸⁻⁵⁹ государю О; нет П; государь У. ⁶⁰ да П; да и У. ⁶¹ государево величество П. ⁶²⁻⁶³ тя О; тебя П; тебе У. ⁶⁴⁻⁶⁵ ничем нужны не П. ⁶⁶⁻⁶⁷ великия милости П; от него великого нечто У. ⁶⁸ Нет У. ⁶⁹⁻⁷⁰ заперети хramину ОУ; их заперети в той хramине П. ⁷¹ зажещи Т; зажещи ея П.

згореша.⁷² И глагола⁷³ бояром своим: «Да⁷⁴ весте, что⁷⁵ учини⁷⁶ тако: первое,⁷⁷ да не стужают⁷⁸ людем, и никто же да⁷⁹ не будет нищ⁸⁰ в моей земли,⁸¹ но вси богати;⁸² второ, свободих⁸³ их,⁸⁴ да не стражет никто же на сем свете⁸⁵ от нищеты или⁸⁶ от недуга».⁸⁷

О м н и с е х. Единою же приидоша к нему от⁸⁸ Угорские⁸⁹ земли два⁹⁰ латынска мниха⁹¹ милостыни ради. Он же повеле⁹² развести их⁹³ разнo, и призва к себе единого от них,⁹⁴ показа ему вкруг⁹⁵ двора⁹⁶ множество безчисленно⁹⁷ мертвых человек на колье⁹⁸ и на колесех, и вопроси его:⁹⁹ «Добро ли тако сотворих, и¹⁰⁰ како^{IV,1} ти суть, иже² на колии?».³ Мних же той⁴ глагола: «Ни,⁵ || государю,⁶ зло чиниш, без милости казниш; подобает государю милостиву быти. А тии же⁷ на колии мученицы».⁸ Призва⁹ же¹⁰ другаго и вопроси его¹¹ такожде.¹² Он же отвеча¹³ «Ты, государю, от бога послан¹⁴ еси, и власти от бога дан¹⁵ бысть, лихо творящих¹⁶ казнити,¹⁷ а добро творящих¹⁸ жаловати.¹⁹ А те²⁰ лихо²¹ творили, и²² по своим делом и²³ восприяли». Он же, призва перваго мниха,²⁴ глагола к нему: «Почто²⁵ ты из монастыря, из²⁶ келии²⁷ своея ходиши по великим государем, не зная^{27a} ничто же^{28?} А ныне сам еси глагола, яко те мученицы суть. Аз²⁹ же хочу и тебя мучеником³⁰ учинити, да и ты с ними мученик будеши».³¹ И³² повеле его на кол посадити, а другому повеле дати³³ 50 дукат³⁴ злата, и³⁵ глагола ему:³⁶ «Ты еси разумен муж». И³⁷ повеле его³⁸ на возе чесно³⁹ отвести до Угорские земли.

⁷² изгореша О. ⁷³ глаголаше ко ОУ; глаголаша П. ⁷⁴ царь греческий Дракула П. ⁷⁵ ли что я П. ⁷⁶ у них О; учинил П. ⁷⁷ первое О. ⁷⁸ утужают У. ⁷⁹ Нет ПУ.⁷⁹⁻⁸¹ в моей земли не будет нищ У. ⁸⁰ Испр. по ТОПУ; нищ З. ⁸² глаголати О. ⁸³ свободни П; свободи У. ⁸⁴ Нет П. ⁸⁴⁻⁸⁵ да не страждут от них никто же на сем свете О; да никто же не стражет от них П; да не стражет никто от наших на сем свете У. ⁸⁶ и П. ⁸⁷ недуга на сем свете П. ⁸⁸ Нет Т; мниси от У. ⁸⁹ Турския П. ⁹⁰ Нет ПУ. ⁹⁰⁻⁹¹ латынские мнихи П. ⁹¹ мниха два У. ⁹²⁻⁹³ их развести ПУ. ⁹⁴ них и П; нищих и У. ⁹⁵ круг ПУ. ⁹⁶ двора своего У. ⁹⁷ бо на коле П; нет У. ⁹⁷⁻⁹⁸ на кольях О; людей П; людей, казенных на колье У. ⁹⁹ сего О. ¹⁰⁰ Нет П. ^{IV,1} каковы П. ¹⁻² же П; ти суть У. ³ коле О. ³⁻⁴ он же ОПУ. ⁵ Нет ПУ. ⁶ Нет У. ⁷ же суть П; нет У. ⁸ чело-вцы пребудут мученицы О; суть мученицы У. ⁹ и призва П; призвав У. ¹⁰ Нет ОП. ¹¹ Нет ОУ. ¹² також О; нет П. ¹²⁻¹³ Нет О. ¹⁴ поставлен ПУ. ¹⁴⁻¹⁶ еси лихо творящих О; еси елико творящих лихо П; есть лихо творящих У. ¹⁵ дана Т. ¹⁷ казницы П. ¹⁸ деющих У. ¹⁹ жалуюши П. ²⁰ может ти О; тии У. ²¹ есть ли зло П. ²² то они П; нет У. ²³ Нет ОПУ. ²⁴ и ОПУ. ²⁵ да почто ПУ. ²⁶ и из О; изшел П. ²⁷ и П. ^{27a-28} ничего О. ²⁹ иже на кольи, и я П; и аз У. ²⁹⁻³⁰ и тебе хочу мученика П; тебя хочу мучеником У. ³¹ будеш во царстве небесном П. ³² Нет П. ³³ Нет П. ³⁴ тукат дати П. ³⁵ Нет П. ³⁶ Нет ОПУ. ³⁷ Нет П. ³⁸⁻³⁹ на возу чесно Т; на возу с почтением О; на возе с почтению П; чесно У.

О к у п ц е. Некто⁴⁰ купец прииде⁴¹ от Угорския земли⁴² во град его.⁴³ И⁴⁴ по его заповеди остави⁴⁵ воз свой на улице града⁴⁶ пред полатою и⁴⁷ товар свой на возе,⁴⁸ а сам спаше⁴⁹ в полате.⁵⁰ И пришед некто, украде из⁵¹ воза 160 дукат злата.⁵² Купец же иде ко Дракуле,⁵³ и⁵⁴ поведа⁵⁵ ему изгубление злата.⁵⁶ Дракула же глагола ему: «В⁵⁷ сию⁵⁸ нош обрящещи злато свое».⁵⁹ И по всему граду повеле⁶⁰ искати татя, глаголя:⁶¹ «Аще не обрящете⁶² злата, то⁶³ весь град погублю». И⁶⁴ повеле || л. 85в
свое злато⁶⁵ положить⁶⁶ ему, купцу,⁶⁷ на воз⁶⁸ в ноши и⁶⁹ приложить един златник.⁷⁰ Купец востав,⁷¹ и⁷² обрете злато,⁷³ и перече ни единова, но и⁷⁴ дважды, и обретется⁷⁵ един лишней златник, и шед ко Дракуле,⁷⁶ и глагола:⁷⁷ «Государю, обретох злато, и се есть един лишней,⁷⁸ не мой».⁷⁹ Тогда⁸⁰ приведоша татя⁸¹ онного⁸² со златом,⁸³ глагола⁸⁴ купцу: «Иди с миром; аще бы ми еси не поведал златника⁸⁵ и то бых и тебе повелел⁸⁶ с сим татем на кол посадити».⁸⁷

О ж е н а х.⁸⁸ Блудящи коя⁸⁹ жена от мужа⁹⁰ прелюбы сотворит,⁹¹ он же велеше⁹² срамоту ея⁹³ вырезати и кожу⁹⁴ с ней содрати, а ея нагу привязати,⁹⁵ а кожу⁹⁶ на столше⁹⁷ обесити посреде торгу, такоже и⁹⁸ девицам, кои девство не сохранят, и вдовицам⁹⁹ також,¹⁰⁰ а иным^{V,1} сосца² отрезаху, овым же кожу содравши со срама ея,³ и, рожен железен разжен,⁴ вон-

⁴⁰ некогда же ПУ. ⁴⁰⁻⁴¹ купец некогда прииде О; прииде купец некий П; приидоша купец некий У. ⁴²⁻⁴³ въ его державу О; в его град ПУ. ⁴⁴ Нет П. ⁴⁵ оставив У. ⁴⁵⁻⁴⁶ свой воз на улице П; воз свой на улице У. ⁴⁷ со всем П. ⁴⁷⁻⁴⁸ товаром П; товар свой на возех оставил У. ⁴⁸ возу ТО. ⁴⁹ стапа О; сна У.⁴⁹⁻⁵⁰ Нет П. ⁵¹ с ПУ. ⁵²⁻⁵⁶ Нет П. ⁵³ Дракулу Т. ⁵⁴ Нет У. ⁵⁵ Испр. по ОУ; поведе да ЗТ. ⁵⁷ поиди в ПУ. ⁵⁸ настоящую П. ⁵⁹ Нет ОПУ. ⁵⁹⁻⁶⁰ и повеле по всему граду ПУ. ⁶¹ того П. ⁶² обрящется У. ⁶²⁻⁶³ то П; нет У. ⁶⁴ Нет П. ⁶⁵ злато в ноши П; злато несть и У. ⁶⁶⁻⁶⁷ в ноши О; нет ПУ. ⁶⁸⁻⁶⁹ и О; его П. ⁶⁹⁻⁷⁰ приложить едино злато О; приложи един златой П; приложи единой златой У. ⁷⁰⁻⁷¹ конец же востав У. ⁷¹ же востав П. ⁷² Нет О. ⁷³⁻⁷⁴ перече О; перече единое П; перече злато и У. ⁷⁵ обрете П; обреташе У. ⁷⁵⁻⁷⁶ един лишней златой возвести Дракуле П. ⁷⁶⁻⁷⁷ сказал О; нет ПУ. ⁷⁷⁻⁷⁹ Нет П. ⁷⁸ лишней златой У. ⁷⁸⁻⁸³ Нет У. ⁸⁰ татя же того П. ⁸¹ Нет П. ⁸² того О; нет П. ⁸⁴ Дракула же глаголаша П; и глагола Дракула У. ⁸⁵ злата ОПУ. ⁸⁵⁻⁸⁶ то бы и тебе повелел ТУ; готовы и тебе повелел О; тогда бы и тебя П. ⁸⁶⁻⁸⁷ обесити У. ^{87-V,10} Весь этот эпизод помещен в списке У ниже, см. стр. 123, разн. 50 ⁸⁷⁻⁸⁸ Заголовка нет О; О блуде П; О блудивых У. ⁸⁸⁻⁸⁹ приведена же некая О; аще кая ПУ. ⁹⁰⁻⁹¹ прелюбы творит О; блядит У. ⁹²⁻⁹³ срамоты ея О; срам ея П; ей срам У. ⁹⁴ кожи Т. ⁹⁴⁻⁹⁶ Нет О; содрати и привязати ее нагу П; с нее содрати и привязати ея нагу одрану У. ⁹⁵⁻⁹⁶ и кожу ту О; и кожу П. ⁹⁵⁻⁹⁸ а У. ⁹⁷⁻⁹⁸ прибити посреде торгу и О; среди базару прибити и П. ⁹⁹ девицам ТО; вдовам ПУ. ¹⁰⁰ та же казнь П. ^{V,1} ким Т ² срам П. ²⁻³ урезаху, а иным кожу содра, и в срам ея П; урезати, а иным кожи одирая с страмов их У. ³⁻⁴ рожны железные розжены П. ⁴ Нет Т; разжехши У.

зяху⁵ в срам ея, и⁶ усты⁷ искождаху, и⁸ тако привязажу,⁹ стояще¹⁰ у столпа,¹¹ дондеже плоть и кости разпадутся¹² или птицами¹³ снесен будет.¹⁴

О л е н и в е й ж е н е .¹⁵ Единою же¹⁶ идушу ему путем¹⁷ и узре¹⁸ не на^{18a} котором рахьманине срачицу издрану¹⁹ и вопроси его: «Имаши ли жену?». Он же отвечае²⁰: «Имам, государю». ²¹ Он же: ²² «Веди мя в дом твой, да вижу». ²³ И узре ²⁴ жену его младу²⁵ и здраву,²⁶ глагола мужу: ²⁷ «Неси ли насеял²⁸ льну?». Он же отвечае: ²⁹ «Много имам». И³⁰ показа ему л. 856 об. много льну. И³¹ глагола || жене: «Почто³² имеши леств³³ к³⁴ мужу своему?». Он долъжен³⁵ сеяти и орати и тебе хранить, ³⁶ а ты долъжна ³⁷ еси на мужа своего³⁸ одежду светлу и лепу учинити, ³⁹ а ты и⁴⁰ срачицу⁴¹ не хочеш ему учинити, а⁴² здрава телом⁴³ и сильна.⁴⁴ Ты повинна,⁴⁵ а не муж твой». ⁴⁶ И повеле⁴⁷ руце ей усекнути⁴⁸ и труп ея⁴⁹ на кол всадити.⁵⁰

О с л у з е . Некогда же⁵¹ обедова⁵² под⁵³ трупом⁵⁴ мертвых человек, иже на коллии⁵⁵ всажены округ⁵⁶ трапезы его; он же посреде⁵⁷ их ядыше и тем наслаждашеся.⁵⁸ Слуга же⁵⁹ пред ним ясти ставяше,⁶⁰ смрада же одного не могил⁶¹ терпети и заткнув нос и ⁶² на сторону главу склонив.⁶³ Он же вопроси⁶⁴ его: «Что⁶⁵ ради тако чиниши?». Он⁶⁶ же отвечае: ⁶⁷ «Государю, не

⁵ въверзяху П; и вовреши У. ⁵⁻⁶ в срам и во П. ⁶⁻⁸ Нет У. ⁷ уста и П. ⁸ Нет П. ⁹ привязана П; у столпа привязана У. ¹⁰ биюще О; стояще на год У. ¹⁰⁻¹⁴ Нет У. ¹¹ столпа нага П. ¹² распадахуся О. ¹³ птицам П. ¹³⁻¹⁴ разторганы будут П. ¹⁴⁻¹⁵ О человеце и о ленивой жене О; О человеце и о жене ленивой П. ¹⁶⁻¹⁷ Испр. по У; идущим путем ЗГ; идущу Дракуле П; идущу ему путем О. ^{18-18a} на не Т. ¹⁸⁻¹⁹ на некоем человеке рубаху раздрану П; на некоем скоморесе срачицу ветху и худу У. ¹⁸ издрану и худу О. ²⁰ глагола П; отвечае У. ²¹ Нет П. ²¹⁻²² Он же рече О; Дракула же рече П; он же глагола У. ²³ вижу жену твою ПУ. ²⁴⁻²⁵ младу жену его У. ²⁵ младу сущу ОП. ²⁶ здраву телом и П; здравуи У. ²⁷ мужеви ПУ. ²⁷⁻²⁸ не се ли насеял О; не ли си сеял П. ²⁹ отвечае ему: государю П; нет У. ²⁹⁻³⁰ Нет У. ³¹ Дракула же П. ³² ты почто О; той: да почто П; почто ты У. ³³ ленивость ПУ. ³⁴ Нет ПУ. ³⁵ долъженъ естъ ОПУ. ³⁶⁻³⁸ и У. ³⁷⁻³⁸ мужу своему П; далее в Т другим почерком и чернилами. ³⁹ чинити Т; купити У. ⁴⁰ Нет ПУ. ⁴¹ срачицы ТОПУ. ⁴² такова П. ⁴³ сущи телом ОПУ. ⁴³⁻⁴⁴ Нет П; и У. ⁴⁵ и повинна Т; еси повинна ОУ; еси повинна телом П. ⁴⁶ твой, аще бы муж твой не сеял льну, то бы муж твой повинен смерти П; твой, аще ли бы муж не сеял льну, то бы муж твой повинен был У. ⁴⁷ веле П. ⁴⁷⁻⁴⁸ ей руце усекнути О; ей руце отсеци П; ей руце отсеци У. ⁴⁸⁻⁴⁹ и У. ⁵⁰ посадити ПУ; далее в У эпизод О блудивых, помещенный в других списках выше, см. стр. 131—132. ^{50-VI, 14} Два эпизода (стр. 132—133) в У нет. ⁵¹ Нет П. ⁵² обедова ОП. ⁵³ Испр. по ОП; по ЗТ. ⁵⁴ трупш П. ⁵⁵ коллиях О; колъе П. ⁵⁵⁻⁵⁶ всаженных и множество бо всего круг О; всажены множество бо круг П. ⁵⁷ среди П. ⁵⁸ услаждашеся П. ⁵⁹ же его П. ⁶⁰ ставяше ОП. ⁶¹ могох П. ⁶²⁻⁶³ на страну главу склони О; главу на сторону склони П. ⁶⁴ воспроси П. ⁶⁵ чесо Т; чего П. ⁶⁶ слуга П. ⁶⁷ отвечае П.

могу смрада ⁶⁸сего от мертвых⁶⁹ терпети». ⁷⁰ Дракула же ⁷¹ повеле его на кол посадити, ⁷² глагола: «Тамо ти есть высоко, смрад не может ходити». ⁷³

О п о с л е. ⁷⁴ Иногда ⁷⁵ прииде от Угорския земли Матияш ⁷⁶ поклицарь, ⁷⁷ человек не мал боярин, влах родом. И повеле ему сести ⁷⁸ с собою на обеде сриди трупа ⁷⁹ мертвых. ⁸⁰ И пред ним лежаше един кол ⁸¹ высок ⁸² вельми и ⁸³ позлащен, и вопросы поклицаря Дракула: «Что ⁸⁴ ради учиних ⁸⁵ сей кол? Повеждь ⁸⁶ ми». ⁸⁷ Посол же вельми убояся ⁸⁸ и глагола: ⁸⁹ «Государю, мнит ми ся тако: ⁹⁰ некий великий ⁹¹ человек пред тобою согрешил, и хоцещи ему почесну ⁹² смерть учинити паче иных». ⁹³ Дракула же глагола: ⁹⁴ «Право ⁹⁵ рекл еси; ты еси велика государя посол ⁹⁶ кралевский, тебе бых ⁹⁷ учинил сей кол». ⁹⁸ Он же отвеча: ⁹⁹ «Государю, аще ли ¹⁰⁰ достойно ^{VI, 1} смерти || соделал, ² твори еже л. 857 хоцещи, праведный ³ судия, не ты повинен еси ⁴ моей смерти, но аз сам». Дракула же разсмеяся рече: ⁵ «Аще бы ми ⁶ еси ⁷ не так отвечал, ⁸ был бы ⁹ еси на сем коле». И почте его велми и, одалив, отпусти, ¹⁰ и глагола: «Ты в правду ходи на поклицарство от великих государей к великим ¹¹ государем, поне ¹² научен бо еси ¹³ говорить со государи». ¹⁴ О п о с л е х. ¹⁵ Таковый обычай имый ¹⁶ Дракула. Отколе к нему прихожаху ¹⁷ послове, ¹⁸ от царя или от короля, неизящен и ¹⁹ не умеаше ²⁰ противу кознем его отвечаи, ²¹ то на кол таковых посаждаху, ²² глагола: «Не аз повинен той ²³ смерти — ²⁴ или царь или краль ²⁵ твой или ты сам. На мене ничто же рцы зла. ²⁶ Аще государь твой, ведая

⁶⁸⁻⁶⁹ от мертвых *О*; *нет П.* ⁷⁰ терпети, того ради заткнув нос свой и на сторону голову склонив *П.* ⁷¹ же то и *О*; же ту *П.* ⁷² удари *О.* ⁷³ доходити *ОП.* ⁷⁴ после угорском *О.* ⁷⁵ некогда *О*; иногда же *П.* ⁷⁶ Матияша *О*; и краля Маташа *П.* ⁷⁷ апоклицарь до него *О*; последи донен (?) *П.* ⁷⁸ ести *П.* ⁷⁹ трупия *П.* ⁸⁰ мертвыя *Т*; того *П.* ⁸⁰⁻⁸¹ пред ним един кол лежит вельми добел и *П.* ⁸²⁻⁸³ весь *ОУ.* ⁸⁴ чего *О.* ⁸⁵ учинил *Т*; *нет П.* ⁸⁶ тако повеждь *О.* ⁸⁷ мне *П.* ⁸⁸⁻⁸⁹ глагола *Т*; *нет П.* ⁹⁰ и яко *Т.* ⁹¹ *Нет П.* ⁹² по чину *Т*; почтенну *П.* ⁹³ иные *Т*; инех сей кол *П.* ⁹⁴ рече *П.* ⁹⁵ правду *П.* ⁹⁶⁻⁹⁸ *Нет П.* ⁹⁷ *Нет О.* ⁹⁹ отвеча *П.* ⁹⁹⁻¹⁰⁰ *Нет П.*

^{VI, 1} *Испр. по Т*; достойной *З*; достойное *О*; достоин *П.* ² соделан будет *П.* ³ правед. ибо *П.* ⁴ *Нет П.* ⁵ и рече *П.* ⁶ мя *Т*; мне *О*; *нет П.* ⁷ сие *О.* ⁸⁻⁹ был *Т*; воистину бы был *О.* ¹⁰ и отпусти *П.* ¹¹ великим же *П.* ¹² *Нет ОП.* ¹³⁻¹⁴ з государи говорити, протчи же не деранут, но напервое учими будут самими з государи говорити *О*; государьски говорити, протчи же да не дерзнут, но перви научени будут, как им с великими государи говорити и беседовати *П*; на этом кончается список *П.* ¹⁵ общих послах *О.* ¹⁵⁻¹⁶ таков обычай имаше *У.* ¹⁷ прихождаху *О*; прихожаше *У.* ¹⁸ посол *О*; послы *У.* ¹⁹ *Нет О*; или *У.* ²⁰ *Испр. по ОУ*; имяше *З*; имяше *Т.* ²¹ говорити *У.* ²¹⁻²² то на кол таковые посаждаху *Т*; то на кол его всажаше *О*; тех на колье всажаше и *У.* ²³ твоей *ОУ.* ²⁴⁻²⁵ государь *О.* ²⁴⁻²⁶ *Нет У.*

тебе малоумна ²⁷и не научена,²⁸ послал ²⁹тя есть³⁰ ко мне,³¹ то государь ³²тя убил есть;³³ аще сам³⁴ дерзнул ³⁵еси, не научився,³⁶ то сам убил³⁷ еси себе». ³⁸

О в о й н е. ³⁹ Некогда же поиде на него войском⁴⁰ король угорский Матияш,⁴¹ он же поиде противу ⁴²ему в^{стречу},⁴³ и встретишася⁴⁴ с ним,⁴⁵ и ударишася ⁴⁶обои войска,⁴⁷ и похватиша⁴⁸ Дракулу⁴⁹ жива, бе⁵⁰ бо⁵¹ от своих здан ⁵²бысть по крамоле его.⁵³ И приведен бысть Дракула ко кралю, краль ⁵⁴же повеле⁵⁵ его вметнути⁵⁶ в темницу ⁵⁷на Дунаю в⁵⁸ Вышеграде,⁵⁹ выше Будина 4 мили, на 12 лет. А на Мутиянской земле⁶⁰ посади⁶¹ иного воеводу.

Умершу⁶² же тому воеводе,⁶³ и краль послаше⁶⁴ к нему⁶⁵ в темницу, да аще восхощет быти воевода⁶⁶ Мутиянской⁶⁷ || земли, яко же первые,⁶⁸ то да⁶⁹ латынскую веру примет,⁷⁰ аще ли же ни, то⁷¹ да умрет⁷² в темницы. Дракула⁷³ же возлюбил временное⁷⁴ паче бесконечного,⁷⁵ отпаде православия, и⁷⁶ отступи истинны,⁷⁷ и оставил свет, прияти⁷⁸ тму, убо⁷⁹ не возможно ⁸⁰временныя темничныя⁸¹ тяготы носити, уготовился⁸² на бесконечное мучение, остави⁸³ православную веру,⁸⁴ и прия латынскую прелесть.⁸⁵ Краль же не токмо даде⁸⁶ ему воеводство на Мутьянской земли, но и сестру свою родную⁸⁷ даде⁸⁸ ему в жену, от нея ⁸⁹же роди⁹⁰ два сына. ⁹¹Поживе же

²⁷⁻²⁸ Нет У. ²⁹⁻³⁰ мя есмь Т; нет У. ³¹ мне, к великому умному государю О; мне, к высокоумному государю У. ³²⁻³³ твой убил тя есть О; твой убил тебя У. ³⁴ ли сам ся У. ³⁵⁻³⁶ Нет У. ³⁷ ся и убил У. ³⁷⁻³⁸ себе Т; нет У. ³⁸ Далее: Тако поклицарям учиняше кол высок и позлащен, и на него всажаше, и к государю его те речи отписываше с протчими, да не шлет к великоумну государю малоумна и не научена в поклицарство. О бочках. Учиниша же ему мастера бочки железны, он же насыпал их злата и в реку положи, а мастеров оных посети повеле, да никто же не увезет соделанного им окаянства, токмо тезоименный ему диявол О; так клисарю учиняше кол высок, позлащен весь, и на него всажаше, и государю отписоваше с протчими, да не посылает к великому государю малоумна и не научена в поклицарство У. ³⁹ войне с королем Угорским О. ⁴⁰ Нет У. ⁴⁰⁻⁴¹ краль Угорския земли с войною У. ⁴¹ Матия Т; Матияша О. ⁴²⁻⁴³ его и стретишася У. ⁴⁴ встретися О. ⁴⁴⁻⁴⁵ Нет У. ⁴⁶⁻⁴⁷ с ним оба войска Т; обои О; обоя У. ⁴⁸ ухватиша ОУ. ⁴⁹ Дракула О. ⁵⁰ Нет О. ⁵¹ Нет О. ⁵²⁻⁵³ Нет У. ⁵³ Нет О. ⁵⁴ и ОУ. ⁵⁴⁻⁵⁵ же той повеле Т; повеле ОУ. ⁵⁶ метнути О; вкинути У. ⁵⁷⁻⁵⁸ и седе в У; на Дунаю всед в О. ⁵⁹ Вышегороде на Дунаю У. ⁵⁹⁻⁶⁰ Нет У. ⁶¹ посади король У. ⁶² и умершу У. ⁶²⁻⁶³ же ему У. ⁶⁴ посла О; же посла У. ⁶⁴⁻⁶⁵ ко Дракуле У. ⁶⁶ Нет У. ⁶⁷ на Мутиянской ОУ. ⁶⁸ и первее У. ⁶⁸⁻⁶⁹ то Т; тако да У. ⁷⁰ воспримет У. ⁷¹ Нет У. ⁷¹⁻⁷² умрет О; умрети У. ⁷³ хочещи Дракула У. ⁷⁴ паче временнаго У. ⁷⁴⁻⁷⁵ нежели бесконечное и О; и бесконечнаго У. ⁷⁶ Нет ОУ. ⁷⁶⁻⁷⁷ Нет У. ⁷⁸ прия О; нет У. ⁷⁸⁻⁷⁹ Нет У. ⁸⁰⁻⁸¹ темничныя временныя ОУ. ⁸² и уготовися ОУ. ⁸³ и остави У. ⁸⁴ нашу веру У. ⁸⁵ прият Т; ересь О. ⁸⁶ даст ОУ. ⁸⁷ Нет У. ⁸⁸ даст О; дал У. ⁸⁹⁻⁹⁰ родися У.

болми десяти лет⁹² и тако скончася в прелести латынстей.⁹³

Еще же о злом его обычае. Овогда же⁹⁴ в темнице сядя, не остави⁹⁵ своего злого обычая, но ⁹⁶мышь ловя и⁹⁷ птицу⁹⁸ на⁹⁹ торгу покупая, и¹⁰⁰ тако казня^{VII.1} их, ову на кол посажаше,² с ыныя³ перья ощи́паше и пускаше,⁴ тем в темнице веселяся.⁵

ЗАПАДНОРУССКИЙ ВИД

Публикуется по рукописи: ГИМ, собр. Барсова, № 604.

Сказание о Дракулѣ князѣ Мутьянские л. 91 земли

Бист в Мунтьянской земли княз греческия вѣри именем Дракула.

К нему же приидоша послы от турскаго царя салтана и, егда к нему внидоша и поклонишася ему по своему обычаю, кап своих глав не сняша, он же рече им: «Чесо ради тако сие бист: приидоша к великому государу и такову ему срамоту учиниша?». Они же ему отвѣщаша: «Таков, государь, обычай земли нашей». Дракула же отвѣща: «Аз еще хощу закону вашему подтверждение учинит, да крѣпко содержите предание ваше». И повелѣ гвоздем желѣзным ко главам капы их прибиты и отпусти их, рек: «Шедше скажите государу вашему: он навик от вас ту срамоту терпѣты, ми же не навикохом, да не посылает своего обычая ко иным государем».

О брани турскаго салтана з Дракул о. л. 91 об. Салтан же велми разъярився о таковом поругателѣ и поиде войною на него со многими силами. Он же, собрав елико имияше у себе войска, и удари на турецкие силы ноцию, множеством их избы, и возвратися во своя. И нача смотриты

⁹¹⁻⁹² поживе же боле осмидесяти лет *О*; и поживше мало, яко больша десять лет *У*. ⁹²⁻⁹³ *Нет У*. ⁹³⁻⁹⁴ О злом его обычае. Глаголюще о нем, яко *О*; О злом его обычае. Глаголют же о нем, яко *У*. ⁹⁵ оста *У*. ⁹⁶⁻⁹⁷ *Нет У*. ⁹⁸ *Испр. по У*; пшеницу *ЗТО*. ⁹⁹ с *У*. ¹⁰⁰ и мышь ловя и *У*.

^{VII.1} казняше *У*. ² сажаше *О*; посадиша *У*. ²⁻³ овой голлову отсекоша, с иной *У*. ³⁻⁴ перья ощи́пав пустяще *У*; перья ощи́поваше и пускаше *О*. ⁴⁻⁵ и научися шити и тем в темнице кормляшеся. О скончании. Конец же его сице: живяше на Мутьянской земле, и приидоша на землю турцы и начаша пленити. Он же, собрав войско его, удари на них, и побегоша турцы. Дракулино же войско нача их без милости сечи, Дракула же от радости возгнав на едину гору, да видит, како секут турков. Отторгшеся от войска ближне его, мянше, яко турки, и удари его яко един копьем. Он же, видево, яко от своих побиваем, и ту их уби. Его же мнози копы избодоша, и тако скончашася *У*. ⁵ веселься *Г*; кормяшеся и веселяся *О*.

войско свое; и кто ранен спереду, тому чест велию воздаваше и вѣтязем его учиниваше, а который ранен создади, того повелѣ на кол сажати, глагола: «Ти еси не муж, но жена». А егда поиде на турки, тако глагола всему войску своему: «Кто смерт помишляет, тот не ходи со мною». Цар же турецкий, слышав то, поиде проч с великою страмотою, изгуби множество войска.

О п о с л ѣ х. Царь же турецкий посла к нему посла, да даст ему дан. Дракул велми почти посла онаго, и показа ему все свое имѣние, и рече ему: «Аз не токмо хочу дань давати царю, л. 92 но и со всѣм своим || войском и со всею своею казною хочу к нему ити на службу, да како ми повелѣт, так ему и служу.^а И сие возвѣсти царю, как поиду к нему, да не повелит по своей земли никоего зла учинити мнѣ и моим людям, а аз хочу скоро^б по тебѣ ити, и дан принесу и сам прииду к нему». Цар же, услышав то от послов своих, что Дракула хочет прийти к нему на службу, почти посла своего и одарив его много велми, радуясь, бѣ бо тогда ратуясь с восточными цари. Посла скоро по всѣм градам земли своей, заповѣда им рек, когда Дракула поидет, да никого зла сотворат ему, но да сотворат ему чест велию. И егда Дракула поиде со всѣм воинством своим, и пристави цара турецкаго велию чест воздаваху. Дракула же иде по земли его пят дний и внезапно возвратися воспят, и нача плѣнити гради и села, и поплени множество и иссече, ових же || на кол сажаше турков, а иных на двое пересѣкая и пожигая огнем, даже и до сущих младенцов, а христиан, иже ту живущих, во свою землю поят и насели много во своей земли. И егда прииде во свою землю, отпусти приставников к турецкому царю, рек: «Повѣдайте царю, яко ви есте ми свѣдители; колико возмогах, служих ему. И будет ему угодна служба ему моя, и я ему и еще хочу послужити, тако же, колико могу». Си же слышав^в, ничто же ему цар учини, срамом побежден^г.

И о владѣнии Дракули князя Мутьянскаго. Колико ненавидя во своей земли зла, яко кто учинит кое зло, татбу, или разбой, или лжу, или неправду, то-никто же будет жив. Аще же великий боярин, или священник, или простий человек, аще и богатства мае, не может искупитися от смерти. О и с т о ч н и ц ѣ и о ч а р ѣ з л а т о й. Бист во области л. 93 его кладяз на едином мѣстѣ, || ^ак тому кладязу приидоша пути мнози от многих стран, и приходяху мнози людие и пияху от источника, бѣ бо вода сладка и велми студена. И у того кладязя на пустом мѣстѣ постави Дракула чару велию и зѣло дивну, устроену хитростию от алата чиста з драгим каменiem; и тою чароу пияху ис того кладязя воду и поставляху на уго-

^а Испр.; в ркп. службу. ^б Испр.; в ркп. ескоро. ^в Испр.; в ркп. слив. ^г Испр.; в ркп. бобежден. ^а В ркп. мѣстѣ дважды.

тованнем ей мѣстѣ-у кладязя, никто же смѣяше ея взяти, до-
нели Дракула жив бѣше.

О н и щ и х. Единою пусти по^о всей земли своей повелѣ-
ние, кто стар, или немощен, или чим вреден, или нищ, вси да
приидут к нему. И собрася безчислено много нищих, страних
к нему, чающе от него великия милости. Он же повелѣ собрати
их всѣх во едину храмину велию, на то устроеную, и повелѣ
дати им ясти и пити довольно; они же ядоша и возвеселишася.
Он же к ним прииде и рече им: «Что еще требуете?». Они же
вси отвѣщаша: «Вѣдает, государю, бог и твое величество, || как
тя бог вразумит». Он же глагола к ним: «Хотите ли, да сотворю
л. 93 об.
вас безпечальни на сем свѣте, ничим нужни будете?». Они же,
чающе от него велико нѣчто восприяти, и глаголаша вси: «Хо-
щем, государю». Он же повелѣ заперти храмину и зажепи
огнем, всу ту сгорѣша. И глаголаше к бояром своим: «Да вѣсте,
что у них тако: первое, да не стужают людей и никто же да бу-
дет нищ в моей земли, по вси богати, второе, свободи их, да
не страждет никто на сем свѣте от нищети и от недуга».

О м н и с ѣ х. Единою же приидоша к нему от Угорския
земли два латинския мнихи милостини ради. Он же повелѣ их
развести^м розно, и призва к себѣ единого от них, показа ему
около двора множество безчислено на коле и на колесѣх и
вопроси его: «Добре ли се сотворих, и тако тии сут, иже на
коле?». — «Ны, государю, зло чиниш, без милости казниш;
подобает государю милостиву бити. А тии, иже на колесѣх и
на колех, мученици». ⁹Призва ж || ³другаго и вопроси его тако же. л. 94
Он же отвѣщав: «Ти, государю, от бога поставлен еси зло тво-
ращих казнити, а добро творящих жаловати. А тѣ худо тво-
рили и по своим дѣлом и восприали». Он же, призвавъ перваго,
глагола к нему: «Почто ти из монастыра и ис келли своей хо-
диш по великим государем, не зна ничто же? А ныне сам еси
глаголал, яко тѣ мученици сут. Аз хощу и тебе мучеником учи-
нити, да и ти с ними мученик будеши». И повелѣ его на кол по-
садити, а другому повелѣ дати пятьдесят дукат злата и гла-
гола ему: «Ти еси разумен муж». И повелѣ его на возу с поче-
стием отвести до Угорския земли.

О к у п ц ѣ. Нѣкто купец прииде от Угорския^н земли во
град. И по его заповѣди остави воз свой на улици града пред
полатою с товаром, а сам спаше в полѣ. И пришед нѣкто,
украде из воза сто шестьдесят дукат злата. Купец || же иде л. 94 об.
ко Дракуле и повѣда ему изгубление злата. Дракула же гла-
гола ему: «В сую нощ обратиши злато». И по всему граду по-
велѣ искати татя, глаголя: «Аще не обратете злата, то вес

^о Испр.; в ркп. недописано п. ^м Испр.; в ркп. равести. ⁸⁻² В ркп.
вторично призва же. ^н В ркп. над творящих выносное х. ^к Испр.;
в ркп. Урския.

град погублю». И повелѣ свое злато положити в нощи на воз и приложити едино злато. И купец же востав утро и обрѣте злато-и перече наединѣ дважды, и обрѣте един лишній златиц, и шед ко Дракуле, и глагола: «Государю, обрѣтох злато и един лишній, не мой». И того да приведоша татя оного со златом. И глагола Дракула купцу: «Иди с миром; аще би ми еси не повѣдал злата, то бих и велѣл и тебе с сим татем на кол всадит».

л. 95 О ж е н а х. Аще жена сотворит от мужа прелюбодѣйство, он же повелѣваше срамо ей виризат, и кожу содрати, и привязати нагу посредѣ торгу, и дѣвицам, кои девства не сохранят, и вдовам, блуд творящим, || ^{л. 95 об.} «также мучение твораше, а иним сосци рѣзаше; овим же кожи здираху срама их, и рожен желѣзен вонзив в срамний уд, и усти искождаху. И тако привязани стояху у столпа, дондеже плот и кости распадахуся и от птиц разстерзахуся.

О л ѣ н и в о й ж е н ѣ. Единою же идущу ему путем и узрѣ на нѣкоем мѣстѣ человека, а на нем раздрану и худу. Вопросаше его: «Имаши ли жену?». Он же отвѣщав: «Имам, государю». Он же рече: «Веди мя в дом твой, да вижу». И узрѣ жену его младу и здраву, глагола мужу ея: «Нѣси ли насѣял льну?». Он же отвѣща: «Много имам». И показа ему много льну. И глагола Дракула женѣ: «Почто имѣеш лест к мужу своему? Он должен ест потребним тебѣ пециса и тебе хранити, ти же должна еси мужу своему одежду свѣтлу и лѣпу чинити, а ты еси || и срачици не хочеш ему учинити, а здрава сущи тѣлом. л. 95 об. Ти еси повинна смерти, а не муж твой». И повелѣ руцѣ ей усѣкнути и труп ея на кол посадити.

О с л у з ѣ. Нѣкогда Дракула яде под трупом мертвих человеков, иже на колах всажених; он же посредѣ их яде и тѣм наслаждашешя. Слуга же пред ним ясти ставляше, смрада же онаго не могий стерпѣти, и заткнув нос и на сторону главу склонив. Он же вопроси его: «Что ради тако чиниши?»^л Слуга же отвѣща: «Не могу, государю, смрада терпѣти». Дракула же повелѣ его на кол всадити, глагола: «Тамо ти ест високо, смрад тамо не ходит».

О п о с л ѣ. Нѣкогда прииде от Угорския земли Матияша посол, и повелѣ ему сѣсти ^{л. 96} «с собою»^л на обѣде среди трупа мертвих. И пред ним лежаше один кол висок и позлащен^о вес, || ^{л. 96} и вопроси посла Дракула: «Чего рады учинен кол сей тако? Повѣжд ми». Посол же велми убояся и глагола: «Мнит ми ся, государю, так, яко нѣкий великий человек пред тобою согрѣшил и хочеш ему почестну смерт учинити паче иных». Дракула же глагола: «Право рекл еси; ти велика государя посол королевский, тебѣ учиних кол сей». Он же отвѣща: «Государю, аще ли достойное смерти содѣлал, твори еже хочещи, праведный судия, не ти

^л В ркп. вторично творашим. ^м Испр.; в ркп. чиша. ^{п-п} Испр.; в ркп. свою. ^о Испр.; в ркп. позлащен. ^л В ркп. вес дважды.

повинен еси моей смерти, но я сам». Дракула же разсмѣваясь рече: «Аще би ми еси не тако отвѣщав, воистину бы бил есы на сем колѣ». И, почтив его велми и одарив, отпусти, глагола: «Ты ^{р-р} въ правду^р ходи на посольство от великих государи и великим государем, научен бо еси говорити, прочии же не дерзнут, но первое учими будут со государы говорити. О п о с л ѣ х. || л. 96 об. Таковий обичай имѣя Дракула: отколѣ к нему прихождаху посол от царя или от крля не изыщен и не имѣше против козней его отвѣщати, то на кол сажаше, глаголя: «Не аз повинен той смерти, но государ твой или ти сам. На мене ничто же рцы зла. Аще государ твой, видя тебе малоумна и не научона, послал тя ^{есть}^с ко мне, к великому государю, то государ твой убил тя ^{есть}^с; аще сам дерзнул есы, не научився, то сам убил еси себе». И послу учиняше кол висок и позлащен и на него всажаше, и государю его тѣ рѣчи писаше с прочими, да не шлет великоумному государю малоумна и ненаучона в посольство. О б о ч к а х. Повелѣ Дракула майстером бочки желѣзные учинити и насыпа их злато. . .^т

^{р-р} Испр.; в ркп. в праду. ^с Испр.; в ркп. дважды есм. ^т На этом обрывается текст в ркп.

РУМЯНЦЕВСКАЯ РЕДАКЦИЯ

ДРЕВНЕЙШИЙ ВИД

Публикуется по рукописи: ГВЛ, собр. Румянцева (ф. 256), № 358

л. 356 об.

О мутьянском воеводе

Был в Мутьянской земли воевода греческия веры христьянин, имянем Дракула латынским языком, а нашим дьявол руским. Толико зломудро, яко житье его по имени есть.

От турского царя придоша некогда к нему поклицарие посол. Егда внидоша и поклонишася ему по своему обычаю, свои главы не снимаа шапок, он же воспроси в них: «Что ради таково учинисте, великому государю придосте и велику срамоту учинисте?». Они ж отвещаша: «Таков обычай земли нашея государи держат». Он же глагола им: «Хощю и аз вашего закона подтвердить, ^ада крепче^а стойте». И повеле своим гвоздье железное л. 357 взять и колпаки их к главам || их прибавати и отпусти их, рек: «Шедши скажите государю вашему: он навек от вас ту срамоту тръпети, а мы не навыхоком, да не посылает к нам своего обычая и ко иным землям и ко их государем, коих не хотять имети».

О послах тых разъярився царь о том и поиде войском на Дракулу со многими силами. Он же, собрав вся, елико имяху у себя войска, и ударись на них ночью, и множество изби турков. И не възможе против многих людей малыми людьми битися, и возвратися кой с ним с бою того и, нача пресматривати сам, каковы у кого раны; у кого рана спероду, то тем честь и жалование подаваше и витязем его вчиняше, а кой создади ранен, того на кол повеле сажати, то беглец смерд. Да коли поиде на турки, глагола войску своему: «Кто хочет смерть помыслити, то не ходи со мною, остани zde». Царь же слышав то, и поиде прочь со многым срамом и невозможь на нь поити.

л. 357 об. Царь турский посла к нему поклицаря, да ему || дань дасть. Дракула же почти велми поклицаря, и показа ему все свое имение, и рече ему: «Аз не токмо хощю дань дати царю, но всем

^{а-а} Испр.; в ркп. докрее.

своим войском и со всею казною хоцю к нему на службу ити. И ты возвести царю, как поиду к нему, чтобы по своей земли не велел мне ^би людмь моим^б никоегождо зла учинити своим людм, и яз хоцю скоро по тебе пойти». Царь же, слышав от посла своего, что Дракула хоцет ко мне поити послужити, бе бо рад бысь тому, бе бо ратуясь тогды со восточными царьми и странми. И посла скоро по градом и по всей земли своей, да куды Дракула поидет, и никто же бы ему зла не учинил, но и честь ему воздавали. Он же поиде яко 5 дней по земли турской, и внезапу вернуса, и нача пленити грады и села, и много мно- жство плени и иссече, овы на колье посажа, а иных сожигаше, и до младенцов ссущих млеко не остави. И всю ту || землю л. 358 пусту вчини, и много христьян во свою землю плененых воз- врати, и много користи добы. Приставов тех прочтив, рек, отпусти: «Повестуйте царю, яко же видите; сколько могу, столко ему послужил. Будеть ему служба моа ему угодна, и еще ему послужю». Царь же ничто же ему зла вчини, срамом побежен.

Колико грозен бысь Дракула во своей земли, ненавидя зла кому вчинити, разбоа, татбы, или кою нужю, или неправду, то никако же будеть жив. Аще священник, или боярин, или простой человекъ, аще и много богатства мел хто, не можетъ искупитись от смерти. Не на коем месте бяхе клядяз хладен и сладок, и мнози к тому источнику пути пришли от многих стран, и пьаху от источника того. Дракула ж вчини чяру велику, дивну и злату и постави на источнице том; и аще кто пьаше чярою тою златою, и пакы поставляше на том же месте, и никто же смеяше взять ю от страха, елико он пребысь.

Аще коя жона от мужа прелюбы творит, и он велить срам л. 358 об. ей вырезать и привязати ю среди торгу нагу, и вдовам такоже, и кои девства не сохранят, а иным сосци отрезаху, овем кожо здираше, а иным рожен во срам низаше и усты исхожаше. Тако же у столпа стоаше, дондеже плоти ея отпасти.

Таков бо обычай имяше Дракула^г: отколе к нему прихожаше посол от царя, или от князя, или от кроля, неизящне и не умеяше противу кознем его отвещати, то на кол его всажаше, глаголя: «Не аз повинен твоей смерти, ни ты рци на мя зло что, ни госу- дарь твой. Аще государь твой, ведая тебе малоумна, неучена, посла тя ко мне, к великоумному государю, то государь твой убил тя есть; аще ли сам дрзнул есь, не научився, то сам убил еси себя». И тако поклизаром вчиняше кол велик позлащен всь || и на нь всажаше, а ко государю его речь отписаше со л. 359 прочими. От угорскаго короля приде к нему Матияша покли- сарь, лях родом, не мал человек. И повеле ему сести с собою

^{б-б} В ркп. над строкой.

^в На поле О жоне.

^г На поле О по- слех.

на обеде среде трупиа. И пред ним лежаше кол злат весь велик, добел и высок, и воспроси поклисаря^х: «Повеж ми, что ради учених аз сий кол тако?». Поклисарь же велми убояся и глагола: «Государю, мнит ми ся тако: некой великой человек пред тобою согрешит, и хочет почестную сему смерть вчинити паче иных». Дракула же рече: «Право рекл есь; ты еси великого государя королевский поклисарь, тебе вчинен сий кол». Он же отвещав рече: «Аще, государю, достойно смерти деял буду, твори еже хочешь. Праведен еси судья; не ты ми учини смерть, но аз сам». Дракула же розмися и рече: «Аще бы ми ты не тако отвещал, воистинну был бы еси на сем коле». И, почтив его велми л. 359 об. и одарив, отпусти, глаголя: «Ты во правду ходи || на поклисарство, а прочий да не дерзнетъ, но пръвие умни будутъ, как с великими государи говорити».

Некогда же обедоваше Дракула под трупьем мертвых человек, иже на колье всаженыя множество около тряпезе его. И послы отколе прихожаху к нему и тут же ядыху хлеб и пословаху, он же среде их седяше. Слуга ж его пред ним стоаше и, смрада оного не могый терпети, затиснув нос ста и голову на сторону склони. Дракула же воспроси его: «Что ради тако чиниши?». — «Осподарю, смрада сего не могут терпети!». Дракула же ту повеле^е его на кол посадити и рече: «Там ти есь высоко, ино смрад тебя не доидет!».

Единою ж пусти веление по своей земли, глаголя: «Да кто стар, иль чим недужен, или вреден, слеп или хром, всяким недугом одержим, да вси ти придуть ко мне, и да сотворю вас всех без печали». И собрашася к нему вси недужнии, бецисла л. 360 нищих, чающе || от него великой милости. Он же вчини велику храмину, и собра их ту, и повеле им дати ясти и нити довольно; они же ядоша и возвеселишася. Дракула же, пришед к ним, глагола: «Что ещо вы требуете от мене?». Отвещаша же и рекоша вси: «Ведает, государю, бог да твое величество, как ты бог вразумит». Он же глагола им: «Хотите ли, яз вас сотворю бес печали на сем свете, и ничим же нужени будете?». Они ж, чаяше от него велико нечто и глаголаша вси: «Хотем, государю». Он же повеле храм заперети и сожже их огнем. И глагола ко бояром своим: «Да весте, что сотворих: пръвое, да не стужают людям и никто ж будетъ нищъ в моей земли, но вси богати; второе, свободих их, да никто ж от них постражет на сем свете от нищеты или от недуга».

Единою ж придоша к нему от угорския земль два латинина мниха милости ради. Он же повеле их розвести розно, и призва единого к себе, и показа ему вокруг двора много множество л. 360 об. бецисленное на кольи люди и на косех, || и воспроси его Дракула: «Добро ли то аз тако творю?». Мних же глагола ему:

^х Испр.; в ркп. проклисаря. ^е Испр.; в ркп. повель.

«Ни, государю, зло чинишь, без милости кажнишь; подобаеь государю милостиву быти. А те, иж на колех; мученици суть». И призвав * же и другого мниха и вопроси его також. Он же отвещав рече: «Ты, государю, от бога поставлен еси лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. А си лихо творили, ини по своим делом восприяли». Он же призвав первого мниха и глагола ему: «Да почто ты из монастыря и ис³ своей кельи ходишь по великим государем, не знаа ничто ж? А ныне сам еси глаголал, яко те мученици суть. И яс хощю и тебе мученика сотворити, сиречь учинити». И повелел его на кол посадити, а другому повелел дати 50 дукат злата: «Ты еси разумен человек». И повелел его с почестью отпустить на возех до Угорския земля.

Некогда приде к нему купецъ от Угорския земли въ его град. И по его || заповеди оставив воз на улици пред полотом и товар свой на возе, а сам спаше у полате. И пришедши некто, украде с воза 160 дукат злата. Купецъ же иде ко Дракуле и поведа ему погубление злата. Дракула же глагола к нему: «Поиди, в сию ночь обрящем злато». И повеле по всему граду искати татя: «Аще не обрящете татя, то весь град погублю». И повеле свое злато положить на воз ночью и приложи един златый. Купецъ же востав, обрете злато, изочте и 2ж и 3ж, и обреташеь один лишний златник, и шод ко Дракуле: «Государю, обретох злато, и бысь един лишний златой». Тогда приведоша татя того и со златом. И глагола купцю: «Иди с миром; аще бы ми се не исповедал злата и лишнего, то бых велел и тебе с сим татем на кол посадити».

Единою же идущю ему путем и узре не на коем промахе срачицю худу издрану и воспроси его Дракула: «Имаши ли жеиу?». Он же отвещав рече: || «Государю, имам». Глагола ему Дракула: «Веди мя в дом твой». И пришед и виде жену его младу суще и здраву, глагола мужеви: «Не сеял ли еси льну?». Он же глагола: «Государю, много имам». И показа ему лен. И глагола Дракула жене: «Да почто ты имаеши леность к мужеви своему? Муж твой должен орати и сеяти, а тебе хранити. Ты бо должна еси мужю своему одежу светлу и лепу вчинити, а ты и срачищи не хочеши нарядити, а здрава сущи телом. Ты еси повинна, а не муж». И повеле ей руцы отсеци, а труп на кол посадити.

Учиниша мастери ему бочки железныя, и въсыпа в них злато, и положи их в реку. А мастеров тых посече, да никто ж увестъ соделанного им, сей же тезоименитый диавол.

Некогда же поиде краль угорский на Дракулу войском; он же поиде против ему, и сретошась, и ударишась обои, и ухватиша Дракулу жива, от своих здан по крамоле. И приведен бысь

* Испр.; в ркп. призвава. 3 Испр.; в ркп. и.

л. 32 ко кралю, и повелел его вметнути в темницу || в Вышегород на Дунаю, выше Будина 4 мили, 12 лет, а на Мутьанской земли посади иного воеводу.

Яко³ сядяше в темници и не оста своего злаго обыча, но мыши ловя и птицы покая на торгу, и тако казняше их, овех на кол сажаше, а иным главы отсекаше, а с ыной перье опциав, пушаше. И научися в темници шити и тем кормяшесь.

Егда же краль Матияш изведе его ис темници, и привел его на Будино, и дасть ему дом в Пещи против Будина, и ещо в короля не был, и случись некоему злодею прибежи на его двор и сохранитися ему ту. Гонящий же его наидоша. Дракула же взял меч свой, и искочи ис полаты, и отсеке главу приставу, держащего злодея, и злодея испусти; прочии же бежаша. И пришедши к кралю и поведа ему бывшее. Краль же посла к нему и вопроси я: «Что ради тако сотворил еси?». Он же тако отвеща: «Зло никое же вчиних, но он сам себя убил, находя ко мне тот кобирев, и аз бы во своем дому нашол бы того злодея, и его выдал или простил его от смерти». Краль же нача дивитись со всеми сердцю его.

Умершю же тому воеводе на Мутьяньской земли, и краль посла к нему в темницу, да аще восхоцеть быти на Мутьяньской земли воеводою, яко жь и пръвие, да тогда латынскую веру приметь, аще же не восхоцеть, то в темници умереть. Дракула же възлюби паче⁴ временная бесконечного, отпаде православия и отступи истинны, оставив света и прия тму. Увы, не возможе темничныя тягости понести и уготовись на незаконное мучение бесконечное: оставити православную веру христьянскую греческую и прият латынскую прелесть. Краль же не токмо дасть л. 363 ему не точью воеводство на Муть|янской земли, но и сестру свою родную дасть за него в жену, и от нея ж роди 2 сына. Пожив яко 10 лет, и тако скончася во прелести.

Конец же его сиче: живящю ему в Мутьяньской земли, и придоша на землю ту туркове и начаша пленити. Он же ударисе на них, и побегоша турци. Дракулино же войско без милости сечаху. Дракула же возгна на гору от радости, да видит, како секут турков, отторгъшесь от войска его, мняще яко турки, и удари его един копьем. Он же виде, яко от своих убиваем, и ту уби своих убийць 5 человекъ, его же мнози копыями избодоша, и тако убьен бысть.

Краль же взял сестру свою со 2 сыномы ея во Угорскую землю на Будин. Един при кралеве сыне живетъ, а други у Бордонского бискупа был и при нас умре, а третий, стариший, Михаил, тут же на Будине видехом, от царя турецкого прибежал ко кралю; ещо не женився, прижил его с девочкою. Сте-

³ Испр.; в ркп. ко.

⁴ В ркп. далее вторично възлюби.

фан же молодовский и с кралевы воли посади || на Мутьян- л. 363 об.
ской земли некоего воеводу Влада, воеводскаго ж сына. Бысь
той воевода Влад от млад ноготь был священник, иннок, игу-
мен в монастыри, да ростригся и сел на воеводство на Мутьян-
ской земли, и женился, и мало побыл; и Стефан его убил, и
жену его отнял. И ныне на Мутьянской земли воеводствуеть.

БИБЛИОТЕЧНЫЙ ВИД

Основной текст: ГПБ, Q. XVII. 169
Разночтения: ГИМ, Музейское собр., № 3860

— Би
— М.

Сказание о Дракуле мутьяньском воеводе л. 234
греческия веры, влажским языком Дра-
кула, а руским языком диявол по житию
его зломудрому

О посольстве турскаго царя. Придоша
к нему послы от турскаго царя и поклонишася ему по своему
обычаю, шапок с глав не снимая. Он же воспроси их: «Что ради
так чините, к великому государю придоште и велику мне
срамоту принесете?». Они же реща: «Таков обычай в нашей
земли держит». ¹ Он же рече: «Яз не хочу ²закона вашего³
разорити, наипаче хочу утвердити». И повеле им⁴ шапки гвоз-
дием во главы прибити и рече: «Скажите государю вашему:
он навек от вас срамоту терпети, а мы не навыхом, да⁵ не
посылает своего обычая и ко иным государем».

О приходе турскаго царя. ⁶ О послех тех⁷ л. 234 об.
царь вельми възяреся⁸ и поиде войском⁹ на Дракулу. Дра-
кула же собра войско, елико имея, и рече войску: «Аще хто
хочет смерть помышляти, той не ходи со мною». И напад¹⁰
на турскаго царя ношью и множество турок побил. И не воз-
може с малыми людьми против великих стояти, назад возвра-
тися, и которые с ним з бою пришли,¹¹ нача их рассмотреть:
¹²которой бяхе¹³ ранен¹⁴ спреди, тому велию честь воздаваше,
а который¹⁵ созади ранен,¹⁶ и¹⁷ тех на кол повеле посадити.¹⁸
А царь¹⁹ турский возвратися посрамлен.

О после²⁰ царя турскаго.²¹ Царь же турский
посла к нему посла,²² да ему дасть дань. Дракула же почти²³
посла, и показа ему все свое имение, || и рече: «Не токмо хочу л. 235
царю ²⁴давати дань,²⁵ но и со всем ²⁶войском своим²⁷ и со всею

1, 1 Далее начинается список М. 2-3 вашего закона М. 4 Нет М.
5 впрдъ М. 6 царя войною на Дракулу М. 7 же тех М. 8 разъя-
рися М. 9 с войским М. 10 нападе М. 11 Недописано возвра М.
12-13 которые М. 14 ранены М. 15 которые М. 16 ранены М.
17 Нет М. 18 всадити М. 18-19 царь же М. 20-21 турскаго
царя М. 22 своего посла М. 23 велми почти М. 24-25 дань
давати М. 26-27 своим войском М.

казною своею хочу к нему итти на службу и сколько могу, толко ему²⁸ и послужю. И ты возвести царю, как пойду к нему, да не велит царь по всей земли своей моим людям никоего зла учинити,²⁹ а яз хочу скоро по тебе итти». О приходе Дракула хочет ему служити, и велми радостен бысть, бе бо тогда ратуя с восточными странами.³⁰ Скоро посла по всей земли своей и³¹ по градом,³² рече; «Да³³ куды Дракула поидет³⁴ по моей земли,³⁵ да никто же ему зла учинит,³⁶ но честь бы ему велию воздавали». О пленении Турьской земли.

л. 235 об. Дракула же поиде || со всем своим войском, приставы же цареви идяху с ним и честь ему велию воздаяху. Он же по земли той иде 5 дней, и возвратися вспять, и нача пленити грады и села, и овых посече, овых на кол посажаше, а иных сожигаше, и до сущих младенцов, и остави всю землю пусту, и много людей пленных во свою землю приведе. О приставех царевых. Приставов же царевых тех почтив, отпустив, рече:³⁷ «Поведайте царю³⁸ вашему, яко сами видесте; сколько могох,³⁹ столки и послужил есми,⁴⁰ такова ми есть сила. И будет ему моя служба годна, и яз ему еще послужю».

О укреплении и о грозе Дракулине. л. 236 Толико⁴¹ грозен бысть || Дракула⁴² во своей земли, ненавидя злаго человека, разбою, и татбы, и всякие неправды. Аще священник, или боярин, или простой⁴³ человек, и аще кто и много богатства⁴⁴ имый, не может бо искупитися от смерти. О кладязи. На никоем месте пусте учинен бяше кладяз хладень и сладок, и к тому источнику мнози⁴⁵ от путей приходяще⁴⁶ многих стран людие пити ото источника того. Дракула же учини чару злату дивну и постави на источнице том. И аще кто пияше, и паки поставляше чару⁴⁷ на том же месте, и никто же взяти не⁴⁸ смеяше.

л. 236 об. О жене нах. Аще которая жена от мужа прелюбы тво||рит,⁴⁹ он же веляще у ней вырезати срам и привязати ю среде⁵⁰ торгу нагу, такоже и вдовам и девицам, кои девства своего не сохраниша,⁵¹ а иным сесца⁵² отрезывати и кожу содирати повелеваше.⁵³

О злонравии. Таков же бе обычай Дракуле: егда ему⁵⁴ отколе посол прихажаше, от царя, или от князя, или от короля, и не умеяше против кознем его отвещати,⁵⁵ то тех на кол сажаше, глаголя:⁵⁶ «Не яз повинен твоей смерти,

²⁸ Нет М. ²⁹ сотворити и учинити М. ³⁰ странами и М. ³¹ Нет М. ³²⁻³³ Нет М. ³⁴⁻³⁵ Нет М. ³⁶ учини М. ³⁷ рек М. ³⁸ цареви М. ³⁹ мог М. ⁴⁰ Нет М. ⁴¹ колико М. ⁴² Нет М. ⁴³ просто М. ⁴⁴ имения М. ⁴⁵⁻⁴⁶ с пути прихажаше от М. ⁴⁷ Нет М. ⁴⁸ ю М. ⁴⁹ сотворит М. ⁵⁰ среди М. ⁵¹ хранят М. ⁵²⁻⁵³ отрезываху, овем кожу содираху М. ⁵⁴ к нему М. ⁵⁵⁻⁵⁶ и тех повеле на кол сажати и глаголя им М.

ни⁵⁷ ты на мя рцы что зло, ни государь твой: и⁵⁸ ведый ты⁵⁹ мало-
 умна и неученна, посла ко мне, великому государю, то госу-
 дарь твой убил ты есть; аще ли сам дерзнул еси⁶⁰ не научився,⁶¹
 то сам убил еси себя». И повелеваше их на кол всажати⁶² и л. 237
 к государем их речи от||писываше, с прочими. О к р а л е в -
 с к о м п о с л е. Некогда же от югорскаго краля прииде
 к нему посол Матияша, влах родом, великих⁶³ человек. Дра-
 кула же повеле ему сести с собою на обеде среди⁶⁴ трупия мерт-
 вых, и пред ним лежаше кол велик, позлащен.⁶⁵ Дракула же
 воспроси посла: «Что ради сей кол ⁶⁶аз учиних⁶⁷ так?». Посол же
 убоявся и рече: «Тако,⁶⁸ государь, мнит ми ся: никий великий
 человек согрешит пред тобою, хоцещи ему честную смерть
 воздати паче инех». Дракула же рече ему: «Право рекль еси;
 ты еси великого государя королевский посол, тебе учинен кол
 сей». ⁶⁹Посол же отвеца ему:⁷⁰ «Яж,⁷¹ государь, достойная
 смерти ⁷²аз содеях⁷³ буду, твори еже хоцещи. Праведны ибо л. 237 об.
 судия от бога ⁷⁴поставлен: не ты ми ⁷⁵|| смерть учиниш, но аз
 сам есм себе». Дракула же разсмеявся рече ему: «Аще б еси⁷⁶
 не тако отвещал, воистинну бы еси был на коле сем». И почтив
 его вельми, и одарив, и отпустив, глаголя ему: «Ты по правде
 ходи на посольство, а прочии да не дерзнут, а⁷⁷ иные неумные⁷⁸
 будут, како им с великими государи говорити?».

О т р а п е з е Д р а к у л и н е.⁷⁹ Егда же обедаше Дра-
 кула под трупием мертвых человек, иже на колье всажены
 множество около трапезы его. И послы откуды⁸⁰ приидут,
 туто же ядяху с ним; Дракула же посреде их сядише. Слуга же
⁸¹его столник⁸² пред ним стояше, ⁸³смирада онаго не могий
 терпети,⁸⁴ и заткнув нос⁸⁵ главу || поклонився на землю. Дра- л. 238
 кула же его воспросив: «Что тако чиниш?». Он же рече: «Госу-
 дарь, смраду оного не могу терпети!». Дракула же повеле его
 на кол посадити выше всех, глаголя: «Там несть смрада, и не
 доидет тебе, понеже высоко есть!».

О н и щ и х. Единою же пусти свое веление по всей своей
 земли: «Аще кто стар, и увечен, или слеп, или хром, и всяким
 недугом одержим, да приидут к нему, и сотворю всех безпе-
 чальны». И собравшася к нему от всех стран множество нищих,
 всякими недуги одержими, чающе от него великие милости.
 Он же учини им храмины велии и повеле им ту дати ясти и л. 238 об.
 пити довольно; они же ядше возвесели||шася. Дракула же
 рече им: «Хоцете ли, да сотворю вас безпечальны,⁸⁷ и ничим же

⁵⁷ по М. ⁵⁸ Нет М. ⁵⁹ тебя М. ⁶⁰ или М. ⁶¹ учився М.
⁶² садити М. ⁶³ великий М. ⁶⁴ в среди М. ⁶⁵ Испр. по М;
 пощен Бу. ⁶⁶⁻⁶⁷ учинил из М. ⁶⁸ яко М. ⁶⁹⁻⁷⁰ Испр. по М; нет
 Бу. ⁷¹ еже М. ⁷²⁻⁷³ Нет М. ⁷⁴⁻⁷⁵ учинен есть, не ты мене М.
⁷⁶ Нет М. ⁷⁷ я М. ⁷⁸ умные М. ⁷⁹ Испр. по М; Дракуне
 Бу. ⁸⁰ отколе М. ⁸¹⁻⁸² стольник его М. ⁸³⁻⁸⁴ и не могий
 от них терпети М. ⁸⁵ свой нос М. ⁸⁷ безпечальных М.

будете нужны?». Они же вси рекоша: «Хощем,⁸⁸ государь». Он же повеле храмины огнем запалити и сожже их ту.⁸⁹ И рече к бояром: «Весте ли, что сотворих: первые,⁹⁰ да не стужают людем, второе, свободих их от печали, да не стужают к тому, да ниhto от них постражет».

О м н и с е х л а т ы н с к и х. Единою же приидоша два мниха латынские земли⁹¹ милостыни ради. Он же повеле их⁹² развести разнo,⁹³ и показа им на колех⁹⁴ посаженных множество людей безчисленно, и воспроси единаго: «Добро ли аз тако сотворих?»⁹⁵ Мних же глаголя: «Ни, государь, зло⁹⁶ чиниш еси⁹⁷ без милости, подобает государю милостиву быти, || а те,⁹⁸ их же на колье всажены,⁹⁹ мученицы суть». И призва другаго¹⁰⁰ мниха и вопроси его такоже. Он же отвеща: «Ты еси, государь, от бога поставлен еси^{1,1} лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати, а сии по делом своим восприяли». Дракула же призва перваго мниха² и рече ему: «Почто еси из монастыря ходиши³ по великим государем, не умея с ними говорити? И аз хощу тя по твоим словесем мучеником учинити». И повеле его на кол посадити. А второму старцу⁴ повеле дати восм дукад злата и повеле его с честью проводитьи.⁵

О к у п ц ы.⁶ Некогда прииде купец от Югорские страны,⁷ идеже Дракула во⁸ граде. И по его заповеди постави пред л. 239 сб. полатою возы⁹ || свои, а сам заснув уполаты. О т а т и. И прииде тать и украде с воза сто шестьдесят дукад злата. Купец же прииде ко Дракуле, поведает ему о погублении злата.¹⁰ Дракула же глаголя ему: «Поиди,¹¹ в сию нощ обрящещи злата». И повеле татя сыскивати,¹² рече: «Аще не обрящете татя, то весь град погублю». А сам своим повеле на воз гостю¹³ свое злато втаи положить и приложити единой¹⁴ златник. Купец же обрете златники,¹⁵ и сочте дважды и трижды, обреташе единой златник, и шед поведает Дракуле, рече: «Государю, обретох злато, и есть единой златник лишней, а не мой». Тогда Дракула л. 240 рече: «Иди с миром; аще бы еси не поведал,¹⁶ то бы тя велел || на кол посадити». И тот час¹⁷ и татя, сыскав,¹⁸ привели,¹⁹ и повеле его Дракула на кол посадити.

О с и р о х а н и и.²⁰ Егда же единою²¹ идущу ему путем и узре на некоем человеке²² срачицу раздранну и худу,²³ и возпроси его: «Имееш ли у себя жену?». Он же отвеща

⁸⁸ Испр. по М; хощеве Би. ⁸⁹ ту всех М. ⁹⁰ первое М. ⁹¹ ото Югорские земли М. ⁹²⁻⁹³ разнo развести М. ⁹⁴ на колах М. ⁹⁵ над ними сотворих М. ⁹⁶⁻⁹⁷ есть чиниш М. ⁹⁸⁻⁹⁹ иже на колых М. ¹⁰⁰ другаго дважды М. ^{1, 1} Нет М. ² старца М. ³ восходиш и М. ⁴ Нет М. ⁵ проводитьи восвою М. ⁶ купце М. ⁷ земли М. ⁸ живе во М. ⁹ на улице воз М. ¹⁰ злата своего М. ¹¹ Нет М. ¹² сыскивати всем градом промез собою и М. ¹³ гостю своему М. ¹⁴ еднн свой М. ¹⁵ свое злато М. ¹⁶ поведал того мне М. ¹⁷⁻¹⁸ Нет М. ¹⁹ Испр.; привеле Би; привели татя М. ²⁰⁻²¹ единому мужу М. ²²⁻²³ раздранную срачицу идяху к нему М.

рече:²⁴ «Имею, государю мой». ²⁵ И глагола ему Дракула: «Поидеви в дом твой». И пришед, виде жену его младу и здраву сушу, и глагола мужеву: «Имееши ли лен?».²⁶ Он же рече: «Много, государь, есть лну». ²⁷ И показа ему. Дракула же рече жене его: ²⁸ «Почто ты леность имаши к мужю своему? Мужь твой должен орати и сеяти и тебе кормити. А вы должны мужем своим одежду светлу и лепу ²⁹имети и ³⁰чинити, а ты и срачи|цы л. 240 об. не хочеши нарядити,³¹ а здрава суца телом.³² Аще б в том пред тобою мужь виноват,³³ аз бы его ³⁴велел на кол³⁵ посадити». И повеле ей руки отсеци, а трупие на кол посадити.

О мастере х. Повеле призвати мастеров, и повеле им учинити бочки³⁶ железные, и всыпа в них золото, и положиша ³⁷золото в бочки и ввергоша в реку на сохранение.³⁸ А мастеров повеле посети,³⁹ да никто же ⁴⁰уведает сокровенного золота.⁴¹

О войне югорьскаго краля.⁴² Некогда же ⁴³крал югорьский⁴⁴ прииде на Дракула со многим войском; а Дракула поиде против его вьстречу, и бияшася крепко,⁴⁵ и ухватиша Дракула жива. И посади его в темницу, и бысть в темницы 12 лет, а на Мутьянскую || землю ⁴⁶посади иного⁴⁷ л. 241 воеводу.

Дракула же, сеяд в темницы, не оста злаго своего обычая, но мыши ловяше и спицы обастривая, да их посажаше, аки на кол, и ⁴⁸птицы покупая и казнил,⁴⁹ овех на кол посажаше, а инем главы отсекая, а у иных перье ощипывая, пущаше. И научися в темницы шити,⁵⁰ тем кормяшеся.

О отпущении ис темницы. Егда же краля Матияш⁵¹ изведе его ис темницы и повеле Дракуле⁵² двор дати, но еще у краля на очех не бывал, случися некоему злодею прибегнути на его двор. Гонящий же притек⁵³ за ним на двор Дракулин. И Дракула же взя⁵⁴ мечь и отсече главу ⁵⁵приставу, держащаго злодея, а злодея || отпустил; прочие же при- л. 241 об. стави бежаша.⁵⁶ И поведаша кралю своему.⁵⁷ Крал же посла к нему воспросити: «Что ради тако чиниши?»⁵⁸. Он же рече:⁵⁹ «Яз никоего зла не учиних, он сам себе убил: не ходи разбойнически⁶⁰ на великаго государя двор; аз бы злодея и⁶¹ сам выдал или от смерти просил». Кралъ же подивися со всеми сердцу его.

²⁴ Нет М. ²⁵ жену М. ²⁶ усебя лен М. ²⁷ Нет М. ²⁸ Нет М.
²⁹⁻³⁰ Нет М. ³¹ ему нарядити М. ³² телом своим М. ³³ твой
виноват, как бы у него лну не было, и М. ³⁴⁻³⁵ на кол велел М.
³⁶ сосуды М. ³⁷⁻³⁸ с ними в реку М. ³⁹ мечем посети М. ⁴⁰⁻⁴¹ увести
содиянного им М. ⁴² короля М. ⁴³⁻⁴⁴ Нет М. ⁴⁵ с кралем
крепко М. ⁴⁶⁻⁴⁷ иного посадил М. ⁴⁸⁻⁴⁹ птиц всяких покупал,
такоже казнил М. ⁵⁰ платья шити М. ⁵¹ Испр. по М; Матиям Би.
⁵² ему М. ⁵³ Испр. по М; притеко Би ⁵⁴ взял М. ⁵⁵⁻⁵⁶ его
державшему же злодея, иже бежаша от него М. ⁵⁷ Нет М. ⁵⁸⁻⁵⁹ Нет
М. ⁶⁰ разбойниче М. ⁶¹ Нет М.

О умертвии мутьяньского воеводе.⁶² Умершу же ⁶³воеводе мутьяньскому; ⁶⁴крал же посла к Дракуле, да аще хочет быти на Мутьянской земли воеводою, яко же и первые, да оставит греческую веру да примет латынскую; аще ли не восхощет, то в темницы умрет.⁶⁵ Дракула же обещае⁶⁶ сотворити волю кра||леву и отпаде православия,⁶⁶ возлюбил тму. Увы, не возможе темничные ⁶⁷тягости понести,⁶⁸ уготовися на безконечное мучение:⁶⁹ прия латынскую веру. Краль же даст ему сестру свою в жену⁷⁰ и посла на Мутьяньскую землю,⁷¹ и родишася у него⁷² два сына. И поживе⁷³ десять лет и преставися⁷⁴ в прелести.

О смерти.⁷⁵ Конец же ему баше: приидоша на него турки и начаша пленити землю его. Он же, Дракула, ударися на них своим войском, и побегоша турки.⁷⁶ Дракулино⁷⁷ же войско множество турков⁷⁸ ссекоша. Дракула же въеха на гору в радости, нача дивитись о пагубе турецкой. И некто, исторнуся из его полка, мняще его турчанина, и удари его копием. Он же, ^{а. 242 об.}видев, яко от своих убиен, и ту уби своих 5 || мужей храбрых, его же, Дракулу, копии мнози избодоша. И тако скончася.

РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ВИД

Публикуется по рукописи: ГБЛ, собр. ОИДР (ф. 205), № 286.

л. 6 л

Сказание о Дракуле Мутьяньские земли воеводе греческие веры, а влажинским языком зваея Дракула, а русским языком именовася диявол, по житие его зломудрых людей^{1, а}

О посольстве турецкого царя. Приидоша к Дракуле от турецкого царя послы и поклонилися ему по своему обычаю, шапок своих и шляп з глав своих не снимая. Дракула ж вопроши послы тех: «Что се вы тако творите, послы? Коея ради вины в шапках и в шляпах кланяетесь, а шапок своих з глав не снимаете? Да како вы велику государю приидосте с таковою^б хулою и велику мне срамоту принесосте?». Они ж, послы, отвечаща ко Дракулы: «О господине, не дивися ты о сем, понеж таков обычай в нашей Турецкой земли держит». Дракула ж замысловат был и догадлив вельми, он же рече

⁶² воеводы М. ⁶³⁻⁶⁴ мутьяньскому воеводе М. ⁶⁵ Надписано злюю смертью М. ⁶⁶ православные веры М. ⁶⁷⁻⁶⁸ тяготы на себе понести, приписано и терпети М. ⁶⁹ Надписано и ныне М. ⁷⁰ жену место М. ⁷¹⁻⁷² воеводою и роди ему жена М. ⁷³ Надписано жена его М. ⁷⁴ скончася М. ⁷⁵ смерти его, надписано Дракулине М. ⁷⁶ турци М. ⁷⁷ Дракула М. ⁷⁸ изсече их М; на этом обрывается список М.

^{1, а} На поле Глава 8. ^б Испр.; в ркп. тавою.

к послом: «Аз не хочу вашего закона разорити, но вельми паче хочу утвердити». Дракула ж повеле им, послом, шапки на главах своих крепко вздети и те шапки гвоздием во главы^в прибавити с тем послом. И рече Дракула к послом турецким: «Скажите вы своему государю турецкому царю: он, Дракула, навек от вас, царей турецких, срамоту терпети, а мы не на-выкохом».

О походе турецкаго посла от Дракулы во свою землю.^г Турские земли посол приидоша от Дракулы в свою Турскую землю к царю своему, и сказавше Дракулины речи, и писмо Дракулино самому царю турецкому^{л. 645 об.} от Дракулы подастъ, что ему говорил сам Дракула и о том писано от Дракулы. Турский же царь от посла своего слышав и грамоты прочет, что хочет самъ Дракула со всем своим войском служить, не токмо что ему дань принимати у турецкого царя, но и вельми радостен бысть; бысть ж тогда турецкий царь со иными с восточными странами много ратуясь. Турский же царь скоро написав грамоты своя, посла по всей своей земли, по градом, а в грамотах своих турецкой царь написал: «По всем моим турецким градом, куды Дракула поедет по моей земли со всею Мутьянскою землею и с силою, в которой город, то никто ж бы ему никакова дурна и зла не учинил, но всему бы войску честь великую воздавали». О походе Дракулине с войском своим в Турскую землю службу и ть.^ж Дракула ж Мутьянские земли воевода поиде со всем войском своим в Турскую землю служить в подмогу к турецкому царю вскоре за турецким послом. О пленении Турской земли от Дракулы и о походе в свою землю.^з Прииде Дракула в Турскую землю, и иде он две недели с лишком, и много турецких городов заиде, и великое богатство достиге, и по сем возвратися вспять, и начат турецкие города пленити и сечь старых и малых; многие грады повоева и пусты учини, овых посече, а овых на кол посаждаше, овых пожже и до сущих младенцев, и остави те грады и пределы пусты, и много людей турецких пленил, и во свою землю приведоша со многим имением турецким. О б о д п у с к е о т Д р а к у л ы т у р с к и м п р о в о ж а т ы м.^{л. 646} Дракула же вельми замысловат был; призвав себе турецких провожатых, которые^{л. 646} приставы провожали Дракулу с войском ево в Мутьянскую землю, и как прииде, и тогда Дракула почтив тех приставов, и отпусти их во свою землю, и рече к ним: «Поведайте вы царю своему, яко сами видесте, сколько аз мог, только и послужил, такова мѣ^з есть сила будет ему. Да аще будет моя служба годна вашему царю турецкому, аз ему еще послужу вскоре на

^в В ркп. далее вторично гвоздием. ^г На поле 9. ^ж На поле 10.
^з На поле 11. ^и На поле 12. ^л Испр.; в ркп. му.

Турской земли». По сем Дракула отпусти турских послов во свою землю с великою честию и одари их подарками великими; провожатые ж те от Дракулы из Мутьянские земли приидоша во свою землю и сказаща все по ряду своему царю турецкому случившаяся от Дракулы. И слыша царь турецкий от своих турецких людей, что Дракула многие турецкие города повоевал, вельми о том печален бысть, разтерза ризы своя на себе, плакаясь горько, но не успе себе ничтож сотворити.

О грозы и о укреплении Дракулине во своей земли.¹³ Только Дракула вельми бысть грозен во своей земли, ненавидит Дракула у себя злаго человека, по сем татбы, разбою, пиянства и всякие неправды. Аще ли священник, или боярин, или простой человек, аще и много кто богатства имый, не может бо искупитися от смерти; такова убо бысть гроза по всей земли Мутьянские. О кладязи в Мутьянской земли на некоем пусте месте.¹⁴ В Мутьянские земли при некоем пути учинен бе кладязь ключевой, хладен велми и сладок, и к тому источнику мнози со иных дальних стран людие приходяще воды тоя пити от источника того. Дракула ж, видя многих людей приходящих со иных стран ко источнику тому исцеления¹⁵ ради телеснаго от скорби, тогда Дракула || учини чару злату вельми дивну и постави ю на источники том, да аще кто пияше воду и паки поставляше чару на том же месте, но никто ж взяти не возможет посягнути.

л. 64б об.

О укреплении в Мутьянской земли, о женах, и о вдовах, и о девицах.¹⁶ Аще которая жена от мужа своего прелюбы творит, Дракула ж, пред свидетели сыскав о тое жены пронырство ея, веляше¹⁷ у ней уста¹⁸ женские вырезать, срам, и привязати ею ногу столбу посреде торгу, чтоб всем людям было жити в крепости со своими женами. Да такожде учини заповедь свою Дракула вдовам и девицам, которые вдовы вдовства своего, а девицы девства своего не сохраняют; а иным сосцы повеле резати, а ови же кожу содраху.

О злонравии Дракулине и о замысле его.¹⁹ Таков же обычай бе у Дракулы: егда к нему отколе посол в Мутьянскую землю приходяше от какова царя, или от короля, или от князя, каков ни буди посол, и не умеаеши противу Дракулиным кознем и затейкам его отвецати, и того²⁰ человека на кол сажаху вскоре, а сам Дракула к послу тому глаголет: «Не аз тебе, посол, винен такой смерти, и ни ты на мя рцы каково зло, но государь твой, ведый ты малоумнаго человека у себя, не наученного, како послал тебя ко мне, Дракулы,

¹³ На поле 13. ¹⁴ На поле 14. ¹⁵ Испр.; в ркп. исцеляния. ¹⁶ На поле 15. ¹⁷ Испр.; в ркп. вляше. ¹⁸ Испр.; в ркп. уста. ¹⁹ На поле 16. ²⁰ В ркп. того дважды.

или таковых и иных малоумных во иные государства пословать? Но тако государь твой убил тя есть и сам ся ты привел на брань. Аще ли ты, посол, сам пред государем своим дерзнул еси в посольства ходить не научився, то ты сам себя убил». И повелеваше Дракула такова посла ^сна кол^с посадити, а и ко государем их писати о том после. О Дракулине и о горском после и о трапезе.^г Некогда в Мутьянскую землю от горского короля прииде к Дракулы посол именем || Матияше, влах родом, от великих человек порою. л. 647

Дракула ж повеле к себе посла того призвати к себе и повеле ему сести с собою на обеде среди трупия мертвых, и пред полатою пред окнами лежаше кол велик обострен. Дракула ж вопроси посла: «Чесо ради сей кол лежит обострен учинен тако?». Посол же, тое слышав от Дракулы, вельми убоявся и рече тако: «О, великий воевода Дракула, мнит ми ся мне быти хочет тако: некий у тебя пред тобою великий человек согрешит, то ты ему хочеш честную смерть воздати паче иных людей». Дракула ж, то слыша от горского посла, рече к нему: «Правду ты, посол, рекл еси ко мне, что тот сей кол тебе учинен за невежливые речи твои посолские». Посол же отвеща к Дракулы: «Аз же, государь Дракула, буде достоин таковой смерти, буде что содеял тебе, но се твори еже хочещи. Праведный судия бо еси от бога поставлен, не ты мне смерть учиниш, но аз сам себе». Дракула ж, то слышав от посла, вельми радостен бысть, разсмевся рече к нему: «Аще бы еси ты, посол, да не тако ко мне отвещал, воистинну был еси ты, посол, на коле сем». И почтив его, посла, вельми одарив, отпусти его во свою горскую землю. И глагола Дракула к послу турецкому: «Ты впредь на посольство по правде ходи, а прочии по тебе да не дерзнут, а иные да не умны будут, как с великими государи говорити и пословати, и за то они сами от себя смерть примут вскоре».

О собрании гостей Дракулиных, и о столнике его, и о смерти столника.^г В некое время обедал Дракула под трупиями мертвых человек, иже на колье всаждених. Множество около трапезы его стояху столтники, да тутю ж ядяху с ним, Дракулою, за одним столом. Дракула ж посреде их ядяще, слуга же || его, Дракулин, л. 647 об. столничаше, пред ним стояще, смрада одного от мертвых телес не могый терпети и, заткнув нос, главы своея приклонися на землю. Дракула ж вопроси слуги своего столтника: «Что тако, что чиниши, затыкаеши нос свой и главу свою преклоняеши к земли низу?». Слуга ж Дракулин рече: «О, великий воевода Дракула, смраду одного от мертвых телес не могу терпети». Дракула ж повеле того столтника его на кол посадити выше всех глав, и глагола Дракула: «Тамо бысть высоко и

^с Испр.; в ркп. пол.

^г На поле 17.

^г На поле 18.

несть смрада, и не дойдет к тебе смрад, понеж высоко есть».

О нищих указ Дракулин, единою пусти свое повеление по всей земли Мутьянской и е.* Не в кое время случися Дракулы много жалобы от нищих приносить от многих людей по всей Мутьянской земли на нищих, на ханил и на колег переходжих старцов. Дракула ж от многих жалоб и челобитья людскаго не возможе ничтож сей сотворити, да умысли Дракула се тако: «Аще кто стар, да увечен, или слеп, или хром, и всяким недугом одержим, да придут к нему, и сотворю всех тех безпечальны». И посла Дракула о канжах, и о калигах, и о старцах переходжих проповедников своих по всей своей Мутьянской земли кликати; и собращася к нему, к Дракулы, от всех стран ханилы, и калиги, и старцы переходжие, множество нищих, всякими недуги одержимы бысть, чающе от него великие милости. Дракула ж учини тем нищим храмины великие и повелел им давати ясти и пити довольно. Они ж, нищии, ядоша и спивше, возвеселишась,^х вельми радостни быша без печали. Тогда Дракула ж рече к нищим тем: «Хощете ли вы все, ханилы, и калиги, и старцы переходжие, да сотворю всех вас безпечальны, || и ничим же вы будете нужны всегда». Они ж, вси нищии, рекоша к Дракулы: «О, великий Дракула, хощем мы того по словеси твоему, да сотвори нам тако, чтоб беспечальным быти всегда». Дракула же повеле едину храмину сотворити велику на три перестрела и во едину тою храмину собра нищих вскоре всех, не остави ни единого, и сожже их ту всех нищих много множество; и рече Дракула к бояром: «Весте ли вы все, бояре мои, да что сотворих? Первые, нищим, да не стужают сии нищии людем; второе, да свободих от печали их, да не стужают впредь к тому ничем, да никто ж от них постражет».

О мнисех и о вопросах старцов.^з По времени ж некоем в Мутьянскую землю приидоша единова два мужа латынских от Югорские земли просити милостыни ради. Дракула ж повеле тем мужем быти поутру к себе по единому по дни, и показа им Дракула на кольях посаженных множество людей, безчислено много множество мертвых, и вопроси единого мужа, старца ницаго: «Добро ли аз сие дело тако без милости творю?» И отвечав мних, глагола: «О, великий воевода Мутьянские земли Дракула, вельми зло есть, чиниши тако без милости; подобает тебе, Дракула, быти милостиву». А тех людей, иже на кольях мучены суть, повеле их сняти. Дракула ж того нищего старца повеле поставити в тайне месте, а не выпуска^ч его никуды; и призва к себе Дракула другого мниха

^ф На поле 19. ^х В ркп. переправлено из возвести селишась.
^з На поле 20. ^ч Испр.; в ркп. выпускай.

и вопросы такожде по прежнему. Второй мних догадлив бив, он же отвечава к Дракулы: «Ты, государь Дракула, воеводою в Мутьянской земли от бога поставлен еси, лихо велико, зло творящих казнити, а добро творящих жаловати, а си мертвые люди по делом своим восприяли сию смерть». || Дракула ж л. 648 об. призва к себе первого мниха и рече к старцу первому: «Почто еси ты, старче, из монастыря ходиши по великим государем, а не умеши с ними говорити; и аз ныне, старче, *хощу*^м по твоим словесем мучеником тебя учинити». И повеле и того старца на кол посадити вскоре, а второму старцу повеле из своей казны дати осм дукат злата и повеле его с великою честию проводитьи восвоися, да впредки по странам не волочится и злою смертию да не умрет сей старец, от того Дракулы сохранен бысть без вреда от всякого зла.

О некоем приедем купцы югорском в Мутьянские земли и о погублении злата.^м Некогда прииде купец от Югорские земли в Мутьянскую землю, идеже Дракула во граде живяста, и по заповеди того мужа, которой в тое полаты пребывая, постави пред полатою на улицы возы свои с товары, а сам купец той югорской в тонок сон уснул у полаты тое, а не ведая того, что прииде тать к возам красти товаров из возов. О т а т и и о к р а ж и з л а т а.^н В тое ж ноц прииде тать и украде с воза у купца 160 дукад злата. Той же купец прииде к Дракулы, поведает ему о погублении своего злата, како тати покрали его. Дракула ж глагола купцу югорскому: «Поиди семо, в сию ноц обрящещи свое пагубное злато». И повеле Дракула вскоре сыскивати всем градом татя: «Аще не обрящете татя сего дни, то весь град погублю». А сам Дракула повеле своим людем югорскому гостю на воз положить свое злато втайне и приложи к тому един златой. Купец ж той обрете в тое ноц златники своя погIBLEМЫЯ и сочте себе злато дважды и трижды, || обрете л. 64 един златник лишней, а не свой. Тогда Дракула рече: «Иди ты, купец, к себе с миром, аще еси ты не поведал, то бы та повелел на кол посадити вскоре». А граждане ж, тот час и татя сыскав во граде, привели к Дракулы на очи. Дракула ж повеле татя того скоро на кол посадити, а злато краденое, сыскав, отдали в казну Дракулину противу того злата, что купцу дано.

О голеньком человеки в роздранней одежде ходяща по улицы и о жене его и о смерти жены.^п Некогда прилучися самому Дракулы единому идущу по улицы во граде путем и узре на некоем месте голеньково человека, а на том человеки срачицу едину виде раздрану и худу, и вопросы у того человека сам Дракула:

^м Испр.; в ркп. нет.
поле 23.

^н На поле 21.

^н На поле 22.

^п На

«О, убогий человеце, имеши у себя жену?» Он же, отвечав, рече: «Имею, государь Дракула, жену». И глагола Дракула: «Поиди в дом свой». И прииде к нему Дракула, виде жену его младу, здраву сущу, и Дракула рече к нему: «Имеши ли у себя в дому своем лен?» Той же убогой человек глагола: «Много есть лну у мене». И сказа Дракула жене той младой: «Почто ты за собою леность имаши к мужу своему? А муж твой всегда должен ходить орати, и сеяти, и тебя кормити, а ты должни с мужем своим одежду светлу и лепу имети и чинити, а ты сама и срачица зделати не хочещи сооржити, ни единые на-волочки мужу своему, а телом здрава ты; аще кабы в том пред тобою муж виноват, и то аз бы его велел вскоре на кол посадити, для того, чтоб иным женам не повадно так воровати, на то смотря».

О б о ч е ч н ы х м а с т е р а х.¹⁰ По некоем времени повеле Дракула привести к себе бочечных мастеров и повеле им бочки учинити железные и сыпати в них злато, в бочки, и ввергоша в реку на сохранение, а мастеров || тех бочечных повелел посети, да никто ж уведает сокровеннаго злата.

О п р и х о д е ю г о р с к а г о к о р о л я н а Д р а к у л у и о в з я т и и е г о в п о л о н .¹¹ Некогда ж король югорский прииде в Мутьянскую землю на Дракулу со множеством мною силою и войском своим вскоре, и Дракула ж поиде встречу против югорского короля и бишася меж себя вельми крепко, и ухватиша Дракулу на том бою жива в полон и посадиша его в темницу. И бысть Дракула живяста в темницы 12 лет, а на Мутьянскую землю посадиша воеводу иного, Югорской земли человека добра.

Дракула ж, сидя в темницы, не отста злаго своего обычая, но,^{11, 12} мышкы ловяше и спицы обастривавше, сиречь перье щипая, и посаждаше на кол мышкы и птицы, аки человек казнил, а когда ж не уловил мышкы или каковых птиц, тогда Дракула, покупая птиц, да казнит: овых на кол сажает, а иным главы усекая, а иным перье опишывая, отпушая на волю. По сем научися Дракула в темницы платья шити и тем ся кормился до испущения ис темницы.

Егда ж югорской король Матияш изведе его ис темницы и повеле Дракулы двор дати, но еще он у короля на очех не бывал, случися быти некоему злодею прибегнути от виселицы на тот Дракулин двор, гонящие ж королевские приказные воины прибегша за тем осуженным злодеем на двор Дракулин. Дракула ж, взяв меч свой, отсече голову гонящему приставу тому, держащаго злодея, а прибегшаго злодея отпустил на волю, а прочии приставы бежаще скоро от Дракулы з двора и по-

¹⁰ На поле 24. ¹¹ На поле 25.

^{11, 12} Испр.; в ркп. по

ведаше королю своему тотчас. Король же, то слыша, послал от себя нарочита // дворянина скоро ко Дракулы на двор и л. 650
вопроси его: «Чего для тако чиниши?». И отвеща Дракула к вопрошающему дворянину рече: «Не аз его, пристава, убил, но он, пристав, сам себя той смерти предал; не ходи разбойнически на великого государя двор не обослався, тем государские дома не безчесть, да не лай, пес, на чюжем дворе, не ку-сай, собака, напрасно людей божиих, такова той собаки и смерть случися; а ты, друже, королевской дворянин, о том не печалься и о деле таком не скорби. Да аще бы король сам по милости своей того злодея разбойника на мне спросил, что он ко мне на королевской двор тот человек ушел, и аз бы того разбойника и сам бы его выдал или у царя упросил». Посланный ж королевской дворянин взял у Дракулы на писме скаску, и скоро поиде к королю своему, и прииде пред короля тот дворянин, и сказал королю Дракулины речи все по ряду, и скаску самому королю подаст в руки ево. Король же, от посланного своего дворянина про Дракулу слыша и скаску, приняв, прочет пред всеми своими думными дворяны и подивися скорому ответу и скаски Дракулиной со всеми своими людьми, и тем ево, Дракулу, никтож не могий обвинити, потому что Дракула вельми в правде всякого человека судил. И по сем король Дракулу начал вельми жаловать, а пристава обвинил — смерть ему случися от себя, а злодея по упрощению Дракулину от смерти свободил, а только поучение градское дал.

О послании от короля Дракулы на вое- л. 650 об.
водство Мутьяньское, и о отвержении вѣры християньские, и о рождении дву сынов его, и о побеге турских воев.⁶ Бывшу ж Дракулы на оном королевском дворе сяду за великими стражи королевскими, и в тож время случися воеводы мутьяньскому Мутьяньские земли во граде том умерти немчину, пасти от живота своего, зле скончася. И король ж югорской Мартыян скоро посла по Дракулу тово посла своего дворянина: «Да аще хочещи, Дракула, быти у меня первым человеком, да остави ти свою греческую веру, сииречь благочестивую християнскую, да примет нашу латынскую, да за то поставлю его, Дракулу, на Мутьянской земли воеводою, и всю Мутьянскую землю начнет владеть, яко ж и первие; аще ли он, Дракула, не восхочет того повеленное мною сотворити, то в темницы да умрет». Дракула ж, то слыша от посланного королевского дворянина, обещава сию королевскую сотворити, и в то время он, Дракула, отпаде от православныя веры християньския, отставя свет и возлюбил себе тму кромешную. А нужды темничныя,

⁶ На поле 26.

тягости телесной понести на себе ни мало не возможе, но уготова себе на бесконечный живот на вечную муку, припаша он себе латынскую проклятую веру, а святое крещение порудил, окаянный Дракула. Да как отпал веры христианския, и в то время югорской король Матьян, слыша о Дракулине отпадении, повеле ему к себе быти вскоре, и бысть король радостен

л. 651 вельми; и как Дракула приеде в || Югорскую землю, пред короля Матьяна став, поклонися ему с радостию. Король же Матьян, видев скорое и нелицемерное отпадение Дракулино от веры христианские, даст сестру свою королевну девицу Дракулы в жену и посла тотчас Дракулу в Мутьянскую землю на воеводство владеть, яко ж и первые. По сем бывшу ж Дракулы на воеводстве том, и родися у него два сына. И поживе Дракула десять лет невступно, дни своя он проводя зле, забыв святую христианскую веру, содеяся дело божие: изволивый бог отмсти окаянному Дракулы за православную веру христианскую, попустил господь на него свой праведный гнев. Приидоша на Мутьянскую землю турский царь с силою, начаша пленити землю Мутьянскую, на самого Дракулу пришел. Дракула ж, видев пленение от турского войска себе многа, собрав мутьянское свое войско все, вельми его устроил, востав Дракула по прежнему с войском своим, поиде на турецкие полки вооружившись велми крепко, побиваху турецкие полки. И видеша турки Дракулино войско вооруженно и вельми храбро ополчены, идоша на бой противу турского войска, и турки ж убояшася велми и не возмогоша стояти противу мутьянского войска, и бегоша турки вскоре восвоися, никим же гоними бысть. И видевше бежание турского войска полков, мутьянское ж все войско шедше ж турок множество посекоша, а овех гнавше, а овех в полон имаше и во град отсылаху полон.

л. 651 об. О смерти Дракулы мутьянского воеводы в нечестивые веры, от своих воин убиен бысть.^в Дракула ж выехав за град Мутьян, видев полки турецкие, || их побег, не возмогоша стояти противу мутьянского войска,^г сам Дракула возшед на великую высокую гору в радости бысть, нача соглядovati на четыре страны о погублении турскаго войска, и нача дивитися, и не ведая над собою дела божия, смертного часа не опасеся. Неподалеку стоя некто Дракулин человек исторгнувся от полка его, и подивися тому человеку Дракула, видением турчанин, тотарин стоит; внезапно взем своим копием той человек и ударил Дракулу тем копием созади, проиде сквозь тое копие. Дракула ж, видев смерть себе свою, яко от своих убиен бысть, а в то время Дракула во иступлении ума своего бысть, убил от своих воин пять мужей над собою вельми прекрасных лицом, и мужествен-

^в На поле 27. ^г Испр.; в ркп. воска.

ных, и добродородных, и в воинстве храбрых зело. Воинские ж людие мутьянского полку, видение то, како Дракула напрасно убил пять мужей добрых лутчи себя, по сем они вельми зжалишася всем полком мутьянским и восплакашася о тех мертвых, взявше его, Дракулу, еще жива засташа в живот, и в том часе взяша копия свои войне те мнози, Дракулу прободоша. И тако Дракула скончася ту зле; живот свой препроводи в прелести, лютаго жития своего конец восприят. Богу нашему слава ныне и присно и во веки веком, аминь.

БАРСОВСКИЙ ВИД

Печатается по рукописи: ГИМ, собр. Барсова, № 1521.

Сказание о Дракуле и о житии его, како л. 265
воеводствовал на Мутьянской земли

Бысть в Мутьянской земли воевода греческия веры, именем Дракула, яко житием злосерд вельми.

Некогда же приидоша к нему послы от турецкого царя. Егда же внидоша и поклонилася ему по своему обычаю, а шапок з глав не снем, он же вопроси их: «Что ради тако творите, к великому господину приидосте и велику срамоту учинили есте?». Они же отвечаху: «Таков обычай в земли нашей государи держать». Дракула же речи к ним: «А яз еще хощу вашего обычая подтвердити, и вы того крепчи будете». И повеле им ко главам прибити шапки гвоздем железным, и отпусти их, рек: «Скажите государю своему: он навек тую срамоту от вас терпети, а мы не навыхом, да не посылает своего обычая ко иным государем, кои не хотят того имети».

После тех послов вельми царь турецкой разсердися о том и поиде войском на Дракула || со многими силами; Дракула же, л. 265 об., против собрався, елико же имяше у себя войска, и ударилася на них ножию, и множество поби турков. И не возможе против многих битись людей малыми людьми, и возвратися с побоища того; и нача сам смотрети своих людей, и у коего спреди рана, тому честь воздающе, а которые создади ранены, тех на кол сажаше. А коли поидеть противу турков, и глагола войску своему: «Аще кто восхощет помыслити смерть, то не ходи со мною, останися zde». Царь же турецкий, слышав то, поиде* прочь со многим срамом.

Тогда же турецкий царь посла к нему посла взяти у него дань. Дракула же вельми почти посла турецкого, и показа ему все свое имение, и рече сему: «Не токмо яз не хощу дани дати царю вашему, но хощу ему сам служити войском своим всем и со всею казною своею. И ты возвести царю, да как яз пойду

* В ркп. поиде дважды.

к нему, да чтобы не учинил мне никакова зла во всей земли своей и ни моим людем, а яз хощю после тебя скоро поити». л. 266 Царь же турский, слышав сие от посла своего, рад бысть || вельми, тогда бе ратуясь с восточными цари. И посла скоро по земли своей и по градом, а рек им: «Да когда поидет Дракула в мою землю, и никто бы ему никакова зла не учинил, а воздали бы ему честь». Тогда же Дракула поиде со всем войском своим, приставы же турского царя идяху с ним и честь ему воздаяху. Дракула же поиде по земли Турской 5 дней, и тако обратился назад, и нача пленити грады и села, и многое множество плени и изсече, а инех на колье посади, а инех созже, и до сущих младенцов не остави, и всю его землю пусту учини, и множество христиан во свою землю плененных возврати, и много имения добыша. Приставов же тех турского царя почтив, отпусти и глагола им: «Поведайте царю своему, что видесте; колыми могох, толки служих; аще ли будеть ему служба моя угодна, и аз впредь рад ему служить». Тако же царь же турский ничто же ему зла не учини, срамом побежден бысть.

Л. 266 об. Колико грозен бысть Дракула во своей земли, яко же нигде ни царя, ни князя такова несть. Аще ли разбой, или татьба, || или кое зло, или неправда ни учинитца у него в земли, то никако жив не будеть, аще ли поп, или боярин, или простой человек, хотя и много кто богатества имел, то никако же откупиться не может от смерти. Тогда же бысть не на коем месте пуссте кладязь, сладок и хладен вельми, к тому ж кладезю мнози путие прилегли от многих стран, и пияху воду от источника того. Дракула же учини чару велику и дивну златую и постави на источнике том, и аще кто пияше тою чарою, и паки поставляше на том же месте, а не смеяше никто взяти ея от грозы его, елико он пребысть.

Аще ли кая жена от своего мужа прелюбы сотворит, он же веляше ей срам вырезати и привезати ю посреде торгу нагу, и вдовам такоже творяше, кои вдовьства не сохранят, а инем сосца отрезаша, и иным кожу здираше, а которые мужи от своих жен такоже ходят прелюбы творити, у тех уды отрезаваше, а иных на колесех мучаше, а инем в пяты гвоздие бияше, а инех ⁶⁻⁶на кол⁶ сажаше.

Л. 267 Таков имяше Дракула обычай: отколе приходяше || к нему послы от царя, или от короля, или от князя, а не умеяше противу его кознем отвещати, тех на кол сажаше, а глагола им: «Не аз повинен вашей смерти, ни вы рцете на меня, аще государь твой, ведая тебя малоумна и ненаучена, послал тебя к мне^в, к великому государю, то государь твой сам тебя убил, а не яз; а будет ты сам дерзнул послом итти, а не научася, како глаголати, то ты сам себя убил». Тогда же прииде к нему посол

⁶⁻⁶ Испр.; в ркп. нет. ^в Испр.; в ркп. неразборчиво.

от Угорския земли, именем Матьяша, родом велик человек; Дракула же повеле ему сести с собою на обеде посреде трупия, и пред ним лежит кол велик, весь позлащен добре и высок. Дракула же вопросы у посла того: «Повеждь ми, чего ради яз учиних сий кол тако?». Посол же вельми убояся и глагола: «Великий государю, мнится мне тако: некоторый великий человек, аки аз, пред тобою согреших и хочещи ему почестную смерть учинити паче иных». Дракула же рече ему: «Право рек: ты еси великого государя королевский посол; тебе учинен есть сий кол». Он же отвеща: «Аще, государь, достойно смерти деял буду, твори еже хочещи. || Праведен бо еси судия: не ты мне л. 267 об. учинил смерть, но аз сам». Дракула же разсмеявся рече: «Да аще бы ми еси не тако рек и не тако отвечал, то воистинну бы был еси на сем коле». И почтив его вельми, и отпусти, и рече ему: «Ты вправду ходи на посольство, а иной да не дерзнет, но первие умни будутъ, како с великими государи говорити».

Некогда же обедаша Дракула под трупием мертвых людей, иже бе на колы около трапезы его. И послы отколе приходяше к нему, тут же с ним ядяше и пославаху, Дракула же посреди их седяше. Слуга же его пред ним ясти ставиша и смрада того не могий терпети, он же рукою нос заткнув держаше и главу склони на сторону. Дракула же вопросы его: «Что ради тако чиниши?». Он же рече: «Государю, смрада не могу терпети!». Дракула же ту повеле его на кол посадити и рече: «Там тебе высоко, смрад не доходит».

Тогда же Дракула заповеда по всей земли своей: «Аще кто стар, или чим недужен, или вреден, или слеп, или хром, и всяким недугом одержим, да вси придут ко мне. . .» || л. 268

... земли посади инаго воеводу.

Дракула же седяше в темницы и не оста своего злаго обычая, мыши ловя и птицы покупая, и тако казняше их, инех на кол сажаше, а инем, перье опцивав, пущаше, и научися в темнице сидя шити платья, и тем кормяшеся.

Егда же король угорский Матьяша изведе его ис темницы, и приведе его на Будин, и даст ему дом в Пещи против Будина, и еще у короля не был, и случися некоему злодею прибежати на его двор и схоронитися. И гонящии же его наидоша. Дракул же взял меч свой, и скочи ис полаты, и отсече главу пристава, держащаго злодея, а злодея отпусти; а прочии же побегаше от него. И пришед к королю поведаша ему бывшее. Людие же со всеми посадники пришед к королю жаловатися на Дракула. Король же посла к нему спросити его, чего ради тако сотворил? Он же тако отвеща: «Никого же аз зла не учиних, но он сам себя убил, находя разбойнический на великого государя дом; аще бы тот ко мне пришед, и аз бы в своем || дому нашел бых того л. 268 об.

¹ Между лл. 267 об.—268 не хватает нескольких страниц текста.

злодея, и его бы выдал или простил его от смерти». Король же нача дивитися деянию его.

Тогда же умре воевода на Мутьянской земли; король же посла к нему в темницу и рек, аще восхощет Дракул быти воеводою на Мутьянской земли, яко и первые, да примет веру латинскую; аще ли не примет, то в темнице умрет. Дракула же возлюби паче временных безконечного, отпаде православия и от истинны, остави свет и прият тму, уготовися на бесконечное мучение, остави православную веру греческую и прият латинскую прелесть. Король же не токмо даст ему воеводство на Мутьянской земли и сестру свою за него да, от нея же родися 2 сына. Пожив же лет 10 и тако в прелести скончася.

Конец же его сие: живяше на Мутьянской земле, и приидоша на землю его турцы и начаша пленити. Он же ударися на них, и побегоша турцы. Дракулино же войско без милости л. 269 сечаху турков. Дракула же от радости на гору взогна видети, || како секут турков, и отторгшися от войска его, мняху, что турки на горе, и удари его един копьем. Он же и с коня свалися, яко от своих побиваем, и ту его множество копья избодоша, и тако убиен бысть и зле скончася лютою смертию.

УВАРОВСКИЙ ВИД

Основной текст: ГИМ, собр. Уварова, № 848

— У

Разночтения: ГИМ, собр. Уварова, № 152

— Ус

ГБЛ, собр. Беляева (ф. 29), № 1529

— Бе

ГИМ, собр. Барсова, № 2134

— Б

л. 203 об. 1,10 великом царе Дракуле Мутьянские
земли²

Бысть неки царь³ именем Дракула,⁴ житием злосердит вельми.⁶

Некогда прииде⁷ к нему посол иноземець.⁸ И⁹ прииде к¹⁰ нему,¹¹ а ¹²з главы¹³ шапки¹⁴ не сняше,¹⁵ поклонишася¹⁶ ему. Он¹⁷ же¹⁸ его воспросил: ¹⁹«То ты как²⁰ чиниши, к²¹ великому государю пришел²² еси поклонитися, а з главы²³ шапки не снявше?»²⁴

1, 1 *Перед этим* Сказание УвБе. 1-2 *Заголовка нет* Б. 3 царь обладатель Мутьянских земли Б. 4 Дракул УвБ. 4-6 *бе же велми житием злосерд Бе.* 5 *злосерд УвБ.* 7 *Испр. по УвБеБ; придоша У.* 8 *иные земли, и царь велел его пред себя поставить* Б. 9 *посол же* Б. 10 *и Б.* 11 *поклонися Б.* 12-14 *шапки з головы Б.* 13 *головы Ус; голов Бе.* 15 *снял УвБеБ.* 15-17 *царь Б.* 16 *и поклонися УвБе.* 18-20 *вопроси его глаголя, что ты тако Бе; вопроси его, что тако Б.* 19-20 *что ты тако Ув.* 20-21 *чиниш, пришел еси к такому Б.* 22 *послом Б.* 22-24 *и кланяешися, шапки з головы не снимая Б.* 23 *головы Ус; голов Бе.* 24 *сняв УвБе.*

Он²⁵ же²⁶ ему²⁷ рече: ²⁷ «Наши государи так любят». ²⁸ Дракула же²⁹ рече ему: «Аз³⁰ того || не люблю,³¹ а хочу обыча³² сашего³³ л. 204 подтвердити, и ³⁴вы того тверде³⁵ будете». ³⁶ И повеле Дракула им к главам³⁸ прибавити шапки³⁹ гвоздем железным, и оугусти их, ⁴⁰и рек:⁴¹ «Скажите ⁴²господарю вашему:⁴³ он навик таку⁴⁴ срамоту терпети от вас, а мы не⁴⁵ навыхом, ⁴⁶да не посылает⁴⁷ своего обыча⁴⁸ ко иным государем, кои не хотят имети такого⁴⁹ обыча⁵⁰».

⁵⁰О послех царь⁵¹ вельми разсердитовался⁵² о том⁵³ и поиде войском⁵⁴ на Дракулу⁵⁵ со многими силами. ⁵⁶ Дракула же⁵⁷ против его собрався,⁵⁸ елико ⁵⁹же имяше у себя войска,⁶⁰ и ударилася⁶¹ на них нощию, и множество избил ⁶²турков. И не возможе ⁶³против многих людей битись || малыми людьми, л. 204 об. и⁶⁴ возвратися з бою того, ⁶⁵и нача сам смотрити⁶⁶ своих людей;⁶⁷ у кого⁶⁸ спереди рана, тому⁶⁹ чест воздаша,⁷⁰ а которые ззади ранены,⁷¹ тех велел на кол⁷² сажати. А коли⁷³ поиде ⁷⁴против турков, и глагола⁷⁵ войску своему:⁷⁶ «Аще кто ⁷⁷восхощет помыслити смерт, то⁷⁸ не ходи со мною, останися⁷⁹ зде⁸⁰».

²⁵ посол Б. ²⁶⁻²⁷ рече ему УвБе; отвечаа царю Б. ²⁷⁻²⁸ наш тако государь любит УвБе; великий царю, наш государь тако любит Б. ²⁸⁻²⁹ и царь Б. ³⁰ пню аз УвБе. ³¹ люблю и бесестия от вас не терплю Б. ³² обычай Бе. ³³ Испр. по УвБ; нашего У; ваш Бе. ³⁴⁻³⁶ на вас шапки того тверже будут Б. ³⁵ твердые У; тверже Бе. ³⁷ Дракул Бе; царь Дракул Б. ³⁷⁻³⁸ к головам их УвБеБ. ³⁸⁻³⁹ шапки прибавити УвБ; шапки прибити Бе. ⁴⁰ Испр. по УвБеБ; им У. ⁴⁰⁻⁴¹ въ свою землю рек Б. ⁴²⁻⁴³ вы государю своему Ув; государю своему БеБ. ⁴⁴ такую УвБеБ. ⁴⁵ вас УвБе; вам Б. ⁴⁶ утвердихом УвБе; подтвердихом Б. ⁴⁷ посылает государь ваш УвБеБ. ⁴⁷⁻⁴⁸ обычая своего Б. ⁴⁹ такового УвБеБ. ⁵⁰⁻⁵¹ царь же той о послех своих Ув; царь же тот о послех своих Бе; послы же пришедше в свою землю, известилша государю своему, еже что сотворил над ними царь Дракул, и наказанное от Дракула изрекоша государю своему, царь же их о том Б. ⁵¹⁻⁵² зело разгневался Б. ⁵²⁻⁵³ Нет УвБеБ. ⁵⁴ Испр.; войским У; с войском Ув; воинством Б; нет Бе. ⁵⁵ Дракула БеБ. ⁵⁵⁻⁵⁸ со многю силою Ув; со многю силою войска Бе. ⁵⁵⁻⁵⁸ царя, царь же Дракул уведав шествие царя того к себе и собрав войска своего Б. ⁵⁷⁻⁵⁸ собрался с своим войском Бе. ⁵⁹⁻⁶⁰ у себя имяше, против его поиде Ув; у себя имяше, и поиде противу его Бе. ⁵⁹⁻⁶¹ имяше в царстве своем, и поиде противу того, приспе же ношь, царь же Дракул наидоша Б. ⁶¹ ударися Бе. ⁶²⁻⁶⁴ воинства их, и виде Дракул царь, еже невозможно ему с малою силою с таким великим воинством братися, и Б. ⁶³⁻⁶⁴ битися малыми людьми противу многолюднаго Бе. ⁶⁵ того, отшед же от войска их Б. ⁶⁶ разсматривати Бе. ⁶⁶⁻⁶⁷ людей своих Бе; войско свое Б. ⁶⁸ которого Бе. ⁶⁹ то Бе. ⁷⁰ воздаваше УвБеБ. ⁷⁰⁻⁷¹ а которой создаи ранен Б. ⁷² колбе УвБеБ. ⁷³ когда Бе; как Б. ⁷⁴⁻⁷⁵ на брань, тогда Б. ⁷⁵ тогда УвБе. ⁷⁶ своему говорил УвБеБ. ⁷⁷⁻⁷⁸ боятися хошет смерти, той УвБе. ⁷⁹ боятися хошет смерти Б. ⁷⁹ но оставайся УвБе. ⁸⁰ дома, и паки велел войску своему утвержатися на бой со всяким утверждением и приказал битися всякому до умертвия УвБ; дома, и паки войску своему повеле утвержатися на бой со всяким утверждением и приказал битися всякому до умертвия Бе.

Царь же ⁸¹слышав то ⁸²и поиде прочь со многим сра-
мом. ⁸³

Царь же ⁸⁴турский посла ⁸⁵к нему ⁸⁶поклисаря взяти ⁸⁷у него
дань. Дракула же ⁸⁸вельми почте ⁸⁹поклисаря, и показа ему
все ⁹⁰свое имение, ⁹¹и рече ему: ⁹²«Аз не токмо хочу ⁹³ему дань
давати, ⁹⁴но всем ⁹⁵войском ⁹⁶и со ⁹⁷всею казною своею хочу ⁹⁸ити
л. 205 к ⁹⁹нему ¹⁰⁰на службу. И ^{11,1}ты ²возве||сти царю, ³да ⁴как поиду
к нему, ⁵да велит ⁶царь по ⁷всей ⁸своей земле никакова ⁹зла
мне ¹⁰учинити ¹¹и моим людем, ¹²а ¹³яз хочу ¹⁴после тебя скоро
итти». ¹⁵Царь слышав ¹⁶от посла своего и ¹⁷рад бысь вельми,
тогда ¹⁸бе ратун ¹⁹с восточными ²⁰странами. ²¹И посла ²²скоро ²³
по ²⁴земли своей и ²⁵по градам и ²⁶рек им: «Да ²⁷куда поидет
²⁸Дракула в мою землю, ²⁹то бы ³⁰ничто бы ему ³¹не учинилось ³²
никакого ³³же ³⁴зла, ³⁵и воздали ³⁶бы ему чест». ³⁷Дракула же ³⁸
поиде ³⁹со всем ⁴⁰своим войском, ⁴¹приставове же царстии ⁴²
идяху. Он ⁴³же поиде ⁴⁴по земли, яко ⁴⁵5 дней ⁴⁶по земли шед, ⁴⁷
и внезапно оберняся, ⁴⁸начаша ⁴⁹пленити грады и села, и много ⁵⁰
л. 205 об. множество ⁵¹плени иссеченых и на || колех посади, ⁵²а иных ⁵³

⁸¹⁻⁸² то слышав Дракулово утверждение, убояся Б. ⁸³ воинством
въ свою землю Б. ⁸³⁻⁸⁴ и после того царь УвБе; и после того той же
царь Б. ⁸⁵ прислал УвБеБ. ⁸⁶ Дракулу царю Б. ⁸⁷ Испр. по
УвБеБ; взя У. ⁸⁸ же царь Б. ⁸⁹ почти БеБ. ⁹⁰⁻⁹¹ имение
свое Б. ⁹² Нет Б. ⁹³⁻⁹⁴ государю вашему давати дань Б. ⁹⁵ хочу
и со всем УвБе; сам со всем Б. ⁹⁶ своим войском УвБе; войском своим Б.
⁹⁷ с Б. ⁹⁷⁻⁹⁸ всю свою казною УвБе; казною хочу Б. ⁹⁹ Нет
Бе. ¹⁰⁰ Нет Бе.

^{11,1} Нет УвБе. ² ты же, поклисарю, сие Ув; ты же, поклисарю
Бе; ты, поклисарь Б. ³ царю и о том ему доложи Ув; сие царю и
о том ему доложи Бе; государю своему и о том ево доложи Б. ⁴ Нет
УвБеБ. ⁵⁻⁶ на помощь, чтобы не велел УвБеБ. ⁷ в УвБе; ваш в Б.
⁸ Нет УвБеБ. ⁹ никому никакова УвБе; мне ни войску моему
никакова Б. ¹⁰ Нет УвБеБ. ¹¹⁻¹² ни моему войску Ув; мне ни
моему войску Бе; нет Б. ¹³⁻¹⁴ хочу аз Б. ¹⁵ итти и отпустить
поклисаря повеле с честью, поклисарь же прииде к царю своему и по-
веда ему о походе к нему на службу Дракула царя с войским своим Б.
¹⁶ же турский слышав УвБеБ. ¹⁷ сию весть УвБеБ. ¹⁸ а тогда
УвБе; поклисарь же паки рече царю: великий царю, велел тебя,
царя, доложить Дракул царь, как он поидет с войским своим к тебе на
службу, и чтоб ему в твоём царстве и войску ево никакова зла не чини-
ли, а тогда Б. ¹⁹ он ратуюся УвБе; той царь ратуюся Б. ²⁰ царем
восточные Б. ²¹ страны Б. ²² скоро Б. ²³ Испр. по УвБе;
корол (?) У; посла Б. ²⁴⁻²⁵ всему царству своему Б. ²⁶⁻²⁷ по се-
лом листы и заповедась (!) да Б. ²⁷ Нет Бе. ²⁸⁻²⁹ Дракул моею
землею Б. ³⁰⁻³¹ ничто ему УвБе; ему ничто Б. ³² Испр. по
УвБе; училось У; учинилось Б. ³³ ни воинству его никакова Б.
³⁴ Нет УвБеБ. ³⁵⁻³⁷ не было и чтили бы его вельми Б. ³⁸ возда-
вали Ув; воздавалась Бе. ³⁹ же царь Б. ³⁹⁻⁴¹ собрав войско
свое Б. ⁴⁰⁻⁴¹ войском своим Бе. ⁴² турскаго царя Б. ⁴³ с ним,
Дракула УвБе; с ним, царь Б. ⁴⁴ шел УвБе; Дракул шел Б.
⁴⁵ царя турскаго Б; их Б; нет Ув. ⁴⁶⁻⁴⁷ Нет УвБеБ. ⁴⁸ обра-
тися Б. ⁴⁹ нача БеБ. ⁵⁰ Нет Б. ⁵¹⁻⁵² поплени и иссече и
иных же на колъе посажав УвБе; плениша градов и посекоша людей,
а иных на кол сажаше Б. ⁵²⁻⁵³ и иных же Б.

сожже, и до младенцов сущих ⁵⁴ не остави. И ⁵⁵ всю его ⁵⁶ землю пусту учинил, и ⁵⁷ множество христиан ⁵⁸ во свою землю плененных ⁵⁹ возврати, ⁶⁰ и много корысти добы. ⁶¹ Приставов же тех почтив, отпусти ⁶² и глаголав ⁶³ им: «Поведайте царю своему, яко же колько ⁶⁴ могох ⁶⁵ виде, ⁶⁶ толко ⁶⁷ ему и послужих: ⁶⁸ аще будет ему ⁶⁹ служба моя угодна, ⁷⁰ и яз еще ⁷¹ ему послужу». ⁷² Царь же ⁷³ ничто же ему зла не учини, ⁷⁴ срамом побежен быст.

Колико ⁷⁵ грозен ест ⁷⁶ Дракула ⁷⁷ во своей земле, ⁷⁸ яко же нигде ⁷⁹ ни ⁸⁰ царя, ни князя ⁸¹ было и нест. ⁸² Аще ли разбой, или татьба, или кое ⁸³ зло, или ⁸⁴ неправда где учинится в его ⁸⁵ земли, то никако || жив не будет. Аще ли поп, или боярин, л. 206 или простой человек, ⁸⁶ хотя ⁸⁷ много кто ⁸⁸ богатства имел, ⁸⁹ никако не ⁹⁰ может искупиться от ⁹¹ смерти. ⁹² Тогда же ⁹³ быст на некоем месте пуста ⁹⁴ кладязь ⁹⁵ сладок и хладен ⁹⁶ вельми, к ⁹⁷ тому ⁹⁸ кладязю ⁹⁹ многи пути приидоша, ¹⁰⁰ от III, ¹ многих стран пяху ² от источника ³ того. Дракула ⁴ же ⁵ учини ⁶ чару велику ⁷ и дивну злату ⁸ и постави ⁹ на источнике ¹⁰ том. ¹¹ Аще кто пияше тою чарою ¹² и паки поставляше ¹³ ю на том же месте, ¹⁴ и никто же не ¹⁵ смеяше взяти ю ¹⁶ от грозы его, ¹⁷ велико он пребыст. ¹⁸

⁵⁴⁻⁵⁶ и куды прошел, ту всю *Б.* ⁵⁵⁻⁵⁶ куда прошел, туда всю *УвБе.* ⁵⁷ *Нет Б.* ⁵⁸ христиан плененных *Ув;* плененных *Бе;* же христиан *Б.* ⁵⁹ *Нет УвБеБ.* ⁶⁰⁻⁶¹ иже в пленении быша, и много имения взя и обогатися зело *Б.* ⁶¹ добы, а *УвБе.* ⁶² повеле отпустить *Б.* ⁶³ рече *Б.* ⁶⁴ коль *УвБеБ.* ⁶⁵ *Испр. по УвБе;* многих *У;* могл *Б.* ⁶⁶ видеве *Ув;* в скобках видесте вы *Бе;* *нет Б.* ⁶⁷ толико *Б.* ⁶⁸ послужих, вы есте видели службу мою *Б.* ⁶⁹ *Нет УвБеБ.* ⁷⁰ годна ему *УвБеБ.* ⁷¹ и еще *УвБеБ.* ⁷² послужих, и возвратися в землю свою, приставове же пришед и возвестиша царю своему о службе царя Дракула *Б.* ⁷³⁻⁷⁴ слышав то от своих *УвБе;* слышав то и *Б.* ⁷⁵ толико *Бе;* и рече, колико *Б.* ⁷⁶ бысть *УвБеБ.* ⁷⁷ Дракула царь *Бе;* царь Дракул *Б.* ⁷⁸ державе *Б.* ⁷⁹ нигде такова не было *Ув;* нигде не было *Бе;* нигде такова не обретается *Б.* ⁸⁰ *Испр. по УвБе;* на *У;* *нет Б.* ⁸¹⁻⁸² и не бысть *Ув;* и не было в те времена *Бе;* *нет Б.* ⁸³ иное кое *Б.* ⁸⁴ и *Б.* ⁸⁵⁻⁸⁶ царстве, и какова человека нибудь уличат коим злом, простова или властелина, то никак тот человек жив не будет *УвБе;* царстве, или какова человека уличат коим злом, властелина или простова, то никак тот человек жив не будет *Б.* ⁸⁷⁻⁸⁸ кто и много *УвБе;* и много кто *Б.* ⁸⁹ име *Бе;* имея *Б.* ⁹⁰ же *Б.* ⁹¹ у него *Бе.* ⁹²⁻⁹³ у того же Дракула царя в царстве *Бе;* у него же царя Дракула в царстве *Б.* ⁹⁴ пуста сотворен *Бе;* *нет Б.* ⁹⁵⁻⁹⁶ холoden и сладок *Ув;* хладен и сладок *БеБ.* ⁹⁷ и к *Б.* ⁹⁸ тому же ко *Ув;* тому же *Бе.* ⁹⁹⁻¹⁰⁰ приидоша многи пути *БеБ.* ¹⁰⁰ *Испр. по УвБеБ;* приидоша *У.*

III. ¹ со *УвБе.* ² и пяху *УвБеБ.* ³ кладязя *Б.* ⁴ всякия люди, Дракула *Ув;* многие люди, Дракула *Бе;* воду всякия люди, царь же Дракул *Б.* ⁵ ту *УвБе;* *нет Б.* ⁶ *Испр. по УвБе;* учили *У;* учиниша *Б.* ⁷ злату велику *УвБеБ.* ⁸ зело *УвБеБ.* ⁹ *Испр. по УвБе;* поста *У;* повеле поставити *Б.* ¹⁰ кладязе *Б.* ¹¹⁻¹² всяк пях тою чарою *Ув;* и вся пияше чарою тою *Бе;* всяк пиша чарою тою *Б.* ¹³⁻¹⁴ ту *Б.* ¹⁵ *Нет УвБеБ.* ¹⁶ *Нет Б.* ¹⁷⁻¹⁸ у него же в царстве *Б.* ¹⁸ да у него же в царстве *БеБ.*

Аще коя жена от¹⁹ своего мужа²⁰ прелюбы сотворит, он²¹ л. 206 об. же велеше²² || вырезати²³ срам ея²⁴ и привязати²⁵ среди торгу нагу,²⁶ и вдовам²⁷ также творяще,²⁸ кои²⁹ вдовства не³⁰ хранят, а иным³¹ сесца³² отрезываше,³³ и³⁴ иным³⁵ кожу здираше,³⁶ а которые мужи³⁷ от³⁸ своих жен³⁹ также ходят прелюбы творити,⁴⁰ у тех⁴¹ уды резаше,⁴² а иных⁴³ на колесах мучиша,⁴⁴ а⁴⁵ иным⁴⁶ гвоздие⁴⁷ в пята⁴⁸ вбиваше,⁴⁹ а иных на⁵⁰ кол са- жаше.⁵¹

Таков имяше Дракула обычей: отколе прихожаше⁵² к нему поклисары⁵³ от царя, или от короля, или от князя,⁵⁴ а не⁵⁵ умеяше⁵⁶ против его козни⁵⁷ отвещати,⁵⁸ и он тех всех послов на колье сажаше⁵⁹ и глагола⁶⁰ им: «Не аз повинен⁶¹ вашей смерти, но⁶² вы, ⁶³и не рцете⁶⁴ на мя. Аще⁶⁵ господарь⁶⁶ твой,⁶⁷ ведая л. 207 тебя⁶⁸ || малоумна⁶⁹ и неуча,⁷⁰ послал тя⁷¹ ко мне,⁷² к⁷³ великому и⁷⁴ умному государю,⁷⁵ то государь твой убил тя ест;⁷⁶ аще сам⁷⁷ еси дерзнул не научився⁷⁸ говорити, то⁷⁹ сам еси⁸⁰ убил сябя».⁸¹ И тако поклисарем⁸² чиняше. Тогда⁸³ же прииде к нему по- клисарь от⁸⁴ Угорские земли⁸⁵ именем Мотьяш,⁸⁶ родом велик⁸⁷ человек.⁸⁸ Дракула же⁸⁹ повеле сести⁹⁰ с собою на⁹¹ обеде⁹²

¹⁹⁻²⁰ мужа своего Б. ²¹ и обличится он Б. ²² повелит Б. ²³ вырезавати Бе. ²³⁻²⁴ тайныя ее уды Б. ²⁵ привязывати Бе. ²⁶ Нет УеБе. ²⁶⁻²⁷ аще и вдова тоя вдовства своего не хранит Б. ²⁷⁻²⁸ также же творяше Бе; также творяше Б. ²⁸⁻³⁵ у иных же Б. ²⁹ Испр. по УеБе; коих У. ³⁰ своего не УеБе. ³¹ у иных УеБе. ³² Нет УеБе. ³³ Испр. по Бе; отрезоваща У; отрезовши Уе. ³⁴ а УеБе. ³⁶⁻³⁷ а который муж Бе; аще же и муж также Б. ³⁸⁻³⁹ своей жены Бе; жены Б. ³⁹⁻⁴⁰ прелюбы сотворит Уе; прелюбы сотворяет Бе; блуд сотворит и Б. ⁴¹⁻⁴² также уды повелеваше отрезывати Бе; повелит уды отрезывати Б. ⁴² отрезоваше Уе. ⁴²⁻⁴³ иных же Б. ⁴³ Испр. по УеБе; ихных У. ⁴⁴ Испр. по УеБ; мучащих У; мучи Бе. ⁴⁵ и Б. ⁴⁶ Испр. по УеБеБ; иных У. ⁴⁷ гвоздием Бе. ⁴⁸ пята Б. ⁴⁹ вбиваху Бе. ⁴⁹⁻⁵¹ Нет Б. ⁵⁰⁻⁵¹ колье сажаху УеБе. ⁵¹⁻⁵² да той же царь Дракула имяше обычай таков к послом, коих земель послы УеБе; той же царь Дракул имяше обычай таков, аще коих земель от царя или от короля послы Б. ⁵³ приходили УеБе; придут Б. ⁵³⁻⁵⁶ и которой посол пришед и не умеет и не смеет Б. ⁵⁴⁻⁵⁵ и кой посол пришед и не Уе; и кой посол пришел и не Бе. ⁵⁶ умеет УеБе. ⁵⁷ ковной УеБе; нет Б. ⁵⁸⁻⁵⁹ Испр. по УеБе; нет У; и он тех всех послов на колье сажати повелеваше Б. ⁶⁰ глаголет Б. ⁶¹⁻⁶² смерти вашей, но сами УеБеБ. ⁶³⁻⁶⁴ Испр. по УеБе; и рпете У; виновны и не рцете Бе. ⁶⁵ напрасные вины, аще Б. ⁶⁶ государь УеБеБ. ⁶⁷ ваш Б. ⁶⁸ вас Б. ⁶⁹ малоумных Б. ⁷⁰ ненауча УеБеБ. ⁷¹ Нет Б. ⁷² мне послом Б. ⁷³ к такому УеБ. ⁷⁴ царю и Бе. ⁷⁴⁻⁷⁵ ко умному Бе; разумному государю Б. ⁷⁶ Нет Б. ⁷⁷ же сам БеБ. ⁷⁸ Испр. по УеБе; учил вся У; на- выкнувше разума Б. ⁷⁹ противу мене, то Бе. ⁸⁰ Испр. по УеБе; беси У; себя Б. ⁸¹ еси себя Уе; себе Бе; еси Б. ⁸² послом Б. ⁸³ некогда УеБеБ. ⁸⁴ Нет Бе. ⁸⁵ страны Б. ⁸⁶ переправлено из Мотьяше У; Матьяш УеБеБ. ⁸⁶⁻⁸⁷ великаго рода Бе. ⁸⁸ и чистен человек Б. ⁸⁸⁻⁸⁹ царь Б. ⁹⁰ ему сести УеБе; его пред себя поставити, поклисарь же от царя своего посольство правил, Дра- кул же повеле ему быть у стола и посади его Б. ⁹¹ за Б. ⁹² един стол Б.

среди трупия.⁹³ И пред ним лежит кол велик весь⁹⁴ позлащен⁹⁵ добре и высок.⁹⁶ Дракула же воспросив⁹⁷ поклицаря: ⁹⁸«Повежь⁹⁹ ми, чего¹⁰⁰ ради аз^{IV,1} учиних сий кол тако?»² Поклицарь же вельми убоявся³ и глагола: «Великий⁴ государь, мнит ми⁵ тако: некоторый⁶ велик человек, аки⁷ аз, пред⁸ тобою согреших,⁹ и хо||щеши¹⁰ ему почесную смерт¹¹ учинити паче иных». л. 207 об. Дракула¹² же¹³ рече ему: «Право рекл¹⁴ еси:¹⁵ ты еси¹⁶ великаго царя королевские¹⁷ земли поклицарь; тебе учинил ест¹⁸ сий кол». Он¹⁹ же отвеща: ²⁰«Аще, государь,²¹ достойна смерт дел буду,²² твори, еже хо||щеши. Праведен бо²³ еси судия: не ты мне учинил смерт,²⁴ но аз сам себе». ²⁵ Дракула ²⁶же розсмеявся²⁷ рек: ²⁸«Да аще²⁹бы еси мне не тако рек,³⁰ не тако отвещал,³¹ то воистину бы был³² еси на сем коле». И, почтив³³ его вельми,³⁴ и тако отпустил³⁵ и рече:³⁶ «Ты вправду³⁷ ходи³⁸ на посольство,³⁹ а иные но⁴⁰ не дерзнут,⁴¹ но первии умни⁴² будут, како с вели||кими государи говорити». ⁴³

Тогда⁴⁴ же ⁴⁵обедаша Дракула⁴⁶ же по трупиям⁴⁷ мертвых людей,⁴⁸ иже⁴⁹ на колье⁵⁰ и⁵¹ около трапезы его. И послове,⁵² отколе⁵³ прихожяху⁵⁴ к нему, тут же с ним ядыху⁵⁵ и пославаху; Дракула же среди⁵⁶ их сидяше.⁵⁷ Слуга же⁵⁸ пред ним ⁵⁹ясти ставляше ⁶⁰и смрада того⁶¹ терпети не можаше,⁶² он же рукою заложи нос и⁶³ главу склони⁶⁴ на сторону. Дракула⁶⁵ же воспроси

⁹³ трупия мертвых *УвБеБ*. ⁹⁴ добр и высок весь *Ув*; и высок весь *Бе*; высок *Б*. ⁹⁵⁻⁹⁶ Нет *УвБеБ*. ⁹⁶⁻⁹⁸ царь рече поклицарю *Б*. ⁹⁷ воспроси *Бе*. ⁹⁸ *Испр. по УвБе*; проклицаря *У*. ⁹⁹ рцы *Б*. ¹⁰⁰ чесо *Б*.

^{IV, 1-2} учиних кол так *УвБе*; кол сий учиних *Б*. ³ убояся того *УвБе*. ⁴ царь великий *Б*. ⁵ ми ся *УвБеБ*. ⁶ аще некоторый *УвБе*; аще который *Б*. ⁷ яко ж *Б*. ⁸ и пред *УвБе*. ⁹ согрешит *Ув*; великим царем исправы не учинит *Б*. ¹⁰⁻¹¹ его пожаловати, честную на сем коле *Б*. ¹² царь *Б*. ¹³ Нет *Б*. ¹⁴ ми-еси рекл *Б*. ¹⁵ Нет *Б*. ¹⁶ Нет *Б*. ¹⁷ Угорские *Б*. ¹⁸ есмь *Ув*; нет *Б*. ¹⁹ поклицарь *Б*. ²⁰⁻²¹ ты, государь, волен, аще *УвБе*; ты, государь, волен, аще суть *Б*. ²¹⁻²² дела моя достойны будут смерти *УвБеБ*. ²³ Нет *Бе*. ²³⁻²⁴ есть судия без дела смерти не предаст, не судия мя к смерти ведет *Б*. ²⁴ Нет *Бе*. ²⁵ себе учиню простотою своею *Бе*; злыми делами на смерт веден буду *Б*. ²⁶ царь *Б*. ²⁷ слыша и разсьмеяся и *Б*. ²⁸ рех *Ув*; рече *Б*. ²⁹⁻³⁰ не так бы еси мне рек *Б*. ³⁰⁻³¹ Нет *УвБеБ*. ³² ты был *Б*. ³³ почтил *Ув*. ³⁴ царь вельми *УвБ*. ³⁵ отпусти его с миром *Ув*; отпусти с миром *Бе*; повеле его отпустить с миром *Б*. ³⁶ рек поклицареву *Б*. ³⁷ Нет *Ув*; не научас и впредь *Бе*; еси и впредь *Б*. ³⁸⁻³⁹ для посольства *УвБе*; к моему величеству на посольство *Б*. ⁴⁰ бы *УвБеБ*. ⁴¹ дерзнули *Ув*; дерзали *БеБ*. ⁴¹⁻⁴³ Нет *УвБеБ*. ⁴² *Испр.*; нет *У*. ⁴⁴ некогда *УвБеБ*. ⁴⁵⁻⁴⁶ царь обедаша *Б*. ⁴⁶⁻⁴⁷ подле трупия *УвБеБ*. ⁴⁸ Нет *Б*. ⁴⁹ инии же *Б*. ⁵⁰ колех *БеБ*. ⁵¹ Нет *УвБеБ*. ⁵² когда прилучися быти послом *Б*. ⁵³ *Испр. по Б*; откола *У*; отколе ни *УвБе*. ⁵⁴ Нет *Б*. ⁵⁵ *Переправлено из ядуху У*. ⁵⁵⁻⁵⁷ Нет *Б*. ⁵⁶ посреди *Ув*; последи *Бе*. ⁵⁸ жего *Бе*. ⁵⁹⁻⁶⁰ ставляше ясти *Бе*; съ есткою стояше *Б*. ⁶¹ мертвого *Бе*. ⁶¹⁻⁶² не можаше терпети *Бе*. ⁶¹⁻⁶⁴ не терпяще и заложи ноздри своя рукою и лице обрати *Б*. ⁶³ а *УвБе*. ⁶⁵ царь *Б*.

его: «Что⁶⁶ ради⁶⁷ так твориши?»⁶⁸ Он же рече: «Государю,⁶⁹ не могу⁷⁰ терпети смраду!»⁷¹ Дракула⁷² же⁷³ ту и⁷⁴ повеле его⁷⁵ на кол восторгнути и рече: «Тако ми⁷⁶ еси⁷⁷ высоко, но⁷⁸ и⁷⁹ смрад⁸⁰ не может дойти⁸¹ тогда!»⁸²

л. 208 об. Дракула же⁸³ заповеда по⁸⁴ всей земли своей:⁸⁵ «Да аще кто стар, или чем⁸⁶ недужен, ⁸⁷или вреден,⁸⁸ или ⁸⁹слеп, или хром⁹⁰ и ⁹¹всяким недугом⁹² одержимы, да⁹³ вси ти придут⁹⁴ ко мне, да⁹⁵ сотворю их всех беспечальных».⁹⁶ И собращася к нему множество нищих,⁹⁷ всяким недугом одержимы,⁹⁸ чающе от него великия милости. Он⁹⁹ же веле¹⁰⁰ их собрати в великую храмину и повеле¹ им дати² пити и ясти³ довольно; они же⁴ ядшае, и пияша, и возвеселишася.⁵ Дракула⁶ же пришед⁷ к ним⁸ глаголаше: «Что⁹ вы еще хотите¹⁰ от меня?». Они же вси отвещаваше:¹¹ «Ведает, государь, бог да твое величество, как тебя¹² бог вразуме».¹³ Он же глагола им: «Хотите ли, да сотво¹⁴рю вас беспечальных¹⁴ на сем свете, ничим¹⁵ же нужны будете¹⁶ на сем свете?»¹⁷ Они же чающе от него великия милости и вси глаголюще:¹⁸ «Хощем, государю».¹⁹ Дракула же²⁰ повеле²¹ ту храмину²² обнести хвратиєм и огнем запалити, и тако²³ всех сожже, и ²⁴сотвори их²⁵ всех беспечальных. И глагола бояром своим: «Да²⁶ ведаете ли,²⁷ что аз сотворих²⁸: первое, да не стужают людям и никто же да будет нищъ в земли моей, но²⁹ богати будут; второе, свободи их от ³⁰ печали, да никто же их³¹ постражет на сем свете от нищеты и от³² недуга».

Единою³³ же приидоша к нему ото Угорские земли два латинска мниха милостыни ради. Дракула³⁴ же повеле их розвести, и призва к собе единого, и показа ему около двора

⁶⁶ чего *Б.* ⁶⁷⁻⁶⁸ лице отвратил и ноздри своя заложил *Б.* ⁶⁹ ему *Бе*; великий царю *Б.* ⁷⁰ могу, государь *Бе.* ⁷¹ смраду от мертвых *УеБеБ.* ⁷² царь *Б.* ⁷³⁻⁷⁴ того *Уе*; и того *Бе.* ⁷⁵⁻⁸⁰ рече, аз учиню тя от смрада высоко и *Б.* ⁷⁵ *Нет УеБе.* ⁷⁶ *Нет УеБе.* ⁷⁷ еси буди *УеБе.* ⁷⁸ ино *Уе.* ⁷⁹ *Нет УеБе.* ⁸¹ дойти до тебя *УеБ*; до тебе дойти *Бе.* ⁸² *Нет УеБе*; и повелел его на кол восторгнути: буди ему от смрада высоко *Б.* ⁸²⁻⁸³ некогда же Дракула *УеБе.* ⁸⁴ во *УеБе.* ⁸⁵ *Нет Б.* ⁸⁶⁻⁸⁸ *Нет Б.* ⁸⁹⁻⁹⁰ хром или слеп *Б.* ⁹¹⁻⁹² всякими недуги *УеБеБ.* ⁹³ и да придут *Б.* ⁹⁴ *Нет Б.* ⁹⁵ и аз *Б.* ⁹⁶ без болезни и без печали *Б.* ⁹⁷ недужных нищих и хромых и слепых *Б.* ⁹⁷⁻⁹⁸ и всякими недуги одержимы *УеБеБ.* ⁹⁹ царь *Б.* ¹⁰⁰ повеле *УеБеБ.*

¹ ¹⁻² дати им *Б.* ²⁻³ ясти и пити *УеБеБ.* ⁴⁻⁵ ядоша и пияша и веселишася, видя милость цареву *Б.* ⁶ царь *Б.* ⁷ прииде *Б.* ⁸ ним и *Б.* ⁹⁻¹⁰ хотите еще *УеБ*; хотите *Бе.* ¹¹ отвещаша *УеБе*; к нему отвещавше: великий царю *Б.* ¹² тебя, государя, о нас *УеБеБ.* ¹³ вразумит *УеБеБ.* ¹⁴ без болезни и без печали *Б.* ¹⁵ и ничим *Бе.* ¹⁶⁻¹⁷ *Нет УеБеБ.* ¹⁸ глаголаху *УеБеБ.* ¹⁹⁻²⁰ царь же Дракула *Б.* ²¹⁻²² храмину ту *Б.* ²³ та же *УеБеБ.* ²⁴⁻²⁵ сотворих *Уе.* ²⁶ *Нет Б.* ²⁷ вы *Б.* ²⁸ *Испр. по УеБеБ.* ²⁹ сотвори их *У.* ³⁰ ино *Б.* ³¹ всех бес *Б.* ³² от них *Б.* ³³ *Нет Бе.* ³⁴ неколи *УеБ*; не после пробела неколи *Бе.* ³⁴ царь *Б.*

своего|| множество на колье³⁵ людей и ни колесех, и вопроси³⁶ л. 20^о об. его, глагола: «Добро ли то аз творю»? ³⁷ Тако же мних³⁸ рече: ³⁹ «Ни, государю, добро, ⁴⁰ по зло твориши, ⁴¹ без милости казниши; подобает, ⁴² государю, ⁴³ милостиву быти. ⁴⁴ А те, ⁴⁵ иже на колье, ⁴⁶ мученицы суть». И призва⁴⁷ же⁴⁸ другого мниха и вопроси его такоже. Он же отвеща, ⁴⁹ мних: ⁵⁰ «Ты, государю, ⁵¹ от бога поставлен еси⁵² лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати. ⁵³ А си лихо⁵⁴ творили, и они по своем делом и восприяли». ⁵⁵ Дракула же призва⁵⁶ первого мниха и глагола ему: «Да почто ходиши из монастыря, ис⁵⁷ кельи своей, не познавая ничто же? А ныне сам еси глагола, яко те⁵⁸ мученицы суть. И⁵⁹ яз хочю ⁶⁰ и тебя мученика⁶¹ сотворити». ⁶² И повеле⁶³ его ⁶⁴ посадити на кол, ⁶⁵ а другому повеле || дати 50 дукат⁶⁶ л. 21^о злата и рече ему: «Разумен еси человек». И повеле его с почетом на⁶⁷ возех до Угорские земли проводити.⁶⁸

Некогда же прииде к нему купец Угорские земли⁶⁹ въ его град. И по его заповеди остави⁷⁰ воз⁷¹ на улице⁷² пред полатою и⁷³ товар на возех, а сам спаше у полаты. И пришед некто, украде с воза 160 дукат⁷⁴ злата. Купец же иде ко Дракуле, ⁷⁵ поведа⁷⁶ ему о погублении своего злата. ⁷⁷ Дракула же⁷⁸ поведа ему: «Не буди печален о том, иди домов: ⁷⁹ в сию ночь обрящется злато твое на возу». ⁸⁰ Тогда же заповеда⁸¹ по всему граду искати татя и глагола: «Аще ли⁸² не обрящете, то⁸³ весь град погублю». И повеле⁸⁴ погибшее злато положити⁸⁵ на возе и приложити ||⁸⁶ един златой лишней. ⁸⁷ Купец же востав⁸⁸ и обрете⁸⁹ свое злато⁹⁰ на возе, изочте⁹¹ двжды и тржды, ⁹² и обретошася един⁹³ лишней златой⁹⁴ на возе. VI, ¹ Тогда же приведоша татя того златом. И глагола² купцу: «Иди с миром; ³

³⁵ кольех Бе. ³⁶ вопросив Б. ³⁷ творю или худо Б. ³⁷⁻³⁸ мних же Бе. ³⁹⁻⁴⁰ не добро, государь УеБеБ. ⁴¹ чинишь УеБеБ. ⁴² подобает тебе Б. ⁴³⁻⁴⁴ быти ти милостиву Бе. ⁴⁵ Испр. по УеБеБ; тех У. ⁴⁶ кольех Бе. ⁴⁷ призвав царь Дракул к себе Б. ⁴⁸ Нет БеБ. ⁴⁹ отвечав же Б. ⁵⁰ Нет Бе. ⁵¹ государь УеБеБ. ⁵² Нет Б. ⁵³ миловати УеБеБ. ⁵⁴ тако лихо УеБе; аще (переправлено из тако) лихо Б. ⁵⁵⁻⁵⁶ Дракул же царь, призвав Б. ⁵⁷ и из БеБ. ⁵⁸ сии УеБеБ. ⁵⁹ Нет Б. ⁶⁰⁻⁶¹ мученика и тебе УеБе. ⁶² видети УеБеБ. ⁶³ веле Б. ⁶⁴⁻⁶⁵ на кол посадити УеБеБ. ⁶⁶ дук Бе. ⁶⁷ проводити на Б. ⁶⁸ Нет Б. ⁶⁹ же земли УеБе. ⁷⁰ постави Б. ⁷¹ возы БеБ. ⁷¹⁻⁷² Дважды на улице Бе. ⁷³ а УеБеБ. ⁷⁴ тукат Б. ⁷⁵ кралю УеБе; царю Б. ⁷⁶ и бил челом УеБеБ. ⁷⁷⁻⁷⁸ царь же Дракул Б. ⁷⁹ в дом УеБеБ. ⁸⁰ возе УеБ. ⁸⁰⁻⁸¹ и тогда заповеда Дракула Уе; и заповеда Дракула Бе; и тогда царь Дракул заповеда Б. ⁸² Нет УеБеБ. ⁸³ татя, то Б. ⁸⁴⁻⁸⁵ положить погибшее злато Бе. ⁸⁶⁻⁸⁷ повеле злато лишнее Бе; злато един лишней Б. ⁸⁸ востав изутра Уе; востав заутра БеБ. ⁸⁹⁻⁹⁰ злато свое УеБеБ. ⁹¹ и изочте УеБеБ. ⁹² Зжды Бе. ⁹³⁻⁹⁴ златой лишней УеБ; дукад злата лишней Бе.

VI, 1-2 он же то царю поведа и принесе, царь же рече УеБеБ. 2-3 Нет БеБ.

аще бы⁴ ми еси⁵ не поведал⁶ злата того лишняго,⁷ то бы и⁸ тебя велел с⁹ сим татем¹⁰ на кол посадити, а ныне поди¹¹ здрав». А татя того велел¹² на кол восторгнути.

Единою¹³ же¹⁴ идущу ему¹⁶ путем и узре на некоем месте человека сидяща в ветсей срачице издраней¹⁷ и хude. ¹⁸Дракула же¹⁹ воспрое его: «Человече, имаши ли²⁰ жену?». Он же: ²¹«Государю мой, имам». ²²И глагола ему: ²³«Веди мя в дом свой». л. 211 И пришед,²⁴ виде||жену его здраву и глагола ²⁵ему: «Муж, не²⁶ сеял ли²⁷ лен?». ²⁸Он же рече: «Много имам». И показа ему лен. Дракула²⁹ же глагола³⁰ жене его: «Да³¹ почто ты имаеши леност к³² мужу своему? Муж³³ твой должен орати, и сеяти, и тебя хранити; а ты еси должна мужу своему одежу ³⁴светлу и лепу чинити,³⁵ а ты ему³⁶ и срачицы не ³⁷хочеш нарядити,³⁸ а здорова сущи телом. И ты еси³⁹ повинна смерти, ⁴⁰а не муж твой». ⁴¹И поведе ей руде отсеци, а ⁴²само ея⁴³ на кол восторгнути.

л. 211 об. Тогда⁴⁴ же⁴⁵ учиниша ему мастера⁴⁶ железные бочки, и⁴⁷ насыпав в них злата, и положи⁴⁸ в реку. ⁴⁹И мастеров⁵⁰ тех || посече,⁵¹ да⁵² никто же⁵³ весть соделаннаго им, се же тезоимениты диявол.⁵⁴

Некогда же поиде⁵⁵ краль⁵⁶ угорский Матяш ⁵⁷на Дракулу⁵⁸ с войском своим;⁵⁹ он же⁶⁰ поиде противе его, и ⁶¹стретоша оба,⁶² и ухватиша Дракулу⁶³ жива, от своих здан⁶⁴ по крамоле. И приведен бысть х королю; король же повеле кинути⁶⁵ в темницу⁶⁶ на Вышегород на Дунаю, выше Будина 4 статина 12

⁴ Испр. по УвБеБ; бо У. ⁴⁻⁵ еси того мне Бе; еси то мне Б.
⁶⁻⁷ лишнего злата УвБеБ. ⁸ Нет УвБеБ. ⁹⁻¹⁰ татем сим УвБеБ.
¹¹ поиди ты УвБе. ¹² сыскав и велел УвБ; сыскав повелел Бе. ¹³ некогда УвБеБ. ¹⁴ Нет Б. ¹⁶ Дракуле УвБе; Дракулу Б. ¹⁷ раздранней УвБ; раздранне Бе. ¹⁸⁻¹⁹ царь же Дракул Б. ²⁰ ли ты УвБе.
²¹⁻²² рече: имею, государь УвБеБ. ²³ ему царь Б. ²⁴ поиде к нему в дом и пришед УвБе; приде к нему в дом и пришедше Б. ²⁵⁻²⁶ мужу УвБ; мужу ея Бе. ²⁷ Испр. по УвБеБ; лы У. ²⁸ еси лен УвБеБ.
²⁹ царь же Дракул Б. ³⁰ Испр. по УвБеБ; бла У. ³¹ Нет Бе.
³² Испр. по УвБеБ; нет У. ³³ муж же Б. ³⁴⁻³⁵ лепу и светлу чинити Бе; светлу чинити Б. ³⁶ еси УвБеБ. ³⁷⁻³⁸ Испр.; хочеш наряди У; нарядила УвБеБ. ³⁹ за то УвБеБ. ⁴⁰⁻⁴¹ Нет УвБеБ. ⁴²⁻⁴³ самое УвБеБ.
⁴⁴ некогда УвБеБ. ⁴⁵ же Дракуле УвБе; же царю Дракуле Б.
⁴⁶⁻⁴⁸ учиниша мастера УвБе; мастера учиниша Б. ⁴⁷ он же БеБ.
⁴⁸ пустиша их Бе; выпусти их Б. ⁴⁹ Было написано и зачеркнуто море Ув. ⁴⁹⁻⁵⁰ мастеров же УвБеБ. ⁵¹ повеле посечи Ув; повеле посечи Бе; велел посечи Б. ⁵² чтобы Бе. ⁵³ же бы УвБ; нет Бе.
⁵³⁻⁵⁴ уведал деланного ими УвБеБ. ⁵⁵ поиде на Дракулу угорский УвБе; на Дракулу угорский Б. ⁵⁶ Испр. по Бе; накрал У; король УвБ. ⁵⁶⁻⁵⁷ Матяш УвБеБ. ⁵⁷⁻⁵⁸ Нет УвБеБ. ⁵⁸ Испр.; Драку У.
⁵⁹ своим великим зело УвБе; своим великим зело поиде Б. ⁵⁹⁻⁶⁰ Дракула же УвБе; царь же Дракул Б. ⁶¹⁻⁶² стретошася оба и бипася много УвБеБ. ⁶³ Дракула Б. ⁶⁴ бо он здан был УвБеБ. ⁶⁵ его вкинути УвБеБ. ⁶⁶ Испр. по УвБеБ; темница У.

лакот,⁶⁷ и посадил на Мытъянской земле⁶⁸ иного⁶⁹ воеводу.
⁷⁰Дракула же,⁷¹ сидяще в темницы⁷² и не остави своего злаго
 обычей, мыши ловя и птицы покупаая,⁷³ и тако⁷⁴ казняше их,
⁷⁵инех на кол сажаше,⁷⁶ а инех,⁷⁷ || перя ощидав,⁷⁸ пуца,^{78а} л. 212
 и научися, в темницы сидя,⁷⁹ шити, и тем кормяся.⁸⁰

Егда краль угорский Матьяш⁸¹ изведе ис⁸² темницы,
 и ⁸³веде его на Будин даст⁸⁴ ему дом ⁸⁵в Пещи⁸⁶ против⁸⁷
 Будина. И⁸⁸ еще у короля не ⁸⁹был, случися⁹⁰ некоему злодею
 прибегнути⁹¹ на его двор и сохранитись. И гоняще их его най-
 доша.⁹² Дракула⁹³ же, взем меч свой, скочи⁹⁴ ис полаты⁹⁵ и
 отсече главу у пристава, ⁹⁶держащаго злодея,⁹⁷ а злодея ⁹⁸ис-
 пусти; и прочии же бежаша. И⁹⁹ приидоша кравеви¹⁰⁰ и пове-
 даше¹⁰¹ ему бывшее. Бирева же со всеми посадники
²идет к кравеви и пожаловатися³ на Дракулу. Краль же посла
 к нему⁴ || воспросити его, что⁵ ради тако сотворил?⁶ Он же тако л. 212 об.
 отвечае: ⁷«Зла же⁸ никоего не чинил,⁹ но он сам себе убил,
¹⁰находя разбойнически¹¹ и на великаго государя и на дом;
¹²аще бы тако мне пришел, и яз бы во своем дому нашел бых того
 злодея, и его дал бы или просил от смерти.¹³ Краль же нача
 дивитися деянию его.

Тогда¹⁴ умре¹⁵ воевода на Мытъянской¹⁶ земле; краль же
 посла к нему¹⁷ в темницу¹⁸ и рек:¹⁹ «Аще восхощеши быти, Дра-
 кула, воевода²⁰ на Мытъянской земле,²¹ яко да первые, да
 примет²² латынскую веру»; аще не примет,²³ то ²⁴в тем-
 ницы²⁵ умрет.²⁶ Дракула же возлюби || ²⁷паче временных²⁸ л. 213

66-67 и Мытъянскую землю за себя взя УвБеБ. 67-68 Испр. по Ув;
 нет У; и посади на Мытъянскую землю Бе; и поставил на Мытъянской
 земле Б. 69 Испр. по Ув; в иного У; своего БеБ. 70-71 царь же
 Дракул Б. 72 темнице УвБеБ. 73 Испр. по УвБеБ; покупля У.
 74 Нет Бе. 75-76 Нет УвБеБ. 77 у иных УвБ; иных Бе. 78 ци-
 паху УвБ; щипаше Бе. 78а и отпущал УвБ; отпущая Бе. 79 се-
 дящи Бе; седаща Б. 80 кормящесь Б. 80-81 и держав его в тем-
 нице и Ув; держав же его краль в темнице многое время и БеБ. 82 вон
 из УвБ; его вон из Бе. 83-84 дал УвБ; даде Бе. 85-86 Нет Б.
 87 среди УвБеБ. 88 а УвБеБ. 89-90 в милости случи же ся в той
 земли быти УвБе; в милости и случися в той земли быти Б. 91 у при-
 става и у пристава ушел и прибегнул УвБеБ. 92 найдоша и УвБе;
 найдоша и царю Б. 93 Дракуле про приставство сказаща, Дракула
 УвБеБ. 94 изскочи УвБеБ. 95 Испр. по УвБеБ; полаты У.
 96-97 Нет БеБ. 98-99 отдаде гонящим, они же УвБе; отдасть гоня-
 щим, они же Б. 100 ко кравеви УвБ; ко кравлю Бе.

101, 1 поведаша УвБе. 2-3 иде ко кравлю жаловатися УвБеБ.
 4 Дракуле УвБеБ. 5 чего УвБ; чего Бе. 6 Испр. по УвБеБ. сотво-
 рих У. 7-8 аз зла Бе. 8-9 аз никоего не учинил Б. 10-11 на что
 по твоему приказу злодея не берет УвБеБ. 12-13 его находит разбой-
 нический учинил и соблазну многим доспел УвБеБ. 14 Некогда Б.
 15 же умре УвБеБ. 16 Мытъянской УвБеБ. 17 Дракуле УвБеБ.
 17-18 Нет БеБ. 19 рече Б. 20 воевода быти Бе; нет Б. 21-22 тако
 б да принял нашу Ув; тако б принял нашу Бе; то бы приал нашу Б.
 23 примеш Бе. 24-25 у меня в заточении и Б. 26 умреш Бе.
 27-28 временная паче УвБеБ.

бесконечного²⁹ отпадения³⁰ православия, ³¹от истинны отпаде, оста³² света, прия³³ тму, уготовись на бесконечное мучение, остави православную веру греческую и прия латынскую прелесть.³⁴ Краль же не токмо воеводство ³⁵даст ему³⁶ на Мытьянской земле, но³⁷ и сестру свою за него даст,³⁸ от нея же роди³⁹ два сына. И ⁴⁰пожив лета и тако⁴¹ в прелести скончашеся.

Конец его сие: ⁴²живяше на Мытьянской земле, и ⁴³приидоша на землю⁴⁴ турки и нача⁴⁵ пленити. Он же ударися⁴⁶ на них,⁴⁷ и побегоша турки. Дракулино же войско без || милости ⁴⁸сечаху турков.⁴⁹ И Дракула же,⁵⁰ отторгши⁵¹ от войска⁵² своего, ⁵³мняху, яко турки⁵⁴ на горе, и удари его един копием. Он же с коня урвася, яко от своих убиваем, и ту его же множество копий избодоша,⁵⁵ и тако убиен⁵⁶ быст и зле скончася.

ХОХЛОВСКИЙ ВИД

Печатается по рукописи: ГБЛ, собр. Тихонравова (ф. 299), № 283.

л. 412

О ц а р и Д р а к у л е и о с м е р т и е г о

Бысь некий царь именем Дракул Мутьянской, житие зло имея и яр и не милостив и не пощади ни х кому, казнитель злы и скор к смерти.

И некогда посол иноземець, и повеле ему царь Дракул быти у себя на посольство. И прииде тот посол к нему скоро и вшед пред царя, не сняв шапки своея по своей вере, и поклонись царю Дракулу. Царь же, увидев, вопроси его: «Что так твориши: к великому государю пришел еси поклонитися, а з главы своея шапки не снял еси?». Посол же отвеща ему и рече: «Государю царю Дракуле, || наши государи так любят по вере нашей». Дракул же рече: «Аз того не люблю и хочу обычай ваш потвердити, да твержее того будете». И повеле главам прибити шапки^а гвоздем железным и отпусти их: «Скажите

²⁹ бесконечные Бе; бесконечных Б. ³⁰ отпаде УвБеБ. ³¹⁻³² и от истинны отступи, остави УвБеБ. ³³ и прият Бе; и прия Б. ³⁴ ересь, написано прелесть Бе. ³⁵⁻³⁶ Дракуле УвБеБ. ³⁷ даст, но УвБ; даде, но Бе. ³⁸ дал УвБ; даде Бе. ³⁹ родинась УвБеБ. ⁴⁰⁻⁴¹ тако Дракула УвБеБ. ⁴² сие был Ув; сие бысть Бе; сицевый был Б. ⁴³⁻⁴³ Нет УвБеБ. ⁴⁴ землю его УвБеБ. ⁴⁵ начаша УвБеБ. ⁴⁶ с войском ударись УвБе; Дракул с войском своим ударися Б. ⁴⁷ турки Б. ⁴⁸⁻⁴⁹ турков сечаху Б. ⁴⁹⁻⁵⁰ Испр. по УвБе; нет У; Дракул же Б. ⁵⁰⁻⁵¹ един отторгся УвБ; отторгся един Бе. ⁵¹ Испр.; отторгшиши и У. ⁵² Испр. по УвБеБ; востока У. ⁵³⁻⁵⁴ на гору, и войско его УвБеБ. ⁵⁴ Испр.; турски У. ⁵⁴⁻⁵⁵ пригнав к нему, и начаясья турком, копьи зболи его Ув; пригнаху к нему, и начаясья турок, избодоша его копьи Бе; пригнав к нему, и начаясья от них, что турок, копьи зболи его Б. ⁵⁵ Испр. по Бе; избодоша У; зболи УвБ. ⁵⁶ он убиен Бе.

^а Испр.; в ркп. нет.

государю своему, што не повык срамоту терпети от вас, а мы тому не навыхохом, да впредь не посылает своего обычая ко инем государем, кои того не хотят имети».

Послове же пришед от Дракула царя в землю свою и ска-
заша царю своему, царь же турский вельми разъярися о по-
слех своих и, собрав своя воя, поиде на Дракула царя с вели-
ким воем, || со многими силами; царь⁶ Дракул нача против его л. 413
збиратися своим войском и великим собранием, елико ж имяше
войска своего 30 900, и ударися Дракул на турков нощию, и
множество побиша турчан. И не возможе против многих людей
стояти и с ними битися малыми людьми, и возвратися з бою
того, и нача царь сам смотрети людей своих: у коего рана
спреди, тому честь дая, а хто ранен созади, тех на колья по-
садиша. А егда царь Дракул поиде против турков, и глагола
войску своему: «Аще кто восхощет ити со мною на ратное
|| дело, а помыслит кто смерть, тот не ходи со мною, но оста- л. 413 об.
нися zde». Царь же турский слышав то, поиде прочь со срамом
великим.

И посла к Дракулу посла своего клисаря взяти у Дракула
дань. Дракул же посла поклисаря, и показа все свое именье,
и рече клисарю: «Аз не токмо хочу ему давати дань, но со
всем войском своим и со всею силою и казною своею хочу
к нему на службу ити, и ты возвести от меня турецкому царю
своему, как я пойду к нему и в землю его, дабы царь приказал
во все свое царство, чтобы мне в царстве || его и в земли ни л. 414
какова зла не учинили, мне и людям моим. Аз хочу, клисарю,
скоро поти». Царь же турский, слышав от посла своего клисаря,
рад бысть вельми и веселяся восточными странами, скоро по-
сылает с наказы по всей земли своей и по всем градам своим,
повеле накрепко наказывати во все Турское свое царство:
«Куды поидет Дракул царь в мою землю, то никто же бы ему
и людям его не учинил зла, ни пакости, и воздали б ему честь
велику и хвалу». И как поиде царь Дракул в землю турецкого
царя и как будет в земли Турской, и сретити его || многие л. 414 об.
турци и поклонились ему на колену. Приставы же турецкого
царя сидяще с ним и честь воздаяху ему. Дракул же поиде по
земли турецкого царя и в пять дней землю, и внезапно вернися
царь Дракул назад и нача пленити землю, и грады, и села тур-
ския, много множество пленил и сек, а иных казнил, на колья
сажал, и сожжены, и до сущих младенцов не оставив, и всю
землю Турскую учинил пусту, и множество христиан плене-
ных возвратил в землю свою, и много имения взял. Приста||вы л. 415
же турецкие почтив, отпусти их, глаголя: «Повежьте царю
своему, еже видите: колико аз могох, толико и послужил царю
вашему; аще будет служба моя ему не угодна, и аз ему еще по-

⁶ Далее в ркп. две буквы зачеркнуты.

служу». Приставы же турского царя от Дракула пришед поведаше по ряду. Царь же турски вельми потужи, глаголя: «Никто же ми зла учинил, яко же Дракул, срамом от него побежден бых».

л. 415 об. Колико грозен есть Дракула^в во всей земли, яко же нигде на царя ни князя было и несь, яко^г же он: аще ли разбой, или татьбы, || или кое зло, или неправда где учинится въ его земли, то никако же *живе*^х не будет, аще боярин или простой человек, хотя много хто богатства имеет, то никако не может искупиться от смерти. Тогда бысь на некоем месте кладязь сладок и хладен вельми, к тому кладезю многие пути приидоша, ото многих стран, и пияху от источника того. Царь же Дракул учини чашу велику злату и поставив ея на источнице том. И рече: л. 416 «Аще кто пияше тою чашею и паки || поставляше на том же месте». Людие же от всех стран ездяху х кладязю и пияху златою чашею воду елико хотяху, и никто не *смеяше*^е взяти чаши от грозы великаго царя Дракула, донеле же он пребысь.

л. 416 об. Некогда же во царствии его и во всей земли, когда услышит, аще кая жена от своего мужа прелюбы творит, он же веляше той жене вырезати срам ея и привязати среди торгу ея, и вдовам також творяше, кои девства своего не сохранили, а иным сосца отрезаша, и иным кожу здираше, такоже которые || мужи от своих жен творят прелюбы, и у тех уды отрезываше, а иным в пяты гвоздия вбиваху, а иных на колье сажаху.

Тока же Дракул царь обычай у себя имяше: откуда приходаше к нему послы от царя или от краля, или от князя, а не умеяше противь его отвещати, того казниша, глагола им: «Не аз повинен вашей смерти, но вы сами рцета на мя, и не науча послал тя к великому государю умному, то государь тя твой убил есть; и аще сам еси дерзнул не научився глаголати, то сам еси убил ся». л. 417 || И так поклизарем чиняше. Тогда же прииде к царю Дракулу поклизарь от Угорския земли именем Матияш, родом велик человек; Дракул же спроси его про отчество его и повеле ему сести с собою на обеде среди трупия, аже пред ним лежит кол велик и злащен, добр сый, велик и высок. Дракула же спроси поклизаря: «Скажи ми, чего ради кол учинен?». Поклизарь же вельми убояся и глагола ему: л. 417 об. «Великий государь, царь Дракул, мнит ми ся тако: некий велик человек, аки аз, пред тобою, своим государем, || пред царем Дракулом много согрешил, и разумехом и видехом, иже хочещи ему *честную*^ж смерть воздати паче иных». Дракула же рече ему: «Право рек еси: ты великаго государя королевские земли поклизарь; тебе учинил сей кол». Поклизарь отвеща ему:

^в Испр.; в ркп. Дакрала. ^г Испр.; в ркп. ко. ^х Испр.; в ркп. нет. ^е Испр.; в ркп. *смеяше* (?). ^ж Испр.; в ркп. *было написано и смазано* честному.

«Аще достойно мне смерть дней будущих, твори что хочеши. Праведен бо еси судия: не ты мне, государь, учиниш смерть, но аз сам себе». Дракула же царь, розсмеявся, рече ему: «Аще бы еси, поклисарю, мне не так рекл и не тако от||вещал, во- истину бы еси был на сем коле». Царь же Дракул, почтив пок- лисаря вельми и отпусти и его в землю его, глаголя: «За то отпустих тя, что в правду ходиши на посольство, а иные не дерзнут, но первые будут, како с великими государи створити». л. 418

Тогда же царь Дракула обедаше подле трупия мертвых людей, иж на колье около трапезы его, и приидоша к нему послове, и тут же на трапезе повеле им ясти и посольство прав- вят ту же. Дракула же царь среди их на обеде сядише, а слуги пред ним еству ставляху. || И смрада того не мощно терпети, л. 418 об. послы руками закрываху носы и главы уклониша на страну. Видев же царь Дракул и глагола им, яко послы носы закрываху и уклоняхуся, и рече им: «Что ради се творите?». Они же реша: «Не могохом смрада³ сего терпети!». Дракула же повеле в той час послов на^н колье всторгнути, глаголя: «Тако вы есте высоко, и смрад вас дойти не может!».

Тогда царь Дракул заповеда по всей земли: «Да аще кто стар, или чем недужен, или скорбен, или чем вредим, или слеп, или хром, или каким недугом || одержимы, да все при- л. 419 идут ко мне, и сотворю их всех безпечальных и от всякия бо- лезни свободу их». И собрася к нему множество нищих и болящих, всякими недуги одержими, чающе от него всякия ми- лости. Царь же повеле их собрати в великую храмину и повеле им дати ясти и пити довольно; они же ядаху, и пияху, и воз- веселишася о цареve милости. Царь же Дракала прииде к ни- щим и к недужным и глагола им всем вслух: «Что вы еще хо- щете, да сотворю вам?». Они же глаголаша, аки единими усты отвещаша: «Ведает бог да твое царское || величество, как тебе, л. 419 об. государю нашему, господь утвердит». Царь же глагола им: «Хощете ли, да створю вас безпечальных на сем свете, ничим не нужны будете вовеки?». Все же нищи и недужные слышаху от царя, вельми возрадовашеся радостию великою, чающе от него великия милости, вси глаголюще: «Хощем, государю». Царь Дракула же повеле их затворити в храмине, и обослати хвастием,^в и зажжеши, и тако всех сожже, глаголя: «Сотво- рих вас безпечальных вовеки от сего света». Царь же рече боя||ром своим: «Весте ли, что аз сотворих? Первые, да не сту- л. 420 жают людям и никто же нищ не будет в земли моей, но вси богати будут; второе ж, свободих их от печали и скорби, и да никто же не^н постражет на сем свете от нищеты и от недуга и скорби».

³ Испр.; в ркп. смадада (?). ^н В ркп. на дважды. ^к Испр.; в ркп. хвастием. ^л Испр.; в ркп. по.

Некогда же приидоша к нему от Угорския земли два латинска мниха милостыни ради. Дракула же повеле их розвести разнo, и повеле привести к себе единого мниха, и показа ему л. 420 об. около двора своего много || множество на колье людей посаженных и на колесех, и вопросы мниха: «Добро ли то аз творю?» Мних же рече: «Добро твориши, но зело без милости казниши; подобает ти, государю, милостиву быти к тем, иже в темници суть». Дракул^н же призва мниха другого и вопросы его о казненных людех тако ж, яко и перваго; мних же отвеща: «Ты, государь, от бога поставлен еси зло творящих казнити, а добро творящих жаловати, а си лихо творили, и они по своим л. 421 делом смерть прияли». Царь же приз^{ва} первого мниха и глагола ему: «Почто ходиши из монастыря и келии своя, не позная ничто же; а ныне сам еси глагола, яко темницы суд, и аз тя хочю ныне мученика учинити». А другому царь мниху повеле дати 50 дукат злата, глаголя: «Разумен еси человек». И повеле его на возех до Угорския земли проводить с великою честию.

Некогда же прииде к нему купец из Угорския земли въ его град. По царской заповеди постави на улице пред полатою все л. 421 об. имение свое и товары на возах, елико имяше. || И сам купец нача спати у полаты. И пришед некто человек и украде с воза 160 дукат злата. Купец же вста, иде ко царю Дракулу и поведа ему о погибшем своем злате. Царь же рече купцу: «Не буди печален о том, иди домов: в сию ночь обрящется злато твое на возе твоём». Тогда царь заповеда всему граду своему искати татей, глаголя: «Аще не обрящете вскоре, то весь град погублю». И повеле погибшее злато положить купцу на^н возе его, приложив един златой. Купец же обрете свое злато погибшее на возе л. 422 своем, || и соче дважды и в третей, и обрет един лишней златой на^н возу, и сказа купец царю, яко един златой лишней. Царь же глагола купцу: «Иди с миром; аще бы еси не^о поведал мне злата того лишняго, то бы и тебя с ним велел на кол восторгнути, с тем же татем». И отпусти купца здрава, не вредив ничем, а татя велел на кол посадити.

Некогда же единому царю Дракулу идущу путем и виде на некоем месте человека сидяща в ветхой срачице, издране и хude. И вопросы его, имат ли жену. Он же отвеща: «Имам». л. 422 об. И глагола царь: «Веди мя || в дом свой». И пришед, виде жену его здраву и вопросы человека: «Не сеял ли еси лну?» Он же рече: «Много лну имам». И показа ему лен. Дракула же глагола жене его: «Почто имаша леность к мужу своему? Он должен орати, и сеяти, и хранить тя, а ты еси должна мужу своему одежду светлу и лепу чинити, и ты ему не хочеши срачицы на-

^н Испр.; в ркп. Дакул. ^н Испр.; в ркп. но ^о Испр.; в ркп. но.

рядити; а здрава сущи телом своим; повинна еси смерти, а не муж твой». И повеле ей руже отсеци, и саму ю повеле на кол посадити.

Некогда же мастера по его велению || учиниша бочки железные, и насыпав их златом, и положи в реку; а мастеров тех царь повеле посечи, да никто ж не увести соделанного. л. 423

Некогда же поиде король угорский Матяш на царя Дракула с воинством своим; весть же прииде царю Дракулу о сем; он же поиде напротив его с силою своею. Когда сидошася оба, ухватиша Дракула жива, от своих здан по крामоле, и привел доша его к королю. И всади его в темницу в Вышеграде на Дунаю, вышина его будет 12 лакот; || на Мутьянской земли посади воеводу инаго. л. 423 об.

Дракула же сядяше в темнице, не оста своего злаго обычая, мыши ловяше в темнице и птицы покупаше и тако казниша их, яко же во царствии своем люди казняша, и инья на колье сажаше, а иным перья опишывая, отпускаше, а инья на уды меташе и всякия казни даваше. И научися в темнице платья делати и тем кормяся.

По сем король повеле извести его из темницы, и привел его на Будин, и даст ему дом в Пищу против Будина. Аще || у короля не бывал, и случися некоему злодею прибегнути на его двор. И схороняшуся от гонящаго, и прибежа гонящи на Дракулов двор, сиречь пристав, и ухватиша злодея. Видев же Дракула, взем меч свой, и отсече главу приставу, и держаше злодея, и отпусти; а прочии бежаша. И пришед сказах королю Матяшу бывшее. И собращася^а вси посадники, идоша к королю жаловатися на Дракула. Король же посла по Дракула и повеле спросити его: «Что ради сотвори?»^б Он же отвеща: || «Зла не учиних, но сам ся убил, находя разбойнически на великаго государя и на дом его; аще бы ко мне так пришел, и аз бы во своем дому нашед того злодея, отдал бы ему или бы отпросил его от смерти». Король же нача дивитися деянию его. л. 424 об.

Тогда умре воевода на Мутьянской земли, которой^с был послан после Дракула царя. Король же послал к Дракулу, глаголя: «Аще восхощеши быть воевода на Мутьянской земли, яко ж прежде, то прими веру латинскую, аще ли не примеши, в темнице умреша». || Дракула же возлюбил временная паче безконечных, отпаде православныя веры и от истинны отступи, оставя свет, прият тму и уготовися на безконечное мучение, остави православную веру и прият латинскую прелесть. Король же не токмо воеводство даст ему на Мутьянской земли, но и сестру свою за него даде, от нея же родися ему два сына. И поживе лето и тако в прелесть скончася. л. 425

^а Испр.; в ркп. собращася. ^б Испр.; в ркп. со сотвори. ^с Испр.; в ркп. кторой.

Конец его сипе: живяше же на Мутьянской земли, приидоша на землю турки и начаша || зло чинити много. Дракала же л. 425 об. ударися на них, и побегоша турки. Дракулино же войско без милости сечаху турков. И отторгшися от войска своего, и мняху яко турки. Тогда един удари его копьем. Дракала же с коня увалися, яко от своих убиваем мя. И ту его множество копиями збдоша, и тако Дракула убиен бысь. И зле скончася тако житие Дракулино.

СВОДНАЯ РЕДАКЦИЯ

Публикуется по рукописи: ЦГАДА, ф. 181 (собр. Архива Министерства иностранных дел), № 613/1121.

П о в е с т ь о н е к о е м ц а р е Д р а к у л е з е м л и л. 28 об.
М у т ь я н с к и я , о ж и т и и и о ц а р с т в е е г о

Б е н е к и й ц а р , г р е ч е с к и е в е р ы х р и с т и я н , и м е н е м Д р а к у л ,
з е м л и М у т ь я н с к и я , ж и т и е м з л о с е р д , || и я р , и н е м и л о с т и в , и л. 29
н е п о щ а д л и в н и х к о м у ж , к а з н и т е л ь з л ы , с к о р к с м е р т и .

И б о н е к о г д а п р и ш е д к н е м у п о с о л и н о з е м е ц т у р с к и й . И п о -
в е л е е м у ц а р ь Д р а к у л б ы т и у с е б я н а п о с о л ь с т в е , и п р и и д е
т о т п о с о л к н е м у с к о р о , и в ш е д п р е д ц а р я , н е с н я в ш а п о к с в о и х
п о с в о е й в е р е , и п о к л о н и л с я ц а р ю Д р а к у л у . Ц а р ь ж е , в и д е в ,
в о п р о с и е г о : « Ч т о т а к о т в о р и ш , к в е л и к о м у ц а р ю п р и ш е л
е с и п о к л о н и т с я , а з г л а в ы ш а п о к н е с н я л е с и ? » . П о с о л ж е ,
о т в е щ а в , р е ч е е м у , г о с у д а р ю ц а р ю Д р а к у л у : « Н а ш и г о с у д а р и
т а к л ю б я т п о н а ш е й в е р е » . Ц а р ь ж е Д р а к у л р е ч е : « А з т о г о н е
л ю б л ю , а з х о щ у о б ы ч а й в а ш п о д т в е р д и т и , д а к р е п к о с т о и т е » .
И п о в е л е и м к о г л а в а м и х ш а п к и п р и б и т и г в о з д и е м ж е л е з н ы м ,
и о т п у с т и и х , и р е ч е : « Ш е д с к а ж и т е ц а р ю с в о е м у : т о о н п о в ы к
т у с р а м о т у т е р п е т и о т в а с , а я б о т о г о н е н а в ы к о х о м , д а в п р е д ь
н е п о с ы л а е т с в о е г о о б ы ч а я п о и н ы м || г о с у д а р я м , к о и т о г о и м е т и l. 29 об.
н е х о т я т , н о у с e б я д е р ь ж и т » .

О п р и х о д е т у р с к о г о п о с л а в с в о ю
з е м л ю . П о с л ы ж е , п р и ш е д ш е о т Д р а к у л а ц а р я в с в о ю з е м л ю
и с к а з а ц а р ю с в о е м у . С л ы ш а в ж е ц а р , в е л ь м и р а з с е р д и л с я о т о м
и п о и д е с в е л и к о ю с и л о ю и в о й с к о м н а Д р а к у л а ц а р я . Д р а к у л ж е
ц а р , с о б р а в е л и к о и м я ш е в о й с к о с в о е , и н а п а д е н а т у р с к о г о
ц а р я н о щ ю , и м н о ж е с т в о п о б и и х . И н е в о з м о ж е п р о т и в о
в о й с к а в е л и к о г о м а л ы м и л ю д м и с т о я т и , и в о з в р а т и л с я з б о ю
т о г о , и п р и и д е , и н а ч а ц а р Д р а к у л с а м с м о т р е т и в о й с к а с в о е г о ;
к о т о р ы й р а н е н с п е р е д и , т о м у д а д е в е л и к у ю ч е с т и в и т я з е м e г o
у ч и н я ш е , а к о т о р ы е в т ы л р а н е н ы , и т е х н а к о л ь e с а ж а ш e и
г л а г о л а и м : « В ы е с т я н е м у ж и к и , н о ж е н ы » . А к о г д а п о и д е Д р а -
к у л н а т у р к и , т а к г л а г о л а || в с е м у в о й с к у с в о е м у : « К т о х о щ е т l. 30
с e б e с м е р т ь п о м ы ш л я т и , т о т б ы н е х о д и л с о м н о ю , о с т а н и с ь з д е » .

Царь турский слышав то, и поиде прочь с великою срамотою, и безчисленно погуби войска своего.

О после турского царя ко царю Дракулу дани прошат у царя Дракула. Цар пошлисарю посла к нему, да ему даст дань. Дракула ж цар вельми потчи^а посла одъного и показа ему все имение свое и рече ему: «Не токмо хочу вашему царю дан дават, но со всем войством и со всею казною хочу итить на службу, да како ми велит, и служу ему. и ты повести царю, да как поиду к нему, да не велит цар по своей земли никоего зла учинить^б мне ни моим людям, а аз хочу скоро по тебе итит и ко царю дань принесу и сам к нему || прииду. Царь же слышав то от посла своего, что Дракула хочет прийти к нему на службу, и посла своего потчти и одари вельми, и рад быст, бе бо тогда радуясь с восточными землями. И посла скоро по всем градом, по своей земли, когда царь Дракула поидет, никоего же бы зла царю Дракуле не учинили, но еще бы ему чест воздали. Царь же Дракул поиде собрався со всем войском своим, и царские приставы с ним, и великую ему честь воздаваше. Он же, цар Дракул, проиде по Турской земли его турского царя, яко пять дни, и внезапно^в возвратися вспят, и начат пленити грады турского царя и села, и много множество поплени и под мечи подклони, а иных на колье сажал турок, яко ж оставя всю землю пленил и пусту

л. 30 об. учинил, а протчих || же, иже суть христиане, на свою их землю и села прогна, и множество много корысти добыл. И турского царя приставников вельми почти их дарми, и отпусти их к турскому царю, и рече им: «Шед поведайте царю своему турскому, яко видесте вы и сами: сколько Дракул царь мог, только и послужил; а будет впред турскому царю годна будет моя служба, и аз еще ему хочу так же служити». Турский же царь Дракулу царю ничто ж ему не учини, только срамом побежден быст.

л. 31

О правде. Толико кто ненавидят в своей земли зла, а кто может кое зло учинит, татьбу ли, или разбой, или какую лжу, или неправду, то никако не будет жив, аще ли великой

л. 31 об. || боярин, или княз, или простой кой человек, или тысяшник, и з великого богатства, то б не мог от такие неправды откупиться от смерти, только царь Дракул грозен вельми.

О нищих. Единою же пусти царь Дракул заповедь по своей земле, кто стар, или немощен, или чем вреден, или нищ, да вси приидут к нему, к царю Дракулу. И собращася множество безчисленных странных и нищих, чающе от него, царя Дракула, себе великия милости. Он же повеле их собрати всех во едину храмину велию, на то устроена, и повеле дати им

^а Далее в ркп. написано и зачеркнуто царя. ^б Испр.; в ркп. учить. ^в Испр.; в ркп. внезапно.

пити и ясти довольно; они же ядыше и возвеселишася. Царь же Дракул прииде сам к ним и глагола им: «Что еще требуете?». || Они же вси отвещае царю Дракулу: «Ведает бог да твое, л. 32 государь, величество, как тебя, государя, вразумит». И глагола им царь Дракул: «Хотите ли вы, нищи, да сотворю вас безпечальных на сем свете, ничем же нужнии будете?». Они же вси, нищии, от царя Дракула чающе к себе великия милости, и глаголаша вси: «Хощем, государь». Царь же по их прошению повеле храмину заперет и огнем храмину их со всеми странными и нищими зжещи, и вси ту згореша. И глаголаше царь Дракул бояром своим: «Да ведомо ли, что я учиних над ними тако? Первое, да не докучают людем, другое, да никто же нищ будет в моем царстве, но вси богати, третье, ^гсвободи их,^г да не стражет никто же || от них на сем свете от нищеты и л. 32 об. от недугов.

О б л у д е. Аще коя жена от мужа прелюбы творит, он же веляше срам ея вырезать, и кожу содрать, и привязати ея нагу посреди базару, и девицам, которыя девства своево не сохранят, и вдовам ^ата же^а казн,^а а иных сосца обрезаваху, и в срам ея рожны разжены железны вонзяху, и во уста^б ж исхождаху, и тако привязанна стояще у столпа нага, дондеже платье и кости распадутся или птицами разторгана б^удет.

О м н и с е х л а т ы н с к и х. Некогда же приидоша к нему два мниха || от Югорския страны милостыни ради. Он л. 33 же повеле розвести их разнo, и призва единаго к себе, и показа ему круг двора своего множество человек на коли безчисленно, и вопроси его: «Добре ли аз сотворил се?». Мних же рече ему: «Ни, государь, зло чиних: без милости казниш; подобает, царю, милостиву быти, а ти, кои суть на коллех, мученически венчались». Дракула же призва второго старца и вопроси его такожде. Он же отвеща ему: «Ты еси, государь, от бога поставлен лихо творящих казнити, а добро творящих жаловати, а си лихо суть творили, и по своим делом восприяли». Дракула же, призва первого старца и глагола ему: «Почто вы из монастыря и из кели выходих по великим государем, а не зня ничего и не умея говорить; а ныне сам еси глаголал, яковы мученицы суть есть, аз || и тебя хочу мучеником учинити». л. 33 об. И повеле ему руку и ногу отсеци и на кол посадит, а другому старцу повеле дати 8 дукат злата и глагола ему: «Ты еси разумен человек». И повеле его с честию отпустить во свою землю и на колеснице проводить его до Югорския земли. Аминь.

^{г-г} Испр.; в ркп. свободных. ^{а-а} В ркп. та же дважды. ^б Испр.; в ркп. ута.

ПРИЛОЖЕНИЕ

НЕМЕЦКАЯ БРОШЮРА «ОБ ОДНОМ ВЕЛИКОМ ИЗВЕРГЕ» — ЛЕЙПЦИГСКОЕ ИЗДАНИЕ 1493 г.

При рекаталогизационных работах в собрании инкунабулов Гос. Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде было обнаружено издание немецкой повести «Об одном великом изверге» (в библиографии обычно обозначаемой «*Histoire von Dracole Wayda*»), существование которого до настоящего времени оставалось неизвестным. В конце брошюры после текста указаны год и место выхода (Лейпциг, 1493), но без имени печатника. По шрифтам она относится к типографии Мартина Ландсберга.¹ На титульном листе гравюра — изображение Дракулы в неизвестном варианте, — раскрашенная буро-красной, желтой, серой и тускло-зеленой красками в обычной для так называемых народных изданий манере. Брошюра эта, состоящая из одной тетради в четыре листа in-4° (зеркало набора 78×145 мм.), вплетена в конце конволюта,² включающего, кроме нее, пять изданий того же формата, также относящихся к 90-м годам XV столетия.

Из них первые четыре аллигата — *Johannes de Lapide. Resolutorium dubiorum circa celebrationem missarum occurrentium. Köln, Heinrich Quentell, 1493;*³ *Thomas de Aquino. De arte et vero modo praedicandi. — Henricus de Hassia. De arte praedicandi. [Strassburg, печатник кн.: «Casus breves» (= Georg Husner), около 1493—1495];*⁴ *Michael de Hungaria. Sermones praedicabiles per totum annum. Strassburg, [печатник кн.: Jordanus de Quedlin-*

¹ См.: К. H a e b l e r. *Typenrepertorium der Wiegendrucke*, Bd. 1. Halle, 1905, стр. 55. Martin Landsberg, шрифты: 1 (текст) и, по-видимому, 2 (заголовок; из-за малого числа строк и отсутствия характерных букв с точностью не определяется). См. также на стр. 250—251 и 162—163 (таблицы).

² Шифр 8.12.9.33.

³ L. H a i n. *Repertorium bibliographicum in quo libri omnes ab arte typographica inventa usque ad annum MD... recensetur*, vol. 1—4. Stuttgart — Paris, 1826—1838, № 9906.

⁴ Выходные данные приняты по: L. P o l a i n. *Catalogue des livres imprimés au quinzième siècle dans les bibliothèques de Belgique*, tt. 1—4. Bruxelles, 1932, №№ 3683—1862 (в отличие от Polain должно считаться за одно издание, поскольку вторая часть упомянута в заголовке первой).

burg (= Georg Husner)], 1490; ⁵ Astesanus de Ast. Canones poenitentiales. [Leipzig, Martin Landsberg, около 1495] ⁶ — являются своего рода практическими пособиями по совершению церковной службы, составлению проповедей и т. п., из чего явствует, что владельцем этого тома, вероятно, было духовное лицо; к тому же подклейкой переплета служат листы богатого пергаменного молитвенника (рукописи приблизительно XIV в.). Непосредственно предшествует «Historie von Dracole Wayda» другая небольшая брошюра, содержащая описание погребальной церемонии императора Фридриха III (Friedrichs III Leichenbegängnis. [Leipzig, Gregor Böttiger, после 14. III. 1493]?).

Судя по переплету (коричневой кожи на досках, с металлическими скобами от застёжек и обычным для Германии конца XV в. тиснением) и по датам изданий, они были сплетены скорее всего около 1495 г. Наличие в конволюте трех близких по времени выхода небольших изданий лейпцигских типографий, работавших в основном на местную продажу (в то время как три первых аллигата вышли из типографий, продукция которых имела широкое распространение), позволяет также заключить, что вероятнее всего этот том был составлен в Лейпциге или в округе Лейпцига. Самый переплет свидетельствует о благосостоянии его владельца.

Присутствие в этом томе, наряду с пособиями по церковному обиходу, двух последних брошюр светского характера, и притом на немецком, а не на латинском языке, т. е. предназначенных для широких читающих кругов, с первого взгляда воспринимается как противоречие. В особенности это относится к повести о Дракуле; смерть императора все же являлась общегерманским событием, касавшимся всех и в первую очередь официальных лиц. Возможно, что общедоступность языка и сюжета делала повесть о Дракуле удобным материалом для проповеди. Как бы то ни было, благодаря тому, что дешевая брошюра не только попала в руки обладателя библиотеки, но и была им сохранена, мы имеем сейчас возможность внести некоторые поправки в историю бытования немецкой повести «Об одном великом изверге», а также и в библиографическую картину XV в.

До настоящего времени «Historie von Dracole Wayda» для XV в. была известна в восьми изданиях, ⁸ из которых шесть (кроме

⁵ Выходные данные по: Catalogue of books printed in the XVth century now in the British museum, I—IX. London, 1908—1962 (в дальнейшем сокращенно BMC), I, 140.

⁶ Выходные данные по: Gesamtkatalog der Wiegendrucke, Bd. 1—8. Leipzig, 1925—1940 (в дальнейшем сокращенно GW), № 2745.

⁷ BMC III, 647.

⁸ По справке, полученной от г-жи Урсулы Альтманн из Сводного каталога инкунабулов (Gesamtkatalog der Wiegendrucke. Deutsche Staatsbibliothek. Berlin), совпадающей с перечнем, приведенным в статье: J. S t r i e d t e r. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula in der russischen und deutschen Überlieferung. «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd. XXIX, H. 2. 1961, стр. 403—404.

двух нижненемецких, вышедших в Любеке) относились к югу Германии (Нюрнберг, Бамберг, Аугсбург, Страсбург). Лейпцигское издание неожиданно раздвигает сферу распространения повести о Дракуле к востоку, показывая, что она пользовалась спросом во всех, в сущности, областях Германии.

При этом резкое отличие портретной гравюры на титульном листе от портрета Дракулы во всех остальных известных изданиях XV в.⁹ вряд ли может быть объяснено одним только талантом гравера: при наличии общих черт между всеми изображениями (в особенностях костюма и строении лица) лейпцигский портрет обладает такой конкретностью и уверенностью в деталях, которая наводит на мысль, что у гравера этого издания был какой-то особый «извод» рукописного оригинала портрета, тем более что иллюстраций такого стиля в других лейпцигских изданиях того времени не встречается.¹⁰

Это отличие в гравюрах не позволяет построить легко возникающую из-за непосредственной связи любекских печатников с Лейпцигом¹¹ гипотезу, что у нижненемецкого перевода и у лейпцигской брошюры мог быть общий рукописный источник: гравюра в любекском издании Готана полностью соответствует нюрнбергской брошюре 1488 г. (т. е. либо является копией с нее, как считает Штридтер,¹² либо сделана с того же оригинала). В этом отличии скорее можно увидеть косвенное подтверждение

⁹ См. C. Karadja. Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen. Gutenberg-Jahrbuch, 1934, стр. 120—122. Национальные элементы костюма заставляют предполагать, что воспроизведенный у Караджа портрет восходит к рукописному оригиналу какой-то (возможно, что стадильно не первой) перерисовки с рукописи, возникшей в тех местах, где подобные особенности одежды были обычными; для рукописной и печатной иллюстрации XV в. в целом характерно игнорирование временных и национальных различий костюма, не считая тех случаев, когда они восходят к зарисовкам очевидцев (см., например: Bernhard von Breidenbach. Peregrinatio in terram sanctam. Mainz, 1486 или: Ulrich Richenthal. Konzil zu Costenz. Augsburg, 1483). Не менее выражены национальные особенности в одежде и на портрете Дракулы в лейпцигской брошюре.

¹⁰ См.: A. Schramm. Der Bilderschmuck der Frühdrucke, Bd. 13, Leipzig, 1930.

¹¹ Первый печатник Любека Лукас Брандис, родом из Делинша под Лейпцигом, в 1480 г. (в перерыве своей любекской деятельности) был в Магдебурге резчиком прифтов у Готана. По-видимому, из той же семьи (возможно, что все они были братьями) лейпцигские печатники Маркус и Мориц Брандис и Маттеус Брандис, работавший в Любеке вместе с Лукасом и самостоятельно (см.: E. Voullième. Die deutschen Drucker. Leipzig, 1922, стр. 81—83, 86, 90—91, 95).

¹² J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula. . . , стр. 403. Насколько можно судить по воспроизведению у Караджа (C. Karadja. Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen, стр. 121), некоторые детали доски в нюрнбергском издании Петра Вагнера производят впечатление сношенности (в частности, правый край с отсутствующей частью завитка волос); на этом основании можно было бы предположить, что в этом издании она употреблялась не впервые.

мнения Штридтера,¹³ что рукописные списки повести и до печатных изданий и наряду с ними имели в Германии широкое хождение, хотя и сохранились только в ином варианте.¹⁴

Тот факт, что из девяти известных и притом относящихся к сравнительно поздним годам изданий XV в., хотя бы и вышедших небольшими тиражами,¹⁵ шесть представлено униками (т. е. сохранились, в сущности, по счастливому случаю), свидетельствует о том, что брошюра много читалась, и притом преимущественно такими кругами, в которых не собирают библиотек, а образованными собирателями книг того времени если и читалась, то редко сохранялась. Тот же факт свидетельствует, что скорее всего должны были быть еще и другие издания, либо бесследно исчезнувшие, либо еще не обнаруженные, в том числе, возможно, и более близкие по времени к описываемым событиям.

Напрашивается также вывод, что на основании только тех изданий повести, которые до нас дошли (без учета разрушенных временем звеньев), вопрос о моменте первого ее напечатания в Германии и генеалогии изданий решаться не может. Поэтому и спорный вопрос о датировке любекского издания,¹⁶ приписываемого Готану, не имеет того первостепенного значения, которое ему придается, если даже допустить, что из сохранившихся изданий оно является наиболее ранним: видеть в нем первоисточник немецких печатных брошюр повести о Дракуле было возможно лишь до той поры, пока язык этого издания принимался за диалект немцев Семиградья.

Факт нижненемецкого перевода сам по себе свидетельствует скорее в пользу достаточной известности текста в Германии к тому времени — во всяком случае в рукописном, а вероятно, и в печатном распространении. Это вытекает также и из окраинного положения Любека, из консервативного характера нижненемец-

¹³ J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula. . . , стр. 412 и 425.

¹⁴ См. стр. 20—22.

¹⁵ Для Германии конца XV века небольшим тиражом можно считать приблизительно 100—150 экземпляров.

¹⁶ См. стр. 23, прим. 20. Аргументация Ю. Штридтера (J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula. . . , стр. 403) в пользу его отнесения приблизительно к 1488 г. представляется убедительной, хотя нуждалась бы также в прифтоном обосновании. Сомнение, что оно напечатано Готаном, нельзя считать достаточно мотивированным: такого рода дешевые брошюры часто выпускались без указания фирмы, и тем менее регистрировались современниками. Предположение, что сюжет о Дракуле был привезен в Россию Готаном (см.: Н. R a a b. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. «Zeitschrift für Slawistik», Bd. III, H. 2—4, Berlin, 1958, стр. 334), не выдерживает сопоставления с известными фактами (см. J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula. . . , стр. 401 и далее) независимо даже от того, была ли брошюра напечатана Готаном в 1483 г., как считает (вслед за: C. B o r c h l i n g und B. C l a u s e n. Niederdeutsche Bibliographie, Bd. I. Neumünster, 1931, № 66) Г. Рааб, около 1485 г. (по датировке GW) или позднее.

ких изданий, а также и из общего для того периода явления: насколько известно, более всего печатались такие тексты, которые предварительно пользовались достаточным спросом в списках.

Причину популярности брошюры о Дракуле вряд ли следует видеть в интересе к современным новостям или в страхе перед опасным соседом, как предполагает Ю. Штридтер.¹⁷ Даже в XV в. к концу 70-х и в 80-е, а тем более в 90-е годы события 1456—1462 гг. не являлись «новостями», и немецкая брошюра получила особенно большое распространение, когда «опасный сосед» достаточно давно умер. Причину столь длительной популярности повести «Об одном великом изверге» в Германии скорее следует искать в том, каким сторонам немецкой жизни, какому читателю, какому жанру литературы она соответствовала, какой момент превращал собрание анекдотов и устаревших фактов чисто местного значения, и притом другой страны, в повесть, т. е. общекультурное явление, хотя бы и небольшого масштаба.

Из сохранившихся трех версий немецкого рассказа о Дракуле¹⁸ (без упоминания плена, с упоминанием плена и с сообщением о крещении и возвращении к власти) первые две засвидетельствованы только рукописными списками, из которых один (Сен-Галленская рукопись) относится уже к XVI в.¹⁹ При этом поэма Бехайма является литературной переработкой недошедшего до нас источника. Таким образом, третья версия, отраженная в печатных брошюрах, оказалась наиболее жизнеспособной, и это недостаточно объясняется одним только более поздним ее происхождением: причину этого надо искать в особенностях каждой из трех версий.

Первая версия²⁰ немецкого известия о Дракуле, в сущности, не составляет повести: она не имеет сюжета (т. е. обобщающего момента), и составляющие ее эпизоды все могут быть рассказаны по-одиночке или в произвольной последовательности, наряду с любыми другими анекдотами. Они могли интересовать своей новизной или уже в историческом аспекте, доступном лишь обра-

¹⁷ J. Striedter. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula..., стр. 426. Вероятно, первоначально, в годы, непосредственно близкие к событиям, известие о грозном валахском воеводе могли иметь в Германии для коммерчески и политически заинтересованных кругов значение международной информации. С этой точки зрения обоснование его проникновения именно через южногерманские центры (там же, стр. 404) вполне убедительно. Однако всякое деловое значение данного известия о Дракуле утрачивалось, как только в этих кругах становилось известным о смерти Влада IV, на что при всей медленности тогдашних сообщений не могло потребоваться больше года. Это значит, что возможное значение деловой информации «Повесть» утратила за несколько лет до того, как появились наиболее ранние из сохранившихся печатных брошюр.

¹⁸ См. стр. 17—27.

¹⁹ См. примеч. 8 на стр. 17.

²⁰ Порядковое обозначение версий принято условно, вне зависимости от вопроса о хронологической последовательности их возникновения.

зованному читателю того времени. Для того чтобы стать повестью, рассказ о Дракуле должен был иметь концовку, которая бы придавала ему сюжетное единство и — в соответствии с литературной потребностью эпохи — сообщала бы моральный смысл повествованию о его злодеяниях.

Первым вариантом такой концовки является тот, который отразился в поэме Бехайма,²¹ где она совпадает со схемой сюжета о наказанном злодее, о справедливом возмездии. В печатной брошюре концовка соответствует распространенному сюжету о злодее (разбойнике, тиране), исправившемся после крещения и покаяния.

Другое дело, что в рассказе о Дракуле сюжет создавался не литературным замыслом, а самой исторической действительностью, и разные ее моменты создали, в сущности, не одну, а две немецкие повести о Дракуле с одинаковыми эпизодами, но различными сюжетами. Потому что для человека того времени Дракула — справедливо наказанный злодей, и Дракула, совершавший после крещения «многие добрые дела», — не один, а два и притом противоположных героя. Как характер концовки сказывается на трактовке самой личности Дракулы, видно из прямо противоположного решения эпизода с двумя монахами — правдивым и лъстецом — у Бехайма,²² где Дракула выступает законченным тираном, и в печатной брошюре, где он доступен чувству справедливости (казнь лъстеца и помилование правдивого монаха). Поведение Дракулы в эпизоде с монахом и ослом, в брошюре чисто анекдотическом, у Бехайма также свидетельствует о злодействе (богохульстве) «великого изверга».²³

Нельзя также сбрасывать со счета, что в обоих случаях вершителем справедливости является центральная власть, король, а Дракула в восприятии низового немецкого читателя XV в., неизбежно переносившего в чужеземную повесть свои привычные условия жизни, являлся не чем иным, как разнузданным разбойным феодалом, на которого нашлась законная управа. Тот факт, что в Германии именно версия повести с раскаянием Дракулы вытеснила остальные и пользовалась столь длительной популярностью, не случаен: благодаря своей концовке она обретала социально-утешительный и религиозно-назидательный смысл, не утрачивая занимательности чужеземных, необычайных, ужасных и притом подлинных происшествий, в некоторых эпизодах одобренных жестоким юмором привычно шванковского стиля. Тем самым она попадала в русло так называемой ярмарочной, лоточной литературы на народном языке, в XV в. сравнительно еще малочис-

²¹ См. стр. 27.

²² См. стр. 24 и 27.

²³ Такая трактовка образа Дракулы при обвинении его в поэме в сговорах с турками была неизбежна, если учитывать значение и настоящую опасность турецкой агрессии в тот период.

ленной, но особенно раскупаемой благодаря дешевизне и сенсационности преимущественно ремесленным и вообще мелкобюргерским людям. Однако в то время — и особенно в Германии — такой литературы не чуждались никакие, в том числе и ученые, круги.

Поскольку большинство подобных изданий известно либо в единичных экземплярах, либо во фрагментах, можно предполагать, что значительная часть их вообще бесследно исчезла, и каждая новая находка тем более ценна — она конкретизирует круг чтения, умственную атмосферу не только ученых, но и рядового обывателя той эпохи. Для Лейпцига с его очень скромным в XV в. и достаточно провинциальным книгопечатанием, обслуживавшим главным образом местные нужды, и в первую очередь Лейпцигский университет, изданий того времени на народном языке известно очень мало. И с этой точки зрения находка лейпцигского издания «*Historie von Dracole Wayda*», отчасти из-за специфики этого текста, его двойного значения — популярной повести и исторического известия, — означает гораздо больше, чем только количественную поправку: она вносит в характеристику лейпцигской книжности совершенно новый элемент. Тем более, что в данном случае повесть «Об одном великом изверге» могла служить не только дешевым развлекательным чтением, но сохранять для университетских кругов (включая и круг лейпцигских гуманистов, главным образом филологически-педагогического направления) значение исторического повествования — наряду с античными историками, манере которых анекдотическое изложение повести не противоречит.

Какое ее значение, историческое или популярно-назидательное, преобладало для неизвестного нам владельца лейпцигской брошюры, из состава сплетенных с нею изданий (несомненно тематически подобранных) судить трудно: она могла служить для проповеди просто как пример благотворной силы крещения, но не исключается, что с непосредственно предшествующей ей брошюрой — описанием погребения императора Фридриха III — она связывалась темой возвеличения центральной власти, поскольку не что иное, как королевская власть, способствовала избавлению от бесчинств Дракулы, а в конечном счете — крещению и исправлению «великого изверга»: идея объединения в тот момент приобретала в Германии все большее значение и особенно в гуманистических и близких к ним кругах.

Судя по наличию портретной гравюры, независимо даже от того, является ли она копией с рукописного оригинала или творчеством местного художника (в изданиях XV в. изображения исторических лиц часто лишь условно портретны), для печатавшего брошюру Мартина Ландсберга (или для того лица, которое ему рекомендовало издать этот текст, а может быть, и снабдило рукописью) повесть, видимо, не утратила значения исторического

известия. И очень возможно, что в появлении чисто иллюстративной гравюры вместо портретной на титульном листе более поздних изданий XV в. (нюрнбергском 1499 г. и страсбургском 1500 г.²⁴) следует видеть свидетельство окончательного отрыва восприятия повести о Дракуле от ее исторических корней, окончательное превращение ее к этому времени в литературный факт.²⁵

Немецкая повесть о Дракуле преимущественно рассматривалась в науке либо как источник для истории Румынии и Венгрии, либо в качестве одного из возможных источников русской повести о Дракуле. Ее значение в немецких условиях при этом недостаточно учитывалось, и многочисленность ее изданий в Германии, свидетельствующая о широком покупательском спросе, никак не сопоставлялась с тем, что она падает на десятилетия, предшествующие Крестьянской войне.

Из-за более чем недостаточной ученности вообще изданий XVI в. сейчас преждевременно судить, в какой мере распространенность «*Historie von Drakole Wayda*» в первой его трети исчерпывается четырьмя изданиями, перечисленными Ю. Штридтером,²⁶ и Сен-Галленской рукописью. Тем менее можно судить о возможности ее антифеодального звучания в различные моменты, для разных областей Германии, в различных социальных слоях. Во всяком случае, постепенное или полное прекращение изданий повести «Об одном великом изверге» в Германии периода Реформации и после Крестьянской войны вряд ли достаточно объяснять простым улучшением читательского вкуса.²⁷ Если по мере нарастания революционной волны чужеземная повесть легко могла быть вытеснена, в частности благодаря примирительной концовке, из того множества литературы на народном языке, которая порождалась событиями и непосредственно откликалась на насущные интересы самой Германии, то после победы феодальной реакции возможный в ней антифеодальный смысл мог не встретить поощрения победителей, а в читающей народной массе рассказы о зверствах Дракулы неизбежно должны были

²⁴ См.: C. K a r a d j a. Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen, стр. 124—125.

²⁵ Возобновление условно-портретной гравюры на титульных листах изданий XVI в. (см. C. K a r a d j a. Die ältesten gedruckten Quellen zur Geschichte der Rumänen, стр. 126—127) несомненно свидетельствует о стремлении издателей подчеркнуть историческую подлинность героя. При этом гравюра нюрнбергского издания (датируется приблизительно 1520 г.) по ряду признаков может быть зеркальной перерисовкой (сильно осовремененной и онемеченной) с изначальной нюрнбергской версии гравюры. Интересно отметить, что портрет в аугсбургском издании (датируется приблизительно 1530 г.), где Дракула изображен в чалме и в профиль, чертами лица и короткой стрижкой может быть сопоставлен с портретом в издании 1493 г.

²⁶ J. S t r i e d t e r. Die Erzählung vom walachischen Vojevoden Drakula..., стр. 404.

²⁷ Там же, стр. 426.

вызывать в памяти недавние кровавые пытки и казни. И естественно, что теперь повесть «Об одном великом изверге» была вытеснена из ряда лоточных изданий иной развлекательной литературой — не лучшего, а часто и худшего вкуса, но без этих тяжелых и опасных напоминаний. Для ученых же кругов в XVI в. ее значение исторического известия снималось самой ее популярностью, а также изданиями связанных исторических изложений тех же событий.²⁸

Пробелы в истории распространения, издания и тем более читательских кругов повести «Об одном великом изверге» в Германии лишь в недостаточной мере восполняются находкой лейпцигского издания 1493 г. Однако самое существование его свидетельствует о более широком, чем можно было предполагать, спросе на немецкую повесть о Дракуле в XV в. Дальнейшие изыскания и возможные находки списков и печатных изданий ее внесут поправки в понимание истоков, причин и истории ее бытования; настоящий очерк является лишь попыткой наметить те стороны немецкой жизни, которым она могла соответствовать и благодаря которым герой повести приобретал в Германии иное социальное значение, чем в России.

Н. В. Варбанец.

²⁸ См. стр. 16—17 и 27.

РУМЫНСКИЕ СКАЗАНИЯ О ВЛАДЕ ЦЕПЕШЕ

(ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ П. ИСПИРЕСКУ)

І. Крепость Поснары

Брату Влада Воды Цепеша полюбилась боярская дочь. Была она девушкой очень умной и притворилась, что не понимает, чего от нее добивается брат его величества. А он все морочил ей голову и не давал покоя. Девушка обо всем рассказала отцу, а тот выставил брата Воды на посмешище всего города. Торговцы освистали его, как он, ничтожество, того и заслуживал. Воду очень обидел этот поступок торговцев, и он решил отомстить им.

Была пасха. Как хороши были те времена, когда у боярина и поденщика были одни праздники, одни гулянья. Все были одним миром мазаны. В церковь шли все вместе. На гулянье снова все вместе. В день пасхи после святой службы возвращались домой к трапезе. Затем шли пожелать друг другу долгие лета. После обеда отправлялись на качели — и велик и мал, и стар и млад, и пан и холоп. Эти веселые гулянья в честь святых праздников устраивались на больших дугах. С одной стороны качели, с другой — карусели. При них слуги, которые каждому угождали за ничтожную плату. Повсюду на траве сидели, все с домашней снедью. Бояре высылали наперед слуг с ковриками и едой. Они все устраивали, а бояре с боярынями и детьми, с мальчиками и девочками, приходили на готовое и садились есть. При каждой группе бояр были цыгане-музыканты, которые играли с огоньком. Поев и попив, уже навеселе, несколько боярских групп объединялись, и гулянье становилось еще более оживленным.

Торговцы, их жены и дети шли вместе с учениками, которые несли в чистых полотенцах и кошелках блюда, или колбасы, или жареную баранину. Они располагались либо под большим деревом, либо в укромном местечке за кустом шиповника или сирени. Жена показывала ученикам, где расстелить коврик на траве, как расставить приборы и подать блюда. Более богатые нанимали скрипачей, чтобы все было, как у бояр.

Народ тоже собирался, всякий мужик с женой и детьми. Приносили котомку, кто с крашеными яйцами, кто с калачами или хлебом, кто с пастромой или копченой свиной или с ка-

кими-нибудь овощами. Сразу же усаживались на зеленую траву и, опорожнив несколько чарок вина, забывали о заботах и нуждах. Вино продавал хозяин качелей. Кто не приносил из дому еду, находил у него крашеные и белые яйца, колбасу, жареную баранину. Там же можно было купить сладкие стручки, фисташки, изюм и сладкий шербет для детей.

На всякий возраст, всякому люду находилось удовольствие по вкусу. Дети играли, бегали без усталости, а затем катались на каруселях. Юноши смеялись, рассказывали всякие смешные истории, развлекались на качелях, а люди постарше качались в качалках.

Вечером все танцевали хору. Бояре, торговцы, цеховые ремесленники и работники брались за руки и плясали с радостью и веселились до заката. Более искусные плясали еще киндию, брыу, батуту. Ко времени зажигания свечей толпами возвращались домой.

Вода нашел день для наказания. Слуги окружили все качели — в то время в Тырговиште было много таких садов, — схватили всех горожан и крепко их связали. Захотелось его величеству Воде Цепешу иметь крепость на вершине горы. Так и сделали и назвали эту крепость Поенары. В тот день, когда началось строительство крепости, царские слуги приводили группами всех схваченных на качелях в день пасхи и заставляли их работать. Все были разодеты в новую и чистую одежду, как и полагалось на пасху. Можно было видеть рядом со стариком девушку, а возле тетушки мальчугана. Мужья с женами и детьми таскали известку, кирпичи, камни. Слугам дела не было до того, кто кем был, всех заставляли работать, всех щекотали розгами. Кормили их так, что только душа держалась в теле. Никто не ушел оттуда, пока не построили крепость. И никто не сменил одежду. Когда их отпустили, больно было смотреть на них. Одежда изнасилась, и все вернулись домой оборванные и ободранные, в страшном виде — наполовину голые и наполовину одетые.

Влад Вода отвел душу. Пусть попытаются еще в другой раз осмеять, если смогут, брата Воды.

II

Владу Воде Цепешу стало известно, что по стране ходит, попрошайничая, греческий монах, болтун и придира. Желая познакомиться с ним, как-то в воскресенье Вода пошел в церковь. Туда обычно держал свой путь и монах. Увидев Воду, он захотел показать свою ученость. Поднялся на амвон и стал поучать народ словами из Евангелия о том, что нехорошо зариться на добро ближнего. Вода, который уже по слухам знал, что за человек этот монах, говорящий одно, а делающий другое, пригласил его к себе на обед. Не хватит бумаги и чернил, чтобы описать

радость монаха. Он думал, что схватил самого господа бога за ногу и задирает нос, так как полагал, что его ученость доставила ему эту честь.

Вода посадил его рядом с собой. Задавал всякие вопросы из священного писания. Пока монах говорил, Вода нарезал куски хлеба и клал их перед собой. Монах с притворным смирением старался отвечать Воде так, чтобы тому нравились ответы, в надежде, что авось что-нибудь достанется и ему. Не замечал он, однако, что делает Вода.

Он захотел есть, и толкнул же его грех взять кусок из тех, что принадлежали Воде, и положить себе в рот. Не успел и разжевать его, как схватил его Вода за руку и крикнул ему: «Ах ты, грабитель, поймал я тебя. В церкви ты учишь народ не зариться на чужое добро, не брать чужой вещи, а сам-то поступаешь хуже разбойника. За моим столом отнимаешь у меня кусок, мною же отрезанный. Недостоин ты жить в моей стране». И, посмотрев сурово на слуг, добавил: «Казнить эту опоясанную скотину!». Уж как умолял несчастный монах простить его; упал на колени! Но где найти уши, чтобы его услышали, или глаза, чтобы увидели! Все было напрасно, его мольбы никто не стал слушать. Двое слуг схватили его и утащили от царского стола. Через полчаса он раскачивался на колу.

III

У Влада Воды Цепеша была любовница. Дом ее стоял в глухой и безлюдной части Тырговиште. Даже собаки не чуяли, когда он ее навещал. Надо же было, чтоб за какие-то грехи полюбились она ему. В нем говорила только похоть, и ничего больше.

Бедная женщина всячески старалась ему угодить. Он принимал от нее все знаки любви, и при ней его лицо немного оживлялось. Как-то, увидев, что он мрачнее, чем обычно, и желая его развеселить, она посмела сказать ему ложь:

— Твое величество, ты обрадуешься, как только я тебе сообщу новость.

— Какую же новость ты мне сообщишь?

— Проник мышонок в молочный горшок.

— Что это значит? — спросил Вода, ухмыляясь.

— Это значит, твое величество, что я чувствую себя затяжелевшей.

— Ты такие слова не болтай больше.

Женщина знала, как Вода Цепеш наказывает за ложь и захотела показать, что говорит правду:

— Так оно, твое величество, как я сказала.

— Не будет оно так, — сказал Вода, нахмутив брови.

— А если будет, то, надеюсь, что твое величество обрадуется, — еще осмелилась добавить женщина.

**Ein wunderliche vnd erschro-
ckenliche History von einem**

grossen wütherich genant Diacole Wayda Der do
so gar vnkriftliche marter hat angelegt de meschen
als mit spissen. auch die leut zu tod geschliffen zc.

Немецкая брошюра «Об одном великом из-
верге» — Лейпцигское издание 1493 г.

¶ Nach Cristli geburt. MCCC
Lvi. iare hat der Dracole wunderliche
dinet gethan.

¶ Item der alte gubernator hat den alten Dracole
lassen töten Vnd der dracole vñ sein brüder haben
abgetreten von irem gelaubē vñ haben verheysen
vnd geschworen den cristenlichen gelauben zu be-
schirmen.

¶ Des selben iars ist er gesetzte worden zu einem her-
ren in der walachey. Zu hat ließe töten dē Lasla
waydader do selbs herr ist gewesen Palde darnach
hat er in siben bürgen auch in wirtzland mit rante
Becken doß lassen verbiennen. Auch fearwen vñ
man iung vnd alte Etlich hat er mit im heim gefürt
in die walachey an eyfren Ketten vñ do alle gespisset

¶ Item er hat alle iung knaben die in sein lant ge-
schickt sein worden von lernung wegen der spöch
die ließe versperten vnd ließe verpiennen der sein
vierhundert gewesen.

¶ Er setze eins ein fryd. in dem selbenn hat er vil
Kaufent vnd fürleit auß wirtzlande lassen spissen
Auch reitete er auß ein groß geschlecht vñ lies sy
spissen von den minsten biß zu den meisten iung vñ
alte Er ließe etlich sein volck eingeassen biß zum nabel
vnd zu in lassen schiessen. vnd etlich lassen stracks
vnd schinden.

¶ Er hat den iungen dan gefangen vñ hat im ein
geaß lassen machen vñ in lassen besingen nach chri-
stenlicher ordnung. vnd darnach das haupt abge-
schlagen vor dem grab.

¶ Vortten sein geschicht worden von hunger vnd
sachssen vñ siben bürgen in zal. lv. in die walachey

die lies der diacole. liij. wochen harrten vmb ließ
spiss für die herberg stecken also warde die in grossen
sorgen das thet er darumb er forcht verteretey. die
roeyl zoche er in wurtzland vnd zerstreut das getreid
verpriet alle freucht vntd furt das volck gefangen
außerhalb der kreßstat do er diacole priesant iohß
capeln. er hat vorstat verpriet. Des anderen mor
gen ließ er iung vnd alt spissen bey der capelle vmb
den vergt. Vnd sagt sich miten vnter ij vnd as dz
mittag mal mit freuden

¶ Er hat auch sant bartholomeus kirchen lassen
verprien vnd all ornate von dannen genommē

¶ Er hat seuer haubtman einen geschicket in dz
dorff zending das zu verprien ist nicht geschehe
von widerstande wegen der dorffleit. vnd kam wi
der heim zu diacole vñ sprach ich kan mit verbungē
das du mich geheissen hast von stund an ließe den
haubtman spissen.

¶ Item kaufleut vnd ander volck mit irer kauff
manschaz kommen von wurtzland gegen der Lu
nawgen Pregel in zal. CCCCC. die hat der
diacole all lassen spissen vñ ire güter lassen nemen.

¶ Er hat lassen machen einen grossen kessel vnd
darüber vierer mit löcheren. vnd hat die leit mit
den köpfen dardurch lassen schiessen vnd also ver
sperrt lassen. vnd hat den kessel mit wasser lassen
füllen vñ hat groffteier vnter den kessel lassen mach
en vnd das volck also iemerlich lassen schreyen pyß
fy verßoden.

¶ Noch herschreckliche forcht same vnd vnauß
sprechenliche pein hat er erdacht Er hat mit er mit
samt den kinden also seigende an den brüsten mit
einander spissen lassen vntd also lassen verzabeln.

Des gleichen die misset hat er die brüst auffgeschney-
ten vñ die kind mit den heüßer da durch gestossen
vñd gespißt.

¶ Item die menschen hat er seyrling lassen spissen
allerley volck cristen. iuden. heyden das sy sich lang
haben mügen rüren vñd zabeln vñd gewemmet
durch einander als die fressch Darnach hat er in hē
vñfüß auch angespißt vñ er hat offte in seiner sprach
gerede ey wie groffe geradheit er yben sy vñd her
lust darynn.

¶ Er sieng einen zigeuner der her gestolen Do ka-
men die andern zigeuner vñd paten in er solt in le-
dig lassen. er sprach er müß hangen vñd er müß in
selbs hengen. sy sprachen es wer nit ir gewonheyt
Do ließ der diacole dē zigeuner in einem kessel syde
do mußten in die andern zigeuner essen mit fleysch
vñd pain.

¶ Es ward auch zu im geschickt ein erbiger man
der kam zu im bey dē gestrichen leiten dar vñd er ging
der diacole vñd vñd schawet sy der waren als ein
größer wale. Do redt der geschickt man zu dem dia-
cole warum er also vñd dē gestrich vñd gieng Der
diacole sprach ob es in anstinct. er sprach ja do ließ
er in vñd stünd anauff in die höche spissen das in die
andern in anstincten.

¶ Jed ein pfaff het gepredige wie die sünd nit ver-
geben wurden neuer man geb vñd ercht gut wider.
do lud der diacole den zu hauff vñd setze den an seyn
nen tisch Der diacole prockte fur sich werff biß das
er selbess essen wolt. der pfaff ergetryß zu stunden
der brocken einen vñd aß in. der diacole sprach wie
hast du gepredige das dy sünd nit vergeben wird
man g:ß dann das vñd ercht gut wider Der pfaff

sprach ia. der dracole sprach waembs yffest du mit
mein biot das ich mit hab eingeboeket von siund
an spisset den puefser.

¶ Der dracole kam in syben purgen gen kalmor da
selbst hat er die menschen lassen hacken als das kiau
die vberigen hat er do heim gespisset.

¶ Er hat all sein lantherren vñ edel leute in seine
lande zu tisch geladen do das mal volbracht was da
hub er an an de elersten vñ frage in wie viler way
da in dem land herren sein gewesen gedeckt. Also
frage er einen nach dem andern sy sagten all als vil
ytlicher weß einer sagt. l. eyner. xxx. Also was key
ner vnter in er sager von syben da lies er sy alle spise
sen der ware in zal hundert.

¶ Er hat leute auff schiffen in den eyen lassen
schleiffen vñ vil vñ menscklicher ding gethan.

¶ Er hat ein schlaff weib gehabt die sprach sy were
schwäger. Do ließ der dracole sy beschawen mit de
hebammen die sagten sy were nicht schwanger. Do
schind er sy von vnten auff piß zu den brustten vñ
sprach er wole sehen wo sein frucht were. oder wo
er gewesen were.

¶ Doren sind geschickte worden auß der herman
stat in die mal. heß die habend do heim gesaget selche
kammer xxiij. geraden hat er totet vñ gepuffet als
einen groffen walde.

¶ Anno dñi. m. cccc. lxxij. Ist der dra
cole komen in die groffen schiltaw. Do hat er lassen
roten mer dan. xxv. tausent menschen allerley voel
chrisstianuden heyden vñ den seyn die schönst
frazen vñ iuncfrazen gewest die durch das hof
gesind verhalten wurde vñ paten den dracole das
er ynß zu eliche weiseren geß. do ließ er sy mit samp

de scaw: vñ iuchscaw: nachackē mit seyellen als dy
Krawe. dz thet er daruñ wan das ladeist zinshafte
gewest den tircen vñd hat in offte gesodert. Also
saget zum herten er wolt in selbst bringen. Er zog
in das lant do rart man im entgegen deszins halbe
vermeinde dem kaiser zu bringe also kam ein hant
nach de anderen do des diacole zeit kam do schlug
er sy alle tod vñ verbiß dy ganze wulger vñ al dy
er gefahen mocht spisset er all. der war in der zal
xxv. tausent on die im fere verdoiben.

¶ Er sach ein man arbeiten in eine kurze hemde
fraget in ob er ein weis her. er sprach ia. Diacole
sprach bring sy zu mir. sy kam er frage was sy arbei-
tet sy sprach ich wasch vñ spinne das lies er sy spissen
darum das sy item man mit ein lang hemde her ge-
mache vñ gab im ein anders weis vñd sprach zu ir
mach deine man ein langes hemde ich wil dich sunst
auch lassen spissen.

¶ Es kam bey. C. C. zigeuner in sein lant. do
na er die pest die vñ biß sy. die muste die andern
essen vñ sprach also must ir all an einander essen ob
ziecht an die tircen. sy waren fro an die tircen zu
streuen. Also ließ diacole roß vñd man in tircen
kleiden. do sy nun an die tircen kam do schenckte
der tircen roß das rauschen der hieut vñd gaben
die flucht an ein wasser vñd ertruncken ir vil also lan-
gen die zigeuner ob.

¶ Es ist im begegnet ein parfumer münch reytete
auff einem esel do spisset er mit dem esel.

¶ Es wurden zu im geschickt etlich walde do sy
far in kamen do neigten sy sich vñd thetten die hie
ab vñd ire pyre dar vñter nit. fragte sy warum
sy die nicht auch ab thetten. sagte sy es wirt nit le ge

wonheit vnd thetten sy vom teyner nit ab. Czu
hant lieſer in die heuſlein an die hauſſer nagein
damit das ſy in nit abſieden vnd ir gewonheit blyß
Alſo beſetzigte er yns.

¶ Itz ee ſein zwoen münch kōmen in ſeiri lāde die
hac er geladen ſy ſollen zu im kōmen das geſchach.
Do nam er den einē vnd fragt in was man gūz vō
im ſaget. diſer münch forche ſich ſere vnd ſprach.
man ſaget als gūz von euch vñ ir ſeyt gar ein frōmer
her das ſag ich vort euch Er hieß dyſen münch be
halten Vñ man bracht im den andern münch den
frage er wie den erſten. do gedachte diſer münch ich
muß doch ſterben ich wil im die warheit ſagen vnd
ſprach ir ſeyt deß grōß wūterich den man vindet in
der welt. vñ kein menſch ſaget euch gūz nach. das
haſt ir wol bewyſen. Der Diacole ſprach da haſt
mit vor geſagt darumb wil ich dich laſſen leben vñ
ließ in ledig vnd ſchickt wider zu de erſten vñ weint
auch er ſolt im die warheit ſage. do ſagte er wie vor
Do ließ in der diacole ſpiſſen vō vnwacheyt wege.

¶ Item er ließ kinder biaten die muſten ire mütter
eſſen Vnd ſchmid den frauen die wuſt ab die muſte
yre man eſſen darnach lieſer ſy ſpiſſen.

¶ Er ließ allen betlern in ſeim lant ein gut mal be
reyt in einem ſtadel vñ do ſy gaſſen ließ er die ver
ſperren vñ verbiene ſy. er meynte ſy eſſen den leſten
das ir vmb kunſt ab vñ verdinten das nit.

¶ Bald darnach ſieng in der künig in hunger vñ
hielt in hertigklich gefangen Darnach kauſt man
in zu offen vñ er thet groſe poß. Darnach machte
der künig den diacole wider zu einem herten do thet
er hinſur vil guter ſach.

Geduckt zu leypzig im .lxxxvij.

— Сказал я тебе, что этого не будет, — крикнул Вода и топнул ногой. — Я тебе покажу, что так оно не будет.

И, выхватив меч, полоснул по животу сверху и донизу, чтобы посмотреть, верно ли она сказала или солгала. И когда она стала умирать, он ей сказал:

— Вот видишь, не будет.

Он ушел, а она отдала душу господу в страшных муках за то что солгала, желая развеселить своего любовника.

IV

Были некогда такие времена, когда в Валахии княжил Вода по имени Влад, по прозвищу Цепеш. И был этот князь очень строг, но справедлив. Воров, лгунов и лодырей не переносил. Он сделал все, что только мог, чтобы истребить в своей стране этот род людей. И если бы он подольше княжил, поговаривают, что ему удалось бы очистить землю от подобных уродов и, быть может, сделать так, чтобы больше не рождалось других таких же. Но, увы, где нам такое счастье?

В те времена в страну Влада отправился торговец из Италии, из города Флоренции, со многими дорогими товарами и большой суммой денег. Пришлось проезжать через Тырговиште, так как в то время там была княжеская столица. Услышав от турок, как им досталось от Влада Воды Цепеша, он думал, что румыны это людоеды или по крайней мере лесные разбойники. Как только он прибыл в Тырговиште, сразу же пошел к Воде с богатым даром и сказал ему:

— Твое величество, судьба принудила меня проехать через страну, над которой ты властвуешь, со всем моим добром, добытым мной многолетними торговыми делами в восточных странах. Твоя страна христианская. И чтобы не говорили на Западе, куда я теперь направляюсь, что христианина ограбили христиане, после того как он уделел от ятагана язычников, то я, преклоняя колени, прошу твое величество смилостивиться надо мной и дать мне несколько слуг для охраны, пока я не уеду.

Услыхав просьбу, Вода, по природе горячий как огонь, нахмурил брови и сказал:

— Держи твой дар, христианин. Я приказываю тебе отнести свое добро на любой пустырь, на любую улицу, на любой перекресток, который покажется тебе глуше и незаметнее и там его оставить до утра без охраны, без присмотра. И если у тебя случится убыток, я — ответчик.

Не до шуток было. Приказ Воды надо было выполнять, ибо в гневе ему удержу не было. Флорентиец с застывшим от страха сердцем подчинился приказу. Всю ночь он не спал из-за забот и волнения. Пришел он в себя только на следующий день, когда

нашел свое добро нетронутым. Смотрел он на него, и не верилось ему. Пошел он к Воде и сказал, что все добро он нашел в целости и похвалил его княжество, говоря, что такого он не видел ни в одной из стран, через которые проехал, хотя и путешествует с молодости.

— Сколько стоит подарок, что ты мне привез? — спросил Вода.

Торговец колебался и тянул с ответом. Вода настаивал. Узнав цену, он заплатил сполна и сказал:

— Рассказывай везде, куда ты поедешь, что ты видел в моей стране.

V

Был Влад Вода Цепеш человеком с большим умом и страшно правился ему во всем порядок. Не дай бог увидеть ему оборванного воина в небрежно накинута одежде! Держись тогда! Наступил конец света! Он любил, чтобы люди были чистыми и нарядными, как с иголки. А если заметит оборванца или бездельника, то весь кипит от гнева.

Как-то встретил он крестьянина в короткой рубахе. У крестьянина виднелись прилипшие к ногам домотканые штаны и четко вырисовывались очертания ног. Разгневался его величество, увидев крестьянина в таком виде. И сразу велел его позвать.

— Ты женат, христианин? — спросил Вода.

— Женат, твое величество.

— Значит, твоя жена из тех, по ком давно тоскует земля. Как же не сделает она тебе рубашку, которая прикрывала бы твои икры? Недостойна она жить в моей стране! Казнить ее!

— Воля твоего величества, но я ею доволен; я взял ее из дому, и она честная.

— Ты будешь счастливей с другой. Видно, что ты порядочный и работающий человек.

Двое слуг, посланные Водой, приволокли несчастную женщину. Вода приказал посадить ее на кол. Затем он привел другую женщину, отдал ее замуж за овдовевшего мужика, показал ей, что случилось с его первой женой, и объяснил, чем та навлекла на себя неукротимый княжеский гнев.

Говорят, что эта женщина так трудилась, что времени не хватало даже поесть. На одно плечо она клала себе хлеб, на второе соль, и так работала. Старалась, бедняга, ублажать своего мужа лучше первой жены, дабы не навлечь на себя княжеский гнев. Удалось ли это ей?

Хорошо, что в наши дни не княжит какой-нибудь Цепеш! Большой понадобился бы расход колов, чтобы избавить мир от лентяек, по которым тоскует земля, которую они топчут.

VI

Бывали времена, когда человека за любой проступок, по суду или без суда, предавали казни. Хорошо, что далеко ушло от нас то время, что оно ушло, чтобы больше не вернуться. Хорошо, что нам довелось дожить до времени, когда у нас суд без произвола.

По приказу Влада Воды Цепеша несколько мятежных бояр было посажено на кол. Через некоторое время, вспомнив о них, Вода захотел поехать на место казни, чтобы собственными глазами посмотреть, как они наказаны. А может быть, и для того, чтобы посмотреть, многих ли из них он знал.

Вместе с Водой поехали и другие бояре. Один из них, то ли замешанный в дела, которые совершали казенные, то ли родственник кого-нибудь из них, побоялся выдать жалость, охватившую его сердце, или показать свою слабость и потому осмелился сказать:

— Твое величество, ты спустился из дворца. Там воздух чист, здесь внизу он смраден. Боюсь, как бы тяжелый воздух не повредил твоему здоровью.

— Хочешь сказать, что воняет? — спросил Вода, быстро повернувшись и пронзая его взглядом.

— Так, твое величество! И хорошо бы ты сделал, если бы удалился от места, которое может оказаться вредным для здоровья князя, желающего добра своим подданным.

По-видимому, Вода разобрался в тайных помыслах этого боярина, а быть может, захотел заткнуть рты другим, только он крикнул:

— Слуги! Сейчас же изготовьте кол в три раза больше тех, что здесь, и посадите-ка мне на него вот этого боярина, чтоб не доходила до него вонь снизу.

Просил пощады бедный боярин, бросился на колени, хотел целовать Воде руки. Все было зря. Через короткое время он корчился на коле, в три раза выше остальных кольев, и стонал и плакал так, что сердце могло разорваться.

VII

Не знаю, за что, но пришлый греческий монах, из тех, что недавно начали бродить по стране, возненавидел бедного румынского священника, человека справедливого и богобоязненного, и поносил его на чем свет стоит. Когда они встречались, сразу же начинался обмен любезностями, переходивший в горячую словесную перепалку. Греческий монах обзывал священника дураком и хулил румын. Священник ему отвечал:

— Если румыны тебе кажутся глупыми и неотесанными, почему же ты не возвращаешься в свою страну к тонким и чахлым

придирам? Кто тебя сюда привел или позвал, что ты как чесотка свалился на наши головы?

Когда до Воды дошел слух об этих двух клириках, его величество Влад Вода Цепеш пожелал их видеть и сразу приказал, чтобы в такой-то день они были во дворце.

В назначенный день оба явились. Одного он принял в одной комнате, второго — в другой. Греческий монах задирает нос, хвастал тем, что его позвал Вода. Не знал он, что и священника пригласили. А тот все удивлялся и изумлялся, как это Вода узнал о нем, и подумал, если Вода окажется в добром настроении, замолвить словечко за своих прихожан. Вода же пожелал испытать их сердца и узнать их мысли, а был его величество большим хитрецом.

Войдя в комнату, где сидел грек, его величество спросил его:

— Святой отец, ты путешествуешь по делам церкви по стране. Ты имел случай беседовать с добрым человеком и злым, с богатым и бедным. Скажи мне, прошу тебя, что говорят обо мне люди.

Услышав такой вопрос, монах решил, что теперь дело в шляпе. И с хитростью, на которую только грек способен, он ответил медоточиво и притворно:

— Великий государь, с одного края до другого весь люд благословляет имя твоего величества. Все довольны тобой. Говорят, что такого хорошего князя еще не было с тех пор, как существует Валахия. К этому я бы хотел добавить, что тебе надо еще только одно делать — ласковее и щедрее изливать свои милости на недостойных рабов твоего величества, приезжающих из святых мест, помогать им, чтобы они утешились в бедах, которые приносят язычники монахам. И тогда ангелы увенчают твое имя немеркнувшей славой.

— Врешь, двуличный подлец, — крикнул Вода громко и нахмурил брови. Знал он, видимо, то, что надо было знать. Ведь и поговорка гласит: «Солнце солнцем, но все равно всех согреть не может». И, открыв дверь, сказал страже: «Слуги! Это хитрое и недостойное животное казнить смертью!». Приказ Воды был немедленно выполнен. Монаха посадили на кол.

Войдя в комнату к священнику, который ничего не знал о случившемся, Вода спросил и его:

— Скажи, отец, что говорит обо мне народ?

— Что же ему говорить, великий государь? До недавнего времени простой люд совсем не роптал. А вот теперь стал тебя проклипать на всех дорогах, жалуясь, что ты снова взываешь с него повинности, которые на них наложили княжившие до твоего величества.

— Правду ты изрек, — сказал Вода ласковей. — Я об этом подумаю. С сегодняшнего дня быть тебе духовником моего двора. Иди с миром.

VIII

Говорит предание, что во времена Влада Воды Цепеша расплодись лентяи, деться было некуда. Чтобы жить, надо есть, немилосердное брюхо своего требует. Вот они и ходили по дворам, попрошайничая. Просили милостыню, милостыней жили и не трудились. Если какой-нибудь балагур, из тех, что призывк чекать языком и совать свой нос в любое дело, спрашивал этих попрошаек, почему они не работают, то некоторые отвечали: «Разве я не весь день на ногах? Чем же я виноват, если не нахожу работы». Таким балагур отвечал поговоркой: «Иду наниматься к хозяину, дай бог не найти его».

Другие выискивали разные предлоги, вроде таких: «Скорняк губит глаза себе дено и ношно, а посмотришь — ничего и не заработал; портной всю жизнь трудится, а накопил он только тень иголки; башмачник горбится и гнется до старости, а когда умирает, то все равно на похороны собирают тарелкой». И так в каждом занятии находили они недостаток.

Когда все это дошло до слуха Воды, и он сам поглядел на толпу нищих — а почти все они были дюжими мужиками, — то Вода задумался. «Только в поте лица, написано, должен человек добывать себе пищу, — подумал про себя Вода. — А эти люди живут потом других. Значит, они бесполезны человечеству. Это вроде грабежа. Лесной разбойник, правда, требует кошелек. Если же ты более ловок и силен, чем он, можешь избавиться от него. А эти забирают твое добро потихоньку, слезливыми просьбами, но беспрерывно. Значит они хуже воров. Искоренить этот род людей из моей страны!».

Поразмыслив еще немного, он приказал оповестить по стране, чтобы в назначенный день все нищие собрались вместе, так как Вода выдаст им смену одежды и угостит их роскошным обедом.

В этот день Тырговиште стонало от наплыва нищих. Княжеские слуги роздали им по смене новой одежды, затем отвели их в большие дома, где уже были накрыты столы. Удивились нищие княжеской щедрости и говорили друг другу:

— Правда, вот это княжеская милость.

— И эта подачка с горба народа. Неужели, думаешь, Вода что-нибудь даст из своего кошелька?!

— Изменился Вода. Не такой уж он, каким вы его знали.

— Горбатого могила исправит.

Сели за стол. Что Вам сказать? Блюда с княжеского стола. Вина из самых лучших, из тех, что с ног валят. Ну и запиrowали нищие, так что дух захватило. Ели и пили с жадностью. Многие так напились, что уже ходили на четвереньках. И вот, когда уже заплетались языки и никто друг друга не понимал, с четырех сторон запылал огонь. Это Вода приказал слугам поджечь дом. Все бросились к воротам, но ворота были заперты. Огонь прибли-

жался, пламя поднималось вверх, как огненные змеи. Крики, вопли, стоны раздавались из уст запертых нищих. Но какое дело пламени до плача людей? Они бросались друг на друга. Обнимались. Просили помощи. Но не было ушей, чтобы их услышать. Они стали корчиться в муках, пожираемые огнем. Дым задушил одних, уголья превратили в пепел других, большинство сгорело в огне. Живой души не уцелело.

И думаете вы, что было истреблено племя попрошаек?! Бросьте, не верьте всякой ерунде. Посмотрите вокруг себя и убедитесь: и сейчас мир не стал умнее, чем тогда. Попрошайки исчезнут одновременно с миром.

IX

В те давние времена, когда княжил Влад Вода Цепеш, некий купец, путешествовавший по стране, велел выкрикивать на перекрестках, что он потерял кошелек с тысячей лей. Он обещал сто лей тому, кто его найдет и принесет. Прошло немного времени, и богобоязненный христианин — какими были румыны во времена Цепеша — пришел к купцу и сказал:

— Господин купец, идя по дороге, я нашел вот этот кошелек. Думаю, что это должно быть твой, так как я слышал, как кричали, что ты потерял кошелек с деньгами.

— Истинно, это мой кошелек, и я тебе благодарен за то, что ты его принес.

Купец стал считать деньги и в то же время ломал себе голову, как сделать, чтобы не заплатить обещанные сто лей. Человек же, видя, что делает купец, удивлялся. Пересчитав деньги, купец положил их обратно в кошелек и сказал тому, кто его принес:

— Я посчитал, любезный, деньги. Вижу, что ты уже взял обещанные деньги — вместо тысячи лей я нашел девятьсот. И правильно сделал — это твое право. Благодарю тебя еще раз за то, что ты меня избавил от беды, которая на меня чуть не свалилась. Да благословит тебя бог.

— Господин купец, — ответил христианин, — нехорошо и несправедливо говоришь ты, что в кошельке не хватает ста лей. Я даже не развязал его, чтобы заглянуть, и не знаю, сколько в нем денег. Что я нашел, то и принес.

— Сказал я тебе, — ответил купец коротко и немного сердито, — что я потерял кошелек с тысячей лей; ты же мне принес только с девятьюстами лей. Вот оно что! Даже если бы я хотел дать больше, и то не смог бы. В конце концов, подай жалобу и притяни меня к ответу.

Человек чуть не сгорел со стыда, когда увидел, что купец его подозревает в чем-то, да еще и ругает. Не сказав больше ни слова, он попрощался и прямо пошел к Воде жаловаться.

— Твое величество, — сказал он, — мне не жаль обещанной сотни, а больно мне, что он меня подозревает в том, что я нечестный человек, а я знаю, что чист как чистое серебро и что мне и в голову не приходило прикоснуться к чужому добру.

Вода разгадал мошенническую проделку купца, ибо был Вода хитрецом, и приказал привести купца к себе. В присутствии истца и ответчика Вода стал править суд. Выслушал и одного, и другого. И, положив слова каждого на чаши справедливости, он увидел, какая чаша перевешивает. Затем, посмотрев пристально в глаза купца, сказал: «Господин купец, при моем дворе не знают, что такое ложь. Ее жестоко преследуют. Ты потерял кошелек с тысячей лей и счел нужным кричать об этом на перекрестках. В кошельке, который тебе принес вот этот христианин, было только девятьсот лей. Ясное дело, что это не тот кошелек, что ты потерял. А ты, христианин, — добавил Вода, обернувшись к истцу, — храни этот кошелек, пока не объявится тот, кто его потерял».

Так и сделали, ведь нельзя было сделать иначе. Влад Вода Цепеш так рассудил. Купец проиграл и всю жизнь раскаивался в несправедливом поступке. Что скажешь?! Все делается не так, как человек предполагает, а как бог располагает. Желая надуть того, кто нашел кошелек, купец надул самого себя.

Перевод с румынского *И. Ф. Филмана*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БАН — Библиотека Академии наук СССР.
ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
ГПБ — Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук.
ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук.
ЛГУ — Ленинградский государственный университет.
ОИДР — Общество истории и древностей российских.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией.
Сб. РИО — Сборник Русского исторического общества.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского дома) Академии наук СССР.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
-

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Башня замка Дракулы (графа Орсога). Кадр из фильма «Носферату» (стр. 4—5).
- Дракула вылезает из гроба. Кадр из фильма «Дракула» (стр. 4—5).
- Портрет Дракулы. Раскрашенная гравюра из немецкой брошюры 1491 г. (стр. 20).
- Дракула пирует среди кольев. Гравюра из немецкой брошюры 1500 г. (стр. 21).
- Схема происхождения сюжета «Повести о Дракуле» (в памятниках XV—XVI вв.) (стр. 32—33).
- Посольство Ф. Курицына в Венгрию и Молдавию в 1482—1484 гг. Миниатюра из Лицевого свода XVI в. (стр. 64—65).
- Иван Грозный приказывает прибить послу шляпу гвоздем. Голландская гравюра 1700 г., вклеенная в «Двинскую летопись» (стр. 64—65).
- «Повесть о Дракуле» — заключительная запись Ефросина. Л. 217 из списка ГПБ, Кир.-Бел. 11/1088 (стр. 89).
- «Повесть о Дракуле» — копия с заключительной записи Ефросина. Л. 108 из списка Кирилловского музея, № 2967 (стр. 91).
- Генеалогическая схема списков «Повести о Дракуле» (стр. 112—113).
- Немецкая брошюра «Об одном великом изверге» — лейпцигское издание 1493 г. (стр. 192—193).
-

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Августин Блаженный, западно-христианский церковный писатель 51.
 Агапит, византийский писатель 75.
 Аделунг И. Х. (J. Ch. Adelung) 19.
 Аделунг Ф. 66.
 Адрианова-Перетц В. А. 12, 56, 61, 63, 113.
 Александр Македонский 64, 65, 68, 69, 70, 83, 90, 92.
 Алексеев М. П. 41.
 Альтманн, У. 186.
 Амадио Дж. (G. Amadio) 15.
 Анастасия Романовна, жена Ивана Грозного 81.
 Андерсен Г.-Х. 33.
 Андерсен В. 68.
 Андреев Н. Е. (N. E. Andreyev) 113.
 Андрей Васильевич Большой, удельный князь Углицкий 57.
 Атила, вождь гуннов 50, 51, 56.
 Афанасий Никитин, см. Никитин Афанасий.
 Ашбах И. (J. Aschbach) 20.
 Базилевич К. В. 43.
 Барсов Е. В. 102, 104, 135, 159, 162.
 Баттистрада М. (M. Battistrada) 15.
 Баус Джером, английский посол 66.
 Беляев И. Д. 95, 104, 162.
 Бенешевич В. Н. 40.
 Бехайм Михайл (Михель) (Michael Beheim), мейстерзингер 17, 24—27, 30, 31, 45, 46, 52, 189, 190.
 Блейер И. (J. Bleyer) 24, 27, 28, 30.
 Блок А. А. 4.
 Блок М. (M. Block) 35.
 Богдан Д. (D. Bogdan) 38, 113.
 Богдан И. (I. Bogdan) 9—11, 13—15, 17, 21—23, 31, 36, 40, 41, 86, 87.
 Богитич В. (В. Богишић) 34, 35.
 Бодуен де Куртене И. А. 39.
 Бодэн Жан 53.
 Боккаччо Джованни 70.
 Болотников И. И. 85.
 Больте И. (J. Bolte) 28.
 Бонд Э. (E. Bond) 53.
 Бонфини Антонио (Antonio Bonfini), итальянский гуманист 14—17, 22, 27—30, 32, 33, 35, 41, 42, 46, 49, 50—54, 56, 84.
 Борис Годунов, царь 80, 81.
 Борхлинг К. (C. Borchling) 188.
 Брандис Лукас, печатник 187.
 Брандис Маркус, печатник 187.
 Брандис Маттеус, печатник 187.
 Брандис Мориц, печатник 187.
 Брейденбах Бернард (Bernard von Breydenbach) 187.
 Бринзеу Ф. (F. Brinzeu) 5.
 Буда, легендарный брат вождя гуннов Атилы 50.
 Буслаев Ф. И. 9, 14, 37, 86.
 Бычков А. Ф. 95.
 Вагнер Петер, печатник 187.
 Вальденберг В. Е. 54.
 Вамбери Арминий, венгерский ученый 35.
 Варбанец Н. В. 193.
 Василий III Иванович, великий князь 98.
 Вассиан Рыло, архиепископ Ростовский 68.
 Веселовский А. Н. 68.
 Вессельский А. (A. Wesselski) 66.
 Викторов А. Е. 104.
 Висковатый К. 34, 35.
 Влад III (I), валахский князь, отец Влада Цепеша (Дракулы) 3, 34.

Влад Монах, валашский князь («Мутьянский воевода»), сын Влада Цепеша (Дракулы) 41, 122, 145.
Владислав II Ягеллон, венгерский король 15.
Владислав Дан (Ласло Вайда), валашский князь, предшественник Влада Цепеша (Дракулы) 18, 25.
Вольпе Ц. С. 4.
Востоков А. Х. 8, 40, 42, 98.

Галеотто Марцио, итальянский гуманист 49.
Гаттон I, майнцский епископ 66.
Гаттон II, майнцский епископ 66.
Геннадий, архиепископ Новгородский 44.
Георгиевский Г. П. 93, 106.
Геффт, Леонард (L. Hefft), немецкий хронист 22, 23.
Гиппократ 69.
Гобеллин И. (J. Gobellinus) 20.
Голиаф, библия. 62.
Готан Бартоломей, печатник 23, 187, 188.
Губастый Петр, сын боярский 75.
Гудзий Н. К. 12, 86.
Гюнтер Г. (H. Günther) 28.

Давид, библия. 62.
Далила, библия. 62.
Дан, сын Владислава Дана, валашского князя 25, 27.
Даниил, игумен, автор «Хожения» 88, 90.
Данкерт И. (I. Danckaert), голландский путешественник 66.
Денисовы-Мышецкие, старообрядческие деятели 104.
Диоклетиан, римский император 23, 25.
Дмитриев Л. А. 103.
Дмитриева Р. П. 112.
Долгоруков П. В. 104.
Дробленкова Н. Ф. 94.

Елизавета Петровна, императрица 85
Еремин И. П. 60, 61, 63, 66.
Ефросин, монах, переписчик книг 11, 40—42, 44, 69, 73, 77, 88—92, 122.

Жуковский В. А. 67.

Забелин И. Е. 125.
Зимин А. А. 12, 13, 38, 57, 74, 75, 113.
Зиновий Отенский, инок 55.

Иван, посол венгерского короля 43.
Иван III Васильевич, великий князь 42—44, 54, 57, 58, 68, 96.
Иван IV Васильевич Грозный, царь 10, 12, 53, 66, 72, 74, 75, 76, 80, 81, 85, 95.
Иван Тимофеев, см. Тимофеев Иван.
Иван (Ивашко) Черный, еретик 50.
Иванов Е. П. 4.
Иорга Н. (N. Jorga) 22, 28.
Иосиф Санин, игумен Волоцкий 54, 55, 58, 73, 75, 78.
Испиреску П. (P. Ispirescu) 4, 32, 33, 47.
Истрин В. М. 64, 92.

Каган М. Д. 93.
Казакова Н. А. 40, 43, 44, 54, 56.
Казимир IV Ягеллон, король польский 43.
Каллимах Филипп Буонакорси, итальянский гуманист 49, 50.
Канту Ч. (C. Cantu) 14.
Караджа К. (C. Karadja) 20, 22, 23, 187, 192.
Карамзин Н. М. 8, 71.
Кардош Т. (Kardos Tibor) 41, 49.
Карп П. М. 46.
Каспарт И. (J. Caspart) 27.
Катырев-Ростовский И. М., князь 81.
Келтуяла В. А. 72.
Кертбени К. (K. M. Kertbeny) 23, 24.
Кёртли Б. (B. Kirtley) 35.
Клауссен Б. (B. Claussen) 188.
Клеванов А. С. 66.
Ключевский В. О. 53.
Ковалевский М. 56.
Коллинз С., английский путешественник 66.
Кондурату Г. (G. Conduratu) 15, 17, 24, 27, 45, 46.
Косман Д. 4.
Костомаров Н. И. 86.
Кочин Г. Е. 80.
Ксенопол А. Д. (A. D. Xenopol) 33.
Курбский Андрей Михайлович, князь 74, 81, 85.
Курицын Иван-Волк Васильевич, дьяк 58, 74.
Курицын Федор Васильевич, дьяк 8—13, 42—44, 53—55, 57, 58, 74.
Курочкин Н. 51.
Кушелев-Безбородко Г. 86.
Кымпина Б. (B. Cimpina) 29.

Ладлем Г. (H. Ludlam) 35.
Лайош Басараб, валашский князь 41.
Ландсберг Мартин, печатник 185, 191.
Ларин Б. А. 5, 65.

Леонид, архимандрит, археограф 104.
Лихачев Д. С. 60—62, 67, 68, 71, 81.
Ловягин А. М. 66.
Лурье Я. С. 31, 40, 43, 44, 54, 56, 73, 92.

Майнеке Ф. (F. Meinecke) 51.
Макарий, митрополит Московский 74.

Макиавелли Никколо, итальянский гуманист 50—52, 56, 84, 85.

Малышев В. И. 103.

Марков А. В. 98, 99.

Маркс К. 52, 57.

Мартышко угрянин, еретик 44.

Маршак С. Я. 68.

Матвей Корвин («Маташ», «Маттеаш» «Матьяш», «угорский король», «югорский король»), венгерский король 7, 15, 16, 19, 27, 36, 40, 42, 44, 45, 49, 96, 102, 105, 120, 121, 133, 134, 141, 143, 144, 157, 158, 161, 162, 170—172, 177.

Матияш («Матияше», «Мотьяш»), венгерский посол (имя короля по ошибке перенесено на посла) 96—98, 102, 133, 153, 161, 166, 167, 174.

Менгли-Гирей, крымский хан 42, 43.

Мирицкий И. 4.

Михаил, сын Влада Цепеша (Дракулы) 78, 122, 144.

Михаил Борисович, великий князь Тверской 43.

Моисеева Г. Н. 55.

Моисей Угрин, св. 53.

Моллер Д. Г. (D. G. Mollerus) 15.

Муральт Л. (L. von Muralt) 56.

Мурнау Ф. (F. Murnau) 5.

Мухаммед II («Магумет», «турский салтан», «турский царь»), турецкий султан 16, 126—128, 135, 136, 140, 141, 145, 146, 151, 152, 159, 160, 163—165, 173, 180.

Мышецкий Е. Ф., князь 104.

Мышецкий С. Ф., князь 99, 100, 104.

Мюнстер Себастьян, немецкий космограф 9, 14—17, 22, 28, 32.

Нандриш Г. (G. Nandriş) 3, 35.

Нерон, римский император 23, 25, 28.

Никитин Афанасий 56, 79, 80.

Новикович С. (Ст. Новаковић) 69.

Обнорский С. П. 39.

Олеарий Адам, немецкий путешественник 66.

Олег, киевский князь 62.

Олтяну П. (P. Olteanu) 10, 15, 22, 38—40, 87.

Ольга, киевская княгиня 62, 65, 67, 98.

Павел, апостол, библ. 76.

Панаитеску П. (P. P. Panaitescu) 10, 33, 36, 38, 87.

Паннониус Янус, венгерский гуманист 49.

Пересветов И. С., публицист 13, 37, 38, 57, 74, 75, 77—80.

Петр, валахский князь 78.

Петухов Е. В. 9, 11, 53.

Полан Л. (L. Polain) 185.

Полосин И. П. 74.

Полоцкий Симеон 66.

Пий II (Эней Сильвио Пикколомини), папа римский 14, 19, 20, 23, 27.

Платонов С. Ф. 53.

Плутарх 69.

Погодин М. П. 95, 125.

Полиевктов М. 104.

Полосин И. П. 74.

Попов А. Н. 81, 95.

Псевдокаллистен, автор романа об Александре Македонском 64.

Пухов Ян, чешский космограф 15, 17.

Пушкарев Л. Н. 92.

Пышин А. Н. 8, 9, 11, 96.

Рааб Г. (H. Raab) 23, 188.

Радишев А. Н. 85.

Раду Красивый, валахский князь, брат Влада Цепеша (Дракулы) 15, 41.

Рэдулеску-Кодин (C. Rădulescu-Codin) 34.

Разин С. Т. 85.

Ржига В. Ф. 103.

Рихенталь У. (Ulrich Richenthal) 187.

Ровинский Д. А. 66.

Ролленгаген Г. (G. Rollenhagen), немецкий поэт 66.

Роллер М. 10.

Ромул, легендарный основатель Рима 50.

Ронсано, итальянский гуманист 49.

Рузский Н. В. 88.

Румянцев Н. П. граф 98, 140.

Руссо Жан Жак 56.

Садовяну М. 4.

Салаи (Ladislaus von Szalay) 41, 42. Самсон, библ. 62.

Саути Р. (R. Southey) 66.

Седелников А. Д. 11, 12, 14, 31,

37, 39, 41, 42, 53, 59, 64, 66, 72, 73, 86—88, 95, 97, 101.
 Секула, славонский бан 34.
 Симеон Полоцкий, см. Полоцкий Симеон.
 Симмонс Дж. (J. S. G. Simmons) 113.
 Скрипиль М. О. 68.
 Смокинэ Н. (N. Smochină) 10, 36, 38, 87.
 Соболевский А. И. 9.
 Соловьев С. М. 9.
 Соломон, библи. 62, 64, 65, 69, 70, 77.
 Сперанский М. Н. 73.
 Срезневский И. И. 38, 39, 80.
 Стеникэ В. (V. Stănică) 38, 113.
 Стефан Великий («воевода молдавский»), молдавский князь 4, 41, 42, 122, 144, 145.
 Стоукер Б. (B. Stoker) 4, 5, 34, 35.
 Строев П. М. 101.
 Сырку П. А. 9, 14.
 Терентий, протопоп 94.
 Тимофеев Иван, дьяк 80—82.
 Тит Ливий, римский историк 51, 56.
 Титов А. А. 66, 94, 125.
 Тихомиров М. Н. 102, 103.
 Тихонравов Н. С. 93, 106, 123, 172.
 Толстой Л. Н. 70.
 Тот Л. (L. Toth) 15.
 Туроци Янош, венгерский гуманист 49, 50.
 Уваров А. С. граф 103, 104, 162.
 Ундольский В. М. 95, 125.
 Урсу Г. (H. Ursu) 4.
 Феннел Дж. (J. L. I. Fennell) 43.
 Феодосий, игумен Печерский 63.
 Феодосий Косой, еретик 55.
 Фердинанд Католик, испанский король 51.
 Филипп, митрополит Московский 76.

Фиораванти Аристотель, итальянский архитектор 41, 42.
 Фихман И. Ф. 32, 113, 203.
 Фишарт И. (J. Fischart) 28.
 Флетчер Дж. 53.
 Фойгт Г. (G. Voigt) 20.
 Фридрих III, германский император 24, 186, 191.
 Фридрих II, прусский король 52.
 Фуллерем Е. (E. Voulliéme) 187.
 Халкондила, греческий хронист 28.
 Хайн Л. (L. Hain) 185.
 Хеблер К. (K. Haebler) 185.
 Хохлов, Р. В. 106.
 Черешнин Л. В. 12, 57.
 Чижевский Д. (D. Čiževskij) 72.
 Шахматов А. А. 39.
 Шепелева Л. С. 94.
 Шинкай (Şincai) 15.
 Шкловский В. В. 67, 70.
 Шмидт С. О. 75.
 Шрамм А. (A. Schramm) 187.
 Штридтер Ю. (J. Striedter) 17, 20, 23, 28, 29, 36, 38, 43, 55, 187—189, 192.
 Шуманн В. (V. Schumann) 28.
 Эбендорфер Т., немецкий хронист 17, 19, 20, 23, 27, 28.
 Эзоп 77.
 Эминеску М. (M. Eminescu) 3, 4.
 Энгель И. Х. (J. Ch. Engel) 3, 14, 15, 23.
 Энгельс Ф. 52, 57.
 Яков Андреев, дьяконов сын, владелец рукописного сборника 99.
 Ян из Пухова, см. Пухов Ян.
 Янош Гуннади, венгерский король 17.
 Яцмирский А. И. 9, 15, 21, 41.

УКАЗАТЕЛЬ ШИФРОВ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ РУКОПИСЕЙ ¹

- Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (ГБЛ)
 ГБЛ, собрание Беляева (Бел.) (ф. 29) 1529 *104, 162.*
 ГБЛ, Бел. (ф. 29) 1574 *95.*
 ГБЛ, собрание Музейное (Муз.) (ф. 178) 8779 *92, 117.*
 ГБЛ, собрание Общества истории и древностей российских (ОИДР) (ф. 205) 286 *101, 110, 150.*
 ГБЛ, собрание Румянцева (Рум.) (ф. 256) 358 *86, 87, 98, 111, 140*
 ГБЛ, собрание Тихонравова (Тихонр.) (ф. 299) 283 *86, 87, 106, 172.*
 ГБЛ, Тихонр. (ф. 299) 379 *86, 93, 123.*
 ГБЛ, собрание Ундольского (Унд.) (ф. 310), 632 *86, 87, 95, 125.*
- Государственный исторический музей (ГИМ)
 ГИМ, собрание Барсова (Барс.) 604 *97, 110, 113, 135.*
 ГИМ, Барс. 619 *64.*
 ГИМ, Барс. 1521 *102, 159,*
 ГИМ, Барс. 2134 *104, 162.*
 ГИМ, собрание Забелина (Забел.) 451 *94, 125.*
 ГИМ, собрание Музейское (Муз.) 3860 *100, 145.*
 ГИМ, собрание Уварова (Увар.) 152 *104, 162.*
 ГИМ, Увар. 848 *103, 162.*
- Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА).
 ЦГАДА (собрание Архива Министерства иностранных дел), (ф. 181) 613/1121 *78, 87, 107—109, 112, 179.*
- Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград) (ГПБ).
 ГПБ, собрание Кирилло-Белозерского монастыря (Кир-Бел.) 11/1088 *11, 69, 77, 86—90, 117.*
 ГПБ, собрание Общества любителей древней письменности (ОЛДП), Ф. СХС V *94, 125.*
 ГПБ, собрание Погодинское (Погод.) 1606 *95, 125.*
 ГПБ, собрание Титова (Тит.) 2796 *94, 125.*
 ГПБ, Тит., 4682 *66.*
 ГПБ, Q. XVII. 169 *99, 145.*
- Архив Географического общества СССР (Ленинград), Р. 114, оп. 1, № 17 (тетрадь № 6) *94, 125.*
- Кирилловский историко-художественный музей (г. Кириллов Вологодской обл.) 2967 *77, 87, 90, 91, 117.*

¹ Цифры, выделенные курсивом, обозначают страницы настоящего издания.

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Стр.
Введение	3
Глава I. Происхождение сюжета «Повести о Дракуле»	14
Глава II. Идеология «Повести о Дракуле»	45
Глава III. «Повесть о Дракуле» и древнерусская литература	59
Глава IV. Судьбы «Повести о Дракуле» в XVI—XVII вв.	72
Текстологическое введение	86

ТЕКСТЫ

Кирилловская редакция	117
Древнейший вид	117
Тихомировский вид	123
Забелинский вид	125
Западнорусский вид	135
Румянцевская редакция	140
Древнейший вид	140
Библиотечный вид	145
Распространенный вид	150
Барсовский вид	159
Уваровский вид	162
Хохловский вид	172
Сводная редакция	179

ПРИЛОЖЕНИЕ

Немецкая брошюра «Об одном великом изверге» — лейпцигское издание 1493 г. (<i>Н. В. Варбанец</i>)	185
Румынские сказания о Владе Цепеше. (Из литературного наследия П. Испиреску). (Перевод <i>И. Ф. Филмана</i>)	194
Список сокращений	204
Список иллюстраций	205
Именной указатель	206
Указатель шифров использованных рукописей	210

ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ

*Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский дом)
Академии наук СССР*

Редактор издательства А. Л. Лобанова
Художник Д. С. Данилов
Технический редактор В. Т. Вочев
Корректоры И. С. Дементьева, Э. В. Коваленко
и Л. Э. Фрадкина

Сдано в набор 28/X 1963 г. Подписано к печати 17/II 1964 г.
РИСО АН СССР № 118—16 В. Формат бумаги 60×90 $\frac{1}{16}$.
Бум. л. 6 $\frac{1}{8}$. Печ. л. 13 $\frac{1}{4}$ =13,25 усл. печ. л.+8 вкл. Уч.-изд.
л. 14,53+8 вкл. (0,37). Изд. № 2139. Тип. зак. № 445.
М-08154. Тираж 2500.

Т. П. № 332 1964 г. Цена 85 к.

Ленинградское отделение Издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

•1-я тип. Издательства «Наука»
Ленинград, В-34, 9 линия, д. 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
59	1 снизу	стр. 99	стр. 99—100.
98	16 »	стр. 169.	стр. 69
104	13 сверху	ч. 41	л. 41
122	14—15 »	великаго	великого
132	19 снизу	здравуи	здраву и
170	14 »	чинити	учинити

Фототипическое воспроизведение немецкой брошюры издания 1493 года, которое должно быть помещено между страницами 192—193 (см. стр. 20 примечание 16, и стр. 205), ошибочно помещено между стр. 196—197.

Л у р ь е. Повесть о Дракуле

ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ

АВАНТЮРА ПОВЕСТИ

ПОВЕСТЬ О ДРАКУЛЕ

ПОВЕСТИ О ДРАКУЛЕ

